Одесский
альманах
№55
IV / 2013

ДЕРИБАСОВСКАЯ ↔ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

PLASKE
ПЛАСКЕ

Литературно-художественное издание серии «Одесская библиотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 4 (55), 2013
Издается с 2000 г.

Учредитель и издатель: Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
(свидетельство ДК № 3673 от 21.01.2010 г.)
Председатель редакционного совета: Иван Липтуга
Редактор: Феликс Кохрихт
Редакционная коллегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора), Олег Губарь, Иван Липтуга
Технический редактор: Геннадий Танцюра
Верстка, корректура: Татьяна Коциевская

Свидетельство о государственной регистрации печатных средств массовой информации:
КВ № 19644-9444Р от 08.01.2013 г.

Адрес редакции: 65001 Украина, Одесса, ул. Ак. Заболотного, 12, а/я 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Отпечатано в типографии издательства ООО «ВМВ»
65069 Украина, Одесса, пр. Добровольского, 82а
Свидетельство о госрегистрации: А00 № 259384 от 03.09.2001 г.
Тираж 500 экз.
Заказ № _____

Літературно-художнє видання серії «Одеська бібліотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 4 (55), 2013
Видається з 2000 р.

Засновник і видавець: Видавнича організація АТ «ПЛАСКЕ» (свідоцтво ДК № 3673 від 21.01.2010 р.)
Голова редакційної ради: Іван Ліптуга
Редактор: Фелікс Кохріхт
Редакційна колегія: Євген Голубовський (заступник редактора), Олег Губар, Іван Ліптуга
Технічний редактор: Геннадій Танцюра
Верстання, коректура: Тетяна Коцієвська

Свідоцтво про державну реєстрацію друкованих засобів масової інформації:
КВ № 19644-9444Р від 08.01.2013 г.

Адреса редакції: 65001 Україна, Одеса, вул. Ак. Заболотного, 12, а/с 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Надруковано у типографії видавництва ТОВ «ВМВ»
65069 Україна, Одеса, пр. Добровольського, 82а
Свідоцтво про держреєстрацію: А00 № 259384 від 03.09.2001 р.
Наклад 500 прим.
Замовлення № _____

© АО «ПЛАСКЕ», 2013
© «Дерибасовская – Ришельевская», 2013

От редакции

В 2014 году Одессе исполнится 220 лет. Для европейских городов – детский возраст. Однако наша малая родина феноменальным образов, еще будучи всего семидесяти трех лет отроду, поражала опытных путешественников степенью и темпами своего развития – вспомним хотя бы Марка Твена, побывавшего у нас в 1867 году в числе первых туристов из США.

Александр Пушкин прожил 13 месяцев в юной Одессе – в 1823 году ей было всего-то под 30. Он прибыл из Петербурга – Северной Пальмиры, столицы огромной Российской империи, где на балтийском рейде с петровских времен – «все флаги». Поэт поселился на берегу Черного моря, в Пальмире Южной, «где все Европой дышит, веет», где «язык Италии златой звучит на улице веселой»… И далее – в одесской главе «Евгения Онегина» – он перечисляет тех, кого встречал здесь, кто населял тогда город – наших предков, составивших особый одесский этнос. Здесь ходят и славянин, и француз, и армянин, и грек… Пусть названы не все, но многие.

Одесса изначально представляла собой прообраз нынешних глобальных сообществ – Европейского содружества и СНГ. Вот почему всегда, хотя и в разное время и в разной мере, у нас преобладали толерантность и предприимчивость, чувство юмора и здравый смысл.

В Одессе и сегодня собираются писатели, поэты, литературоведы, издатели из разных стран. Уже стал традиционным Международный литературный фестиваль под эгидой московского журнала «Октябрь» и Одесского литературного музея. Летом минувшего года он, в основном, был посвящен творчеству Владимира Маяковского – сына трех народов – русского, украинского, грузинского. И опять же традиционно «Октябрь» и наш альманах к открытию фестиваля и как его эхо публикуют

материалы участников диспутов и мастер-классов. Вы сейчас листаете как раз такой – совместный номер.

Пушкин жил в доме Рено, на Дерибаовской угол Ришельевской. К Новому одесскому году, который начинается 2 сентября, в День рождения города, АО «ПЛАСКЕ» и Литературный музей готовят традиционный «Одесский календарь», посвященный на сей раз Дерибасовской. А мы публикуем специальный раздел, посвященный улице, давшей название нашему альманаху.

Кстати, нынешний номер – почти юбилейный, пятьдесят пятый. Первый вышел в свет, когда Одессе входила в XXI век, в третье тысячелетие. Есть версия, что ей – столько же. Ну хорошо – пусть немножечко меньше.

Михаил Жванецкий

Советы престарелому сорванцу

У тебя возраст. Старайся быть воспитанным. Не имея воспитания, это не просто.

Послушай меня.

Первое. Не подавай руку женщине. Не вытаскивай ее руку из сумочки, из-за спины. И не жми ее там. Пожал – выпускай. Не держи руку, которую пожал здороваясь с другими руками. Выпускай все руки.

Не цепляйся за них. Не шлепай по плечам незнакомых.

Не держи одного, приветствуя другого. Поздравь и отпусти.

Теперь главное. Ты уверен, что ты их правильно поздравил?

Сегодня то число?

Вернись к дверям, спроси – что здесь происходит, чей это дом.

Узнав, что ты все перепутал, – молчи! Не хохочи над собой.

Только тебе кажется, что это благодушно. Перестань целовать гостей в губы. Коснись щекой. Твой прежний опыт здесь не подходит.

Старайся не говорить по-английски. Это все равно по-русски.

Не спрашивай всех, как они спали, не мешай танцевать. Третье. Не проси у хозяев что-то от изжоги до

еды. Все поймут, что ты на всякий случай ел дома. Если тебе что-то понравилось, не кричи: «А вот это вкусно!». Не высказывайся во время жевания. Не травмируй гостей кусками пищи. Ты жуешь долго, но безрезультатно.

Не спрашивай у соседа, почему он один или не один.

Мало того, что это не твое дело, так это еще и не он. Ты должен понимать, что твоего знакомого, которого ты давно не видел, здесь нет.

Никогда не называй соседа по имени.

Крикнув: «Костя!», ты под это имя за этим столом уже никого не подберешь.

Не говори, что ты видел его жену. Из последних сил старайся оставить хорошее впечатление после себя.

Когда включат музыку, ухитрись исчезнуть, оставаясь на подоконнике с тарелкой.

Крики – «идите к нам, у нас весело!» – не должны содрать тебя с подоконника.

Заруби: у них весело, пока тебя там нет.

В конце вечеринки пару человек предложат проводить тебя.

Это не любовь, это сострадание. Теперь жизненное. Будь весел с врачами, шути! Все знают, как они рады видеть пожилого человека…

Они не надеются, что ты выздоровеешь сам, и не надеются тебя вылечить. Ищи третий вариант. Весело пошути, скажи, что ты с радостью вступаешь на маленькое кладбище молодого врача, у которого всё впереди.

Не приставай к медсестрам.

Тебе это заигрывание нечем подкрепить, а у них в руках колющие и режущие инструменты! Гладящих нет.

Проглоти свое приглашение сбежать с ней из больницы в Стамбул, если она захватит лекарства.

В этом нет праздника. Ни ты, ни она еще не лежали в Стамбульской городской больнице.

Не поднимай крик в больничном лифте. Это больница.

И покойник в лифте, как и ты, – ее продукция.

Помни: больницу надо покидать пешком. Стремись к выходу, а не к вывозу.

Теперь гигиена.

Тело пожилого – чистое. Оно почти не употребляется.

От головы не должно тяжело нести ароматом «Шипр». Употребляй то, что полегче и помоложе. Сорочка должна быть слегка примятой, чтобы с выглаженным воротником не контрастировала морщинистая шея.

Хилый старик хорошо смотрится в лаковых туфлях.

Запомни: больничный халат, катетер и дорогие туфли – мода настоящего мужчины.

Молодое поколение пусть увидит свое будущее на носилках. Ты их будущее, а не дети. Твоя сила в прекрасном настроении. Тем более что мысли о суициде в их головах, а не в твоей.

Ты готов к любви. Если молодежь тебя уважает, пусть тебе кого-нибудь подберет.

Пока тебя не подобрали другие. В конце концов, на этом свете тебе уже все знакомо и привычно. Может быть, пора узнать что-то новое. Или еще подождем?

Я поддержу. Торопиться не будем.

Всегда неподалеку!

Юрий Михайлик

Новые стихи

1.

Похоже, что география – важнейшая из наук.
И те, что летят над нами, – на юг – курлычут – на юг…
Которое тысячелетие проплывает осенняя весть,
доказывая остающимся, что юг действительно есть.

На ледяных широтах гуси выводят птенцов,
и те, кто не сдохнут с голоду, не умрут в зубах у песцов,
не погибнут под северным ветром – и жѐсток он и жестòк,
уронят юные крылья на нисходящий поток.

Я видел – над Карским морем, волнуясь и гогоча,
они взлетают с гнездовий Таймыра и Вайгача,
чтоб, пролетев полмира, клин за клином и следом в след,
грянуть в озеро в том же месте, что и в прошлую тысячу лет.

Что ведет их над миром – тайна. Тайна ставит их на крыло.
тайна гонит их прочь от края, где так солнечно и тепло, –
через горы, через пустыни, над тайгой наизусть скользя,
чтоб они возвратились к скалам, на которых выжить нельзя.

2.

Похоже, что география – важнейшая из наук.
Овраг через весь город ползет к реке, как паук.
Николай Павлович Левушкин, последний урок продлив,
длинен, извилист и каверзен, как Баб-эль-Мандебский пролив.

Двоешники, второгодники, саратовская шпана,
у которой в Липках на танцах с суворовцами война,
«гот мит унс» трофейные финки, сорок третий размер из-под парт,
что ж мы тратим лучшее время на раскраску контурных карт?

Николай Павлович Левушкин ко всем одинаково строг:
географию на отлично знает только господь бог,
мне, наверное, на четверку известен этот предмет,
что касается вас, невежды, то таких и оценок нет…

И всплывет из омута времени череда приблатненных лиц,
наизусть у доски барабанящих названия стран и столиц,
имена морей, горных цепей – недоступные нам миры
от помойки по дну оврага до подножья Желтой горы.

3.

Похоже, что география – важнейшая из наук,
поскольку в нее включается еще и наука разлук –
не думай, не знай, не помни, не оглядывайся назад,
а дрожь самолета на взлете – это губы твои дрожат.

Видимо, география – это наука наук,
описывай то, что видишь, – тут нет никаких заслуг.
И даже в эпоху открытий наивны ее дела –
как можно открыть Америку? – она там давно была.

А все, что ты покидаешь, обращается в небыль, в золу,
режущим встречным ветром уносимую вдаль, во мглу.
Пожоговое земледелие – ты сеешь то, что пожал.
Тебя не закат догоняет – тебя догоняет пожар.

Не думай, не знай, не помни, не гляди – отводи глаза,
пробивая собой треклятые тридесятые небеса.
После тебя останется пепельная полоса –
но не бойся, она исчезнет в ближайшие полчаса.

* * *

Длинный осенний прилив.
Волна перехлестывает волнолом,
Белой пенной чертой отделив
тех, кто в море, от тех, кому поделом.
В желтый песчаник – камень, когда-то бывший песком, –
только что бывший волной бьет приливный накат,
что еще нужно знать о любви, если он каждым броском
отзывает песок назад.
Чайки как брызги вспыхивают в дымчатой мгле,
над литоралью сгорая в йодистом воздухе – там, вдали…
Что ж еще нужно знать о любви? И я был уже всем на этой земле,
кроме самой земли.

* * *

Кукушка в кустах краснотала
в распале июньского дня
три жизни тебе насчитала,
пока ты любила меня.

Тем летом в разгибах излучин
в беспамятстве – как ни при чем –
обучен, изучен, измучен,
губам и рукам обречен

безмолвно – гипнозом, наркозом,
разгулом жары и дождя,
недвижным багряным стрекозам
в стеклянные очи глядя,

твою паутину хмельную
раскатывая по лицу –
цветочную и травяную,
текущую с пальцев пыльцу…

Но что б ни твердили кукушки
русалкам своим луговым,
из этой счастливой ловушки
никто не вернется живым.

Сидней

Ирина Барметова

Путешествующий фестиваль

Два года назад в Одессе с успехом прошел Первый Международный литературный фестиваль. Организаторами его являются Литературный музей Одессы и российский литературный журнал «Октябрь».

Фестиваль был посвящен юго-западной школе русской литературы и ее яркому представителю, выдающемуся писателю Исааку Бабелю.

В этом году наш фестиваль также имел свои отличительные черты и особенности: он прошел под знаком 120-летия со дня рождения Владимира Маяковского. Не случайно эпиграфом фестиваля стали строки из «Облака в штанах»: «Это было, было в Одессе...». Именно в этом городе поэт начал свою поэму, именно в этом городе жила та, кому поэма посвящалась.

Стихи и судьба Маяковского объединили нынешние три страны – Россию, Украину и Грузию. Путешествуя из Москвы в Одессу и далее морским путем в Батуми, писатели – участники фестиваля повторили путь великого поэта, совершенный им в 1914 и 1924 годах.

Еще одной особенностью стали две даты, без которых невозможно говорить о русской словесности XX века, – 85-летие романа Юрия Олеши «Три толстяка», произведения, поразившего читателя фантазией автора, своеобразием его метафорического стиля, и выхода в свет легендарного романа Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев». Этому событию был посвящен один из самых интересных круглых столов под названием «Три толстяка на двенадцати стульях».

Если прошлый фестиваль помимо литературы акцентировал внимание на театре и кинодокументе, то нынешний можно определить как соотношение текста и видео. Андрей Родионов и Екатерина Троепольская представили «Видеопоэзию».

Видеоряд продолжился видеовыставкой «Маяковский навсегда», которая была специально подготовлена Государственным литературным музеем. Перед фестивальным зрителем предстала авторская выставка «20 лет работы Маяковского», но дополненная новыми поступлениями: Одесский литературный музей совместно с Историко-краеведческим музеем подготовили специальную выставку уникальных работ художников ЮгРОСТА.

В одесские фестивальные дни писатели, критики, литературоведы, художники провели творческие встречи, дискуссии, презентации, показы, мастер-классы и вечера поэзии. И таких мероприятий за четыре дня было сорок.

Если представить фестиваль как художественное действо, то вполне уместно описать его поэтапно: вступление и эпилог – Москва, торжественное открытие и начало – Одесса, продолжение фестивальной программы – паром «Грейфсвальд», и торжественный заключительный аккорд на грузинской земле – родине Маяковского.

30 участников – поэтов, прозаиков, кинематографистов, журналистов и других деятелей культуры России и Украины приплыли в Батуми, где к ним присоединились грузинские писатели, а также студенты и преподаватели Батумского государственного университета имени Шота Руставели. В стенах этого прекрасного учебного заведения прошли литературные вечера, встречи с писателями, где звучали произведения на языках всех стран-участниц.

А еще поэты России и Украины читали свои стихи на площадях Батуми во время празднования Дня независимости Грузии.

По традиции мы публикуем эссе, путевые заметки, воспоминания, рассказы и стихи, которые были написаны под впечатлением от фестиваля. Еще одна добрая традиция, родившаяся во время фестиваля, – все материалы писателей публикуются не только в журнале «Октябрь», но одновременно и в одесском альманахе «Дерибасовская – Ришельевская». Это не просто меха-

ническая перепечатка, наш журнал и альманах объединяют давние и глубокие творческие связи. Вот и в этот раз все материалы готовились одновременно двумя изданиями – в Москве и Одессе.

Но прежде чем мы познакомим читателя с «Эхом фестиваля», хотели бы поблагодарить тех, усилиями которых этот праздник состоялся: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям России, Одесский литературный музей, народного депутата Сергея Гриневецкого, президента АО «ПЛАСКЕ» Олега Платонова, генерального директора судоходной компании «Укрферри» Александра Курлянда, президента Всемирного клуба одесситов Михаила Жванецкого (Украина), министра образования, культуры и спорта Аджарии господина Тавамаишвили, Государственный Батумский университет имени Шота Руставели, господина Горадзе, департамент иностранных дел Аджарии (Грузия).

Феликс Кохрихт

Это было, было в Одессе…

Заголовок этих заметок – строка Маяковского из поэмы «Облако в штанах», в которой он исповедуется в любви к юной одесситке Марии. Было это в 1915 году. В 2013 со дня рождения Владимира Владимировича исполнилось 120. Этому юбилею был посвящен Одесский международный литературный фестиваль. И еще две, пусть и не круглые, но знаменательные даты – 85 лет назад увидели свет роман Ильи Ильфа и Евгения Петрова «12 стульев» и повесть-сказка Юрия Олеши «Три толстяка», – стали яркими составляющими программы, включавшей и круглые столы, и диспуты, и творческие встречи, и мастер-классы, и выставки, и просмотры фильмов.

Это уже второй фестиваль в Одессе, первый был посвящен южнорусской литературной школе и творчеству Исаака Бабеля. Сегодня мало кого из серьезной писательской и «критической» среды удивишь подобными встречами, да еще в городах, отмеченных лица необщим выраженьем. Почему же к нам вновь и вновь приезжают известные, заслужившие успех писатели и поэты, авторитетные литературоведы, креативные издатели, режиссеры… На мой взгляд, одесский фестиваль притягивает их и потому, что проходит в, как говорится, намоленном, а если попроще – знаковом месте. В здании дворца князя Гагарина, что вблизи памятника Пушкину и Потемкинской лестницы, с которой глядел на море молодой Маяковский… «Это было, было в Одессе…»

В начале XX века здесь собирались те, чьи книги читают во всем мире… Нынче здесь – Одесский литературный музей. Заседания секций фестиваля, дискуссии, поэтические конкурсы проходили в залах, помнящих голоса нынешних юбиляров –

молодых Ильфа, Петрова, Олеши и других корифеев Юго-Запада. Среди экспонатов – рукописи, первые издания, личные вещи авторов, фотографии, с которых они глядят на потомков, занятых изучением и толкованием их произведений…

Полагаю, что именно эта уникальная среда, а может быть, и особая аура, присущая местам, где обитали и творили духовные, творческие люди, привлекли Ирину Барметову, отмеченную особым даром объединять вокруг журнала «Октябрь» ярких, амбициозных, талантливых и серьезных авторов.

Ее давняя мечта – собрать вместе тех, кому дороги высокие традиции русского языка, отечественной словесности, кто мыслит и чувствует сходно, но живет сегодня в разных странах, совпала с подобными же устремлениями директора Одесского литературного музея Татьяны Липтуги. Так родился и продолжился фестиваль, о котором уже рассказано и написано немало.

Перед нынешним и предыдущим, а также после их окончания, я приглашал Ирину Николаевну и Татьяну Ивановну в свою телепрограмму «Собеседник», и одесситы становились не только зрителями и слушателями их диалога, но в какой-то мере и участниками. Беседа, в которой речь идет о благородных чувствах, о славных традициях, и рождаются плодотворные идеи, вызывает живой интерес у наших земляков.

По уже сложившейся традиции на страницах журналов – московского «Октября» и одесского альманаха «Дерибасовская – Ришельевская» – выступают наши авторы. Если вы держите в руках свежий номер одного, а то и двух изданий, значит, мы успели собрать в срок под своими обложками – нет, не отчет о работе фестиваля, а скорее, его эхо. И узнаем, как он отозвался в прозе, стихах, эссе, в путевых заметках его участников.

Лариса Алексеева

Выставка на флешке

Лариса Алексеева – заведующая сектором изобразительных фондов XX-XXI веков Государственного литературного музея, кандидат исторических наук, автор статей по истории литературы, искусства, музейного дела.

Решение родилось мгновенно: выставка должна быть виртуальной – «20 лет работы Маяковского».

Идея давняя: мечтаемая, ожидаемая, а потом отложенная в долгий ящик, как почти не имеющая шансов. Все мои планы относительно виртуальной реконструкции легендарной выставки поэта, что называется, зависали. Только это самое «почти» оставалось занозой, которая мешала забыть о них окончательно.

Для меня Маяковский – динамичная реальность, данная в ощущениях, то есть в личных вещах, рисунках, «Окнах РОСТА», плакатах и других изобразительных материалах, которые храню в Государственном литературном музее. Все эти вещи обладают памятью о поэте, энергетически заряжены, беспокойны, требуют к себе внимания. Это можно было бы считать мистикой или следствием многолетней музейной практики, но я почти физически ощущала, как обреченный на вечное хранение Маяковский буквально рвется с музейных полок в публичное пространство.

И вот из журнала «Октябрь» поступило предложение о выставке к стодвадцатилетию Маяковского для Международного литературного фестиваля.

Иногда, чтобы осуществиться, даже очень хорошей идее нужны поддерживающие силы, которые обнаруживаются неожиданно, вдруг. Возникает то самое совпадение необходимых «пяти

элементов», когда начинает двигаться то, что казалось неподвижным, замершим. И словно бы сам Маяковский в канун своего юбилея занялся – в очередной раз – идеей собственного воскрешения, подбирая для этого обстоятельства времени и места, соединяя и связывая людей сцеплением взаимных усилий и устремлений.

Точкой схода он выбрал Одессу.

Праздничное слово «фестиваль» ей очень подходит. И то, что фестиваль литературный, конечно же, не менее существенно (а лучше – драгоценно). Одесса, подарившая отечественной словесности чуть шальное, но очень хорошее, солнечное настроение, литературоцентрична, живет словом. И любой одессит дорогу в Литературный музей, что на Ланжероновской улице, указывает без труда.

Здесь и начинался праздник, выплеснувшийся из Золотого зала дворца Гагарина в его «зеленый зал» – сад скульптур: День музеев перешел в музейную ночь, отданную стихам и поэтам. «Послушайте!» – сильный, хотя и затертый, стушеванный «шумом времени» голос с восковой дорожки граммофонного валика будто окликнул всех издалека – то ли из прошлого, то ли из будущего…

Когда-то поиски этого голоса спасли всю «звучащую» литературу двадцатых годов. Ставшие ненужными уникальные записи авторского чтения, сделанные С.И. Бернштейном в лаборатории живого слова, вывез в 1938 году из Ленинграда В.Д. Дувакин, член Бригады Маяковского, существовавшей при Государственном литературном музее в Москве. Бригада возникла спонтанно на выставке «20 лет работы Маяковского», которую устроил сам поэт в феврале 1930 года. Его друзьям и соратникам затея с выставкой показалась пафосной, зато увлеченные поэтом молодые люди – студенты, рабфаковцы – горячо ее приняли и потом, после смерти Маяковского, бескорыстно и преданно служили своему кумиру, выступая с чтением его стихов, собирая материалы о нем, устраивая выставки, интуитивно постигая глубину его лирики, приходя вместе с ним к пониманию, что такое трагедия.

На фестивале о таком особенном отношении к поэту со стороны младших современников вспоминали словами одессита Льва Славина: «Авторитетов не было, но был бог: Маяковский».

Что же сегодня? «Бог умер»?

С этим было бы трудно смириться. Как и вернуться к прежнему накалу чувств той поры, когда Маяковский при всей своей известности был фигурой спорной и далеко не самой удобной для официального признания. Тогда для многих быть на его стороне означало бороться против глупости и фальши, слушать новое, поднимаясь *по лесенке* поэтических строчек к «светлому завтра».

Где оно нынче?

Но в дни фестиваля, когда вживую звучали стихи на русском, украинском, грузинском языках, упование на божественный промысел не оставляло: ведь если все еще существует стихо-творение, «значит – это кому-нибудь нужно»? Образ входит в образ, звучит неумолчной цикадой-рифмой, и Маяковский (права Цветаева!) космически остается в этом неисчезающем дыхании поэзии, как бы ни прихотлив был тянущийся сквозь время ее путь.

Поэт-мост, как о нем точно сказано. Объединяя берега-времена-пространства, остается сам по себе – над. «По струнам-канатам, аж звездам к ногам».

Но вернемся к замыслу музейного проекта.

С Одесским литературным музеем Государственный литературный музей связывают давние добрые отношения. Общаемся с коллегами, не раз привозили свои выставки, участвовали в фестивале 2011 года, посвященном Бабелю. Стодвадцатилетие Маяковского, озаглавившее нынешний фестиваль, вновь объединило оба музея в желании представить публике что-то особенное. На память неизбежно приходило футуристическое турне четырнадцатого года, когда двадцатилетний поэт впервые приехал в Одессу и – влюбился. В Марию. Как не отразить «одесский след» знаменитой поэмы «Облако в штанах», тем более что в ГЛМ портреты Марии Денисовой, одновременно выполненные Маяковским, Каменским и Бурлюком, сохранились!

Говоря «музей», подразумеваем выставку. Любой выставочный проект актуален, если он хорошо придуман и оригинально исполнен. Такого и хотелось для Маяковского.

Отношение поэта к музеям и памятникам известно: не слишком жаловал, но свою самостоятельно сделанную выставку «20 лет работы» передал в музей, будто верил в то, что он может

быть не просто культурной резервацией, но творческой лабораторией, деятельным и живым пространством, сценой и площадкой для воскрешения.

В дальнейшей выставочной истории Маяковского много драматического, личного, вмешанного в большую историю. Мне доводилось об этом писать, в том числе и на страницах журнала «Октябрь» двадцать лет назад (о магия цифр!) – о выставке 1940 года, так и не открытой к десятилетию со дня смерти поэта. Многих усилий стоило Константину Симонову отстоять в 1973 году авторскую выставку Маяковского, которую восстановили в тех же залах московского Дома литераторов, где когда-то ее сделал сам поэт. Потом Государственный литературный музей провез реконструированную выставку по многим странам, но для международного фестиваля лучше всего подходила новая – электронная – версия авторской выставки Маяковского. В нее можно было включить историю с «Облаком» и некоторые другие материалы – это ничуть не противоречило замыслу поэта. Он хотел, чтобы его выставка – «обращение к товарищам потомкам» – пополнялась, а главное, была доступна. Так у проекта появилось название: «Маяковский навсегда». Проект «зажигания звезд» – для тех, кому это нужно. Проект совпадений и встреч с вмешательством героя, над которым витал и дух Бригады его имени.

Отдельно скажу о совпадении с человеком, который взял на себя всю техническую сторону видеопроекта, и без которого проект, собственно, не мог бы состояться. Это моя коллега и соавтор Екатерина Жукова, знаток компьютерной техники и программ, способных не только перетащить музейные реалии на экран, но и «поиграть» с ними, заставляя виртуальные образы двигаться, сочетаться со звуком – быть чуть похожими на кино, но все же оставаться в границах музейной выставки. Но дело не только в программах.

Для нас обеих это была абсолютно новая работа в несуществующем жанре. Я бы определила его как «экранная выставка», поскольку информация в ней подавалась в аудиовизуальном динамичном виде. И то, что спровоцировал ее своим юбилеем именно Маяковский, кажется вполне закономерным – новизна была у него, по словам Пастернака, «климатически в крови».

В результате двухмесячной работы в условиях взаимного перфекционизма мы получили видеовыставку, построенную по принципу «три в одном». Ее главная часть – видеодайджест легендарной выставки «20 лет работы Маяковского», хранящейся в Государственном литературном музее. Уникальность выставки не требует особого подтверждения: другого такого примера авторского обращения с собственной творческой биографией не существует. Самоинтерпретация, яркий монолог на выставочной сцене, наконец, последнее оригинальное произведение Маяковского!

Не менее важно было сказать и о необычной судьбе этой выставки, напомнив о реконструкции 1973 года, которая «воскресила» Маяковского для поколения шестидесятников. Ее «текст» был несколько другим, работал на иную внешнюю ситуацию, обозначить которую можно как «Маяковский против Маяковского»: живой поэт против идеологического мифа о себе. Включенные в видеопроект фрагменты аудиозаписей с голосами К. Симонова, В. Шкловского, А. Вознесенского, сделанные на вернисаже и закрытии выставки, высвечивали это очень хорошо. Любопытно и то, как через много лет в Доме на Поварской на выставке Маяковского встретились два поколения: помудревшие сверстники и те, кто с молодым восторгом читали стихи у его памятника. Не удержусь от вольного цитирования. «Проворонили, – сокрушался Виктор Шкловский, – поэты не имеют права на забвение. Мы обращаемся с ними, как будто бы это бронированные катки, а это цветы». «Вы – мост между прошедшим и грядущим. Мы пришли бы на вашу выставку», – горячо уверял Андрей Вознесенский.

Наконец, нынешний виртуальный вариант хотелось сделать и актуальным, и современным. Это была наиболее трудная часть работы. Обычные выставки мы смотрим сосредоточенно и молча, двигаясь вдоль статичных экспонатов. В данном случае наоборот: движутся виртуальные экспонаты. Но последовательно-монотонная смена кадров не подходила. У экранной выставки должен был быть свой ритм, своя динамика и новый образ, обращенный к веку нынешнему, выведшему поэзию за пределы книжных переплетов.

И здесь выручил Интернет: оказалось, что Маяковского поют, да еще как! Поэтому, стараясь не нарушить авторских прав, мы включили в наш проект фрагменты композиций белорусского музыканта Змитера Войтюшкевича, талантливо исполняющего «Бруклинский мост» и «Разговор с фининспектором о поэзии»; санитарные плакаты замечательно спела группа «Абвиотура». Закадровое разнообразие звуков, смайлики и аватарки добавили остроты и колкости, смягчив классическую серьезность музейной выставки. Думаю, Маяковскому это пришлось бы по вкусу, поскольку серьезности, «заакадемиченности» он предпочитал самоиронию и шутку. И еще: было в этом что-то бригадническое, неформальное и живое.

Но выставка – это пространство, внутри которого находишься, и которое не отпускает, не дает отвлечься. Вещь «смотрит» тебе в спину, даже если ты стоишь перед другой. Можно только догадываться, какой концентрации достигала экспозиционная сила авторской выставки, если ее герой почти каждый день присутствовал на ней в качестве живого экспоната, разговаривая, отвечая на вопросы, читая стихи.

А тут – экран. Его искусственная визуальная глубина, какой бы сложности ни был проект, не может достичь эффекта естественной. Здесь пространство помимо наших ухищрений обеспечивал звучащий текст – и он же его удерживал.

Премьера видеовыставки в Одессе прошла удачно. Хочется верить, что у нее есть будущее. Во всяком случае, на сайте Государственного литературного музея «Маяковский навсегда» найдет свое место.

«Очень оригинальное ощущение. Головой провинтил облака и тучи. Земли не видно. Не видишь даже собственные плечи. Только небо. Только облака. Да в облаках моя головища».

Москва

Тина Арсеньева

Грузинские стихи

Шалве Мукери

1

Там, бисером с атласного куста
Сыпнув, дорога в бездну провожала.
Не ангела ль студеные уста
Там целовали лезвие кинжала?
Не вдовьего ли кружева платок
Луну довел до белого каленья?
И песенный заоблачный поток,
Вскипев, смывает райские селенья.

2

Где стручка веселый оскал
Над ожогом ноющей глины,
Голос твой наполнит бокал,
Чашу, рог, потемки долины:
Плавно, словно плод и как свет,
Вызрев, просияв, словно колос…
В сини перламутровый след
Крыл да сполох тополя: голос.

3

Воск граната жарок пуще свечки,
В косы Богородице вплетен.
Черный пламень в локоне овечки
Жалит в пересудах веретен.
Влажны очи леденит вершина,
Росы каплют в масляную плошку,
А шероховатый круп кувшина
Остужает пылкую ладошку.

4

На царство протяженностью в аршин
Взойдя, упрятал в молниях стада.
В Его садах зарыт большой кувшин,
А в нем вино для Страшного суда.
Разыскивают жемчуг на полу
Возлюбленные, светлые грехом,
И, отрясая мокрую золу,
Кричит рассветный феникс петухом.

Александр Архангельский

Родина русской словесности

Русская литература, как заготовка в верстаке, зажата между пушкинской строкой «Итак, я жил тогда в Одессе» – и маяковской лесенкой «Это было, было в Одессе». Шлифуют словесность в столицах, однако форматируют в Одессе, и совершенно непонятно, почему именно здесь. Потому что теплая, веселая и вкусная, до умопомрачения мечтает быть французской? Может быть; не знаю; не уверен. Францией в России грезит все, а солнце греет в Сочи, Краснодаре, Ейске. И что с того? А ничего. Там ни Онегина, ни Облака в штанах, сплошные шашлыки и сборы урожая. Остается принимать одесскую литературность без объяснения причин.

Я был в Одессе три раза, и все три раза – по делам словесным. Впервые на излете перестройки – Евгений Добренко (Женя, ау! Каково одесситу в холодной Британии?) позвал на ахматовскую конференцию. В перерыве между скучными докладами он водил меня по городу, болезненно помнящему прежнее величие, грязноватому, красивому, как бывают все еще красивы опустившиеся женщины; в магазинах пахло скисшим молоком, и только на Привозе оказалось сытно и вольготно, как если бы советской власти вовсе не было. По крайней мере в мясных рядах.

Мы зашли в букинистический на Дерибасовской, и у меня глаза на лоб полезли. На полках ровным плотным строем стояли все тома «Библиотеки поэта»; все до единого – и, кажется, за сто бессмысленных рублей. Как мы доволокли эту тяжесть до почты, не знаю; дома, получив посылку, я распаковал картонные ящики, вынул книжку наугад (кажется, поэтический собрсоч Карамзина) и на обороте титула прочел: «Осе от Изи в день рождения, с пионерским приветом». Спасибо тебе, Ося, и доброй дороги в Израиль;

что касается меня, то я тоже был пионером и поэтому всегда и ко всему готов.

Во второй раз я здесь оказался проездом в ноябре 1993-го; нужно ли уточнять, что в составе писательской группы? Из Одессы отбывал огромный философский пароход: сочинителей везли через Александрию в Хайфу, оттуда в Стамбул и обратно. Зачем везли? Никто не знает; кто платил, уже не помню. Помню только, что называлось это безобразие «Духовной Экспедицией Исток», и что Сергей Сергеевич Аверинцев, завидев берег Палестины, произнес: «Поздравляю нас: корабль разбойников прибыл во Святую землю». И еще помню, что Андрей Георгиевич Битов хвастал привезенной из Германии игрушкой – музыкальным собеседником; повернешь ключом, запустишь механизм, поднимешь рюмку – игрушка тебе отвечает перезвоном, уже и не так одиноко.

Стоял безнадежный ноябрь, ветер высвистывал душу, набережная обледенела. Нас, пассажиров, выпроводили в накопитель и оставили на несколько часов – что-то там на корабле не клеилось. Все были мрачны и помяты; Окуджава в короткой пижонской дубленке фланировал туда-сюда, не вступая ни с кем в разговор; Залыгин засунул руки в карманы надежного советского пальто, нахохлился по-стариковски и замер, не желая выпускать тепло; Астафьев, словно ожидая, что какой-нибудь очередной интеллигент подойдет и станет обличать его переписку Натаном Эйдельманом, презрительно лузгал семечки; Маканин, похожий на Горького, наблюдал за всеми острым глазом. А мы с поэтом Олесей Н., окончательно продрогнув, выкупили все запасы мерзавчиков «Smirnoff» в местном дьюти-фри и начали литературно согреваться. Постепенно к нам присоединились и другие сочинители; в общем, когда была объявлена посадка, трап на ветру качался слишком сильно, а мороз, напротив, показался не таким кусачим. Звучали стихи, один из поэтов пытался скандалить, жизнь вернулась в родные пределы. Но когда корабль отчалил и неспешно пошел вдоль береговой линии, стал виден город, серый, недовольный, ушедший в тяжелые мысли, и настроение опять испортилось.

А в этот раз, в мае 2013-го, через двадцать долгих лет, он выглядел совсем иначе. (Понятно, что я вновь попал в Одессу по делам литературным – грандиозный фестиваль проходил здесь в мае.)

Добродушно, расхлябанно, самодовольно. В центре сравнительно чисто, пускай не буржуазной, а какой-то советской стыдливой чистотой. Проходя мимо одного из лучших ресторанов, можно запросто встретить самого Андрея Дмитриева, заедающего местное шардоне щучьей икрой, круто замешанной на сливках. По-прежнему грандиозен Литературный музей – хотя в одном из залов потолок сыпется, и денег на его ремонт не дают; заявившись поздно вечером, в саду возле музея слышишь сочное чтение стихов Кенжеева; откуда-то снизу поддает лечебным запахом жаренной на гриле скумбрии. И по-прежнему трогательно смешна беседка в парке на Дерибасовской, вокруг которой вытанцовывают пары под пение бессмертного хита: «Мой город – это просто что-то…».

Все поменялось. А Привоз такой же, как и был. Нигде ничего, а на нем все. *Задорага*. И атмосфера та же, и веселая грязнота, и то же физиогномическое деление: среди вещевых палаток продавцы зачумленные, пыльные, в молочном – беленькие тетки, чистенькие, как будто только что из душа, и немного брезгуют нечистым покупателем. В рыбном густо пахнет морем; как говорят теперь в Одессе, ушла советская власть и вернулась рыба. А вот кому тюлечка, сухой посол… малосолька (откуда-то из-за спины параллельный бубнеж: «а я говорю, что тогда коммунист Горбачев, скотина, и коммунист Павлов...) – а вот кому сардель морская!!! («да что он мне будет говорить, – продолжается бубнеж из-за спины, – пусть сначала научится разговаривать, между одним его словом и другим его словом может пройти длинный товарный состав!»)

– Тююлечка...

Рядом с тюлькой, хамсой, мелкой макрелью – шипованные груди толстых камбал. Орденоносная рыба, горделивая.

В общем, из рыбных рядов я сбежал, потому что при виде соленой рыбы, которой мне нельзя, начинаю понимать алкоголиков: ноги делаются ватные, в голове туман, и ты идешь на запах, как кролик к удаву.

Но прежде чем сбежать и вернуться в Литмузей на фестиваль, успел подумать: нет ничего общего между этим протяжным «тююлечка» и утонченно-глубоким «Онегиным»; ничего, кроме необъятной воли языка, на которой и основана литература.

Москва

Дмитрий Бак

Город говорит на собственном языке

Когда встречаешься с городом через тридцать пять лет после школьного еще приезда – можно ожидать всякого, вплоть до полного неузнавания или разочарования в былых наивных чувствах. Так происходит почти всегда – вот поэт Арсений Тарковский в 1955-м через те же три десятка лет возвращается на несколько дней в свой родной Елисаветград, уже переименованный в честь злодейски убитого врагами Кирова, и… пишет горькие строки:

Смысла в этой встрече
На поверку нет.

Одессе все эти тягостные непризнания не страшны, они ей не к лицу – город живет помимо любой отдельно взятой эмоции, он находит себя в любой эпохе, не меняясь в сердцевине своей, а словно бы подыгрывая любому тысячелетию, которое наступает на нашем дворе, своенравно мыслит себя главным и неизбежным. «Мы еще посмотрим, как там у вас все это получится!» – шепчет город по вечерам любому самоуверенному гостю, вот только что еще самоуверенно думавшему просто и меланхолически отстраненно пройтись по заранее известному маршруту: Привоз, Дерибасовская, Лестница, далее везде… Тут же немедленно обычно происходит нечто незапланированное, берущее за сердце: город преподносит сюрприз, словно бы невольно воскрешает в памяти какую-то важную деталь события, происходившего вовсе не здесь, но именно здесь ожившего. Или преподносит дар в виде ненароком подслушанного разговора, ко-

торый дает ответ на загадку, мучившую незадачливого фланера вот уже несколько недель или месяцев, только он сам мог об этом мучении и не догадываться.

Кстати, об одесских разговорах: у них нет какого-то определенного стилевого и даже языкового облика, здесь все понимают всех, и эта сверхпроводимость общения создает дополнительную радость узнаванья… Чтобы сразу понять, где что произведено, мы договорились фразу «Сделано в…» писать сразу на нейтральном языке, облекать в слова, всем вроде бы понятные и стертые от многократного употребления. *Мэйдин?* А в каких выражениях пришлось бы произнести формулу «*Сделано в Одессе*»?

Этот город говорит на собственном языке, вбирающем в себя все существующие наречия, в этом зеркале все искажается и преображается одновременно Мне накрепко запомнилась сцена, когда-то услышанная в детстве: бывалого вида старик зазывал на трапезу со двора домой озорника-внука, вовсе не настроенного покидать солнце, запахи моря, игры, товарищей. Истощив все доводы, дед изрек фразу, которую я до сих пор не знаю как записать, в какой такой графике… То ли: *Иды сюды та трошечкы абисэслэ эссен!* А может, так: *Іди сюди та трошечки абіселе ессен!* Главная закавыка – ясно откуда: истощив все разумные доводы, дед повторяет главный свой тезис (что-то вроде: ну хоть **чуть-чуть** покушай, изверг!) сразу на двух языках, поэтому повторяющие по значению друг друга *абисэлэ* и *трошечкы* стоят рядом, даже не разделенные запятой. В быту, кстати, дед изъяснялся почти по-русски, а внука ему увещевать пришлось на смеси украинского и идиша.

Отчаянный и последний аргумент сработал – подросток побрел к дому, надеясь, что кормежка лишь ненадолго оторвет его от важных дворовых дел. А я через много лет побрел к столу, чтобы облечь эту неповторимую устную одесскую риторику в письменные словеса. Литература оказалась слабее реальности, ушла динамика, многое пришлось примысливать, а главное – одного текста оказалось мало, пришлось сначала думать, как текст, сказанный на одесском креольском идише, мог бы выглядеть при взгляде изнутри русской графики, а потом – украинской.

Ежели по-русски, дело обстояло бы так:

Галицийская колыбельная

Гей, сюды! та абысэлэ, трошки
эссе! – кляйнер унд шейнер, майн'либ;
зъйиж усэ до останньойи крошки,
щобы гой не добрався до ных…

Гейе шлофен, майн зонн: до шабаду
вже ж лышылось всього ничого;
помолыся, майн либер, та спаты
лиге, битте; зай руйх, дорогой!

Морген встанэш, як зонце вэсною
вид нэдовгого сну устайе;
швайг, майн' кляйнер, мовчи – я з тобою!
их мит дир, майн глик, – счастя мойе…

А вот украинизированная версия тех же событий:

Галичанська колискова

Гей, сюди! та абіселе, трошки
ессе! – кляйнер унд шейнер, майн'ліб;
з'їж усе до останньої крошки,
щоби гой не дібрався до них…

Ґейе шлофен, майн зонн: до шабаду
вже ж лишилось всього нічого;
помолися, майн либер, та спати
ліґе, бітте; зай руйх, дорогой!

Морґен встанеш, як зонце весною
від недовгого сну устає;

швайґ, майн' кляйнер, мовчи – я з тобою!
іх міт дір, майн ґлік, – щастя моє…

Языковые одесские кружева в двадцатом столетии сделали свое дело: здесь слышен не только разноязыкий говор набережных и рынков, но и шелест страниц, на которых – жизнь и судьба отечественной словесности. Многие писатели, родившиеся и выросшие в Одессе, обрели литературные лавры уже вне вечного приморского города. Тем более явственно слышно по всем мировым градам и весям долгое эхо их голосов. Одессит Семен Липкин и бакинка Инна Лиснянская долгие и счастливые годы прожили в Москве и под Москвой. Уже несколько лет с нами нет Семена Израилевича. И часто, часто в час назначенный беру я в руки новые стихи Инны Львовны и явственно слышу скорбные и светлые ноты, созвучные интонациям одного из великих одесситов, для нее – самого дорогого. Вступить в неторопливую беседу двух любящих людей через порог небытия – дело нелегкое и рискованное. И все же попробуем, пусть одесская солнечная даль будет спасительным подспорьем…

Для И. Л.

У тебя все Бог да быт,
вот опять же быт да Бог;
хорошо в загоне быть,
если есть в почете прок;

а еще седой, родной
ангел; найденный в саду
неживым ночной порой;
как судилось на роду,

а еще бездомный хлеб,
дым бакинского огня,
застилающий ковчег,
где по паре твари дня

незакатного – за той
непереходимой для
тех, кто жив, простой чертой,
за которой и земля

тяжела, и легок сон,
и простителен ночлег
на ступенях храма, в дом
превращающего снег;

не ко времени войди
в волны светлого сия-
нья, что ты несешь в груди
на пороге бытия

нераскаянных потерь,
встреч нечаянных простор;
вот и я с тобой теперь
еле слышный разговор

заведу и слышу шум,
звон и стон, хотя туда
и оттуда не спешу
до тех пор, пока беда

не придет из-под колес,
повернувшихся не в срок:
ты услышишь, ты поймешь –
между нами быт да Бог…

Москва

Игорь Волгин

«В тумане скрылась…»

– Вас к телефону, – окликнула меня редактор одесской телестудии, как только мы вышли из прямого эфира. В середине 60-х приезд молодых московских поэтов в провинциальный город (тем более в такой, как славная своими культурными амбициями Одесса) становился событием довольно заметным. Неудивительно, что просвещенные одесские жители спешили излить свою благодарность в режиме, как сейчас бы выразились, онлайн.

– Слушаю, – сказал я, сдерживая законную авторскую гордость и предвкушая слова признательности, а может быть, даже любви.

– Не позволите ли задать вам один интимный вопрос, – в голосе говорившего мужчины был различим не только вкрадчивый интерес, но, пожалуй, и некоторое замирание перед возможным ответом. Обычно так интонируют интеллигентные девушки, вопрошая о ближайших творческих планах. Именно этого вопроса я и ожидал, уже прикидывая в уме солидную и слегка интригующую формулировку.

– Скажите, дорогой товарищ, – ласково продолжал мой собеседник, – где вам удалось надыбать такой замечательный галстук?

Вообще-то, галстуков я не ношу. Этот же был куплен в виде исключения – на знаменитой одесской барахолке (толкучке или толчке, где, по уверениям знатоков, можно было по частям приобрести даже атомную бомбу) – в надежде *показаться* взыскательной местной публике.

Не помню, открыл ли я правду своему телефонному поклоннику. Впрочем, теперь это уже неважно.

…Впервые я очутился в Одессе в 1963 году, еще будучи студентом Московского университета. Годом раньше Павел

Григорьевич Антокольский напутствовал меня в «Литературной газете».* Я довольно много печатался и после одной журнальной публикации получил письмо, тронувшее меня горячностью и приязнью. Мой корреспондент проживал в Одессе: у нас завязалась переписка.

Летом, как сказано, 1963 года я впервые увидел море. Оно действительно оказалось большое и в самом деле смеялось. А каким еще могло оно быть в Коктебеле, где за семьдесят копеек в сутки я снял увитую диким виноградом веранду – в двух шагах от писательского Дома творчества? Там на пляже как раз исполнялась только что сочиненная песенка (продукт коллективного творчества) – «ответ» на статью Аркадия Первенцева, заклеймившего в «Комсомольской правде» бородатых бездельников, отравляющих честным труженикам отдых в Крыму:

Какая чудная земля
Вокруг залива Коктебля,
Колхозы, бля, совхозы, бля, природа.
Но портят эту красоту
Сюда приехавшие ту-
Неядцы, бля, моральные уроды…

Ранним утром мы с автором «Кортика» Анатолием Рыбаковым (его сын Саша учился со мной на истфаке) отправлялись в Лягушачьи бухты. Анатолий Наумович был подвижен, усмешлив и *знающ.* Я жадно слушал его рассказы (30-е годы, Бухарин, Горький, Киров, процессы, война, Сталин, Ахматова, Зощенко и т. д.): несмотря на «мощную тягу к источникам точного знания» (как выразился в своем напутствии Антокольский), многие из этих источников были для нашего поколения недоступны.

Иногда нам сопутствовал Давид Самойлов: он «как никто шутил».

Овеянный беспечным и вольным коктебельским воздухом, я решился продолжить свое первое в жизни южное путешествие. Меня – без видимой, казалось, причины – потянуло в Одессу.

Единственным (да и то заочным) тамошним знакомцем был мой одесский адресат. Я надеялся воспользоваться его

* П. Антокольский. Стихи Игоря Волгина // Литературная газета. – 1962, № 87.

гостеприимством. Однако Саня Авербух вместе с другими студентами местного филфака, как это и полагалось, находился «на картошке» (или «на кукурузе»?) и должен был вернуться через несколько дней. Тогда я отважился посягнуть на легендарную «Лондонскую»: лишь столичной самоуверенностью и изрядной долей снобизма объясним этот авантюрный порыв. Номер (можно сказать, гостиничный номер), естественно, не прошел. Но тут я вовремя вспомнил, что в кармане у меня покоится давно просроченное удостоверение «Московского комсомольца»: членам литобъединения при молодежной газете полагался этот ободряющий документ («К любым чертям с матерями катись любая бумажка, но эту...»). Солидная коричневая корочка произвела должный эффект – мечтаемый номер был получен.

С тех пор, кажется, я ни разу не останавливался в одесских гостиницах, а всегда обретался у Сани – на одной из улиц Куликова поля, возле вокзала.

Саня (по паспорту Исай) Авербух был одесситом до мозга костей. Он знал все исторические (в том числе требующие приставки «псевдо») мифы и предания своего города, все его байки и приколы, всю его подноготную. Беня Крик, Сонька Золотая Ручка, Костя-моряк, которого «уважают и Молдаванка, и Пересыпь», входили в его ближний круг. Не говоря уже о таких значительных лицах, как Валентин Катаев, Евгений Петров, Исаак Бабель, Эдуард Багрицкий, Константин Паустовский, Юрий Олеша и другие выходцы из этих благословенных широт. (Написав слово «выходцы», я вспомнил призыв, который насмешливая молва приписывала местному ГАИ: «Водители! Бойтесь мест, откуда выходят дети!».)

Метафизическое приятельство с исторической одесской богемой и – шире – со всей российской словесностью было для Сани вполне натуральным. Как показала практика, «хаос иудейский», прохваченный и упорядоченный языком «страны пребывания», дает удивительные плоды. Саня писал стихи и знал их великое множество. Мало того, он был страстный толстовец (и специально приезжал в Москву в толстовский музей к Э.Г. Бабаеву, будущему моему коллеге по журфаку МГУ, чтобы тот проконсультировал

его дипломную работу)*. Его громадная библиотека, состоящая помимо прочего из редких, но сравнительно дешевых в этом городе книг, занимала практически всю квартиру. Сама же квартира в сложенном из тяжелых каменных плит доме была вытянута в одну линию – от прихожей до кухни. В раковине лениво ползали жирные тараканы, было душно, и регулярно пропадала бывшая летом в большом дефиците вода. (Уж не в Одессе ли родилось: «Если в кране нет воды, значит выпили жиды»?) Правда, все это с лихвой возмещалось близостью моря. Мне всегда казалось, что море имеет некое тайное сходство с Саниной библиотекой. Позднее я нашел подтверждение этому у Мандельштама: «И море черное, витийствуя, шумит / И с тяжким грохотом подходит к изголовью…». Витийство – это качество речи. Витийствующее море – образ, конечно, литературный, но зиждущийся на внутреннем сродстве понятий. «И море, и Гомер – все движется любовью. Кого же слушать мне?» Очевидно, как и морю, «Гомеру», по словам другого поэта, тоже «не дано примелькаться» – чтобы не говорил, раз уж на то пошло, третий – гиперболический – поэт, ради которого мы ныне собрались в Одессе:

Никогда
Ничего не хочу читать.
Книги?
Что книги!

Может быть, именно море, библиотека а также свойственная Сане толстовская *упертость* (или, как сейчас бы сказали, нонконформизм) и сделали из него диссидента. Он не то чтобы был убежденным противником советской власти; просто его почти физически коробило от той непрестанной лжи, которой функционирование этой власти сопровождалось. Процесс Синявского и Даниэля, снятие Твардовского с поста редактора «Нового мира», вторжение в Чехословакию и т. д. и т. п. – все это воспринималось им как личная драма. Он, мятежный, искал бури.

* См. подробнее: Игорь Волгин «Как собеседника на пир…» Предисловие // Бабаев Э.Г. «Высокий мир аудиторий…» 2008, с. 7-32; См. также Вопросы литературы. – 2008, № 6, с. 7-30.

Но прежде всего – информации. Через его руки проходили горы самиздата. Он постоянно таскал с собой транзисторный приемник, переделанный таким образом, чтобы сквозь треск глушилок (которые, кстати, в Одессе были не столь ощутимы, как в Москве) различать «Голос Америки», ВВС, «Немецкую волну»… Он внимал Анатолию Максимовичу Гольдбергу, как в свое время его мать и отец – Юрию Левитану.

Саня родился в Киргизии, в эвакуации, но всю сознательную жизнь прожил в Одессе. У него были чудесные родители – Абрам Исаевич и Мальвина Исаевна: тождество отчеств как бы намекало на промыслительность их жизненного союза. Еврейские Филимон и Бавкида, они разговаривали на неподражаемом одесском наречии, были приветливы, хлебосольны и жертвенны по отношению к детям. Имелся еще младший Санин брат – Игорь (Ицхак), студент и спортсмен. Еще один член семьи – добрейшая тетя Люся, обожавшая племянников и владеющая всеми секретами русско-украинско-еврейской кухни. Я до сих пор помню приготовленные ею «синенькие».

Вообще, в Одессе любили поесть. Однажды ко дню рождения Мальвины Исаевны мне удалось купить на Привозе ящик ставриды. Что было непросто, поскольку в те годы из-за плохой экологии или по каким иным соображениям рыба стремилась прочь от здешних берегов. На 16-й станции Большого Фонтана, где у родителей Сани имелся крошечный летний домик, был устроен семейный пир. Собравшиеся под открытым небом родственники и знакомые в сладостном предвкушении обоняли, я бы рискнул сказать, жертвенный дым. Но когда на деревянном столе было водружено огромное блюдо с жареной ставридой, Сане вдруг вздумалось предварить слишком, на его взгляд, приземленный разгул гурманства чем-нибудь высокодуховным. Строго взглянув на публику, он принялся читать стихи Д. Самойлова «Пестель, поэт и Анна». Стихотворение, надо сказать, замечательное и исполненное чтецом с истинным воодушевлением, но *ad hoc* (то есть применительно к данному конкретному случаю) могущее показаться несколько длинноватым. На лицах слушателей отражалась довольно сложная гамма чувств: от пиетета к публично оглашаемому поэтическому слову до скрытого гастрономического

беспокойства, впрочем, вполне извинительного в виду остывающей рыбы.

Там Анна пела с самого утра
И что-то шила или вышивала.
И песня, долетая со двора,
Ему невольно сердце волновала.

Вспомнилось, что другая Анна (о которой снисходительный муж однажды заметил, что она не только пишет стихи, но и хорошо вышивает) родилась тут же, неподалеку, на 11-й станции Большого Фонтана.

…Отец и мать Сани, далекие от политики, отнюдь не были в восторге от его гражданских эскапад. В свою очередь, мои родители, искренне Саню любившие (приезжая в Москву, он всегда останавливался у нас на Профсоюзной), тоже за него беспокоились. Да, пожалуй, и за меня, до утра читавшего данные на одну ночь бледные самиздатовские копии или уменьшенные пересъемки. До сих пор помню испытанный мною шок по прочтении предсмертного письма Бухарина к будущим руководителям партии. Но не меньшее впечатление производила и набоковская «Лолита».

Легкомысленно игнорируя государственный интерес к поступающей на имя Сани корреспонденции, я вознамерился послать в Одессу свою новую стихотворную книжку. И, соответственно, сделал на ней довольно остроумную, как мне казалось, но в политическом отношении совершенно криминальную надпись. Прочитав текст, мой видавший виды родитель устроил мне легкую выволочку. Пришлось заменить доверяемую почте максиму на нечто идейно нейтральное: «Братьям Авербухам, крепким телом и духом». (Как выяснилось позднее, в своих опасениях отец оказался прав, но это уже другая история.)

Саня знакомился со многими заезжавшими в Одессу литераторами. Но ближе всего он сошелся и даже, можно сказать, подружился с Наумом Коржавиным – Эммой, как все его называли. Бесспорно, Коржавин импонировал Сане своим ссыльно-романтическим прошлым, своей неотмирностью и отвержением «свин-

цовых мерзостей» нашей общественной жизни. Но, думается, еще большее воздействие производила на Саню коржавинская поэзия – с ее рационалистическим устроением и внятным гражданским пафосом. («Какая сука разбудила Ленина, / Кому мешало, что ребенок спал…»; «А кони все скачут и скачут, / А избы горят и горят…»; «Мужчины мучили детей…» и т. д.) Стихотворные опыты самого Сани не избежали влияния его старшего наставника.*

Я изредка наведывался в Одессу. Как-то провел пару недель с Саней и семьей Коржавина в уже упомянутом летнем домике. Мы, кто помоложе, не вылезали из моря и жарились на беспощадном одесском солнце. Эмма к нашим, как он выражался, военно-спортивным упражнениям относился весьма скептически, справедливо полагая, что загар необходим исключительно для умножения сексуальной привлекательности загорающих. Он говорил, что для него, книгочея и мыслителя, это совершенно излишне. Сам он входил в воду крайне неохотно, ссылаясь на низкую температуру и подчеркивая, что не принадлежит к семейству моржей, если даже и является одним из поминаемых в устной народной речи моржовых принадлежностей.**

Смех смехом, но самым незабываемым впечатлением того лета осталось для меня чтение «Вех». Это было какое-то зарубежное издание – и читалось оно, разумеется, не на пляже. Меня поразил совершенно необычный для моего историко-марксистского

* Когда в 1965 году у меня выходила первая книга стихов – с ужасным, без моего ведома пристегнутым к ней названием «Волнение» (в оригинале значилось: «Ночные города»), главный редактор издательства «Молодая гвардия» В. Осипов в строчках «громишь, авторитетов не ценя / Державина, Ошанина, меня» заменил «Ошанина» на «Коржавина» (Лев Иванович Ошанин был как-никак автором «Гимна демократической молодежи» и в комсомольском издательстве «громить» его было не с руки). Авторская досада от этой отеческой правки умягчалась сознанием некоторой фонетической выгоды – усилением полнозвучия в паре «Державин – Коржавин».

** Коржавин, как, впрочем, и все мы, охотно прибегал к обсценной лексике, и раз во время нашего совместного пребывания в одном из Домов творчества почтил меня нелицеприятной эпиграммой:

Игорь Волгин с видом детским,
Хоть мужчина по годам,
Словно …, Достоевским
Соблазняет милых дам.

разумения взгляд на русскую интеллигенцию и на случавшиеся с ней метаморфозы. Знакомая со студенческих лет фраза М. Гершензона (единственная доступная нам цитата из «Вех», приводимая в качестве иллюстрации морального падения авторов) – «благословим ту власть, которая одна своими штыками защищает нас от гнева народного» – зазвучала совсем иначе, будучи поставленной в контекст. Ныне, когда я спрашиваю своих студентов о сборнике «Вехи» (он значится в учебной программе), меня удивляет полное равнодушие к этому тексту, который когда-то был откровением для многих из нас. Может быть, потому, что понятие «интеллигенция» для них такой же анахронизм, как, скажем, «коллежский асессор»…

Не следует, однако, думать, что Саня проводил время исключительно в умственных словопрениях или, подобно Толстому, настойчиво внушал окружающим не употреблять убоины. Хотя иногда в нем и проступали черты, присущие фанатикам, пламенным революционерам и вообще подвижникам идеи. Порой даже внешне он напоминал негодующих библейских пророков. Но при всем при том не чурался скромных радостей жизни: был смешлив, ценил юмор и не обижался шуткам. Кроме того, он был влюбчив и, насколько я помню, добивался взаимности. У его приятеля Лёни Кисловского, «красивого и толстого парниши», как мы его называли, дедушка слыл искусным виноделом. Леня пригласил нас на дегустацию. Мы пробовали совсем помалу, но репертуар оказался столь обширен, что конца дегустации я не запомнил. А проснувшись, обнаружил своих товарищей в состоянии, близком к тому, в каком пребывал в одно прекрасное утро булгаковский Степан Лиходеев, неосторожно употребивший портвейн после водки.

Кстати, Леня повсюду таскал с собой тяжелый, под стать ему самому, фотоаппарат и непрерывно снимал нашу компанию (к сожалению, у меня сохранился лишь единственный снимок). Он был проницательный физиономист: ему хватало одного взгляда, чтобы определить характер и тайные пороки наблюдаемого лица. Во время одного из его приездов в Москву я, находясь перед *судьбоносным выбором*, познакомил его с тремя потенциальными избранницами. Леня мигом узрел нравственный изъян, сокрытый в мерцающем взоре одной из них: выиграв конкурс, она впоследствии блистательно подтвердила Ленин провидческий дар.

Сверхъестественные способности вообще характерны для одесситов. Тот же Саня, взяв желающих за руку, в точности исполнял задуманное ими: шел в нужную комнату, находил спрятанную вещь или книгу, писал на бумажке загаданное перципиентом число и т. п. Мои родители, знавшие Вольфа Мессинга, шутили, что Сане с его сверхчувственным даром пристойнее выступать на эстраде, нежели ввязываться в опасные игры.

Между тем игры становились все жесточе. От общедиссидентских сюжетов Саня плавно переместился в еврейскую тему. Он усиленно читал Жаботинского, публично ратовал за право на выезд (алию) и вообще много о себе понимал. В свою очередь, попечительная власть сделала все, чтобы знаток и последователь Толстого, помнивший наизусть едва ли не всех русских поэтов, почувствовал себя изгоем и подал заявление в ОВИР. Я не был сторонником такого решения, но у меня не находилось аргументов противных.

Как уже говорилось, Саня был влюбчив. Но если его одесские романы были лишены, так сказать, национально-освободительной подоплеки, то рано или поздно она должна была появиться. Осенью 1970 года он собрался в Ригу, дабы сочетаться законным браком с Рут Александрович, одной из активисток тамошнего еврейского андерграунда. Двадцатитрехлетняя Рут работала медсестрой и, как Саня, требовала свободы выезда на историческую родину. Дней за десять до их бракосочетания в рижской синагоге Рут была арестована (антисоветская агитация и пропаганда, распространение сионистской литературы и т. д.) и после вызвавшего некоторый резонанс на Западе процесса получила год лагерей.

Тут начинается эпос: он войдет в анналы Одессы.

Саня потребовал от похитивших его невесту властей заочной регистрации брака (что, кстати, не возбранялось законом). Натурально, ему ответили отказом. Тогда Саня воззвал к главному раввину Израиля Иегуде Унтерману с аналогичной просьбой, полагая, что тот поддержит столь малое, но благородное желание. Израильский раввинат долго пребывал в сомнениях и раздумьях, но в конце концов, ссылаясь на предписания Талмуда и Торы, последовал примеру рижских законников. Говорили (не поручусь за точность слуха), что почтенному Иегуде

Унтерману побили в Иерусалиме все стекла. И что будто бы многие раввины Соединенных Штатов изъявили готовность немедленно *обвенчать* молодых.

Как бы то ни было, соломенный жених Исай Авербух обрел мировую славу. Он скромно сидел в Одессе в мастерской по ремонту электроприборов, дабы не быть обвиненным в тунеядстве, но толпы отказников стекались к нему за помощью и добрым советом. Уверяют (хотя и за это не могу поручиться), будто сам Генри Киссинджер звонил нашему Андрею Громыко – с настоятельной просьбой не трогать наладчика электросчетчиков из Одессы.

Помнится, я как-то заметил Сане, что уж теперь-то, ввиду мирового скандала, ему волей-неволей придется жениться. Однако мне не приходило в голову, что дело примет такой нешуточный оборот.

Однажды, уже после отъезда Сани, я услышал по одному из *вражеских голосов*, что в Тель-Авиве состоялась грандиозная свадьба. На церемонии присутствовали: глава правительства Голда Меир, министр обороны Моше Даян, лидер оппозиции (будущий премьер) Менахем Бегин и другие товарищи.

Съезжалися к ЗАГСу трамваи –
Здесь шумная свадьба была…

Так Саня пережил свой звездный час.

Вскоре уехали и его родители, а после и тетя Люся (слышал, что она, почти столетняя, и поныне здравствует на Земле обетованной).

Через некоторое время Саня развелся и, кажется, был женат еще дважды или трижды. До меня доходили известия, что он участвовал в войне Судного дня, воевал в Ливане (о чем написал книгу стихов), много лет трудился в кибуце, взрыхляя жесткую землю Галилеи или Самарии и, может быть, вспоминая заветы Льва Николаевича Толстого. Но главное – работал экскурсоводом, растолковывая бывшим соотечественникам происхождение иудейских древностей.

Занятнее всего, что еще до отбытия Сани был срочно выпущен в Израиль его брат Игорь… Ввиду одинаковости инициалов обоих

братьев (И. А.) труженики ОВИРа, как в комедии переодеваний, спутали Игоря с Саней и поспешно выпихнули из страны вовсе не то лицо.

…Мы вновь увиделись – и то мельком – через много лет, на исходе перестройки. Саня мало изменился. Он заехал в Москву по дороге в Одессу, куда получил завидное назначение – представителем Сохнута, организации, занимающейся еврейской благотворительностью по всему миру. В свою очередь, брат Игорь возглавил в несытой тогда Москве отделение «Джойнт» (чье *зловещее* – со шпионским оттенком – имя памятно мне еще с четвертого класса, в связи с «делом врачей») и тоже занимался распределением продуктовых посылок.

Наконец-то в родной Одессе вечный оппозиционер Саня ощутил себя настоящим большим начальником. Через некоторое время он направил ко мне одну молодую филологиню, которая занималась Высоцким и которой он всячески покровительствовал. Мне вменялось споспешествовать ее ученой карьере. Я написал какие-то рекомендации, и дама отбыла на стажировку в Израиль, где вскоре вышла замуж за маститого профессора, заведующего кафедрой русистики – разумеется, выходца из наших палестин. Санин альтруизм, таким образом, оказался настолько безразмерным, что к нему вполне приложим пассаж Мити Карамазова о человеческой широте, которую не мешало бы сузить.

Прошло еще двадцать лет. Саня, слава богу, цел и здоров, живет в «центре мира» – Старом городе в Иерусалиме, и вроде бы написал огромный роман. Я, объездивший немало стран (даже такие отдаленные, как Бразилия и Япония), к своему огорчению и стыду, ни разу не побывал в Израиле. Не скрою, хотелось бы успеть.

* * *

Обо всем этом я размышлял, приехав в Одессу на литературный фестиваль, посвященный 120-летию со дня рождения Маяковского. Я не был здесь целую вечность. Город изменился не только внешне, изменилось то, что принято называть атмосферой.

«Невыносимая легкость бытия», видимо, стала еще невыносимей. Бесчисленные кафе на Дерибасовской и Ришельевской, расположенные прямо на улице («как в Европе») ресторанные столики, здание сверхдорогого отеля (куда там «Лондонской»!), надежно закрывающее вид на акваторию порта, – все это вещественные знаки свершившихся перемен. Правда, не очень чувствуется, что Одесса – территория сопредельного государства. Зато весьма ощутимо *иное время*: зыбкое, двусмысленное, ненадежное, с привкусом временщины – постсоветское. Как сказал по другому поводу Давид Самойлов:

И в той Москве, которой нет почти,
И от которой лишь осталось чувство…

Чувство от *той* Одессы осталось. Другой вопрос – кому это нужно.

На своем месте на Приморском бульваре памятник герцогу Ришелье. Я вспомнил, как Леня Кисловский (увы, ныне покойный) с его артистическим глазомером демонстрировал мне некую тайную точку (впрочем, прекрасно известную горожанам), с которой фигура Дюка, властно держащего свой вечно свернутый свиток, предстает в несколько комическом, чтобы не сказать непристойном виде.

(Кстати, в Москве в начале Большой Никитской, у бывшего здания Метростроя, помещается малозаметная, но впечатляющая скульптурная группа: вдохновенные лица строителей, тоже крепко сжимающих в рабочих руках древко то ли лопаты, то ли трудового красного знамени. Визуальный эффект при этом подобен одесскому. Нас, первокурсников находившегося рядом истфака, очень забавляла такая *инсталляция*. Все зависит от точки зрения.)

Восстановлен в Одессе и свергнутый когда-то памятник Екатерине II, устроительнице Новороссии. Жаль, что нет памятника Павлу Ивановичу Чичикову, намеревавшемуся селить на этих чудных просторах (чуть было не сказал – в потемкинских деревнях!) приобретаемые по дешевке мертвые души. Отмечены мемориальными досками дома, в которых жили знаменитые одесситы.

Существует замечательный Литературный музей, где проходил наш фестиваль. Одесса по мере сил старается не забывать свое прошлое. Вообще, культурная мумификация, оберегание собственной мифологии и т. д. не всегда есть исключительно музейное дело. Это порой и следствие внутренней необходимости. Дух дышит где хочет, и никто не знает, что у него на уме.

…Понятно, почему фестиваль памяти Маяковского решили проводить именно здесь:

Это было,
было в Одессе.

Именно здесь прозвучало роковое «знаете, я выхожу замуж», что через пятнадцать лет, на исходе жизни, отзовется – почти дословно – парижской «изменой» Татьяны Яковлевой. Но второе «Облако» уже не будет написано.

В школьные годы мне нравилось в нем все – «от позы и до жеста». Десятиклассником, а затем и студентом, я не пропускал сходбища у только что открытого памятника. Имя того, кто высился на пьедестале, напрямую сопрягалось с недолгой и обманчивой эйфорией полусвободы, с казавшимся обновлением общей жизни. Разумеется, у памятника читали *его* стихи.* Позже стихотворное ослепление прошло, но сохранилось первое чувство, которое, как показывает опыт, не поддается позднейшей корректировке.

В отличие от Толстого, Маяковский не создал *учения* (и даже поглумился над великим старцем: «А с неба смотрела какая-то дрянь величественно, как Лев Толстой»). Но магнетическая мощь его голоса еще долго будет на слуху «товарищей потомков». Даже блистательная книга Ю.А. Карабчиевского (предтеча нынешних далеко не столь талантливых «антиахматовых» и «антипастернаков») не смогла изменить эту акустику: мнилось, что автор пытается наступить «на горло собственной песне». Так мстят за слишком горячую – слепую и нерассуждающую – любовь.

* См. подробнее: Поликовская Л. Мы предчувствие… предтеча. М., 1997; а также «На площади Маяковского» в кн.: Игорь Волгин. Возвращение билета. Парадоксы национального самосознания. – М., 2004.

…Едва ли не все представители «южнорусской школы» обожали Маяковского и считали его своим эстетическим гуру. (Интересно, обсуждалась ли эта тема в разговорах Катаева с Буниным, который на дух не переносил автора «Облака в штанах», во время последнего бунинского пребывания в Одессе в 1918 году?)

Еще в 1915 году юный Эдуард Багрицкий пишет «Гимн Маяковскому»:

Озверевший зубр в блестящем цилиндре –
Ты медленно поводишь остекленевшими глазами
На трубы, ловящие, как руки, облака,
На грязную мостовую, залитую нечистотами.

Этому почти апокалиптическому существу, получеловеку-полузверю, «вселенскому спортсмену в оранжевом костюме» (очевидно, в желтой кофте) лирический герой Багрицкого не без кокетства протягивает «свою выхоленную руку», и тот пожимает ее «уверенной ладонью, так что на белой коже остаются синие следы». Следы действительно остались. *

Сам «город у моря» всегда принимал автора «Флейты-позвоночника» достаточно тепло, что неудивительно, если вспомнить полиэтничность его обитателей, их склонность к самоиронии, непровинциальность и восприимчивость к культурному многообразию.

Загадка, конечно, в самом его (то есть Маяковского) появлении. В какой-то мере его приход предвосхитили и Некрасов, и Саша Черный, и в известном смысле даже Д. Минаев и В. Курочкин. Однако где же *прямые* предшественники, с ним хотя бы сопоставимые? Никакой Державин его не благословлял. Бурлюк принял его с восторгом, можно сказать, *угадал*. Но в принципе, он мог бы так же приветствовать какого-нибудь способного графомана.

Его дебют – по неожиданности славы – в чем-то напоминает дебют Достоевского (правда, у автора «Бедных людей» в молодос-

* См. подробнее «Грядущий жизни зуд…» в кн.: Игорь Волгин. Возвращение билета. – М., 2004, с. 496-515. См. тот же текст: Эдуард Багрицкий // Русская литература 1920-1930-х годов. Портреты поэтов. // М.: ИМЛИ РАН. – 2008. Т. 1, с. 713-731.

ти не было столь сокрушительных любовных коллизий). Лиля Брик справедливо заметила, что лирический герой Маяковского напоминает героев Достоевского. «Я» против всех, против «лика мира сего», ибо он неблагообразен. Это бунт Ивана Карамазова, возвращающего билет и жаждущего правды здесь и сейчас.

Наверное, «особые приметы» Маяковского (рост, бас, посадка головы, ширина плеч крупность черт и т. д.) в немалой мере определили характер его стихотворчества. Ведь трудно вообразить, чтобы, обладая подобной внешностью, он писал бы, как Северянин. Его герой – подчеркнуто грубый, брутальный, до циничности откровенный, «срывающий все и всяческие маски», но в то же время застенчивый, одинокий «безукоризненно нежный» – он несомненно обладал большой сексуальной привлекательностью. Такой образ должен был импонировать девушкам. Так же, как – по контрасту – им нравилась изощренная лирическая томность автора «Ананасов в шампанском». Не этот ли конкретно («в шампанском!») экзотический плод предлагалось наряду с рябчиками употреблять буржуям – в знаменитом «слогане» 1917 года?

Сама новая, неточная, ассонансная рифма Маяковского (например, «мозгу – лоскут», которой открывается «Облако в штанах», и подобные которой, присутствуя в стихах нынешних моих студийцев, представляются мне результатом словесной неряшливости), все-таки колоссально раздвинула технические и смысловые возможности стиха. Это был фонетический прорыв. Маяковский нащупал *звук.* Главное, что он, этот звук, совпал со временем, с дисгармонией мира – его угловатостью, торжествующим (даже в физике!) релятивизмом, расшатанностью социальных и прочих скреп. И Блок, и Брюсов, и Мандельштам, и Ахматова, и даже ранняя Цветаева – все они существовали в русле старой «просодической» традиции. Можно представить реакцию первых слушателей Маяковского, ошеломленных не только неслыханным звуковым регистром и шокирующей метафористикой, но и самим обликом поэта (вернее, антипоэта, если брать за образец архетипическое «он кудрей откинул шелк»).

Недаром Брики приняли его с восторгом: Маяковский отвечал чувству исторического (и эстетического) ожидания.

Дело даже не в том, что поэзия ворвалась в прозу (это имело место еще у Пушкина – «и щей горшок, и сам большой») – сама эта «проза» была увидена новым поэтическим зрением. Она стала защитой от «слишком прозаического» и пошлого мира. «Хорошо, когда в желтую кофту / душа от осмотров укутана!».* Но с другой стороны: «душу вытащу, / растопчу, / чтоб большая! – / и окровавленную дам, как знамя». Два, казалось бы, прямо противоположных стремления: на этой грани Маяковский и балансировал.

Его смерть, как и гибель Пушкина, всегда будет отзываться болью. «И меня только равный убьет», – сказал Мандельштам. Автора «Волка» и убил равный, если только возможно сравнивать сталинскую власть над людьми и предметами с властью поэта над словом. С Маяковским случилось иначе. Цветаева написала: «Двадцать лет человек убивал в себе поэта, и, наконец, поэт встал и убил в себе человека». Это так: силы были все-таки неравны. «Твой выстрел был подобен Этне» – он заглушил все ничтожные человеческие обстоятельства. Но как раз человека больше всего и жаль.

…

«Итак, я жил тогда в Одессе» (имею в виду свой нынешний приезд), вспоминая Саню (который, если я не ошибаюсь, тоже любил Маяковского – не только за стихи, но и за то, что он ненавидел антисемитов) и ревниво наблюдая современные одесские нравы. Мне показалось, что в городе стало значительно меньше красивых (и тем более – очень красивых) женщин – одной из главных примет прежней Одессы. Не зря же поэт с говорящим именем Туманский («В тумане скрылась милая Одесса») написал – еще в 1824 году:

И девы, томные наперсницы забав,
Потупя быстрый взор иль очи приподняв,
Равно прекрасные, сгорают наслажденьем
И душу странника томят недоуменьем.

* Кстати: «Хорошо, / когда брошенный в зубы эшафоту, /крикнуть: / «Пейте какао Ван-Гутена!» – пример впечатляющего пиара, когда сама смерть становится брендом. И не аукнется ли мистическим образом это «хорошо» 1915 года с «Хорошо!» года 1927-го?

Как сказано выше, все зависит от точки зрения.

…Пожилая чета туристов, приняв меня за аборигена, спросила дорогу, и я с достоинством объяснил, как попасть на Малую Арнаутскую. Никого из былых знакомых не наблюдалось, за исключением местного поэта и переводчика Анатолия Яни. Он припомнил, как мы наведывались на толкучку, где был куплен тот самый галстук и где моя первая книжка продавалась за безумные деньги – пять рублей, столько же, сколько стоила выставленная тут же «Треугольная груша». Услышать такой мемуар было приятно.

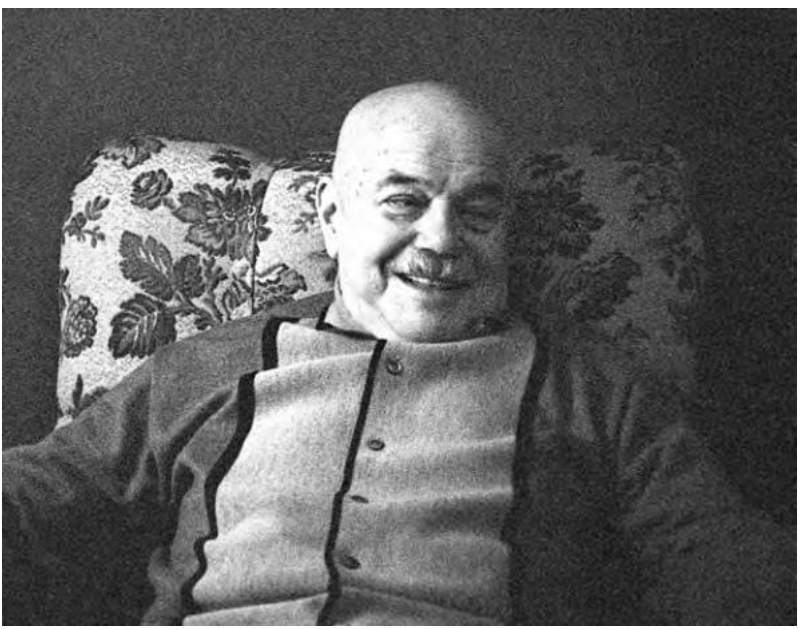
В Литературном музее говорились речи и читались стихи. Как и встарь, довелось выступить на одесском телевидении. После эфира я чуть помедлил, будто чего-то ожидая. Но на сей раз никто так и не позвонил.

Москва

Евгений Голубовский

Я поднимаю руки. И… не сдаюсь

Начал комментировать ряд своих книг с автографами. Для номера альманаха, посвященного 120-летию В. Маяковского и связанным с этой датой Международным литературным фестивалем в Одессе, рассказал трагикомическую историю надписи В. Маяковского – В. Мейерхольду на первом издании «Мистерии-Буфф».

Для своеобразного «эха фестиваля» снял с полки книгу Виктора Шкловского «Гамбургский счет», надписанную автором мне в Одессе в 1969 году.

Естественно, что в одесских газетах не было сообщений о том, что здесь в начале осени 1969 года отдыхает и работает Виктор Шкловский. Но «сарафанное радио» в нашем городе действовало всегда лучше газет, да и нынешнего Интернета.

Виктор Борисович Шкловский – одна из самых противоречивых фигур русской литературы XX века. Теоретик авангарда и исследователь творчества Льва Толстого, невероятно смелый человек, получивший Георгиевский крест из рук генерала Корнилова, боровшийся с Петлюрой и Скоропадским, открыто, чуть ли не единственный из авангардистов выступивший против советской власти, потом бежавший от ЧК в Финляндию и Германию, и все же сдавшийся этой советской власти…

Одна из его книг называлась «Энергия заблуждения», он использовал формулу Льва Толстого, хоть мог сказать «два шага вперед, шаг назад». Аркадий Белинков книгу «Сдача и гибель советского интеллигента» хотел писать не о Юрии Олеше, а о Шкловском. И то, и другое, думаю, – ошибочно.

Так я, тогда работавший завотделом культуры молодежной газеты «Комсомольская искра», услышал, что между Фонтаном и Аркадией, на Тенистой, 12, на одной из дач поселился Виктор Борисович Шкловский. Он в очередной раз переписывал теорию прозы, писал книгу «Тетива. О несходстве сходного».

Телефонов ни на фонтанских, ни на аркадийских дачах тогда не было и в помине. Я решился позвонить в калитку, попросить разрешения на беседу.

За большим столом на крохотном дачном участке сидел полуголый улыбающийся Будда, огромным ножом резал, нет, рассекал арбуз…

Я представился. Улыбка не сошла с его лица.

– Заходите! Арбузы в доме есть.

Почти заикаясь от волнения, я рассказал, что влюбился в Шкловского, прочитав когда-то его «Zoo, или Письма не о любви», что его книга о Маяковском лежит у меня на столе… Он прервал

меня и спросил, а сегодня что в нем могло бы заинтересовать нашу газету.

– Вы ведь не впервые в Одессе?..

– Бывал. Но это не мой город. Я любил и люблю одесских писателей – Бабеля, Олешу, Ильфа, Бондарина. А в Одессу приезжал на кинофабрику, ведь и писателю нужно есть. И не только арбузы.

Херсон я любил. Знаю его хорошо. С боями когда-то взял Херсон у белых, даже повесть написал, она должна была выйти в альманахе Серапионовых братьев в 1921 году с предисловием М. Горького, но и «крыша» Горького не помогла, цензура зарезала альманах.

Никогда не узнает В.Б. Шкловский, что в Финляндии нашли рукопись этого альманаха и в 2012 году в Санкт-Петербурге издали его. И рядом с М. Зощенко, В. Зильбером (еще не взявшим псевдоним – Каверин), со Львом Лунцем, В. Познером – повесть В. Шкловского «В пустоте». Начинается она короткими абзацами, короткими фразами, почти как у В. Дорошевича.

«Про Херсон скажу мало:

«Смотри энциклопедический словарь».

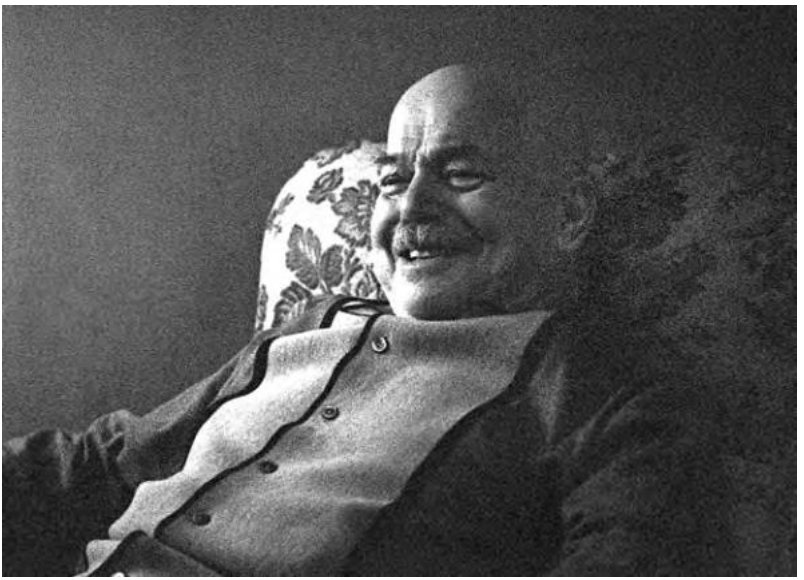
Продукты дешевы, но цены уже небось переменились.

Молоко густое. Город жаркий. Днем никто не гуляет. Ночью ходить запрещено. Гулять, значит, можно только часа два. Вываливает весь город вечером на темную улицу. Мужчины одеты в платья из мешков, женщины – побелей, почти все – в деревянных сандалиях, тьма улиц увеличивается густыми тополями».

– Думаете, это про Железняка? Это про меня народ песню сложил: «Он шел на Одессу, а вышел к Херсону».

Шкловский улыбается. Уже много позже я прочитал, что улыбка Шкловского – тик. В 1918 году большевики расстреляли его родного брата как правого эсера, в 1937 году второго родного брата – преподавателя духовной семинарии. Почему доля сия миновала самого Виктора Борисовича, ему самому было непонятно. Хоть уже в Берлине заканчивал он свою книгу «Zoo, или Письма не о любви» письмом во ВЦИК СССР: «Я поднимаю руки и сдаюсь». В СССР его впустили. Тик на лице остался.

– А об Одессе не писали?

– Вот сейчас пишу письмо внуку.

29 августа написал:

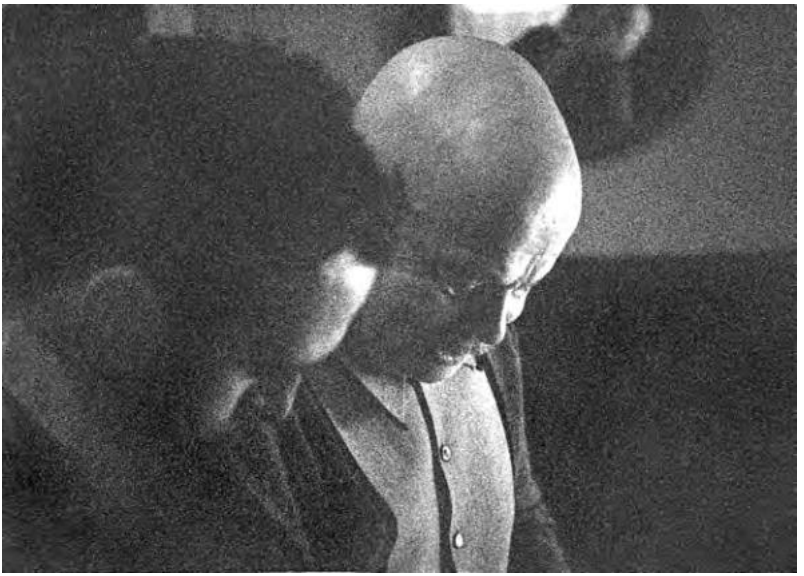
«Одесса большая. Она давно не стриглась. Улицы заросли зеленой бородой. Пляжи намывные. Ходят большие катера. Персики зреют, ни о чем не думая…»

– Виктор Борисович, чтобы попросить у вас автограф, я взял не «Zoo…», а «Гамбургский счет». Мне кажется, что созданный вами термин честного соревнования в литературе не устарел и не устареет. Придумали вы его или действительно услышали…

Виктор Борисович ел арбуз и улыбался. Я надеялся, что он что-то будет объяснять…

Шкловский пошел вымыть руки. Вернувшись, я бы сказал – нежно, взял книгу 1928 года в ладони. Эта книга была написана уже после возвращения в СССР. Задумался. А потом твердым почерком вывел:

«Евгению Михайловичу Голубовскому свидетельствую свое почтение и факт, что эту книгу написал Виктор Шкловский. 9 сентября 1969 года. Одесса».

Факт. Литература факта. Как много это значило для него и в 1928, и в 1969 годах…

Гораздо позднее в книге Вениамина Каверина «Эпилог» (а Каверин любил в юности Шкловского, ему обязан тем, что написал свой первый роман «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове») главка о В. Шкловском была названа «Я поднимаю руки и сдаюсь».

Вот и теперь у меня перед глазами круглый стол на одесской даче, на нем херсонский арбуз, вечно улыбающийся от тика Шкловский, говорящий мне полушепотом: «Я поднимаю руки. И… не сдаюсь».

С Виктором Борисовичем я встречался позже и в Москве, говорили об Олеше и Катаеве, о сестрах – Лиле Брик, вечной любви Маяковского, и ее родной сестре Эльзе Коган-Триоле, в которую в Берлине безумно влюбился Шкловский, говорили, что «буря и натиск» – прекрасны, но далеко не всегда плодотворны.

Прав ли был Виктор Шкловский? Думаю, что прав. Кто сумеет подсчитать мощность «энергии заблуждения»?

А передо мной лежит уже не «литература факта», а артефакт – и в 1969 году Виктор Шкловский не отказывался от своего понимания «гамбургского счета».

Итожа его более чем 90-летний путь, можно повторить слова самого Виктора Борисовича: «Я поднимаю руки. И не сдаюсь».

Фото Сергея Калмыкова

Евгений Деменок

Плеснувши краску из стакана…

Среди художников, причастных к Одессе и входивших в круг общения Владимира Маяковского, номером первым, безусловно, является Давид Бурлюк. «Отец русского футуризма» дважды учился в Одесском художественном училище – в 1900-1901 и 1910-1911 годах, и именно диплом одесского училища дал ему право преподавания в средних учебных заведениях, а с ним, как писал сам Бурлюк, кусок хлеба. Брат «неистового Бурлюка» Владимир, иллюстрировавший практически все сборники группы «Гилея», также учился живописи в ОХУ – в 1910-1911 годах.

Вместе с Маяковским в «Окнах РОСТА» работал еще один одесский художник, активный участник одесского Общества независимых Амшей Нюренберг. Учившийся в одесской художке Натан Альтман не только оформил в 1921 году спектакль «Мистерия-Буфф», поставленный в Московском цирке, но и проиллюстрировал сборник «Владимир Маяковский – детям», вышедший в 1937 году.

Однако есть в этом списке имя, сегодня незаслуженно забытое, а в начале прошлого века известное всем причастным к русскому авангарду. Это Иосиф Соломонович Школьник – один из создателей, наряду с Еленой Гуро и Михаилом Матюшиным, «Союза молодежи», первого столичного объединения русского авангарда. Александр Бенуа, оценивая его творчество, писал, что Иосиф Школьник «претендует на еще вакантное и в высшей степени почетное место «Петербургского Матисса».

Иосиф Школьник родился в Балте в 1883 году, в 1898-м поступил на живописное отделение Одесского художественного училища и окончил его в 1905-м – по первому разряду. В Одесском художественном училище сложилась в то время парадоксальная

ситуация, когда благодаря протекции великого князя Владимира Александровича ученики, с отличием окончившие училище, – в том числе и евреи – могли без экзаменов поступать в столичную Императорскую Академию художеств, невзирая на квоты, существовавшие во всех высших учебных заведениях Российской империи. Неудивительно, что количество учеников-евреев в процентном отношении било все рекорды. В год выпуска Иосифа Школьника пятьдесят шесть процентов учеников были иудейского вероисповедания.

В августе 1905-го Иосиф Школьник поступил в Высшее художественное училище при Императорской Академии художеств в Петербурге, где под руководством профессора Циоглинского проучился до конца 1906 года. Его увлек авангард – окончательно и надолго. В академии он знакомится с Михаилом Матюшиным и Еленой Гуро и вскоре становится активным участником группы Николая Кульбина, а в 1909-м – одним из организаторов «Союза молодежи».

«В «Союз молодежи», – писал 16 ноября 1913 года тогда еще ученик МУЖВЗ Владимир Маяковский. – Я, нижеподписавшийся, передаю Обществу художников «Союз молодежи» свою трагедию «Владимир Маяковский» для постановки в Петербурге в сезон 1913-1914. Постановка ведется по моим указаниям и под моим личным наблюдением за всей художественной частью пьесы. (Срок моего наблюдения и размер вознаграждения за оное устанавливается в согласии с «Союзом молодежи».) Плата поспектакльная 50 (пятьдесят) рублей за каждый вечер».

В процессе создания пьесы и подготовки спектакля произошло несколько курьезных случаев, а предшествовало этому сближение объединений «Союз молодежи» и «Гилея». «Союз молодежи», во многом эклектичный, пожалуй, единственный пытался объединить расползающиеся силы русского авангарда.

Инициатором сближения выступил «вечный двигатель» Давид Бурлюк. В конце октября 1912 года он предложил руководителям «Союза молодежи» устроить его доклад в столице. Иосиф Школьник, получив от Бурлюка предложение выступить бесплатно, согласовал это с основным меценатом общества Левкием Жевержеевым – и выступление состоялось. Оно пришлось

как нельзя более кстати – через месяц должна была открыться VI выставка «Союза молодежи». О своем желании выступить на вечере заявил и Владимир Маяковский, которого Школьник в письме к Жевержееву (13 ноября 1912 года) представил так: «Приехал из Москвы молодой поэт и художник <…> приятель Бурлюка, желающий также выступить с самостоятельным докладом 20 ноября вторник, предлагает бесплатно свои услуги <…> необходимо сегодня с ним поговорить…». Встреча состоялась на квартире Эдуарда Спандикова, члена правления «Союза молодежи», и 20 ноября в Троицком театре миниатюр после доклада Бурлюка «Что такое кубизм» выступил Владимир Маяковский – с докладом «О новейшей русской поэзии».

Дальнейшее сближение «Союза молодежи» и «Гилеи» привело к тому, что уже в январе 1913 года Давид Бурлюк стал новым членом «Союза» – наряду с такими знаковыми художниками, как Казимир Малевич и Владимир Татлин; а на VI выставке «Союза молодежи» (декабрь 1912 – январь 1913, Санкт-Петербург) в числе участников помимо братьев Бурлюков, Михаила Ларионова и Натальи Гончаровой, Казимира Малевича и Владимира Татлина был и Владимир Маяковский. И, разумеется, Иосиф Школьник.

6 марта на одном из заседаний «Союза молодежи» представители «Гилеи» заявили о желании сотрудничать с «Союзом молодежи» по всем направлениям – на диспутах, выставках и в журнале, – и правление «Союза», неизменным членом которого был Иосиф Соломонович, приняло решение считать «Гилею» автономной группой, работающей совместно с обществом. Совместные диспуты и выступления продолжались – 24 марта в том же Троицком театре миниатюр вместе с Давидом и Николаем Бурлюками и Алексеем Крученых вновь выступил Владимир Маяковский – с докладом «Пришедший сам».

К сожалению, в третьем выпуске сборника «Союза молодежи» при участии поэтов «Гилеи» стихов Маяковского не оказалось – он был тогда занят изданием собственной литографированной книги. В сборник вошли стихотворения Давида и Николая Бурлюков, Бенедикта Лившица и Алексея Крученых, статьи Велимира Хлебникова, Михаила Матюшина и Эдуарда Спандикова; проиллюстрировали его Иосиф Школьник и Ольга Розанова.

20 ноября 1913 года, незадолго до постановки в петербургском театре «Луна-парк» пьесы «Владимир Маяковский» и оперы «Победа над солнцем», в том же Троицком театре состоялось еще одно выступление членов «Гилеи», на котором Маяковский выступил в своей легендарной желтой полосатой кофте. Подготовка к спектаклям футуристического театра шла в это время полным ходом, и вместе с поэтами декорации готовили художники: Школьник с Филоновым – к пьесе Маяковского, Школьник с Малевичем – к опере Крученых и Матюшина.

И вот – 2 декабря 1913 года. Полный зал. «Задники», написанные Школьником, и «плоскостные» костюмы Филонова. Маяковский в желтой кофте. Он напишет потом в «Я сам»: «Это время завершилось трагедией «Владимир Маяковский». Поставлена в Петербурге. Луна-парк. Просвистели ее до дырок». И тем не менее – это был прорыв.

Алексей Крученых в легендарной книге «Наш выход» вспоминает:

«Когда Маяковский привез в Питер написанную им пьесу, она оказалась убийственно коротенькой – всего одно действие, – на 15 минут читки! Этим никак нельзя было занять вечер. Тогда он срочно написал еще одно действие. И все же (забегая вперед) надо отметить, что вещь была так мала (четыреста строк!), что спектакль окончился около 10 час. вечера (начавшись в 9). Публика была окончательно возмущена!»

А вот и обещанный курьез. Изначально пьеса должна была называться «Железная дорога». «В Кунцеве Маяковский обхватывал буфера железнодорожного поезда – то рождалась футуристическая драма!» – писал Крученых. И далее: «Маяковский до того спешно писал пьесу, что даже не успел дать ей название, и в цензуру его рукопись пошла под заголовком: «Владимир Маяковский. Трагедия». Когда выпускалась афиша, то полицмейстер никакого нового названия уже не разрешал, а Маяковский даже обрадовался: – Ну, пусть трагедия так и называется: «Владимир Маяковский»!»

Декорации обоих футуристических спектаклей были потом перевезены в Троицкий театр и использовались в пародийной постановке «Футуристический квартет». Иосиф Соломонович

продолжил деятельность художника-декоратора и еще четыре года, до 1917-го, работал в Троицком театре. С началом революции он участвует в оформлении революционных праздников, становится членом коллегии ИЗО Наркомпроса и на некоторое время – комиссаром Академии художеств. Он организует декорационные классы государственных художественных мастерских, которые затем преобразовывает в Декоративный институт и становится его директором – до самой смерти в 1926 году, в возрасте сорока трех лет. Сердце не выдержало нагрузок.

А мы с вами и сейчас можем увидеть его ставшие легендарными декорации к трагедии «Владимир Маяковский» – их эскизы находятся в Русском музее и Театральном музее Петербурга.

Андрей Дмитриев

Гвоздь в сапоге у поэта

Дожив до пятидесяти семи лет, я ни разу не был в Одессе. И не скажу, чтобы мечтал в ней побывать. То есть конечно: отчего же, почему бы и не побывать, если доведется, – но я боялся разочарования. Громада русской литературы, созданной в Одессе, монблан одесского мифа, воздвигнутый одесским городским фольклором и всесоюзным фольклором об Одессе – ну просто никак не могли оказаться сообразными и соразмерными современному провинциальному южному городу, пусть этот город и жемчужина у моря. Расхолаживали разговоры о том, что все подлинные одесситы и прежде всего одесские евреи перебрались из Одессы в разные земли обетованные, а вот Одесса нынче земля не слишком обетованная. Разочарование мне пророчили и бывшие одесситы, живущие в Москве. Когда-то я спросил одного известного кинорежиссера, не один десяток лет отработавшего на одесской киностудии, на что мне стоит посмотреть в Одессе, если я вдруг туда попаду. Ответ был сумрачным и жестким: «Не на что и нечего там смотреть». Я давно заметил, что бывшие одесситы об Одессе говорить не любят. Исключение – одесситы профессиональные, питающиеся одесским мифом и по сей день питающие его. Жванецкий, например. По всему выходило, что Одессу лучше воображать, нежели видеть… Но с другой-то стороны, если Одесса опустела – там уже не должно быть навязчивых одесских шуток и всенародно любимого – благодаря телевидению с его неистребимыми кавээновскими привычками – одесского краснобайства. И не обязательно вовсе, если придется все-таки попасть в Одессу, непременно вспоминать там персонажей одесских анекдотов и вечного, как гоголевский слоеный пирожок, Беню Крика

с его повадками и подельниками… Вот если попаду в Одессу, думать буду о Пушкине, сочинившем там самую трагическую – по версии Бродского – стихотворную строку во всей русской поэзии: «Прощай, свободная стихия!». Или думать буду о Бунине с его «Окаянными днями». Думать буду о Липкине… Даже и о Катаеве, о его повести «Уже написан Вертер» – и заодно вспомню наш единственный с Липкиным разговор: 90-летний Липкин горько сетовал на то, как недооценен Катаев. И я готов был с ним согласиться – под впечатлением того же катаевского «Вертера». Я человек северный – дух трагедии мне понятней веселого дыхания «12 стульев». Люблю «12 стульев» и «Золотого теленка» люблю – а до конца всерьез не воспринимаю, даже и самому – странно.

А приехал я в Одессу с мыслью о Маяковском – программа фестиваля к тому обязывала. Тон фестивалю задала поэма «Облако в штанах» – а все помнят, как она начинается: «Вы думаете, это бредит малярия? Это было, было в Одессе»…

…Кто сомневается в том, что «Облако в штанах» – высокая трагедия?.. И я не сомневаюсь. А что там – в этом облаке и в этих штанах? Вообще-то, ничего: сюжет низкий, ниже – некуда; рискнул бы сказать, что сюжет – из кладовой Чехова, но ведь Чехов даже не опускался до таких сюжетов… Молодой человек в одесской гостинице ждет подругу, которую невыносимо хочет трахнуть, не сомневается, что трахнет, и распаляет себя до малярийного бреда в затянувшемся ожидании. Девушка обещала прийти в четыре… А все не идет. В итоге опаздывает на целых шесть часов, домучив юношу до белого каления… Ну, вот, наконец, пришла и – нате! – «Я выхожу замуж». Вот и весь сюжет. Он даже не о любви – там *слова* нет о любви. Он – о предательски неутоленном сексуальном желании. Вот, думаю, Бунин, или какой-нибудь современный Бунину итальянец, напиши они рассказ на этот сюжет – заставили бы, пожалуй, этого неутоленного парня девушку убить. А если б девушка была еще и хорошей девушкой – вышла бы готовая трагедия в привычном смысле.

В поэме никто никого не убивает. Вся поэма – это развернутая фрустрация. Так почему же она воспринимается как высокая трагедия? А потому, что этот незадачливый молодой человек – Поэт, что он и демонстрирует каждым стихом и каждым звуком

поэмы «Облако в штанах». В известной формуле Маяковского: «Я знаю – гвоздь у меня в сапоге кошмарней, чем фантазия у Гете» – смысловое ударение следует ставить не на слове «гвоздь», как мы это делали в детстве, по-детски полагая, будто Маяковский простые житейские огорчения ставит выше поэзии и вызывающе поэзию принижает. Смысловое ударение следует ставить на слове «меня». Гете – это всего лишь Гете, а Я – Поэт, каких мир еще не видывал. И гвоздь в сапоге у Поэта, которого мир еще не видывал, – это боль, которую мир еще не испытывал... Если девушка *вам* обещала дать, но не дала – это значит, что *вас* попросту продинамили, – да, с *вами* случилась обидная неприятность. Но если девушка не дала Поэту – это значит, рухнуло мироздание, о чем и свидетельствует грандиозная поэма «Облако в штанах», в каждой строке которой обрушивается и восстает в новом, доселе невиданном обличье мировая поэзия. Эту поэму писал романтик. И по первому размышлению трудно поверить, что он, столь много о себе мнивший, как это и положено романтическому Поэту, – захочет вдруг стать какой-то там силы *частицей*…

Одесса мне понравилась. Красивый, очень красивый город, как и было обещано. На пляже и на Привозе я побывать не успел, фирменных одесских колкостей во всем городе не словил ни одной. Зато успел обрести друзей. И успел порадоваться русскому языку – столь грамотного и богатого русского языка на московских улицах уже не услышишь. Да, южные интонации, южный акцент – но за год жизни в Киеве я привык к южным интонациям, к южному акценту, привык и к тому, что на юге друзей обрести легче, нежели в моих родных северных краях. Русский язык, к слову сказать, и в Киеве хорош… Увидел дом на Пушкинской, где жил Липкин. На доме – мемориальная доска. Вот кто не был романтиком, так это Липкин. Потому и сумел сохранить себя, не уступая себе, молодому поэту, и в глубокой старости. А поэт он был огромный, пусть и не громыхал.

Фестиваль в Одессе подходил к концу – а я уже нервничал, бездумно повторяя про себя стих Заболоцкого: «И Грузия моя встречает нас вдали!». Заболоцкий написал восхитительное стихотворение о воздушном перелете в Грузию – нам, моим старым и новым друзьям, предстояло дойти до Батуми по морю. Меня

ожидало, как я надеялся, сдвоенное счастье: морской переход и – Грузия. Были тревоги. Мы ведь с грузинами разъяты и рассорены тупой ненавистью так называемых политиков – и военных. Но тревоги оказались напрасны, надежды мои сбылись. В долгом морском переходе я бывал лишь один раз в жизни: по киношным делам выходил в Японское море на пограничном сторожевике. С тех пор – даже в круизах ни разу не бывал. А море манило. И вот – трое суток по морю в компании одесских поэтов и водителей-дальнобойщиков. Был шторм, была и гроза, были стайки дельфинов, сопровождавших паром… В Батуми нас приняли подчеркнуто дружелюбно. Был День независимости Грузии. Поэтам и поэтессам нашим предложили почитать свои стихи на городской площади – и даже включили их выступления в программу праздника. Мы были в Батуми слишком мало для того, чтобы делать ответственные выводы о нынешней жизни Грузии. Одно мы уяснили твердо: российских туристов там ждут.

Киев

Александра Ильф

Две книги с посвящениями

Международный литературный фестиваль – 2013 великолепно развернулся под сияющим небом майской Одессы. Обширная программа фестиваля включала тему с юмористическим названием «Три толстяка на двенадцати стульях» – к 85-летию выхода в свет «Трех толстяков» Юрия Олеши и «Двенадцати стульев» Ильи Ильфа и Евгения Петрова. (В детстве я с восторгом читала первое издание «Толстяков», подаренное автором Ильфу, моему отцу.) Я рада, что это событие, отмечаемое именно в Одессе, подарило мне возможность высказать свои необязательные мысли по этому поводу.

Сам факт появления произведений Олеши и Ильфа-Петрова в 1928 году можно, конечно, назвать совпадением или случайностью. Но мало ли таких совпадений! Причины, вызвавшие их одновременное появление, не имеют ничего общего. *Но если говорить не о точной дате, а о второй половине 1920-х годов, то некая причина вырисовывается: обосновавшись в Москве, одесситы уверенно завоевывали место под солнцем новой литературы.* В *1926 году появились «Растратчики» Валентина Катаева, «Конармия» Исаака Бабеля, «Дума про Опанаса» Эдуарда Багрицкого, в 1927-м – «Зависть» Юрия Олеши, в 1928-м – «Двенадцать стульев» Ильи Ильфа и Евгения Петрова, «Три толстяка» Олеши.*

Возвращаясь же к интересующему нас году, можно вспомнить, что сказка Олеши была написана в 1924 году, но вышла в свет лишь на исходе 1928-го, в то время как Ильф и Петров приступили к роману «12 стульев» осенью 1927 года и «в ударном порядке» закончили его к январю следующего. Олеша погружает читателя

в сказочный мир – соавторы пишут сатирический «роман-хронику». Тем не менее в этих нерифмующихся действиях просматривается нечто, что хотелось бы, по примеру Арамиса из «Трех мушкетеров», назвать «семейным делом», над которым (не сказать, чтобы незримо) витает образ Валентина Петровича Катаева.

Молодые Валентин Катаев, Юрий Олеша, Илья Ильф свели знакомство еще в одесские времена, Евгений Петров – младший брат Катаева. 1923-й год застает их в Москве. Катаев, уже известный, «маститый» литератор, берет под свое крыло и Олешу, и Ильфа, пристраивает их в газету «Гудок», дает кров в Мыльниковом переулке на Чистых прудах.

Вспоминает один из общих друзей, Сергей Токаревич:

«В двадцатых годах две комнаты Валентина Петровича в Мыльниковом переулке были как бы стартовой площадкой для всех выходцев из так называемой «южнорусской литературной школы». Бессмысленно их перечислять. Здесь у первого «землепроходца» Валентина Катаева, открывшего для них Москву, все они находили и радушный прием, и товарищеский совет, и помощь в устройстве на работу в московских редакциях. Того, кого он знал, кому верил, Валентин Петрович рекомендовал смело, не задумываясь. Совсем зеленой молодежи этот двадцатипятилетний мэтр говорил:

– Каждый интеллигентный человек может писать. И не только может, но и должен. Пробуйте, дерзайте.

В комнате-«пенале» рождался не только первый рассказ Евгения Петрова, но и многие главы «Трех толстяков» Юрия Олеши. В большой комнате шли самые жестокие и нелицеприятные споры по поводу первых произведений «дерзающих». Для них Валентин Петрович был не только непререкаемым мэтром… и «Дюма-пэром», способным пройтись «рукой мастера» по рукописи неофита, но и, прежде всего, старшим товарищем и добрым другом».

Как возник замысел сказки, которую Олеша называет «детским романом»? Компания молодых людей во главе с Катаевым забавлялась тогда большой куклой, которую на первый взгляд невозможно было отличить от годовалого ребенка. Тут-то и случилось знакомство Олеши с Валентиной Грюнзайд – 14-летней девочкой из того же Мыльникова переулка. Чтобы завоевать сердце юного создания, писатель-романтик обещает написать

и посвятить Валечке «блистательную книгу-сказку». Начинается работа над «Тремя толстяками»:

«Я писал их совсем юным – то в маленькой комнате при типографии «Гудка», где жил с таким же юным Ильфом, то у Катаева в узкой комнате на Мыльниковом, то в «Гудке» в промежутке между фельетонами. В комнате при типографии, которая была крохотная – один пол! – я и писал, лежа на полу… Я писал, пользуясь типографским рулоном – несколько, правда, отощавшим, но все же целым бочонком бумаги. Он накатывался на меня, я придерживал его рукой… Другой рукой писал.

Это было весело, и тем, что мне весело, я делился с веселым Ильфом».

Четыре года спустя книга выходит в свет с обещанным посвящением. Наконец-то Юрий Карлович вправе рассчитывать на внимание и даже на любовь. Увы, он опоздал: по его собственным словам, «она выросла и вышла замуж за другого».

За кого же? Валечка составила счастье младшего брата Катаева – Евгения, известного нам под псевдонимом Петров.

Видите, как все переплелось?

Валентин Катаев нежно любил своего «братика», вытребовал его в Москву из голодной Одессы, опекал, заставил заняться журналистикой, ввел в литературу. Осенью 1927 года бурлящий идеями «Дюма-пэр» подбрасывает Ильфу и Петрову тему – написать роман о поисках бриллиантов, во время революции спрятанных в одном из двенадцати стульев. Мэтр требует от «брата и друга», чтобы они в знак благодарности посвятили ему будущую книгу. Его требование выполнено: по сей день изданный в июле 1928 года роман «Двенадцать стульев» несет на титульном листе посвящение Валентину Петровичу Катаеву. Если бы не он, кто знает, родился бы, если взять определение Набокова, этот «двуединый гений» – Ильф-и-Петров.

В 1920-е годы наши герои тесно связаны. Они вместе работают, вместе развлекаются, вместе наблюдают жизнь. Ильф и Олеша делят убогое жилье и в гудковском общежитии, и в Сретенском переулке, к ним часто заходит Катаев. Вернувшись из армии, Петров живет то у брата в Мыльниковом переулке, то у Олеши – в Сретенском, где за одной стеной – Ильф, а за другой – «слесарь-

интеллигент» Колодин, прототип Виктора Михайловича Полесова из «Двенадцати стульев». По семейной легенде, именно Олеша познакомил Евгения с Валечкой, превратившейся в очаровательную девушку. Петров начинает бешено ухаживать за ней, и в апреле 1929 года они женятся.

Видите, как все переплелось?

В результате «король метафор», создатель прогремевшего романа «Зависть» и чудесной сказки «Три толстяка» остается решительно ни при чем. Девушка, равнодушная к литературному успеху давнего поклонника, выходит замуж за всем известного автора всем известного романа. В конце концов, можно понять, что простодушная Валечка предпочла молодого веселого Петрова мрачному, почти демоническому Олеше. Да, она прошумела мимо Юрия Карловича (без этой цитаты никак не обойтись!), «как ветвь, полная цветов и листьев».

Но осталась прекрасная книга прекрасного писателя.

Всегда любопытно узнать подробности из уст очевидцев. Друзья-литераторы каждый по-своему рассказывают романтическую историю с участием Юрия Олеши, Валечки Грюнзайд и куклы. Тут, как говорится, возможны варианты.

История, изложенная Валентином Катаевым

«Моя комната была проходным двором. В ней всегда, кроме нас с ключиком [*Юрием Олешей*], временно жило множество наших приезжих друзей. Некоторое время жил с нами вечно бездомный и неустроенный художник [*Михаил Файнзильберг*], брат друга [*Ильфа*], прозванный за цвет волос рыжим. Друг говорил про него, что когда он идет по улице своей нервной походкой и размахивает руками, то он похож на манифестацию. <…>

Так вот этот самый рыжий художник откуда-то достал куклу, изображающую годовалого ребенка, вылепленную совершенно реалистически из папье-маше и одетую в короткое розовое платьице.

Кукла была настолько художественно выполнена, что в двух шагах ее нельзя было отличить от живого ребенка.

Наша комната находилась в первом этаже, и мы часто забавлялись тем, что, открыв окно, сажали нашего годовалого ребенка на подоконник и, дождавшись, когда в переулке появлялся прохожий, делали такое движение, будто наш ребенок вываливается из окна.

Раздавался отчаянный крик прохожего, что и требовалось доказать.

Скоро слава о чудесной кукле распространилась по всему району Чистых прудов. К нашему окну стали подходить любопытные, прося показать искусственного ребенка.

Однажды, когда ключик сидел на подоконнике, к нему подошли две девочки из нашего переулка – уже не девочки, но еще и не девушки, то, что покойный Набоков назвал «нимфетки», и одна из них сказала, еще несколько по-детски шепелявя:

– Покажите нам куклу.

Ключик посмотрел на девочку, и ему показалось, что это то самое, что он так мучительно искал. <…>

Тут же, не сходя с места, ключик во всеуслышание поклялся, что напишет блистательную детскую книгу-сказку, красивую, роскошно изданную, в коленкоровом переплете, с цветными картинками, а на титульном листе будет напечатано, что книга посвящается…

Он спросил у девочки имя, отчество и фамилию; она добросовестно их сообщила, но, кажется, клятва ключика на нее не произвела особенного впечатления. У нее не была настолько развита фантазия, чтобы представить свое имя напечатанным на роскошной подарочной книге знаменитого писателя. Ведь он совсем еще не был знаменитость, а всего лишь, с ее точки зрения, немолодой симпатичный сосед по переулку, не больше.

Он стал за ней ухаживать как некий добрый дядя, что выражалось в потоке метафорических комплиментов, остроумных замечаний, которые пропадали даром, так как их не могла оценить скромная чистопрудная девочка, едва вышедшая из школьного возраста. <…>

Одним словом, роман не получился: слишком велика была разница лет и интеллекта. Но обещанную книгу ключик стал писать, рассчитывая, что пока он ее напишет, пока ее примут

в издательстве, пока художник изготовит иллюстрации, пока книга выйдет в свет, пройдет года два или три, а к тому времени девочка созреет, поймет, что он гений…

Большая часть расчетов ключика оправдалась. Он написал нарядную сказку с участием девочки-куклы; ее иллюстрировал… один из лучших графиков дореволюционной России, Добужинский, на титульном листе четким шрифтом было отпечатано посвящение, однако девичья фамилия девочки, превратившейся за это время в прелестную девушку, изменилась на фамилию моего младшего братца, приехавшего из провинции и успевшего прижиться в Москве, в том же Мыльниковом переулке.

Он сразу же влюбился в хорошенькую соседку, но не стал ее обольщать словесной шелухой, а начал за ней ухаживать по всем правилам, как заправский жених, имеющий серьезные намерения: он водил ее в театры, рестораны, кафе «Битые сливки» на Петровке… – очень модное место в Москве, – провожал на извозчике домой, дарил цветы и шоколадные наборы, так что вскоре в моей комнате в Мыльниковом переулке шумно сыграли их свадьбу, на которой ключик, несмотря на то, что изрядно выпил, вел себя вполне корректно, хотя и сделал робкую попытку наскандалить, после чего счастливые молодожены поселились в небольшой квартирке, которую предусмотрительно нанял мой положительный брат».

У Катаева – все верно, все в точности!

В альбом, составленный Алексеем Елисеевичем Крученых, вклеена вырезанная из фотоснимка группа: Олеша с Ильфом, оба в пальто и кепках, держат на коленях большую куклу в платьице и чепчике (см.: Ильф-Петров. Эти двое за 10 лет. (1923-33). Собрал А. Крученых. – РГАЛИ, ф. 1821, оп. 2, ед. хр. 7, л. 7а).

Вверху, над головой Олеши – мелко подписано (вероятно, Крученых): *Ю. Олеша*, над малюткой – *кукла*, над головой Ильфа – *И. Ильф. 1924 г.*

Под фотографией подпись Михаила Файнзильберга (чернилами): *Этот Антошка подарен мною Ильфу (брату) в Петрограде.* Справа: *Мой единственный ребенок. М.*

Карандашная стрелка, проведенная вправо от плеча Ильфа, направлена к его подписи и надписи: *И. Ильф (который громкий смех всего зала),* ниже: *Это я. И. Ильф.*

Под этим (тем же карандашом): *А я? Евг. Петров*

Под группой, карандашом: *Дитя Катаева / в руках негодяев'а?*

Ниже:

Справка

Малютку звали Андрюшка. В конце концов ее украли. Е П

Почерк моего дядюшки Михаила Файнзильберга, которого называли Миша Рыжий, был довольно причудливым. Поэтому, не разобрав, Петров пишет *Андрюшка* вместо *Антошка*.

Почему Ильф написал (в скобках): *который громкий смех всего зала*? Потому что на той же странице альбома наклеена газетная вырезка с речью Н.И. Бухарина на совещании рабочих и сельских корреспондентов, где он приводит лозунг из «Двенадцати стульев». В самом низу левого столбца, после цитаты «Дело спасения утопающих есть дело рук самих утопающих», в скобках стоит: *громкий смех всего зала* (см.: Правда, 1928, 2 дек.).

История, изложенная Ароном Эрлихом

«Однажды в весенний день Олеша увидел в раскрытом окошке одного из домов в Мыльниковом переулке девочку с книжкой. Ей было лет одиннадцать-двенадцать, не больше. Она читала с самозабвением, губы ее быстро и беззвучно шевелились.

Олеша шумно восхищался девочкой, фантазировал и пророчествовал о ее будущем. Как зовут ее? Где она учится? Какую книжку она читала с таким упоением?

Вскоре он разузнал все эти подробности и сильно позавидовал Андерсену: Валя Грюнзайд (так звали девочку), сидя на открытом подоконнике своего одноэтажного дома, читала знаменитого датского сказочника. Олеше пришла в голову мысль написать увлекательную романтическую сказку и поспорить со своим Андерсеном. И, как всегда, он тут же пустился в самые бурные мечтания. Он уже как будто видел перед собой нарядно изданную книгу в тяжелом золотообрезном переплете, с многочисленными красочными картинками… Он посвятит свое произведение милой девочке, восхитительной, самозабвенной читательнице. Скоро – непременно очень скоро –

он пойдет со своей книжкой к дому ее в Мыльниковом переулке, постучится в окошко и скажет:

– Дорогая девочка, мне хочется, чтобы вы прочитали вот эту сказку. Я написал ее для вас. Ваше имя стоит здесь печатными буквами рядом с моим именем… Видите? «Посвящается Вале Грюнзайд»… Покорнейше прошу вас, примите от меня этот подарок.

Он уверял, что он уже пишет сказку, пишет быстро, главу в день. Сказка будет называться «Три толстяка», а подпишет он ее не просто Ю. Олеша – нет, дети любят только очень почтенных, очень старых авторов, и поэтому на титульном листе для солидности будет сказано «Ю.К. Олеша» – не просто Юрий, а Юрий Карлович.

Все исполнилось у Олеши, как он мечтал. Сказка написана. Называется она так точно, как ему хотелось, – «Три толстяка», и на первой странице рукописи сказано: «Посвящается Вале Грюнзайд».

Много удивительных событий происходит в сказочной стране Трех Толстяков.

Но, увы, рукопись, пропутешествовав из одной редакции в другую, вернулась к своему хозяину и с тех пор похоронена в одном из ящиков письменного стола.

«Посвящается Вале Грюнзайд»!

Но не придет сказочник к маленькому дому в Мыльниковом переулке, держа в руках нарядный том в толстом переплете, изукрашенном золотом и синью, не постучится он в окошко, не скажет, передавая девочке книгу, заветных слов…

Уходили годы, и много всяких изменений произошло в жизни. <…>

А к этому времени девочка Валя из Мыльникова переулка стала уже взрослой девушкой, она познакомилась с Евгением Петровым. В тот год была суровая зима. Они часто ходили в театр и в ночную пору, когда мороз еще усиливался, неторопливо возвращались в Мыльников переулок. Несмотря на ужасный холод, они старались продлить прогулку. Кончилось это тем, что к весне они поженились.

После фантастического успеха новой повести Юрия Олеши «Зависть», вышедшей в свет в 1928 году, «Три толстяка» были снова извлечены из ящика письменного стола. Теперь они

не вызвали сомнений и были оценены по достоинству. Вскоре и эту сказку выпустили в свет. Отпечатанная на особо дорогой, плотной, матовой с желтизной бумаге, с многочисленными красочными рисунками Добужинского на отдельно вклеенных листах, укрытая под тяжелым и ярко разрисованным переплетом, – сказка образовала собой довольно толстый том… Такой точно, как мечтал автор!

Но девочки, для которой предназначена была сказка, уже не было, – она выросла, она вышла замуж».

Арон Исаевич Эрлих о кукле не пишет. Однако несмотря на отсутствие куклы и благодаря одному только существованию «девочки Вали», у Олеши могла зародиться мысль сразиться с Андерсеном.

В 1924 году Валентине было не 11-12, а 14 лет. Иллюстрации Добужинского печатались не «на отдельно вклеенных листах», а были, пользуясь типографским термином, цветными «приклейками» на книжных страницах бумаги верже.

Эрлиху запомнилось, что «первый экземпляр книжки он [*Олеша*] подарил ей с надписью: *Всегда ваш. Вале!»* В РГАЛИ хранится экземпляр с другими надписями. Дата, поставленная Валентиной Леонтьевной, – 22 декабря 1928 года. Она еще не замужем: подписывается *Грюнзайд*, да и сохранившееся свидетельство о браке говорит о том, что бракосочетание с Евгением Петровичем Катаевым состоялось 1 апреля 1929 г.

В первом издании книги на титульном развороте стоит посвящение – не лаконичное – *Вале Грюнзайд*, как неоднократно повторяет Эрлих, а куда более торжественное: *Посвящается / Валентине Леонтьевне / Грюнзайд.*

На левой стороне разворота прелестная Валечка (все звали ее Валечкой) написала: *Читала утром… / Читала днем… / Читала вечером?!!! / А ночью спала. / Валя Грюнзайчик.* На правой стороне разворота, под посвящением: *22/ХП – 28, но скоро 1929. Книга посвящается / мне, и больше / никому. / В. Грюнзайд.* Наискосок, слева: *Мой любимый / автор – Юрий Олеша / и вообще Добужинский*.

Поверх этого девического вздора роскошным крупным почерком Юрия Карловича написано: *ВСЕ / КОНЧЕНО (?) / ОЛЕША / 1933 г.*

Рассказ Сергея Токаревича

«…В свои шестнадцать лет Валентина Леонтьевна, тогда еще просто Валечка Грюнзайд, была неподражаемо хороша. Хрупкая фигурка, трогательно тонкая шейка и овал лица с полотна старого французского мастера, освещенный светлыми глазами с несколько асимметричным прищуром. Да, она уже следила за собой и умела подчеркнуть свои природные достоинства. Но что бы она ни делала, все у нее выходило как-то по-своему, и во всем ее облике была неповторимая девичья прелесть неяркой пастельной индивидуальности.

Валечка также жила на Чистых прудах, но честь ее открытия принадлежала Юрию Карловичу Олеше. Он подолгу дежурил под окнами Грюнзайдов, прежде чем познакомился с пленившей его девушкой.

Нет, нельзя сказать, чтобы Юрий Карлович был излишне робок в обращении с людьми. Просто этого требовали правила высокой романтики. А когда эти железные правила позволили ему, наконец, познакомиться, он привел Валечку к Катаевым, строго-настрого наказав никому в нее не влюбляться. И, конечно же, вся мужская половина катаевского окружения, не медля ни минуты, в нее влюбилась. Тогда-то, возможно, в качестве контрмеры, Юрий Карлович торжественно и обещал посвятить Валечке свою первую книгу.

В те годы цвели домашние вечеринки с непременными танцами под патефон и скромным застольем. Вина, как правило, не хватало, а у молодежи считалось «шикарным» чувствовать себя пьяной и тем афишировать. Когда у Катаевых не было денег, а это случалось не так уж редко, Валентин Петрович, с хитрой и какой-то даже плотоядной улыбкой, выдвигал из-под кровати белую, плетеную из ивняка корзинку, с черным железным прутиком-засовом. Вынимал оттуда пачку рукописей, близоруко покопавшись в них, отбирал очередной рассказ и нес его в одну из московских редакций. Домашние говорили, что из Одессы он привез эту провинциальную корзинку полной стихов и рассказов, которые до того не решался публиковать.

Валечка была в этой компании самой молодой и вела себя во всех отношениях скромно. Как-то на одной из вечеринок, усаживаясь за столом, мужчины дружно согласились обязательно сегодня «надраться».

– Ох, и надеремся! – воскликнул хозяин дома, откупоривая бутылку Абрау-Дюрсо.

И тогда раздался негромкий голос Валечки:

– Я тоже хочу надереться…

Так, «надеревшись» в меру сил и скромных возможностей, заводили патефон и танцевали под излюбленные «Рио-Риту», «Валенсию» или «Брызги шампанского».

Лучше, легче и грациозней всех танцевала Валечка. Все рвались танцевать с ней. На всех Юрий Карлович смотрел исподлобья. Но никто почему-то не заметил, как за Валечкой ухаживал Евгений Петрович. Поэтому, когда она вдруг вышла за него замуж, это было ошеломляющей неожиданностью. <…>

Неожиданностью было и то, что Юрий Карлович сдержал, казалось, не всерьез данное слово: первое и самое поэтичное свое произведение – «Три толстяка» – он посвятил Валечке. <…>

А чета Петровых поселилась в маленькой комнатке нового дома в Троилинском переулке, на Арбате. И, как это обычно бывает, их юное счастье на некоторое время отдалило молодоженов от прежнего круга друзей».

Свидетельство Виктора Ардова

«Брак их состоялся на моей памяти. Помнится, Валентина Леонтьевна, выходя замуж в 1928 [*1929*] году, была еще очень молода, и пришлось, кажется, обмануть регистраторшу в загсе, прибавив невесте возраст. Петров оказался превосходным семьянином, и брак вообще был крайне удачным. Здесь тоже сказалась принципиальная чистота Евгения Петровича. В конце двадцатых годов еще существовали остатки богемных анархических нравов в литературной среде. Петров часто с насмешкой или негодованием говорил о разводах и супружеских изменах, которые возникали в то время».

Под фотографией Валентины Леонтьевны Грюнзайд в альбоме А.Е. Крученых Олеша написал: *Нужно помнить также, что В.Л. Катаевой-Петровой-Грюнзайд был посвящен (вернее написан для нее, когда она была дитя) роман «Три толстяка». Ю. Олеша. 1933 г.*

А в альманахе «Чукоккала» К.И. Чуковского под записью Евг. Петрова от 1 декабря 1929 г. Олеша сделал примечание: *Евгений Петров <…> умалчивает, что его жене Валентине, когда она была тринадцатилетней девочкой, был посвящен роман «Три толстяка». Она выросла и вышла замуж за другого.*

В заключение – **воспоминание писателя Александра Нилина**, дружившего в юные годы с сыновьями Евгения Петрова – Петром и Ильей Катаевыми (Александр Нилин. Линия Модильяни. – Знамя, 2010, № 6):

«Валентина Леонтьевна не любила Олешу никаким – ни молодым, знаменитым и богатым, ни старым, впавшим в нищету и безвестность. А если Юрий Карлович приходил к Валентине Леонтьевне выпивши, она велела детям гнать его прочь. Жили они в одном доме. <…>

Я вот только сию минуту сообразил, что застал продолжение романа, который, будь он переложен (Юрием Карловичем, само собой) на бумагу, смог составить бы конкуренцию «Мастеру и Маргарите».

Ни в чем себе не изменивший Кавалеров продолжал любить Валю – Валентину Леонтьевну, не желая замечать, что «ветвь» давно превратилась в лучшую на свете маму. Валентину Леонтьевну на моей памяти никогда ничего не интересовало, кроме Ильюшиных и Петиных дел (оба сына, никого поначалу не поражая способностями, выросли известными людьми, оба стали лауреатами Государственной премии), здоровья детей, ее внучки и внука. Внука в честь дедушки назвали Женей…»

Из интервью А. Щуплова с Екатериной Ильиничной Катаевой, внучкой Евгения Петрова и Валентины Грюнзайд

«*Говорят, что у Евгения Петрова была в жизни жутко романтическая история, связанная с вашей бабушкой…*

– И виной тому – Юрий Карлович Олеша. В старой Москве жила девочка Валя Грюнзайд, из очень хорошей семьи: ее отец был поставщиком чая его императорского двора. Можете представить,

какое воспитание было у девочки. У нее всегда были бонны, домработницы. Она была очень избалованным ребенком, и в нее был влюблен Юрий Олеша. Девочка Валя очень часто выглядывала в окно, и Юрий Карлович, проходя мимо и видя ее, говорил друзьям: «Я ращу себе невесту!». А чтобы девочке Вале не было скучно, он написал для нее сказку. Догадываетесь, какую? «Три толстяка». Первый экземпляр книжки он подарил ей с надписью: «Всегда ваш. Вале!» Бабушка нередко рассказывала мне эту историю. В ней фигурировала кукла, которую ей привез ее отец, впоследствии, в революционные времена, репрессированный. Эта большая говорящая кукла сидела у Вали на окне. Именно о ней написал в своей сказке Олеша.

В один прекрасный день Юрий Олеша провел своего друга Женечку Катаева мимо окна и показал ему девушку Валю… Любовь у дедушки и бабушки была умопомрачительная. Они очень быстро поженились, и уже в 1930 году у них родился старший сын.

Я не понимала никогда одного: в книжке девочку-героиню зовут Суок, и мы знаем, что одна из сестер Суок стала женой Юрия Олеши. Но со слов бабушки, папы и дяди получалось так, что книжка была посвящена Вале Грюнзайд, моей бабушке. Почему же героиня носит имя Суок?»

«Российская газета» от 14 декабря 2002 г.

Ну, в этом рассказе имеется все что нужно: мифы, легенды и прочее, столь любимое журналистами. Не стану входить в подробности. Но слишком много кукол! Значит, не Валечка увидела куклу в катаевском окне, а Олеша увидел куклу, сидящую на Валечкином окне? Я не утверждаю, что Олеша, создавая «Трех толстяков», вдохновлялся той самой куклой, которую они с Ильфом держат на коленях. Вполне вероятно, что говорящая кукла, подаренная Валечке отцом, и воодушевила писателя-романтика.

Нужно сказать, что куклы всегда волновали Олешу. Осталась в его памяти кукла из одесского детства:

«…Мы увидели куклу, которая чуть выйдя из раскрытой и поставленной торчком коробки, так и остановилась в позе шагнувшей. <…> Это была обыкновенная кукла, правда – из дорогих, все же обыкновенная кукла с широко раскрытыми голубыми глазами, с несколько разведенными руками, с льняными локонами».

В середине 1930-х на горизонте возникает еще одна кукла, о которой вспоминает Елена Левина, дочь писателя Бориса Михайловича Левина, друга Ильфа и Петрова (все они вместе жили на клязьминской даче, а девочке Елке было лет пять-шесть):

«Петькина мама [*Петя – старший сын Петровых*] Валентина Леонтьевна (так мы ее звали) – Валечка Петрова – была очень молоденькая и хорошенькая, с пепельными волнистыми волосами. Ее обожал Юрий Карлович Олеша, все это знали, и мы тоже. …Олеша подарил ей куклу, очень большую, с закрывающимися глазами, нарядную. Кукла сидела в углу на стуле и была отделена толстым шнурком или канатом, как музейная реликвия, чтобы мы ее не касались. Книжка «Три толстяка» была посвящена Валентине Леонтьевне, но почему-то в современных изданиях это не указывается».

Катю, Екатерину Ильиничну Катаеву, удивляет, почему книга посвящена ее бабушке, Валентине Леонтьевне Грюнзайд, а героиню зовут Суок?

Отвечаю: Роман «Двенадцать стульев» посвящен Валентину Петровичу Катаеву, а героя зовут Остап Бендер.

Это шутка. Тем не менее в суперлитературоведческом предисловии к книге воспоминаний Юрия Карловича упоминается «вдова Олеши Ольга Густавовна Суок, которой был посвящен роман для детей о толстяках и маленькой девочке из цирка». И на старуху бывает проруха, как заметила однажды подруга детства Бендера, польская красавица Инга Зайонц.

Москва

Лев Оборин

Причина перемены

Между Одессой и Батуми находится Черное море, а по нему плавает паром «Грейфсвальд», с палубы которого можно видеть морскую грозу и молнию, ударяющую в воду. Этот паром может проглотить несколько железнодорожных составов. На его борту я написал стихотворение, которое не связано ни с Одессой, ни с Батуми, ни с Черным морем; но по форме и тону это стихотворение сильно отличается от тех, что я писал в последние несколько месяцев до того, – и, думаю, плавание, которое в моем случае можно назвать дальним, было одной из причин такой перемены.

* * *

– А были, дедушка, у вас
Медали с орденами?
– Нет, я гусей в то время пас
В деревне под Ромнами.
С. Маршак

Слова как пряжки на ремнях,
от металлического тембра
все гуси лопнули в ромнах
и на лугах disjecta membra

Над пионерами колосс
вещает мудро нависая
как все стальное удалось
о чем ребятам написали

Он сам немного удивлен
в стих отливается вербатим
но в двери хлынет свет и он
детей простынет след и он
подавится беззвучным ятем

Москва

Андрей Родионов

Хождение за три моря

Для меня это было как хождение за три моря! Я не только не был ранее в Одессе и Батуми, но и с современной южной поэзией знакомился впервые. Яркая поэзия Одессы в исполнении местных поэтов напоминает крики чаек на пирсе – непонятно, о чем кричат чайки, но сердце трепещет в ответ.

Платаны закрыли солнце на безлюдных улицах старой Одессы. В море плавает жирная камбала, потом она лежит на Привозе и тяжело вздыхает, на спине у нее куски дымящегося льда.

Двое суток мы шли на пароме из Одессы в Батуми.

Батуми – далекий мифический город из фэнтези-сериала «Игра престолов».

Пир на вершине горы в доме поэта трудной судьбы Тариела Цхварадзе.

Старая крепость в Батуми. Аэропорт.

В Москве участники поездки не в силах скрыть доброй улыбки – солнечная батарея заряжена надолго!

цистерны со спиртом в трюме
вез огромный паром
рейс из одессы в батуми
легкий трехбалльный шторм

тучи, как черные трупы
мочили панамский флаг
в страшные эти минуты
с Катей мы пили коньяк

как под колоду гадюка
ползла под корабль волна
как это клево, Катюха,
что ты у меня одна

Екатерина Троепольская

Журнал «Октябрь» существует в другом измерении. Обсуждая темы нервного срыва литературы или констатируя печальные факты из ее жизни, «Октябрь» ведет себя так, словно литература – это по-прежнему сила, объединяющая и стирающая границы. Будто и не развалилось то большое государство, которое гордилось своим самым начитанным населением.

Фестиваль прошелся немыслимым маршрутом: Москва – Одесса – Батуми. В Одессе все было ожидаемо прекрасно. Маяковский плыл добрым облаком, солнце сияло, грузинский коньяк обещал грядущие приключения. Ирина Барметова посреди этого мая организовала работу так, что утреннее интервью переходило в творческий вечер, без дела никто не оставался.

Двухдневное путешествие на корабле спонсоров фестиваля «Укрферри» тоже было наполнено литературой. Поэты читали стихи, когда их наэлектризованные волосы шевелила гроза, когда мимо проплывали дельфины, когда вокруг напивались добрые грузинские дальнобойщики.

В Батуми уже почти забыли русский язык, но, похоже, скоро вспомнят…

Москва

Тамар Хитири

На все времена

Пасмурным осенним днем, когда над городом нависли тучи, я вышел из дома и направился в сторону приморского парка. Сегодня мой первый рабочий день, сегодня я открываю собственную лавочку снов. Да-да, вы не ослышались – лавочку снов. С самого детства я коллекционировал сны – свои, чужие, почти неиспользованные и совсем потрепанные. Когда я был маленький, мой сосед объяснил мне, что ничего в этом мире не исчезает бесследно, а витает в пространстве вокруг нас в виде тонких белесых нитей. С тех пор я стал собирать нити снов, наматывая их на виниловые пластинки.

Год назад, в самый разгар лета, я бродил по городу и грустил. Тревожный ветер, предвестник бед, дующий с моря, не долетал до человеческой души, а лишь путался в волосах, смешиваясь с запахом дорогих духов и дешевого пива. Многочисленная пестрая толпа жаждала развлечений. Я и сам не заметил, как оказался вдали от шума и разврата города и выбрел на пустырь. На огромном дворе, усыпанном пеплом сгоревших надежд, сидели двое – оборванный нищий и ворон. И я услышал скрипучий голос:

– Ты знаешь, старик, этот город, построенный на костях, каждую ночь проглатывает новую жертву.

Нищий вздохнул.

Несколько минут они молчали, а потом ворон заговорил, трепеща от волнения:

– Знаешь, старик, я вчера проснулся среди ночи оттого, что рыдал мой желудок. Оглянулся – а я в небе, и не в вязком и сером, как сейчас, а в настоящем голубом небе. Ты представь, я был лебедем, нежным и белым! А ты был принцем!

Он умолк. Нищий плакал бессильно и глухо. А я тихо поплелся назад, думая о своем.

Я думал о том, как много людей, несчастных в жизни, могут испытать счастье во сне, стать по-настоящему счастливыми, пусть на одну ночь. И я понял, что должен поделиться богатством, которым обладаю. И вот через год после встречи с вороном и нищим я открыл лавку снов. У меня были сны на любой вкус. Были сны парижских куртизанок и древних гладиаторов. На одну ночь вы могли стать кем угодно, прожить иную жизнь. Вы могли стать Наполеоном или Гитлером, полностью изменить ход истории.

У меня отбоя не было от покупателей, в лавочке змеились очереди. Вскоре я начал замечать, что сны действуют на людей сильнее, чем я думал. Часто видя один и тот же сон, человек становился похожим на его персонажа, приобретал его качества.

Я с неохотой расставался с некоторыми снами. И всегда заносил имя и фамилию покупателя в толстую тетрадь. У меня накопился целый склад таких тетрадей. А покупателей становилось все больше и больше. Некоторые сны продавались сразу, некоторые годами пылились на полках.

Спустя много лет солнечным майским днем в лавочку зашел очередной покупатель – молодой человек весьма ординарной наружности. Лучики весеннего солнца смеялись в его голубых глазах, и на лице играла улыбка. Он долго выбирал сон, никак не мог решиться. И в конце концов выбрал кровавый сон маньяка.

«Не бери, не надо!» – подумал я, однако не смог произнести.

Он ушел, приятный улыбчивый молодой человек с доброй улыбкой. Я долго смотрел ему вслед. Майское небо заволокло тучами и начал моросить дождь. Я занес в тетрадь имя симпатичного мне покупателя: Андрей Чикатило.

Грузия

Паата Шамугия

Я становлюсь словом

Силлогистический анализ

мать, отец,
с сегодняшнего я буду заслуживающим одобрения сыном
с достойными манерами,
не отступающим от устоявшихся универсальных правил,
а мои прежние выходки
накроет тенью прошлое
(из-за них мне и так неловко).
найду себе порядочную и симпатичную жену,
и мы родим по меньшей мере трех детей,
если же Бог будет милостив,
то столько – сколько он даст
(в свою очередь и я буду «работать», чтобы подсобить Богу).
буду писать хватающие за душу лирические стихи
и завяжу с социальной сатирой,
перестану издеваться над родиной,
потому что родина – это святое,
а народ мудр
(что, конечно, не одно и то же,
но фольклорный раствор коллективной логики
крепко связывает и объединяет,
а черт разъединяет,
что, естественно, также две разные вещи,
но божественная мудрость дается нам намеками,
чем разрушает все ожидания любителей корреляций).
и вообще я буду намного симпатичнее

и наберу вес,
ибо, согласно философскому дискурсу Гиглы Тварадзе,
уважающий себя мужчина
должен весить по меньшей мере семьдесят пять килограммов,
и иметь рост метр восемьдесят
и быть здоровым,
чтобы дать отчизне биологический урожай – детей,
и быть солью мира сего,
и быть бодрым и отважным,
и не страдать сколиозом,
и иметь все зубы,
тем более те, которые видны при смехе,
и вообще уважающий себя человек должен быть симпатичным,
а я бессовестно вешу шестьдесят пять кг,
что само по себе является доказательством бесстыдства,
и даже если б не так, все равно, несмотря на худобу,
я угловат в движениях, как Бальзак в своих фразах,
и не такой уж симпатичный.
а ведь, Бог свидетель, я хотел жить правильно,
но, видно, ничего не выйдет.

И вновь о том, что смерть не к месту

Меня вдохновила реальная история,
которую я местами приукрасил
ничего не говорящими метафорами

незачем умирать,
есть более цивилизованные способы
успокоить совесть,
например, написать стих,
пусть даже плохой
(но и не настолько, как этот),
пожаловаться на тщетность бытия,
отправиться на шопинг, или по нужде, или в космос,
и ни в коем случае не отправляться к праотцам.

смерть в действительности очень асексуальна,
даже не знаю, кого сегодня можно ею соблазнить,
разве что какую-нибудь почтенную восковую даму
с атавистическими наклонностями,
ну а нормальные женщины и бровью не поведут
в ответ на подобное банальное поведение.

однажды во время поездки на автобусе № 61
женщина, бравшая себе билет, умерла.
вот так вот бессовестно взяла и умерла.
«какое бесстыдство», – подумал я,
и запасенная моими глазами кровь
излилась в зрачки
проявлением жалости и бессильной ярости.

Перевод с грузинского Анны Григ

Грузия

Алена Яворская

«Шершавым языком плаката»

«Короста – болезнь накожная, а югроста – настенная».

Так отзывается об организации со знойным названием ЮгРОСТА герой рассказа, написанного в 1920 году Валентином Катаевым.

ЮгРОСТА – младшая, одесская дочь РОСТА, возникшая в феврале 1920, практически на следующий день после установления в городе советской власти. В Москве в РОСТА бушевал стихами и красками Владимир Маяковский, в Одессе вокруг ЮгРОСТА собралась веселая компания молодых поэтов и художников. Заботила их, в первую очередь, не идейная борьба, а получение пайка (то есть возможности выжить). А во вторую – возможность рисовать, пусть даже не в излюбленной художниками-одесситами футуристической манере. Борис Ефимов, патриарх советской карикатуры, в то время девятнадцатилетний юноша, принимая на работу, «вежливо, но твердо отклонял сделанные в подобном стиле эскизы». По его словам: «Процедура приема работников в Изагит несколько напоминала, вероятно, знаменитую церемонию принятия в Запорожскую Сечь, описанную в повести «Тарас Бульба».

– Плакаты рисовать сможете?

– Смогу.

– И сатирические?

– И сатирические.

– Гм… Попробуем».

Первое описание этой замечательной организации сделал в том же году ее же сотрудник Валентин Катаев: «Граждане, имевшие удовольствие жить в период второго и третьего года республики на юге, вероятно, хорошо знают, что такое стенная газета

ЮгРОСТА. Распространяться о ней нет никакой надобности. Граждане же, не имевшие удовольствия провести вышеупомянутые два года на юге, так, вероятно, до конца дней своих и не узнают, что такое стенная газета ЮгРОСТА, потому что еще не родился на божий свет мастер, способный описать эту не поддающуюся описанию газету». Рассказ «Бездельник Эдуард» – о сотруднике все той же ЮгРОСТА, поэте и художнике Эдуарде Багрицком.

Следующее описание – уже в стихах – в 1934 в поэме-воспоминании Марка Тарловского «Веселый странник», написанной на смерть Э. Багрицкого в 1934. И в 1967 году в «Траве забвения» Катаев вспоминает один из плакатов работы брата Ильфа, Сандро Фазини:

«…революционные матросы, написанные в духе Матисса на огромных фанерных щитах, установленных на бульваре Фельдмана, были почти условны. Черные брюки клеш. Шафранно-желтые лица в профиль. Георгиевские ленты бескозырок, вьющиеся на ветру. Ультрамариновое море с серыми утюгами броненосцев: на мачтах красные флаги».

Работали под руководством (непосредственным) Б. Ефимова и общим – поочередно М. Кольцова, С. Ингулова, В. Нарбута более тридцати художников. Э. Багрицкий, С. Зальцер, И. Малик, Б. Косарев, Б. Крюков, Е. Окс, М. Синявский, оба старших брата Ильфа – С. Фазини и М. Файнзильберг, сын одесского писателя А. Федорова В. Федоров (художник Дима в повести В. Катаева «Уже написан Вертер») и многие другие.

«Рукописи не горят», – сказал один из героев известного романа. Мы, знающие историю, добавляем: «Их сжигают». И не только рукописи – фотографии, книги, картины.

В этой безумной круговерти времени чудом уцелели эскизы и плакаты, сделанные молодыми художниками. Коллекцию передавали из одного музея в другой, и, наконец, она осела в фондах Одесского историко-краеведческого музея. Более 1000 работ, посвященных злободневным темам. На выставке «Шершавым языком двадцатых…», приуроченной к Международному фестивалю, было представлено всего тридцать работ.

Немного, но среди них единственная сохранившаяся карикатура Б. Ефимова, стихи, написанные рукой Ю. Олеши, Э. Багрицкого,

рисунки сгинувшего в колымских лагерях В. Федорова, казненного в Освенциме Фазини, умершего от голода М. Файнзильберга. А многие художники так и остались неизвестными или же почти неизвестными. Так, рисунок с изображением памятника Пушкину и городской думы подписан «Л. Рив'ен» (возможно, брат известного в 1930-х карикатуриста А. Лейферта). Его же текст на вечную для Одессы тему:

В тюрьму не хотите ли,
Слухов распространители?
Одесские радиоприемники,
константинопольские паломники…
Зайцы трусливые,
Торгаши похотливые,
Валюту считаете,
Черные гнойники?
Вы же покойники –
Понимаете?

У И. Малика мирный труд – «Рабочий и крестьянин разгружают шаланду с мукой». Неизвестный художник рисует картину ограбления в 1919 и красную милицию в 1920. Знаменитый плакат художника И. Француза «Язык для Киева не доведет», высмеивавший Пилсудского,* – вскоре после этого поляки заняли Киев.

ЮгРОСТА – школа жизни и выживания, возможность работы и надежда на будущее.

ЮгРОСТА – юность одесской литературной школы.

* Юзеф Пилсудский (1867-1935) – польский политический деятель. В 1918 году был провозглашен «начальником государства» и оставался им до конца 1922 года. Сыграл значительную роль в организации нападения Польши на Советскую Россию (1920). В мае 1926 года совершил военный переворот, установил в Польше «санационный» режим и был вплоть до своей смерти фактическим диктатором Польши.

Юрий Олеша

Рассказы

Одесса, 1913

Два дебюта

Меня впервые в Одессу привел не Хлебников, которым я уже занимался несколько лет, не Маяковский и его поэма «Облако в штанах», а Исаак Бабель. И это не его «Одесские рассказы», а его первый рассказ «Старый Шлойме». В середине 60-х годов, работая в киевской «публичке» (сейчас это – Национальная библиотека Украины), я обнаружил в дореволюционном журнале «Огни» (Киев, № 6, 9 февраля 1913) ранее неизвестный рассказ И. Бабеля «Старый Шлойме». В автобиографии И. Бабель уверял, что он начал печататься в 1916 году в горьковской «Летописи». Почему Бабель никогда не упоминал о своем дебюте в киевском журнале «Огни» за три года до «Летописи», сказать трудно. Видимо, он считал рассказ «Старый Шлойме» слабым.

Я послал этот рассказ Бабеля в Одессу своему приятелю Евгению Голубовскому, и он опубликовал его в сборнике «Горизонт» в 1967 году. Вскоре рассказ вошел в научный обиход. С этой публикацией случилась неприятная история. Критик Лев Левицкий, автор книги о К. Паустовском (1963), упоминает в ней о том, что Паустовский дебютировал в том же журнале «Огни», но годом раньше – в 1912 году. Упоминал он и о дебюте И. Бабеля. Я беседовал с Левицким в «Новом мире», где он тогда работал. Пытался объяснить ему, что я нашел рассказ Бабеля независимо от его книги, которую я тогда еще не читал. Я ему рассказал, что разыскал дочь редактора журнала «Огни» О. Прохаско и некоторых его сотрудников. Дочь О. Прохаско подарила мне несколько номеров этого уникального журнала. Пытался реконструировать обстановку в журнале, в котором дебютировал Бабель. Видимо, Левицкий тогда не поверил мне. Недавно один из его друзей в своей статье вспомнил

№ 43-й Четвергъ. 17-го января 1913 года. Годъ изданія 2-й.

ПЕРВАЯ ВЪ РОССІИ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ДѢТСКАЯ ГАЗЕТА

„ГУЛОКЪ"

ПЕРВАЯ ВЪ РОССІИ

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Цѣна 1 коп. — Воспитательно-нравственная, духовная и художественно-литературная газета — Цѣна 1 коп.

Театръ Акваріумъ. Успенская 3. № 111.

„Въ объятіяхъ звѣря".

КИНОПЛАСТИКОНЪ Ланжероновская 26, залъ быв. Огинскаго

Елисавета, королева Англіи.

Два китайца, Земной тахецъ

Электрическій ТЕАТРЪ „АПОЛЛО". Преображенская 38.

Валетъ треф

Театръ Тріумфъ. М.-Арнаутская 1. № 25.

АГОНІЯ ЛЮБВИ

среди подонковъ общества.

об этой якобы некрасивой с моей стороны истории. На этот раз я не стал объясняться. Впоследствии я познакомился со вдовой Бабеля А.Н. Пирожковой и рассказал ей об этом.

С тех пор прошло много лет и много воды утекло. Женя Голубовский, слава Богу, жив и относительно здоров и много делает для прославления литературной Одессы. Время от времени я посылаю ему неизвестные материалы о писателях, связанных с Одессой, и он их публикует. Так он опубликовал мою статью о пребывании Хлебникова в Одессе в 1912 году и два его неизвестных письма к одесским родственникам. Напечатал в альманахе «Дерибасовская – Ришельевская» очерк Виктора Некрасова об освобождении Одессы, который я ему прислал. В 2004 году я организовал Одессе вместе с Литературным музеем Международную конференцию, посвященную 100-летию Н.И. Харджиева, в которой приняло участие 63 исследователя. По материалам этой конференции мы выпустили сборник под названием «Возвращение авангарда».

В мае этого года меня пригласила участвовать в Международном литературном фестивале Ирина Николаевна Барметова (главный ре-

— 2 — ГУДОКЪ — № 1

повъ, создались такія отношенія между ними, учениками и имъ, учителемъ, которыя переходили всякія границы. Дошло до того, что нѣкоторые изъ нихъ, шутя, говорили ему дерзости....

(Продолженіе будетъ).

Старый Воробей.

Шуточныя стихотвор. дяди Антона.

I.

Основательная жалоба трактирщика.

...Получаешь такъ люди
И одѣты и сыты:
Бакъ лишно лѣнясь
Шлать они труды!
Вопьются весь Кашуба
Чтожъ сдаду заслужишь
Аття, сказа нажесть—
Аперову открыть.
Я трошать лѣть трудится
И лѣту немогу,
И сдѣлю не добьюся
Открыть... питейный домъ!..

II.

„Нашелся".

Дорожка,
Дождикъ,
Шалунишку Ваню
Что за вода,—
Не зги видно—
Кто знаешь ты ихъ адресъ?
Зовёшь ихъ,
Стонешь,
Ваня—Шалунишка...
Отвѣтишь ли
Любимецъ
Такъ сдѣлалъ шалунишка:
„Это рецептъ"

въ имѣніе находящееся въ Могилевской губерніи. Цѣлые это родители мои пріѣзжали какъ разъ въ тотъ день, когда я поступилъ въ гимназію. До этого оно принадлежало богатому барону, выходцу изъ Вестфаліи (его фамилія была, кажется, Ренцель).

Онъ былъ вдовъ и имѣлъ единственнаго сына, девятилѣтняго Эрика, котораго безумно любилъ. Однажды Эрикъ, катаясь верхомъ, пробѣжалъ черезъ лѣсъ, гдѣ былъ застигнутъ грозой, во время которой его убило молніей. Когда крестьяне пріѣхали найденный ими въ лѣсу трупъ Эрика къ барону, онъ въ отчаяніи покончилъ съ собой. Имѣніе досталось брату барона, отъѣзженному купцу и воту, а онъ, усмотрѣвши большую выгоду въ наличномъ капиталѣ, немедленно изъ недвижимаго имущества, продать имѣніе помѣщику Ренцелю.

— Въ это время среди крестьянъ, населяющихъ это имѣніе распространились слухи, что въ лѣсу, гдѣ погибъ Эрикъ, появляется маленькій мальчикъ верхомъ на бѣлой лошади. Это призракъ Эрика. Малолѣтнему пѣвцу не удалось при этого призрака такъ умѣючи убѣдить между крестьянами, и было много среди нихъ такихъ, которые уѣхали отъ собственныхъ слезъ видѣли его. Этой легендѣ вѣрили и я. Но черезъ два года послѣ пребыванія моего дуна, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя увидѣлъ высокую бѣлую лошадь и верхомъ на ней маленькаго кудрявого мальчика... Волосы на головѣ у меня зашевелились, на лобъ выступили крупныя холодныя пота, и дико вскрикнулъ и потерялъ сознаніе...

— Очнувшись, я увидѣлъ себя въ избѣ лѣсника. Я лежалъ на лавкѣ, подъ которой стоялъ лѣсникъ Ѳома и маленькій пастушокъ Яшка, бывшій тогда моимъ первымъ помощникомъ въ проказахъ.

— Что, баринъ, испугались? — участливо спрашивалъ Ѳома чай, думаю, барчука того встрѣтили, котораго убили—помнишь?.. А это Яшка на Сивкѣ съ мельницы возвращался, я вы думали — призракъ?

Я посмотрѣлъ на Яшку, на его кудрявую голову и засмѣялся.

Докторъ закончилъ и встѣмъ, улыбнись, добавилъ:

— Такъ вотъ, что со мной случилось... Нѣтъ никакихъ призраковъ, а вы говорите о нихъ? Ерунда это!

Трубка доктора погасла, и синій дымокъ кинулся кверху.

Марія Малиновская.

Отъ редакціи.

По недосмотру типографіи [illegible] „произведенія" юныхъ писателей, забракованныя редакціей, были напечатаны и помѣщены въ № 29

обстановки кочегарки, [illegible] кажется ему не душной [illegible] гаркой, и тихой и [illegible] комнаткой...

Сегодня поѣздъ, [illegible] сопровождать Алекс. [illegible] евичъ, должень быть сдѣ[illegible] 5-ти минутную остановку [illegible] томъ городѣ, гдѣ живетъ [illegible] сандръ Васильевичъ. Но [illegible] не радовало его. Необ[illegible] присутствіе чего-то тяже[illegible] камнемъ лежитъ на его [illegible] дѣ... Сильной рукой бр[illegible] есть онъ уголь въ топ[illegible] энергичнѣе и энергичнѣе [illegible] разгорается пламя и ж[illegible] протискивать комки къ [illegible] сандру Васильевичу, т[illegible] проси еще угля... Весь м[illegible] покрытый копотью, с[illegible] Александръ Васильевич[illegible] нимающій и жадно гл[illegible] впередъ...

Но вотъ уже нѣк[illegible] мелькаетъ знакомый ск[illegible] ный долгъ стрѣлочника [illegible] уже вокзалъ и платформ[illegible] точно муравьи въ мурав[illegible] кѣ, нѣчно копошатся лю[illegible] пики. Жадными взорами [illegible] дитъ Александръ Василье[illegible] на толпу, стоящую возл[illegible] ала, не родныхъ лицъ [illegible] не видитъ. Тяжелое пре[illegible] ство все больше и бо[illegible] грызетъ его сердце... [illegible] шесть срокъ остановки [illegible] Тадъ взрогнулъ и зам[illegible] медленно впередъ. В[illegible] время мимо вокзала пр[illegible] пожарные. Внезапные [illegible] ихъ рожа напоминая

дактор журнала «Октябрь») в связи с 120-летием со дня рождения В.В. Маяковского. На вечере в Литературном музее, посвященном выходу очередного номера альманаха «Дерибасовская – Ришельевская», я подарил Е. Голубовскому два неизвестных рассказа Ю. Олеши – «Случай» и «Скрипка».

Интересна история находки этих текстов. Моя близкая приятельница из Нью-Йорка Сима Блох (Ройтман) напечатала эти рассказы Олеши в сборнике, приуроченном к моему 75-летию, который вышел на днях – «Авангард и остальное». Во время подготовки к печати сборника Ю. Олеши «Избранное» (1974) она обнаружила в ЦГАЛИ (ныне – РГАЛИ) его запись в альбоме А. Крученых: «Еще раньше напечатал в одесской газете (между прочим, «Гудок») для детей, но от имени взрослого рассказ «Случай», не помню за какой подписью». Это был дебют Ю. Олеши. В одесской научной университетской библиотеке ей удалось разыскать подшивку ежедневной детской газеты «Гудок». В двух номерах этой

Я посмотрѣлъ на Яшку, на его кудрявую голову и засмѣялся.

Докторъ замолчалъ, а затѣмъ, улыбаясь, добавилъ:

— Такъ вотъ, что со мной случилось... Нѣтъ никакихъ призраковъ, а вы говорите о нихъ! Ерунда это!

Трубка доктора погасла, и синій дымокъ взвился кверху.

Марія Малиновская.

Отъ редакціи.

По недосмотру типографіи нѣкоторыя „произведенія" юныхъ писателей, забракова-

газеты (от 3 и 17 января 1913) С. Блох обнаружила два рассказа, «Случай» и «Скрипка», подписанных псевдонимом «Мария Малиновская», которые, вне всякого сомнения, принадлежат Ю. Олеше. Она любезно разрешила перепечатать эти рассказы в журнале «Октябрь».

Александр Парнис
Москва

Случай

Рассказ доктора

Доктор улыбнулся и сказал:

– Смешно мне, право, слушать, как это вы все говорите о привидениях и тому подобной ерунде, ахаете, ужасаетесь... Никаких призраков нет, не верьте! Я расскажу вам об одном случае, происшедшем со мной, благодаря которому я стал отрицать всякую возможность их появления... Слушайте!

Доктор отпил немного чаю из своего стакана и начал рассказ.

– Это случилось уже давно, лет тридцать тому назад, когда я был еще учеником. Учился я тогда в Могилевской гимназии и, окончив зимние занятия, уже учеником третьего класса приехал на лето к родителям в имение, находившееся в Могилевской губернии. Имение это родители мои приобрели как раз в тот год, когда я поступил в гимназию. До этого оно принадлежало богатому барону, выходцу из Венгрии (его фамилия была, кажется, Реннен).

Он был вдов и имел единственного сына, девятилетнего Эрика, которого безумно любил. Однажды Эрик, катаясь верхом, проезжал через лес, где был застигнут грозой, во время которой его убило молнией. Когда крестьяне принесли найденный ими в лесу труп Эрика к барону, он в отчаянии покончил с собой. Имение досталось брату барона, отъявленному кутиле и моту, и он, усматривая большую пользу в наличном капитале, нежели в недвижимом имуществе, продал имение моим родителям.

В это время среди крестьян, населявших это имение, распространились слухи, что в лесу, где погиб Эрик, появляется маленький мальчик верхом на белой лошади – это призрак Эрика… Мало-помалу вера в появление этого призрака твердо укоренилась между крестьянами, и было много среди них таких, которые уверяли, что собственными глазами видели его. Этой легенде верил и я. Но через два года после приобретения моими родителями имения со мной произошел случай, после которого я, слушая разговоры о привидениях, только иронически улыбался. Это случилось, как я вам уже сказал, в то лето, когда я, перейдя в третий класс гимназии, приехал к родителям в имение. Здесь все еще говорили, что призрак сына барона появляется. К этому я стал относиться с некоторым недоверием, но все же не отрицал вполне правдоподобности этой легенды. В имении я предался всем удовольствиям деревенской жизни: катался верхом, охотился, удил рыбу…

Однажды, не помню почему, мне пришлось вечером возвращаться домой лесом. Была ясная лунная ночь, так что я без труда пробирался между деревьями. Пришлось идти очень долго. Я шел скоро, гонимый страхом, возбуждавшимся воспоминаниями о призраке. Я даже жалел, что не пошел другой дорогой, хотя тогда мне пришлось бы сделать лишних полверсты… Но представьте

мой ужас, когда я, выйдя на поляну, всю залитую сиянием луны, в нескольких шагах от себя увидел высокую белую лошадь и верхом на ней маленького кудрявого мальчика… Волосы на голове у меня зашевелились, на лбу выступили капельки холодного пота, я дико вскрикнул и потерял сознание…

Очнувшись, я увидел себя в избе лесника. Я лежал на лавке, возле которой стоял лесник Фома и маленький цыганенок Яшка, бывший тогда моим первым помощником в проказах.

– Что, барин, испугались? – участливо спрашивал Фома. – Чай, думали, барчука того встретили, которого убило молнией?.. А это Яшка на Снегире с мельницы возвращался, а вы думали – призрак!

Я посмотрел на Яшку, на его кудрявую голову и засмеялся.

Доктор замолчал, а затем, улыбаясь, добавил:

– Так вот что со мной случилось… Нет никаких призраков, а вы говорите о них! Ерунда это!

Трубка доктора погасла, и синий дымок взвился кверху.

Март, Малиновская

Скрипка

Старый Соломон умер. Умер неожиданно для Исаака, который широко раскрытыми изумленными глазами смотрел на вытянувшееся тело отца. Соломон никогда не болел, никогда ни на что не жаловался. Целыми днями ходил он по дворам со своей скрипкой и, играя на ней, зарабатывал несколько копеек в день.

Вчера он пришел поздно, не заработав ни гроша, голодный, продрогший, лег на кровать и ничего не говорил весь вечер. Ночью Исаак слыхал тихие стоны. На другой день Соломон, против обыкновения, не пошел на заработки, что несказанно удивило Исаака, а к вечеру Соломон умер…

Исаак долго сидел у кровати и смотрел на труп отца. Он чувствовал, как что-то подступало к горлу и сдавливало его…

Утром в комнату приходил дворник, приходил еще какой-то господин с портфелем, позже пришли люди с носилками и унесли труп. Когда они возились возле кровати, Исаак, забившись в угол комнаты, все тем же удивленным взором смотрел на них. Один из них, высокий, плечистый с рыжими усами спросил другого, указывая на Исаака:

– А что с хлопцем будет?

Что ответил другой, Исаак не расслышал.

Мальчик все сидел в углу, устремив глаза в ту сторону, где стояла кровать. Он долго сидел. Тени сгущались, и сумрак наполнял комнату. Черным резким пятном выделялась на сером фоне стены скрипка. Глядя на нее, Исаак вспомнил, как отец учил его играть на ней. Теперь Исаак умел играть все те песенки, которые играл его отец, расхаживая по дворам. Исаак снял со стены скрипку, взял смычок, и звуки полились… Они ширились, росли и то звонко оглушали всю комнату, то тихо, жалобно дрожали… Слезы текли по щекам мальчика. Он играл, изливая в звуках всю свою скорбь. Он играл долго, в комнате стало совсем темно.

Скрипка рыдала…

На следующий день Исаак никуда не выходил: он сидел в углу и играл. Играл, забыв обо всем, весь отдавшись звукам, волной разливавшимся по комнате. Он вспоминал отца, видел его вечно скорбное лицо, слышал его тихий, покорный голос, видел свою худую чахоточную мать, вспоминал свое детство, обиды и горечь, вспоминал всю жизнь свою… Он играл и рыдал вместе со скрипкой…

Вдруг дверь комнаты открылась и на ее пороге показался дворник. Словно в тумане, Исаак увидел его бородатое лицо и будто издалека услышал грубый голос:

– Ты что разыгрался, ошалел что ли? Все жильцы жалуются! Тоже музыкант! Брось играть!

– Вот что, малец, – продолжал дворник, – хозяин денег за комнату требует, батька твой помер, платить тебе нечем… Я этот струмент и занесу хозяину заместо платы, а ты сиди здесь, покамест полиция вмешается…

Дворник взял скрипку и вышел.

Когда стало темнеть, Исаак вышел на улицу. Густой туман опустился на город и изменил очертания домов. Он превратил их в уродливых, неуклюжих великанов, а фонари магазинов – в мутные расплывчатые пятна. Мелкими капельками садился он на крыши домов, на мостовую, на спины прохожих, спешивших домой укрыться от ненастной погоды. По мокрой мостовой с ревом проносились автомобили, катились экипажи. Исаак шел, не обращая внимания на окружавшую его жизнь. Красные, воспаленные глаза его были устремлены в пространство. Он не знал, куда идет, ему было все равно, он не имел отца, у него отняли скрипку, которой он мог поведать свое горе…

Публикация Серафимы Блох (Нью-Йорк)

Подарено Александром Парнисом (Москва) для публикации
в журнале «Октябрь» и альманахе «Дерибасовская – Ришельевская»

Стойкий оловянный солдатик

Нужно обладать огромным талантом, чтобы поспорить с судьбой. Олег Губарь должен был бы родиться два века назад, в Одессе, в пушкинские времена, где стал бы своим человеком. Возможно, о нем бы тогда написал поэт нечто близкое к этому образу – «Он был бы в Риме Брут, в Афинах Периклес, а здесь он офицер гусарский». Вполне вероятно, что и к постаревшему тогда, в веке девятнадцатом, Губарю относились бы вот эти строки Дениса Давыдова: «Где друзья минувших лет, Где гусары коренные, Председатели бесед, Собутыльники седые?»…

Но Губарь родился «в года глухие» – 16 ноября 1953 года. Восемь месяцев прошло со смерти тирана, и «зеленые глаза весны» еще не были видны. Природа ли, родители, тихий ли ангел над ним пролетел, но ребенок сызмальства уже проявлял свои таланты и дарования, взрослевшие и множившиеся с возрастом. Их можно долго перечислять – музыкальные, литературные, человеческие – верность в дружбе, неприятие пошлости, бражничество и невероятное трудолюбие, всегда неожиданные идеи и замыслы…

Но, пожалуй, самый яркий, самый привлекательный талант Олега Иосифовича – деятельная и глубоко продуктивная любовь к Одессе, к ее истории, ее героям. И в первую очередь, к пушкинской Одессе. Это его время. В своих многочисленных статьях, очерках, книгах он не просто воссоздал, оживил пожелтевшие архивные документы. В его книгах мы вслед за строчками Пушкина «Все оживилось; здесь и там Бегут за делом и без дела, Однако больше по делам…» видим, слышим и знаменитых, известных людей из пушкинского окружения, и тех, кого «воскресил» для

нас Губарь – актеров итальянской оперы, купцов, ремесленников, домовладельцев, рестораторов, – многоязыкую Одессу времен своего блистательного «золотого века»… И материальную среду обитания одесситов того времени – и архитектуру, и средства передвижения, и чернильницы, песочницы для письма, и нравы, обычаи – дуэли, карточные игры и многое-многое другое, с чего Губарь стер пыль прошедшего времени, и мы на страницах его книг встречаемся с нашими давними предшественниками как со старыми добрыми знакомцами!

В нашем альманахе «Дерибасовская – Ришельевская», в серии «Одесская библиотека», в других издательствах вышли книги Олега Иосифовича, украшающие Золотую одесскую полку. И в эти дни она должна пополниться двумя новинками, которые, каждая

по-своему, рассказывают о нашем городе, о тех, кто его создавал, и тех, кто живет в нем сегодня. Он щедр по отношению к друзьям – он думает и пишет о них, о нас, а это многого стоит.

Но менее всего Олег Губарь похож на человека в архивном футляре.

Почитаемый нами Валентин Петрович Катаев в блистательной повести «Алмазный мой венец» рассказал о тех, с кем создавал одесскую литературную школу, о тех, с кем прожил в Москве столь долгую и столь неоднозначную жизнь. Он вывел их на страницах под псевдонимами, дав каждому меткое прозвище, расшифровать которое можно, лишь досконально зная реалии и мифы *того* времени. Когда-нибудь, быть может, напишут и о времени нашем, об Одессе наших лет. Будущему историку и литературоведу дарим конспирологическое имя Олега Губаря – Стойкий оловянный солдатик. И его сразу узнают, в том числе и те, кто помнит вкус знаменитой губаревки, и те, кто только наслышан о ней.

Дорогой Олег! Наш альманах выходит к твоему дню рождения. Уверены, что с юбилеем тебя поздравят многие, и им есть что сказать тебе – историку, краеведу, писателю, отважному защитнику одесской культуры, науки, искусства, архитектуры, топонимики, традиций и обычаев, Дон Кихоту и Дон Жуану («в одном флаконе»!) наших дней. И это – далеко не все.

Будь же здоров и деятелен, весел и сосредоточен, задирист и стоек!

Евгений Голубовский, Феликс Кохрихт, Иван Липтуга

Фото Анны Голубовской

Стойкий оловянный солдатик

Нужно обладать огромным талантом, чтобы поспорить с судьбой. Олег Губарь должен был бы родиться два века назад, в Одессе, в пушкинские времена, где стал бы своим человеком. Возможно, о нем бы тогда написал поэт нечто близкое к этому образу – «Он был бы в Риме Брут, в Афинах Периклес, а здесь он офицер гусарский». Вполне вероятно, что и к постаревшему тогда, в веке девятнадцатом, Губарю относились бы вот эти строки Дениса Давыдова: «Где друзья минувших лет, Где гусары коренные, Председатели бесед, Собутыльники седые?»…

Но Губарь родился «в года глухие» – 16 ноября 1953 года. Восемь месяцев прошло со смерти тирана, и «зеленые глаза весны» еще не были видны. Природа ли, родители, тихий ли ангел над ним пролетел, но ребенок сызмальства уже проявлял свои таланты и дарования, взрослевшие и множившиеся с возрастом. Их можно долго перечислять – музыкальные, литературные, человеческие – верность в дружбе, неприятие пошлости, бражничество и невероятное трудолюбие, всегда неожиданные идеи и замыслы…

Но, пожалуй, самый яркий, самый привлекательный талант Олега Иосифовича – деятельная и глубоко продуктивная любовь к Одессе, к ее истории, ее героям. И в первую очередь, к пушкинской Одессе. Это его время. В своих многочисленных статьях, очерках, книгах он не просто воссоздал, оживил пожелтевшие архивные документы. В его книгах мы вслед за строчками Пушкина «Все оживилось; здесь и там Бегут за делом и без дела, Однако больше по делам…» видим, слышим и знаменитых, известных людей из пушкинского окружения, и тех, кого «воскресил» для

нас Губарь – актеров итальянской оперы, купцов, ремесленников, домовладельцев, рестораторов, – многоязыкую Одессу времен своего блистательного «золотого века»… И материальную среду обитания одесситов того времени – и архитектуру, и средства передвижения, и чернильницы, песочницы для письма, и нравы, обычаи – дуэли, карточные игры и многое-многое другое, с чего Губарь стер пыль прошедшего времени, и мы на страницах его книг встречаемся с нашими давними предшественниками как со старыми добрыми знакомцами!

В нашем альманахе «Дерибасовская – Ришельевская», в серии «Одесская библиотека», в других издательствах вышли книги Олега Иосифовича, украшающие Золотую одесскую полку. И в эти дни она должна пополниться двумя новинками, которые, каждая

по-своему, рассказывают о нашем городе, о тех, кто его создавал, и тех, кто живет в нем сегодня. Он щедр по отношению к друзьям – он думает и пишет о них, о нас, а это многого стоит.

Но менее всего Олег Губарь похож на человека в архивном футляре.

Почитаемый нами Валентин Петрович Катаев в блистательной повести «Алмазный мой венец» рассказал о тех, с кем создавал одесскую литературную школу, о тех, с кем прожил в Москве столь долгую и столь неоднозначную жизнь. Он вывел их на страницах под псевдонимами, дав каждому меткое прозвище, расшифровать которое можно, лишь досконально зная реалии и мифы *того* времени. Когда-нибудь, быть может, напишут и о времени нашем, об Одессе наших лет. Будущему историку и литературоведу дарим конспирологическое имя Олега Губаря – Стойкий оловянный солдатик. И его сразу узнают, в том числе и те, кто помнит вкус знаменитой губаревки, и те, кто только наслышан о ней.

Дорогой Олег! Наш альманах выходит к твоему дню рождения. Уверены, что с юбилеем тебя поздравят многие, и им есть что сказать тебе – историку, краеведу, писателю, отважному защитнику одесской культуры, науки, искусства, архитектуры, топонимики, традиций и обычаев, Дон Кихоту и Дон Жуану («в одном флаконе»!) наших дней. И это – далеко не все.

Будь же здоров и деятелен, весел и сосредоточен, задирист и стоек!

Евгений Голубовский, Феликс Кохрихт, Иван Липтуга

Фото Анны Голубовской

Не юбилейные строки

Олег Губарь.
Мой любимый писатель.
Он прекрасен среди умерших и живых.
В его книгах Одесса, перевернутая прошлым вверх.
До нас он еще не дошел.
Мы к нему в длинной очереди, заказываем свои портреты.
Пиши нас, милый Губарь!
А мы отведаем из старинной бутылочки чего-то современного.
Твой неподалеку.

Михаил Жванецкий

Олег Губарь знакомит нас с очень и не очень известными одесситами первой половины XIX века, вводит нас в их дома и квартиры, в их жизнь и быт. Скажите, кто и где может найти лучшего гида, чем Губарь, влюбленный в Одессу, ее прославленный историк и трубадур?!

Патриция Херлихи

В творчестве Олега Губаря как раз и присутствует этот своеобразный симбиоз журналиста и исследователя. И тот факт, что в последние годы исследователь в нем явно преобладает, достойно уважения. Ибо не на поверхности описания, пусть и занимательных, эпизодов прошлого города произрастает историческое самосознание, но в понимании его причинно-следственной связи и многообразии.

Александр Третьяк,
доцент Европейского университета

Не юбилейные строки

Олег Губарь.
Мой любимый писатель.
Он прекрасен среди умерших и живых.
В его книгах Одесса, перевернутая прошлым вверх.
До нас он еще не дошел.
Мы к нему в длинной очереди, заказываем свои портреты.
Пиши нас, милый Губарь!
А мы отведаем из старинной бутылочки чего-то современного.
Твой неподалеку.

Михаил Жванецкий

Олег Губарь знакомит нас с очень и не очень известными одесситами первой половины XIX века, вводит нас в их дома и квартиры, в их жизнь и быт. Скажите, кто и где может найти лучшего гида, чем Губарь, влюбленный в Одессу, ее прославленный историк и трубадур?!

Патриция Херлихи

В творчестве Олега Губаря как раз и присутствует этот своеобразный симбиоз журналиста и исследователя. И тот факт, что в последние годы исследователь в нем явно преобладает, достойно уважения. Ибо не на поверхности описания, пусть и занимательных, эпизодов прошлого города произрастает историческое самосознание, но в понимании его причинно-следственной связи и многообразии.

Александр Третьяк,
доцент Европейского университета

Олег Губарь

Функции Одесского строительного комитета
в контексте истории градостроительства Одессы*

Городские часы

Первые ремесленные цеха – портняжеский, кушнирский и др. – сформировались уже в 1797-1798 гг.[1]. Цех, к которому приписывались часовщики, был создан несколько позднее – как элитарный, ремесло какового не относилось к изготовлению и ремонту предметов первой необходимости. 4 июня 1805 года Строительный комитет получил из Одесского городового магистрата следующее сообщение: «Благоволит оный Комитет быть известен, что по прошению часовых и серебряных дел мастеров, медников, стекольщика и шмуклеров, всего семнадцати человек, вновь ремесленная часовых и серебряных дел управа составлена, и избранным от тех мастеров управным старшинам Ефиму Колосовскому и Мортку (то есть Мордке, Мордехаю. – **О. Г.**) Гершковичу указом предписано, чтобы оне, тотчас собрав поясненных мастеров, открыли оную управу и в отправление должностей вступили...».[2]

При этом из отчета городового полицмейстера от 9 декабря 1804 года видно, что на этот момент собственно часовщики не значатся ни среди ремесленников, ни среди немецких колонистов. Правда, в числе колонистов есть один золотых дел мастер и два слесаря, по существу механика, готовых обслуживать, по крайней мере, башенные часы.[3] Исследователей не должен вводить в заблуждение упоминаемый с 1805 г. в архивных делах «дом Часоденного общества»[4]. Это собственность отнюдь не некоего сообщества местных часовщиков, а часовников, религиозной

* Продолжение. Начало в кн. 35-41, 43, 45-47, 49, 50, 54.

общины, отколовшейся от старообрядческой. Скромная коллективная постройка служила для них временным храмом, которому позднее наследовала Успенская единоверческая церковь.

Теперь – относительно времени устройства и местоположения первых городских часов.

В журнале заседаний Строительного комитета от 15 марта 1817 года речь идет о выплате жалованья сторожам различных подконтрольных комитету учреждений за январь-февраль, и в их числе – трое при городских часах, с жалованьем по 5 рублей в месяц.[5] Это означает: первые городские часы устроены не позднее 1816 года. Однако более точная датировка по архивным материалам как будто невозможна, в частности, ввиду того, что журналы заседаний за весь 1816 год не сохранились[6]. Можно, конечно, предположить, что они установлены намного раньше, ибо до нас не дошли комитетские журналы за весь 1804 год, вторую половину 1809-го, первую половину 1810-го, первую половину 1812-го.[7] Однако такое допущение представляется мне маловероятным, ибо в подобном случае в остальных сохранившихся журналах где-либо непременно промелькнули бы расходы, связанные с охраной и обслуживанием часов. Поэтому дата 1816 год наиболее вероятна.

Для того чтобы локализовать местоположение первых городских часов, надо учитывать ряд сопутствующих обстоятельств. Прежде всего, замечу: нельзя отождествлять этот «городской хронометр» с солнечными часами, устроенными в Казенном саду, поскольку здесь функционировал отдельный штат сторожей, подчиненный смотрителю сада. Солнечные часы, о чем едва ли кто вообще знает, существовали здесь, по крайней мере, уже летом 1812 года. В журнале ОСК от 22 августа этого года речь идет о счете текущим расходам смотрителя сада, представителя небезызвестного семейства Савоини. В их числе – девять рублей «сторожу Василию» и 20 рублей «за окраску палисадника кругом солнечных часов»[8]. Эти часы, носившие скорее декоративный, нежели практический характер, неоднократно упоминаются и в дальнейшем. Скажем, 26 июня 1818 года Комитет компенсирует городскому садовнику Герману в числе его текущих издержек 12 рублей за окраску ограды и подставки солнечных часов.[9]

Примерно такие же солнечные часы когда-то украшали Казенный сад

Тремя днями позднее, 29 июня 1818 года, начинается проект устройства вторых городских часов – на фронтоне Городского театра. Этот сюжет уместно рассматривать во взаимосвязи с интересующей нас локализацией первых. Почему? Совершенно ясно, что вторые дорогостоящие городские часы ни в коем случае не стали бы устанавливать напротив или даже вблизи первых. И таким образом они не могли находиться на казенном таможенном доме, бывшем Кирьякова, ни на других строениях по Театральной площади и примыкающим кварталам. Но, может быть, первые часы тоже находились на театре, и речь идет о простой замене старых часов новыми? Нет, и эта версия не имеет оснований, ибо уже после устройства театральных часов, 28 марта 1821 года, «для смотрения как за сими часами, так и за другими, городскими, договорен часовой мастер Марибо за 500 р. в год».[10] Кроме того, из записи в комитетском журнале от 12 августа 1818 года, то есть еще до начала фактического устройства театральных часов, упоминаются санкционированные Ланжероном в ответ на прошение унтер-офицера Морозова,

рядовых Галатенка и Осипа Новикова «за службу при городовых часах» расходы в сумме 24 рубля.[11]

Где же могли находиться первые городские часы? Ясно, что в особо значимом социальном месте, причем они должны были выполнять некую важную практическую функцию, а не просто служить для сверки. Таким местом должна быть площадь, причем, как уже сказано, не Театральная. Будущая Полицейская, где помимо городской полиции находился и магистрат? Базарная? Храмовая? Первые храмовые часы появились в католической церкви. Контракт «с иностранцем, слесарным мастером Эбервин, о наблюдении ему за состоящими при одесской католической церкви часами и о починке оных» заключен 18 января 1809 года. Согласно этому контракту, он сразу получил 100 рублей за ремонт оных, а далее ему полагалось получать столько же ежегодно.[12] Не похоже, что это были более чем дорогостоящие башенные часы-куранты, скорее всего – большие настенные. Из других архивных документов следует, что немецкий колонист Корнелиус

Городской театр до установки часов

Городской театр с часами на фасаде со стороны ул. Ришельевской

Эбервейн промышлял «ремеслом слесаря». 22 июля 1808 года он просил об отводе двух мест под застройку на будущей Лютеранской площади, в так называемой Верхней (немецкой) Колонии, причем 17 ноября того же года товарищ главного судьи конторы опекунства надворный советник Розенкампф подтвердил Комитету его состоятельность[13]. Всё так, но эти часы вовсе не были городскими, а принадлежали католической общине, на ее же счет обслуживались и охранялись.

Из архивного дела 1836-1838 гг. явствует, что «боевые часы» «для постановления на Соборной церкви» куплены Городской думою лишь в 1828 году.[14] Нет никаких упоминаний о часах на греческой Свято-Троицкой церкви. Из существовавших не позднее городских храмов остается лишь единоверческий Покровский. И вот тут-то открывается возможность четко и однозначно ответить на вопрос появления и местоположения первых одесских городских часов. В архивном фонде Думы сохранилось прелюбопытное дело от 7 июня 1832 года под заголовком «По сообщению Одесского строительного комитета о принятии в ведение Думы часов от титулярного советника Кривчикова, находящихся при здешней Покровской церкви», где довольно подробно изложена история этих часов:

Механизм башенных часов

«В 1816 году (наши предположения полностью подтверждаются. – **О. Г.**) по распоряжению Комитета куплены для города часы с деревянным ящиком, которые находились при Покровской церкви под надзором часового мастера Марибо, к коим для подания сигнала в колокол был приставлен от полиции инвалидный рядовой солдат, но по случаю взятия оного в (инвалидную. – **О. Г.**) команду часы оставались без всякого сбережения, которые взял под свое сохранение комиссар Комитета титулярный советник Кривчиков. И как упомянутые часы принадлежат городу, то на основании определения, сего июня 2 числа состоявшегося, предписано г. Кривчикову отдать оные в ведение Одесской градской думы, которую просят, приняв оные от г. Кривчикова, уведомить Комитет. Не оказавшегося же при часах ключа и дверок предписал с сим вместе часовому мастеру Марибо тотчас сделать».[15]

Итак, первые городские часы Одессы были не башенными, а настенными. Почему Комитет передал их Покровскому храму? Причин несколько. Главная связана с выгодным местоположением этой церкви – по главной торговой магистрали, Александровскому проспекту, на одинаковом удалении от крупнейшего рынка, Старого базара, и Северной площади (Греческого базара). В то же время Покровский храм находился и примерно на одинаковом расстоянии от Свято-Троицкой церкви и Преображенского собора, причем топографически лежал с ними на одной линии. Таким образом, сверенный по часам удар колокола сигнализировал не только о времени богослужений, но по нему, скажем, поднимали флаг на Вольном рынке, означавший начало торговых часов.

Городской театр в третьей четверти XIX ст., с новыми часами

Свою роль в передаче часов старообрядческой церкви, очевидно, сыграла и мощь этой общины. Ее представители, крупные коммерсанты, занимали ведущие позиции в городском управлении, и как раз в 1816 году городским головой служил купец-старообрядец Яков Протасов. В числе первых городских голов вообще преобладают старообрядцы – Ларион Портнов (1797-1800), Иван Мигунов (1803-1806), Иван Андросов (1809-1812), Семен Андросов (1812-1815), Яков Протасов (1815-1818).[16] Более подробно история Покровского храма, причта, прихожан, застройки этого района рассмотрена мною в главе о Гостиных (Красных) рядах.[17]

Разобравшись с первыми городскими часами, перейдем ко вторым. Выше упоминалось о том, что проект стартовал 29 июня 1818 года. В этот день одесский житель итальянского происхождения Анджело Сперанди (Angelo Sperandi) подал в ОСК прошение следующего содержания: «Осведомился я, что оный Комитет намеревается сделать городовую колокольню. Как же сие выходит по части моего ремесла, и что я могу взяться по заказу оного

Комитета сделать такую колокольню, какую пожелает начальство делать, о сем объявляя оному Комитету, покорнейше прошу допустить меня к предъявлению моего плана и сметы».[18] Пусть читателя не смущает формулировка «городовая колокольня», поскольку проситель имеет в виду башенные часы с боем. Неясно, правда, берет ли он на себя всю работу, то есть собственно часовую и слесарную, либо только вторую.

Как бы то ни было, но в архивных документах это лицо более не фигурирует. И только 31 июля 1819 года датировано обращение ОСК к куратору Городского театра и одновременно члену Комитета коммерции советнику Жану Рено. Сообщается: мастер Франц Кастелаций (Кастеллацци) изготовил для города часы, которые надлежит освидетельствовать. Посему ремесленная управа должна «назначить из числа часовых дел мастеров трех человек, известных управе в сведениях по их ремеслу». На другом листе того же архивного дела мы видим сентябрьское 1818 года поручительство антрепренера итальянской оперы Джованни Мантовани: мол, иностранец Франц Кастеллацци сведущ, обязателен и проч.[19] Понятно, поручительство сработало, коль скоро этот мастер в относительно короткий срок изготовил часы.

Что до «колокольни» к этим часам, то ее по контракту сделал мастер кузнечного цеха Юзеф (Джузеппе) Финели (Vinella). Конструкция весила 46 пудов 35 фунтов, но в 1819 году еще не была установлена.[20] Калужский мещанин Григорий Невежин доставил в Одессу два колокола для часов: один весом в 41 пуд 27,5 фунта, другой – 22 пуда 23,5 фунтов, «и сложил близ театра». За это ему полагалось заплатить 3.662 рубля 25 копеек.[21] Из других документов выясняется, что за Кастеллацци поручался также известный строительный подрядчик Симон Томазини, причем сам мастер просил за всю работу 4.000 рублей. Часовые мастера, производившие освидетельствование, сделали некоторые замечания относительно небольшого размера циферблата, недостаточно громкого боя часов и др. Надо полагать, Кастеллацци произвел исправления, ибо через два месяца после освидетельствования получил транш в 1.000 руб., а ранее аванс в 500 руб. 22 ноября 1820 года под надзором Франполли установка часов на театральном фронтоне была уже завершена, причем архитектор выставил

счет на дополнительные расходы по закупке досок, гвоздей, канатов, бревен, болтов, костылей, железа, кровельные, плотницкие и столярные работы, наем поденщиков, остекление и др., всего 829 руб. 35 коп.[22]

Вся эта информация, с некоторыми добавками и уточнениями, дублируется синхронными журналами заседаний Строительного комитета. Так, контракт с Кастеллацци под поручительство Мантовани заключен 30 сентября 1818 года, причем аванс обозначен не в 500, а в 1.000 руб.[23] 20 октября 1819-го Фраполли получил на установку часов 200 рублей сверх указанных выше.[24] 11 ноября 1819 года комитетский прораб Кривчиков, докладывая о доставке Невежиным колоколов, уточняет: «По пробе сделанной, сии колокола оказались крепки звона и для слуха приятны»[25]. Из журнала заседаний ОСК от 15 декабря видно: контракт Кастеллацци составил 4.000 руб., и в этот день Комитет санкционировал выдачу второй после аванса тысячи рублей. Оставшиеся 2.000 ему причитались после испытания, когда часы полностью установят и смонтируют[26]. Заключенный 15 августа 1819 года контракт с иностранцем Иосифом Фанелли «о построении железных вещей для колокольни к часам на Театре» предусматривал выплату 1.246 р. 87 коп., каковые и были выданы[27].

Представьте себе, во что обошлась молодому городу эта разорительная безделушка! Зато большой любитель и покровитель театра, да и неплохой драматург граф Ланжерон, обитавший напротив, мог видеть театральные часы из окна своего кабинета. Но расходы на этом не кончились. Как я уже говорил, для присмотра за этими и первыми городскими часами за 500 рублей жалованья был нанят часовой мастер И.Ф. Марибо. 31 мая 1822 года он докладывал в Комитет, что для исправления «машины, действующей молотком, бьющим часы, и других частей, следует заплатить слесарю тридцать рублей».[28] 18 октября 1824 года в Комитет поступил рапорт Одесской ремесленной управы: «отряженные сведущие мастера часовых дел» освидетельствовали театральные часы. Оказалось, оные снова нуждаются в исправлении, причем расходы составят от 600 до 700 руб.[29]

Несмотря на все расходы и исправления, театральные часы были скорее декоративны, нежели функциональны, и сверяться

по ним могли лишь те, кто находился в непосредственной близости. В те годы практиковался и расчисленный по времени выстрел с брандвахты, о котором пишет Пушкин. Но этот сигнал не мог, конечно, заменить куранты.

Немного информации о первых городских часовщиках. В заседании ОСК от 23 августа 1820 года рассматривалось «прошение часового мастера Ивана Марибо, коим просит за всеми городскими часами и за часами в Комитете присмотр поручить ему и определить жалованье то, что получал умерший Гантро, а часы на Театре положить 350 рублей, с тем, что у сих последних могущие случиться большие починки, или если в течение полугода он найдет какой недостаток, то исправление того не принадлежит его обязанности». Гантро получал 200 руб. в год, а его последователю определили жалованье «за часы городские театральные и Комитетские (то есть переданные Покровскому храму. – **О. Г.**)» 500 руб., с выдачей со времени смерти Гантро, поскольку Марибо «с тех пор (ими) занимается»[30].

Иосиф (Юзеф) Гантро (Гантр, Гантер) – первый фиксируемый по архивным документам городской часовщик. Мне удалось собрать о нем кое-какую информацию. 24 июля 1819 года «часовой мастер Юзеф Гантер» просил об отводе под застройку двух мест на Пересыпи. 12 августа эту территорию обследовал архитектор Фраполли, и в тот же день Комитет санкционировал отвод, причем часовщик обязывался в течение одного года построить дом по утвержденному плану[31]. Вероятно, Гантро не успел выполнить это обязательство, но это могла сделать его жена. В журнале заседаний Строительного комитета от 27 января 1821 года говорится о выплате вдове умершего часового мастера Гантро жалованья – с 1 января 1820-го по день смерти: из расчета 200 руб. в год, 66 руб. 66 и две трети коп. – за январскую треть года, 41 руб. 66 и две трети коп. – за майскую треть, итого 108 руб. 33 и одну треть коп.[32] Простые вычисления показывают, что умер он в июле 1820-го, до истечения срока, определенного на застройку. Что касается практической деятельности этого мастера, то есть интересное упоминание в записях о заседании ОСК от 15 декабря 1819 года: часовых дел мастер Иосиф Гантро «купил для сделания медной доски для солнечных часов в Городском саду» 1 ½ пуда красной

меди, из расчета по 80 руб. за пуд, итого 120 руб. За вырезку и обделку оной доски им уплачено 130 руб., за установку 50 руб. Всего 300 руб.[33] Это означает, что часы эти в самом главном месте общественных гуляний были ощутимо облагорожены.

Что до Иоганна (Ивана) Фридриха (Федора) Марибо, он был подданным Дании – крайне редкий для юной Одессы случай. Служа городским часовщиком, он в то же время имел собственный солидный бизнес, скажем, с 1833 года производил торговлю по 1-й гильдии, оставаясь «иностранным гостем»[34]. До этого времени содержал в так называемом Клубном доме Жана Рено (Ришельевская, № 3, Дерибасовская, № 10) часовую мастерскую.[35] А далее мастерская преобразовалась в элитарный салон продажи всевозможных часов с аксессуарами: настольных и каминных из бронзы, настенных и карманных. Впрочем, магазин в связи с кончиной Марибо через пару лет перешел в ведение его супруги Екатерины Федоровны и просуществовал до 1851 года[36]. Мне удалось даже проследить зарубежные поездки ее и дочери Амалии в 1841 и 1842 годах.[37]

Обстоятельства смерти мастера обозначены в чрезвычайно любопытном с точки зрения наших интересов архивном деле. 22 сентября 1834 года И.Ф. Марибо обратился к градоначальнику А.И. Лёвшину с прошением. Он пишет о том, что по болезни и рекомендации врачей должен уехать для лечения за границу на пять месяцев. При этом просит выплатить ему жалованье с 1 сентября 1833-го по 1 сентября 1834-го, сообщает о препоручении присмотра за городскими часами своему помощнику Фридриху Вейсу.[38] Лечение не помогло, и 22 июня 1835 года от генерал-губернатора в ОСК поступило следующее распоряжение: «По случаю смерти имевшего смотрение за здешними городскими часами Марибо, предлагаю Строительному комитету производившееся ему жалованье за сие из городских доходов по 500 руб. в год выдавать часовому мастеру Гельцелю, который и должен принять в свое заведование все вообще городские часы. А как он по распоряжению моему имел уже смотрение за некоторыми из городских часов (…) выдача ему означенного оклада начата была с января месяца сего года».[39]

В деле содержатся: сообщение о выдаче 150 руб. помощнику Марибо из экстраординарных бюджетных сумм «за прежнее вре-

мя надзора его за городскими часами» от 12 августа 1835 года, расписка Ивана (Иоганна) Гельцеля о приеме на исправление часов в доме и канцелярии градоначальника от 6 сентября того же года, рапорт Думы градоначальнику от 4 сентября. В последнем, в частности, говорится, что «помощник часового мастера Марибо Федор Роер и часовой мастер Гельцель, быв вызваны в Думу, по требованию оной представили список пяти городским часам, на котором расписались они в исправной сдаче»[40].

Относительно упоминающихся персоналий – чуть ниже. А вот реестр городским часам – несомненно, самый вкусный и информативный момент. Привожу его в полном объеме:

«Список городским часам, которыми заведовал мастер Марибо, учинен августа 12 дня 1835 года.

1-е. Часы на Городском театре, большие, железные.

2-е. Часы в Одесской градской думе, стенные, старые, с недельным заводом, в простом деревянном ящике.

3-е. Часы в Городовом магистрате, стенные, подержанные, с недельным заводом, в деревянном окрашенном ящике.

4-е. Часы в Одесском строительном комитете, одной формы с думскими, в простом деревянном ящике.

5-е. Часы в Одесской градской полиции, стенные, простые, с недельным заводом, в простом деревянном ящике.

Для всех пяти часов один железный ключ. Означенные часы сданы все исправными. На подлинном подписали помощник часового мастера Марибо Федор Роер. Означенные часы принял Иван Гельцель».[41]

Из этого перечня и предыдущих выкладок четко видно: 1) до этого момента в Одессе не было других курантов; 2) первые городские часы, переданные из Покровского храма в Думу («старые»), в оной и находятся.

Дело завершается прошением вдовы Марибо о выплате ей остатка мужниного жалованья и соответствующим распоряжением градоначальника.[42]

Теперь вернемся к персоналиям. Роер – лицо малоизвестное в среде часовщиков, судя по всему, подмастерье. Возможно, это он или его сын позднее сделались одесскими домовладельцами.[43] А вот Гельцель и Вейс (Вейсе) – фигуры довольно популярные

в сказанной отрасли. Первый – хозяин часового салона в доме Греческого училища, на углу Дерибасовской, № 14, и Екатерининской (где построен «дом китобойцев»), второй содержал аналогичный магазин в доме Посылина, бывшем Мясникова, на углу Дерибасовской, № 11, и Ришельевской, № 6, где теперь банк. Оба предприятия жили долго и плодотворно: первое до 1852 года, а второе и того дольше.[44]

До начала 1836 года Гельцель владел хутором на городской земле, который продал.[45] 19 апреля 1841-го он утвердил в Строительном комитете фасад на постройку дома в XIX квартале 1-й части, место № 166.[46] Это сохранившийся до сей поры двухэтажный дом по улице Бунина, № 27. Здание возводилась на месте прежнего строения, состоявшего из двух фасадных и дворового флигелей.[47] Не исключено, этот новый дом Гельцеля вобрал в себя предыдущие постройки. Первым застройщиком места был нежинский грек, купец Николай Сурво (Сурва, Сувро).[48]

В следующей части этого раздела нахожу необходимым изложить, прокомментировать или упомянуть еще несколько значимых архивных дел из фонда Одесского строительного комитета, касающихся появления и функционирования других, помимо театральных, башенных часов, в конце 1820-х – 1840-х годах. Как упоминалось выше, первые из них предполагалось установить на колокольне Спасо-Преображенской соборной церкви: «В прошлом 1828 году, – сообщается в архивном документе, – по разрешению бывшего одесского градоначальника г-на Богдановского куплены Городскою думою у мастера Гайста для вновь строящейся при соборной церкви колокольни башенные боевые часы за 2.500 рублей, в условии, чтобы он, Гайст, установил их на колокольне. Часы эти ныне находятся в Соборной церкви в ведении попечителей собора (священников. – **О. Г.**) Куницкого и Святенка. Января 15 1836 года».[49] О Гайсте, если фамилия не искаженна писцами, пока не могу сообщить ничего определенного.

29 января 1837-го (в этом году началась большая достройка собора, ставшего кафедральным после разделения Екатеринославской епархии на собственно Екатеринославскую и Херсонско-Таврическую) комитетский комиссар Кленов, представитель известной фамилии одесских старожилов, докладывал градона-

чальнику в ответ на повеление того принять часы в свое ведение, подключив городового часового мастера Гельцеля. Кленов сообщает, что часы хорошо сохраняются в церкви, у протоиерея Куницкого, в специальном ящике, а потому просит разрешения оставить их на прежнем месте.[50] Из дальнейшего видно: часы оставались в храме, и только 13 сентября Кленов обратился в Комитет с просьбой поручить Гельцелю проверку исправности законсервированных часов, каковое распоряжение 25 сентября санкционировал градоначальник[51].

11 января 1838-го из собора в ОСК поступило сообщение о том, что высокопреосвященный Гавриил, херсонско-таврический архиепископ, дал разрешение на установку часов, однако причт не берет на себя ответственность привести оные в действие. 15 февраля Гельцель получил новое предписание, а 15 марта рапортовал Комитету. Он пишет о том, что часы пребывают в должном виде, однако отмечаются и некоторые недостатки: 1) из-за длительной консервации механизм требует очистки; 2) часы, как видно, куплены без циферблата, стрелок и гирь. Для приведения в надлежащий порядок необходимо провести соответствующие мероприятия и приобретения. К рапорту прилагается смета на 1.872 руб.[52]

Третьи городские башенные часы наметили установить на крупнейшем городском рынке – Старом базаре, где с самых первых лет функционирования во второй половине 1790-х о начале и окончании торговли сигнализировал подъем и спуск флага[53], каковую процедуру следовало сверять по часам. В 1830-1840-х годах этот рынок постепенно приобретал благолепный облик под надзором архитектора Джорджио Торичелли, здесь возвели сдававшиеся на конкурсной основе в аренду четыре городские «шопы», а в центре площади – так называемый обжорный ряд с каланчой, городские весы[54]. Одновременно позитивно преображались многие частные здания по периметру базара.

И здесь на арену вновь выходит устроитель первых городских курантов. В отношении градоначальника генерал-губернатору от 6 июня 1836 года читаем: «Пребывающий временно в Одессе австрийско-подданный Франц Кастелаци» подал составленные условия (кондиции) – он желает принять на себя устройство

предполагаемых часов за 1.500 руб. ассигнациями. Градоначальник находит цену невысокою, ибо выписка подобных часов из-за границы обошлась бы гораздо дороже. Прошение соискателя на итальянском языке прилагается, подписано оное Francesco Costellazzi, то есть Франческо Кастеллацци, из Генуи.[55]

Здесь же подробные сведения о контракте и перевод с итальянского. Часы устанавливаются на месте, какое укажет городовой архитектор, материалы для установки, защиты от пыли и непогоды поставляются от Комитета, часы подобны театральным, циферблаты (квадранты) находятся на каланче с южной и северной сторон, будут фиксировать часы, получасы и четверти часа, но не отдельные минуты. То есть в течение часа одна стрелка перемещается лишь четырежды, «рывками». Покупка и установка колокола осуществляется средствами ОСК. Выплата следуемых мастеру денег – в четыре приема, первый транш – при заключении контракта. Поручителями выступили: представитель известного купеческого рода греков-старожилов Осип Вентури (Винтури) и совершенно неизвестный мне Джузеппе Джизнайо (Gisnaio).[56]

Далее – переписка относительно колокола. 20 июля 1836 года директор Городского театра надворный советник Рено докладывал градоначальнику о том, что должен отдать архитектору Торичелли запасной колокол к театральным часам для установки на каланче «обжорного ряда». Поскольку этот колокол прикован к балке при театральных часах, его без повреждения должен снять мастер. 27 августа Рено рапортовал градоначальнику: колокол снят и принят командиром арестантской роты капитаном Драгутиным для намеченной переустановки.[57]

Все как будто предвещало скорое завершение проекта, но не тут-то было. 14 октября Торичелли доложил в Комитет: Кастеллацци устроил часы «противу обязательства своего», почему необходимо профессиональное их освидетельствование. 27 октября Комитет получил бумагу из канцелярии градоначальника: Кастеллаци говорит, что Гельцель отказывается осмотреть часы, следует обязать его сделать это в трехдневный срок. В свою очередь, Гельцель на следующий день рапортовал градоначальнику Левшину, что приступил к освидетельствованию, однако находит нужным присутствие еще двух экспертов, часовых дел мастеров.

3 ноября последовало соответствующее предписание Ремесленной управе.[58]

12 ноября 1836 года ремесленный голова Ширмер докладывал Левшину: для освидетельствования сказанных часов были командированы часовые мастера Иоганн Гельцель, Фридрих Вейс и Юлиус Лехнер. С первыми мы уже знакомы, последний же был столь же авторитетным солидным часовщиком и в те годы содержал свой салон на углу Ришельевской и Греческой улиц, в доме одесского старожила Андриянского[59]. Мастера пришли к выводу: часы устроены «не по всей аккуратности часового мастерства». Поэтому они не могут гарантировать долговечность использования. И прежде всего, по той причине, что само строение каланчи «для помещения тех часов тесно, а потому оные будут требовать частой поправки». 30 января 1837 года Гельцель сообщил Комитету об осмотре часов, произведенном совместно с градоначальником, после которого Кастеллацци получил указание: укрепить часы железными винтами, сделать две деревянные подставки для удержания часов и восемь железных крюков для подвески гирь. Тот обещал, но ничего не предпринимает, а посему Гельцель и не может принять от него часы.[60]

15 мая из Городской полиции градоначальнику сообщили о том, что после троекратной публикации в «Одесском вестнике», как того требовали правила о выезде за рубеж, Кастеллацци 17 марта выехал в Италию, в город Верона.[61] Из дальнейших документов, содержащихся в деле, становится очевидным: часовщик оказался дальновидным и вовремя убрался из Одессы, удовольствовавшись лишь четвертью предусмотренной контрактом суммы. Он понял, что укреплением часов дело не кончится, ибо сама каланча в существующем виде мало пригодна для бесперебойного функционирования таких часов. Следовательно, он мог застрять в городе на непредвиденное время и пронести куда более ощутимые финансовые потери.

Так оно и получилось. 11 июня Одесскую ремесленную управу снова обязали освидетельствовать часы, «с присовокуплением, что нужно будет сделать для приведения их в совершенство, и чего стоить будет сия работа». Затем разразилась чумная эпидемия, и о часах надолго забыли. Только 29 марта 1840-го управе

Александровский проспект и Покровский храм, где помещались первые городские часы

напомнили о предписании бывшего городского головы. 9 апреля из управы напомнили об освидетельствовании 1837 года, и о нынешнем повторении этой процедуры по предписанию помощнику старшине часового цеха Адаму Рутковскому и мастерам Фридриху Шнелю (правильно – Шилю. – **О. Г.**) и Станиславу Крупинскому. 8 апреля эти часовщики донесли управе: «… те часы по дурному своему устройству и несовершенству к употреблению негодны, так что и починить их, как следует, нет возможности, а потому и определить цену починки и что следует починить означить не можно»[62]. Все три мастера также известны: первый в те годы содержал салон на Греческой улице, в доме Артемьевой, а двое других – в издавна облюбованном часовщиками доме Греческого училища.[63]

12 августа 1840-го из управления генерал-губернатора в ОСК поступило предписание продать эти «иностранные часы», выписав взамен другие. На это выделяется не более тысячи рублей серебром из суммы 1.428 руб. 57 коп., ассигнованной по смете сего года на устройство часов, а оставшиеся средства употребить на их установку и переустройство каланчи. Деньги же от продажи старых часов обратить в городской доход. Что касается «виновных в дурном устроении и принятии теперешних часов,

Строительный комитет не оставит сделать свое законное постановление и зависящее распоряжение»[64]. Стрелочника, впрочем, не нашли, что и немудрено, во всяком случае, из документов дела не видно никаких карательных действий Комитета.

В последний день уходящего 1840 года Ремесленная управа со всею определенностью докладывает военному губернатору и управляющему гражданской частью: каланча тесна для часов, и здесь они не будут иметь верный ход. Такой оборот как раз и предвидел Кастеллацци, которому каланча была, так сказать, предписана. Но тогда подобное предписание должно было быть сделано после соответствующего инженерного обоснования, и, следовательно, лично итальянского часовщика обвинять не в чем. Что касается выписки новых часов, управа считает необходимым обратиться к Иоганну Гельцелю, «который двое таких часов доставил в город Одессу, и в сем деле имеет совершенное сведение и надлежащее искусство и опытность, равно и о устройстве самой каланчи и в помещении оной часов»[65].

Любопытное дело: устроенные Кастеллацци театральные часы к тому времени исправно прослужили городу более двух десятилетий, но его выставляют этаким профаном. Попахивает круговой порукой корпорации местных часовых мастеров, подыгрывающих друг другу, тем паче проблема в большей степени упирается в устройство каланчи. Вспомним, что первичные претензии городского часовщика касались собственно не самых часов, а обстоятельств установки. Но, быть может, я чересчур подозрителен, и в действиях местных умельцев не было никакого неправедного умысла.

Так или иначе, 24 февраля 1841 года исправляющий должность городового архитектора Луиджи Камбиаджио докладывал свои соображения в Комитет по поводу «увеличения, возвышения и укрепления часовой башни на площади Старого базара». Проинспектировав каланчу, он нашел «исполнение упомянутого проекта невозможным во всех отношениях». Почему? Во-первых, переустройство пришлось бы начинать с фундаментов под погребами «обжорного ряда» «с ужасными издержками». Во-вторых, стены башни недостаточны для ее надстройки. Впрочем, архитектор предлагает другой вариант. Можно разобрать лестницу, «которая

ныне служит для восхождения солдату, чтобы поднимать и спускать ежедневно флаг базара, который флаг можно будет также поднять и внизу, с дворика, который находится у основания самой башни». Тогда комната для часов увеличится, ибо лестница занимает половину оной. Места будет столько, что механизм сможет обеспечить действие циферблатов со всех четырех сторон. А в жестокие морозы можно обеспечить отопление помещения чугунною печью.[66]

В деле нет никаких документов, связанных с отзывом на предложение Камбиаджио, а только опись старых часов от 31 января 1841-го с мизерной оценкой оных в 20 рублей серебром. Кроме того, прилагается донесение командира арестантской роты Драгутина от 1 сентября того же года о том, что эти старые часы сняты и доставлены в аукционную камеру[67]. Таким образом, растянувшаяся на пять с немалым хвостиком лет эпопея закончилась ничем. Однако она все же имеет свое продолжение, отчасти обозначенное в следующем синхронном архивном деле под заголовком «О выписке из-за границы для города трех часов башенных»[68] и другом, которое упомянем ниже.

В комитетском журнале от 14 марта 1841 года значится: по бюджету 1840-го ассигновано 5.000 рублей ассигнациями для устройства новых городских часов на Старом базаре. По смете 1841-го – 15.000 руб. для устройства трех новых часов: на Новом базаре, в Городской больнице и в Карантине, как «по особой надобности», так «и для украшения города»[69]. 12 мая 1841-го генерал-губернатор М.С. Воронцов пишет военному губернатору и управляющему гражданской частью Д.Д. Ахлестышеву о заказанных в Англии трех башенных часах. «Ныне, – продолжает граф, – комиссионер мой в Лондоне, г. Моберли» уведомил, что они заказаны и вскорости будут отправлены в Одессу на имя господ Е. Мас (Маас, Масс) и Компании. Здесь же перевод накладной. Моберли погрузил в хорошем порядке «на стоящее на реке Темзе на якоре благонадежное судно, именуемое «Розалинда», шкипер В.М. Кокериль, для отвоза в Одессу. Лондон, 15 октября 1841»[70].

Здесь необходимы пояснения. Эдвард Моберли – давний и надежный деловой партнер семейства Воронцовых, он из числа поставщиков, снабжавших еще российский экспедиционный корпус во Франции, которым командовал граф Михаил Семенович. После

того как последний был назначен новороссийским генерал-губернатором и бессарабским наместником, Моберли связал свои интересы с Одессой и краем. Согласно наименованию утраченного архивного дела из фонда Одесского городового магистрата, в 1824 году он причислен в одесское 1-й гильдии купечество.[71]. Моберли, в частности, занимался экспортом крымских вин из имений Воронцова, выполнял различные его поручения, владел хутором на Куяльнике, а его супруга Генриета – магазином (складом, амбаром) по Канатной улице[72]. Основатель крупного экспортного торгового дома (1838) Маас – фигура куда более известная в Одессе[73], в деле несколько раз прямо упоминается имя главы фирмы, Эрнеста (Эрнста, Ариста) Ефимовича[74].

Примерно так выглядели первые городские часы

13 мая 1842 года Маас и Компания сообщили Ахлестышеву о прибытии английского судна с ожидаемым грузом. Правда, название парусника и имя шкипера несколько иные: «Розанна» и Кейт. Доставлено пять мест из шести, поскольку последнее по ошибке шкипера выгружено в Константинополе. Фирма за его недосмотр ответственности не несет, а потому просит оплатить доставку сполна.[75]

22 мая в ОСК поступил доклад Камбиаджио, в котором снова представлена идеология устройства часов на Старом базаре. Суть такова: для проектируемых часов с четырьмя циферблатами башня мала, поэтому надо перестроить ее в новое двухэтажное здание, доход от которого перекроет расходы. Кроме того, архитектор подготовил проект часов с двумя циферблатами «для карантинных ворот возле гауптвахты» (то есть карантинной гауптвахты, ибо главная находилась на углу Соборной площади и Преображенской

улицы). Наконец, еще одни часы, с одним циферблатом, намечено установить в Городской больнице: на фронтоне главного корпуса, без значительных издержек, пристройкою на крыше маленькой террасы для размещения колокольни.[76] С этими последними часами позднее вышла немного курьезная история: взамен новых тут установили старые театральные (ущербным людям – дефективное время), а на театре, естественно, новые.

29 мая член ОСК, представитель авторитетного купеческого рода муниципальных деятелей Черепенников, принимал прибывшие из Альбиона часы совместно с городским часовщиком Гельцелем. В наличии оказались все комплектующие, кроме двух стрелок и двух медных колес. Отмечено также, что часы требуют шлифовки и должной смазки.[77] 27 июня командир арестантской роты Драгутин передал одни из новых часов (как раз те, что Камбиаджио предлагал для больницы) для установки на здании Городского театра архитектору Торичелли, о чем имеется расписка последнего[78].

Ближе к финалу рассматриваемого архивного дела есть любопытное указание от 17 июля 1842 года, довольно точно датирующее переход функции городского часовщика от Иоганна Гельцеля к Морицу Штерну. В этот день военный губернатор предписал Черепенникову и городовому часовому мастеру Штерну составить подробную опись находящимся у Драгутина всем ящикам с часами и комплектующими.[79] Информацию и библиографию о Штерне я включил в монографию о первых одесских некрополях.[80]

Дальнейшая история «часовой каланчи» на Вольном рынке изложена в довольно объемном архивном деле (1842) под названием «О переделке верхней части башни внутри шопы на Старом базаре и об устройстве всех предметов, нужных для постановления механизма»[81]. Кроме того, в разных источниках есть сведения об оконченной в 1848 году постройке «башни с часами» в Карантине[82]. Два-три десятилетия спустя в прессе часто упоминаются как наиболее функциональные городские башенные часы на Старом базаре, театре и соборе.[83] Я собрал много информации о целом ряде часовых дел мастеров, о часовых магазинах и мастерских, городских часовщиках 1830-1890-х годов, однако эта тема выходит за рамки данного исследования.

Примечания

[1] Олег Губарь. Очерки ранней истории евреев Одессы. – В печати.

[2] ГАОО, ф. 17, оп. 5, д. 4, л. 15.

[3] Там же, л. 2, 3.

[4] Там же, ф. 59, оп. 2, д. 13, л. 42-43.

[5] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 273, л. 173.

[6] Там же, д. 270, 271 (утрачены).

[7] Там же, д. 256, 260, 261, 263 (утрачены).

[8] Там же, д. 264, л. 323 об.

[9] Там же, д. 274, л. 56.

[10] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 136, л. 38 (61) об.

[11] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 274, л. 207.

[12] Там же, д. 259, л. 25.

[13] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 27, л. 140, 144, 230.

[14] Там же, д. 2163. – 20 л.

[15] Там же, ф. 4, оп. 8, д. 314, л. 1.

[16] Одесса: 1794-1894. – Одесса, 1895, с. 791.

[17] Олег Губарь. Функции Одесского строительного комитета в контексте истории градостроительства Одессы. – Дерибасовская – Ришельевская. Альманах. № 3 (54), 2013. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», с. 6-21.

[18] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 136, л. 1.

[19] Там же, л. 2, 8.

[20] Там же, л. 10, 24.

[21] Там же, л. 11, 23.

[22] Там же, л. 33-37, 42.

[23] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 274, л. 320.

[24] Там же, д. 276, л. 312 об., 421.

[25] Там же, л. 364.

[26] Там же, л. 453.

[27] Там же, д. 277, л. 59-60.

[28] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 136, л. 46.

[29] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 287, л. 142 об. – 144.

[30] Там же, д. 278, л. 166 об.

[31] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 153-б, л. 111, 112, 113.

[32] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 279, л. 48 об. – 49.

[33] Там же, д. 276, л. 421.

[34] Там же, ф. 4, оп. 8, д. 369. – 6 л.; Там же, д. 578. – 10 л.

[35] Одесский вестник. – 1831, 29 апреля, № 34; Там же, 6 мая, № 36.

[36] Новороссийский календарь на 1836 год, с. 143; То же на 1837 год, с. 167; То же на 1838 год, с. 149; То же на 1839 год, с. 270; То же на 1842 год, с. 284; То же на 1850 год, с. 323; То же на 1851 год, с. 335.

[37] Одесский вестник. – 1841, 30 апреля, № 35; Там же, 1842, 8 и 11 апреля, № 28 и 29.

[38] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 1941, л. 1, 3.

[39] Там же, л. 8.

[40] Там же, л. 14, 17, 18.

[41] Там же, л. 19.

[42] Там же, л. 22, 23.

[43] Там же, ф. 59, оп. 2, д. 1003. – 3 л.

[44] Новороссийский календарь на 1835, с. 143; То же на 1837, с. 166; То же на 1838, с. 149; То же на 1839, с. 270; То же на 1842, с. 284; То же на 1850, с. 323; То же на 1851, с. 335; То же на 1852, с. 338; То же на 1853, с. 377; То же на 1854, с. 365.

[45] ГАОО, ф. 59, оп. 3, д. 252. – 4 л.

[46] Там же, оп. 2, д. 565, л. 43, 44.

[47] Один из фасадных флигелей обозначен уже на городском плане Ф. Франполли 1807 года. – ОГИКМ, Инвентарный № К-602. На последующих планах фиксируются достройки.

[48] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 80, л. 171-175. – Греки Одессы. Ч. I. – Труды Государственного архива Одесской области. Т. II, 2000, с. 270-271.

[49] Там же, д. 2163, л. 1.

[50] Там же, л. 3.

[51] Там же, л. 11, 12, 20.

[52] Там же, л. 13, 14, 15, 16-17, 18.

[53] Там же, ф. 4, оп. 3, д. 404. – 2 л.

[54] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 253. – 7 л.; Там же, д. 301. – 3 л.; Там же, д. 1115. – 31 л.; Там же, д. 1934. – 144 л.; Там же, д. 2168. – 15 л.; Там же, оп. 2, д. 112. – 26 л.; Там же, д. 554. – 9 л.; Там же, д. 606. – 19 л. Это, понятно, лишь часть дел, относящихся к данной проблематике.

[55] Там же, оп. 2, д. 477, л. 1, 2.

[56] Там же, л. 3, 4-5, 6, 7, 8, 10.

[57] Там же, л. 14, 16.

[58] Там же, л. 18, 19, 20, 21.

[59] Новороссийский календарь на 1837 год, с. 166; То же на 1838, с. 149; То же на 1839, с. 270; То же на 1842, с. 284. С конца 1840-х в справочниках не значится.

[60] ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 477, л. 22, 30.

[61] Там же, л. 32.

[62] Там же, л. 35, 37, 38.

[63] Новороссийский календарь на 1842 год, с. 284.

[64] ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 477, л. 49.

[65] Там же, л. 54, 57.

[66] Там же, л. 59, 63.

[67] Там же, л. 67, 71.

[68] Там же, д. 586. – 94 л.

[69] Там же, л. 5.

[70] Там же, л. 12, 30.

[71] Там же, ф. 17, оп. 3, д. 789 (утрачено).

[72] Там же, ф. 59, оп. 3, д. 430. – 2 л. – Архив князя Воронцова. – Кн. XXXVIII. – М., 1892, с. 351; Одесский вестник. – 1830, 29 января, 1 и 19 февраля, № 9, 10, 15. В том же году и ранее (1827, № 100: разнообразные вина и английский эль) в газетных объявлениях Моберли часто фигурирует в паре с компаньоном Симпсоном (80-е №№); Список домам и прочим строениям, состоящим в 1-й части Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., с. 3.

[73] Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 266, 466-467, 490, 550, 558.

[74] ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 586, л. 44, 46, 58.

[75] Там же, л. 58.

[76] Там же, л. 68-69.

[77] Там же, л. 70.

[78] Там же, л. 75, 76.

[79] Там же, л. 88.

[80] Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 476-477.

[81] ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 607. – 109 л.

[82] К. Смольянинов. История Одессы. – Одесса, 1852, с. 261; Из прошлого Одессы. – Одесса, 1894, с. 338.

[83] Одесский вестник. – 1871, 3 июня, № 118.

Сергей Решетов, Лариса Ижик

О доме городского головы Одессы Н.А. Новосельского*

К истории переименования улицы Ямской в Новосельского

Содержавший большое количество интересных фактов об истории дома, вышеприведенный репортаж имел ряд ошибок, хотя со времени описываемых событий, когда дом переходил от одного владельца к другому, прошло несколько десятилетий. Попытаемся их исправить и воссоздать подлинную историю этого мемориального дома.

Так, в репортаже сообщалось, что «Первым владельцем его был одесский полицеймейстер Клейгельс (родственник нынешнего петербургского градоначальника)». Вышеуказанным полицмейстером Одессы был также состоявший членом одесского попечительного комитета о тюрьмах, майор, позднее подполковник Григорий Христианович Клейгельс. Род Clayhills (в России Клайгильс, Клейгельс) происходит из города Данди (Dundee) в Шотландии. В XVII веке Клейгельсы переселились в Ригу, оттуда в Ревель, а оттуда некоторые попали в Финляндию (в их числе и прямые предки Г.Х. Клейгельса). Согласно родословной Клейгельсов, Григорий Христианович был сыном Христиана, родившегося в 1780 г. Последний же был четвертым из семи сыновей Николаса (1740-1795), после смерти которого вступил в российскую службу, как и трое его братьев[1]. Указанный в газетном репортаже Николай Васильевич Клейгельс (1850-1916) – генерал от кавалерии (1910), варшавский обер-полицмейстер (1888-1895) и петербургский градоначальник (1895-1903) – приходился Г.Х. Клейгельсу двоюродным племянником. Однако при этом фамилия одесского полицмейстера писалась по-разному – Клайн-

* Окончание. Начало в кн. 54.

гильс, Клайгильс, Клейнгильс, Клейгилс или Клейгильс, а отчество – Христианович или Крестьянович (например, в послужном списке, хранящемся в Российском государственном военно-историческом архиве, он указан как Григорий Крестьянович Клайгельс). Согласно этому источнику, на конец 1845 – начало 1846 г. ему было 43 года, но при этом в том же документе указано, что на момент присвоения ему чина прапорщика в мае 1819 г. ему было 19 лет (следовательно, он родился около 1800-1802 гг.), «из дворян», за ним и матерью его состоит в Вяземском уезде (Смоленской губернии) 62 души. 12 августа 1818 г. вступил в службу подпоручиком в Софийский пехотный полк*, 5 февраля 1819 г. – портупей-прапорщик, 10 мая 1819 г. – прапорщик, 29 июня 1821 г. – подпоручик, 27 апреля 1823 г. – поручик, 30 июня 1826 г. – штабс-капитан. 30 марта 1831 г. уволен в отставку по домашним обстоятельствам капитаном с мундиром, 3 июня 1832 г. служил по выбору дворянства исправником (но не указано, где именно), 28 января 1838 г. уволен от должности. 11 июля 1841 г. определен в службу помощником Одесского полицмейстера с состоянием по армии прежним штабс-капитанским чином, со старшинством с 11 октября 1836 г. Участник русско-турецкой войны 1828-1829 гг., за отличие в сражении был награжден 30 мая 1829 г. орденом Св. Анны 3-й степени с бантом, также имел за эту войну серебряную медаль. Высочайшим приказом 8 декабря 1845 г. был награжден годовым окладом жалованья[2]. От брака с дочерью статского советника Александрой Петровной Ланг Г.Х. Клейгельс имел дочь Веру. В должности полицмейстера Одессы Г.Х. Клейгельс пребывал примерно с 1845 по 1852[3], то есть в тот период, когда был построен дом на Ямской, о чем будет рассказано ниже. Примерно с 1853 по 1855 г. Клейгельс занимал должность полицмейстера г. Кишинева[4]. Произведенный 6 декабря 1848 г. в подполковники и получивший в том же году знак отличия за 20 лет службы, в «Списке подполковникам по старшинству» на 1855 г. он уже не указан полицмейстером, а значится состоящим по армии и пребывающим под судом[5] (при этом в общероссийских адрес-календарях на 1856 г. полицмейстер Кишинева не указан,

* С 1817 по 1827 гг. командиром этого полка был его дядя, подполковник (с 1824 – полковник) Абрам (Абрахам-Георг) Клайгильс (род. 1783).

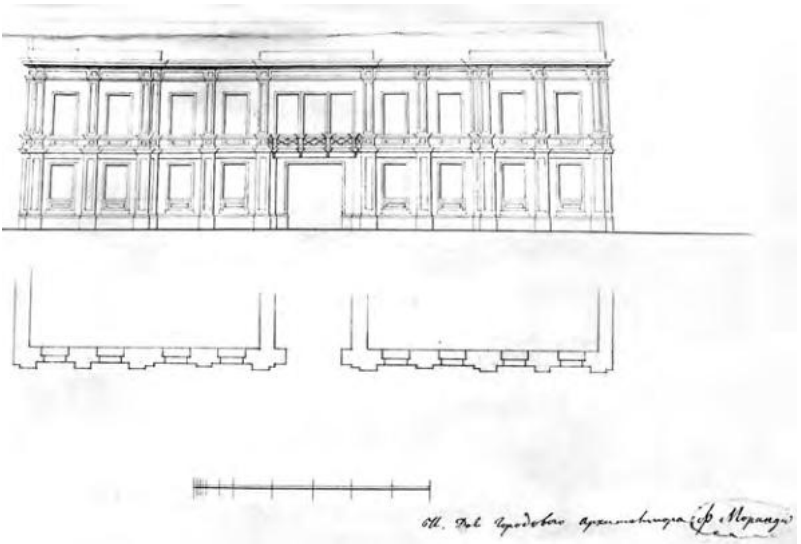
в 1857 г. эту должность занял А.Б. Матиас). Видимо, в связи с каким-то громким делом Клейгельс был снят с должности кишиневского полицмейстера, отдан под суд и вскоре уволен в отставку.

Однако, согласно архивным документам, первым владельцем рассматриваемого дома на ул. Ямской был не одесский полицмейстер Григорий Христианович Клейгельс, а Варвара Григорьевна Клейгильс (так ее фамилия указана в документах). Мы предполагаем, что это мать полицмейстера. 12 декабря 1849 г. в Одесский строительный комитет поступило прошение «вдовы подпоручицы» В.Г. Клейгильс от этого же числа об утверждении фасада на постройку дома на принадлежащем ей участке «в 3-й части по Ямской улице в XX квартале под № 257-м»[6].

Как видно на картах XIX века, по улице Ямской в квартале между улицами Гулевой и Спиридоновской (XX квартал) было четыре участка – № 256, 257, 258, 259, то есть интересующий нас № 257 – второй от угла ул. Гулевой (ныне Льва Толстого). Сейчас в этом квартале три дома из четырех: первый из них, некогда принадлежавший Соколову, отсутствует (на его месте спортплощадка, примыкающая к дому по ул. Льва Толстого, 11), далее расположены дома № 84, 86 и 88. Таким образом, современный адрес изучаемого дома – ул. Новосельского, 84. Соседний дом принадлежал Одесской ремесленной управе (№ 82 в XIX в., современный – № 86), для которой в 1896 г. было построено новое здание.

К прошению В.Г. Клейгильс прилагался чертеж фасада будущего двухэтажного дома, выполненный исправляющим должность городского архитектора Ф. Моранди, а также план расположения дома в квартале. Из этого дела, а также из журнала заседаний («присутствия») Одесского строительного комитета (далее – ОСК) от 13 декабря того же года следует, что на участок 257-й и соседний с ним 256-й 5 июня 1811 г был выдан открытый лист губернскому секретарю Рачевскому*. В.Г. Клейгильс получила участок согласно «данной» (название документа, удостоверяющего право собственности. – **Авт.**), выданной ей одесским коммерческим судом 5 мая 1849 г. В результате рассмотре-

* В фонде ОСК сохранилось упоминание утраченного дела от 25 января 1835 г. «О выдаче открытого листа на участки титулярному советнику Рачевскому» (ГАОО, ф. 59, оп .1, д. 1952, на 14 л.). Сообщено О.И. Губарем.

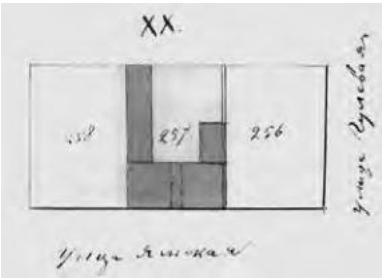
План фасада дома

ния прошения члены комитета утвердили «фасад для постройки по оному дома»[7].

Согласно «Общему алфавиту фамилиям владельцев, имения которых находятся под запрещением с 1829 по 1865 год», зафиксированы сделки с недвижимостью членов семьи Клейги(е)льс, в том числе Варвары Григорьевны (1857 и 1860 гг.) и Григория Христиановича (1853 и 1860 гг.)[8]. Таким образом, можно предположить, что Г.Х. Клейгельс мог проживать в доме на Ямской как в период своей службы в Одессе, так и после отставки, а также мог позднее владеть им.

Репортаж в «Одесских новостях» сообщал: «Когда Клейгельс вышел в отставку, дом его был куплен Н.А. Новосельским, тогда уже одесским городским головой… Оставив службу в Одессе, Н.А. Новосельский продал свой дом Рафаловичу, который, в свою очередь, продал его быв. директору земского банка Мазаракию».

На самом деле рассматриваемый дом на ул. Ямской был приобретен Н.А. Новосельским 21 октября 1867 г. у почетного гражданина Анисима (Онисима) Рафаловича, который купил его в начале

План дома в квартале из дела ОСК за 1849 г.

или первой половине 1860-х гг. предположительно у представителей семьи Клейгельс (но также нельзя исключать возможность существования еще одного владельца указанного дома). При этом Новосельский был избран городским головой Одессы 15 декабря 1867 г., то есть уже после осуществления сделки купли-продажи, а вышел в отставку 17 июля 1878 гг., продав дом в 1873 г. Мазаракию, но не директору земского банка, а его дальнему родственнику, о чем будет рассказано ниже.

В официальном органе Одесской городской управы – «Ведомостях Одесского городского общественного управления» от 23 ноября 1867 г. приводилась «Ведомость Одесского коммерческого суда о совершенных актах на переход недвижимых имений, состоящих в г. Одессе. За август, сентябрь и октябрь месяцы 1867 г. (сообщ. коммерч. судом при отношении от 17 ноября сего года за № 9561)». Среди сделок за октябрь под № 11 была отмечена «Купчая на дом почетного гражданина Анисима Рафоловича (так в оригинале. – **Авт.**), состоящий в 3 части города Одессы на Ямской улице в XX кварт.[але] под № 257, проданный действительному статскому советнику Николаю Новосельскому. 21 октября (так в оригинале. – **Авт.**), № акта 407»[9].

Если сравнить современный вид этого дома с описанием и фотографией 1898 года, видно, что к дому достроили третий этаж. Из архитектурных особенностей обращает на себя внимание решетка балкона над въездными воротами с головами мифических существ – фавнов или сатиров (причем ее внешний вид заметно отличается от представленной на плане дома 1849 г.). Во дворе дома над аркой въезда сохранились кронштейн для газового фонаря, а также старинная мраморная цистерна для сбора дождевой воды, металлическая часть которой сверху украшена датой «1869», сооруженная в то время, когда домом владел Новосельский (1867-1872 гг.). Вполне можно предположить, что в этот

период была проведена реконструкция дома, ведь тогда со времени постройки дома прошло почти двадцать лет (если учесть, что в декабре 1849 г. был утвержден его фасад, то дом был построен или перестроен не позднее 1851 г.). Согласно же справочнику В.А. Пилявского, рассматриваемый дом построен в 1890 г. по проекту архитектора Д.Я. Климова (владелец дома не указан).

По свидетельству О.И. Губаря, из прилагаемого ситуационного плана в деле об утверждении фасада на дом В.Г. Клейгильс 1849 г. видно, что на участке уже есть два дворовых флигеля, тогда как на плане Торичелли (это не 1826 год, как ранее считалось, а примерно 1828-й) мы видим лишь фасадное здание, причем занимающее лишь около половины места по фасаду. Это, надо полагать, и есть первичная постройка Рачевского. Однако на городском плане 1814 г. дом показан в форме клюшки, длинная часть которой обращена во двор (ближе к месту № 258). Оба плана, понятно, нельзя считать абсолютно отражающими реалии, но, во всяком случае, можно смело утверждать, что Рачевский рано застроил свое место,

Современное фото дома

Цистерна во дворе

Решетка балкона

на котором нельзя было обойтись без хозяйственных и служебных дворовых помещений. Фасадный же дом был одноэтажен и невелик, но по стандартному плану. До Рачевского место однозначно было «пустопорожним»[10].

Лицом, продавшим дом Новосельскому в октябре 1867 г., был Анисим Абрамович Рафалович (ок. 1822 – 28 марта 1882, Одесса), потомственный почетный гражданин, глава одного из старейших торговых домов в Одессе. Он участвовал в известном одесском банкирском доме «Братья Рафалович», а отделившись от братьев, основал собственный торговый дом, а также длительное время состоял генеральным бельгийским консулом в Одессе[11]. Это был тот самый Рафалович, из-за которого вскоре после покупки дома на Ямской в 1868 г. было наложено запрещение на имущество супругов Новосельских вследствие поручительств за вексель Рафаловича. Так, в «Дополнениях к Сенатским запрещениям на 1868 г.» сообщалось: «Новосельский Николай Александрович,

Решетка балкона (деталь)

действительный статский советник, и супруга его, Новосельская Анна Павловна. Налагается запрещение на недвижимое имение, где бы какое не находилось, их, гг. Новосельских, по количеству неплатежа ими поверенному механического общества Джон Кокериль: потомственному почетному гражданину Онисиму (так в тексте. – **Авт.**) Абрамовичу Рафалович, по векселю, данному 1863 г., 6 октября, за поручительством ее, госпожи Новосельской, 15000 рублей»[12]. Кроме дома на Ямской А.А. Рафаловичу принадлежал большой участок на ул. Конной, между улицами Софиевской и Херсонской. Так, в 1875 г. в данном квартале улицы Конной находились следующие строения: № 2, 4 и 6 – дом Рафаловича, училище глухонемых[13]. 2 октября 1878 г. участок Рафаловича, «состоящий в г. Одессе, 3-й части, на Херсонской, Софиевской и Конной улицах… в 50 квартале, под № 783 и 784» (дом № 4 по нумерации второй половины XIX в.), купил с публичных торгов, проведенных в правлении Бессарабско-Таврического земельного

банка одесский купец А.Л. Гредингер[14], при этом за Рафаловичем и его наследниками в 1880-1890-е годы сохранялся еще соседний дом на углу Конной, 6, и Херсонской[15].

Вышеприведенная газетная статья 1898 г. сообщала о рассматриваемом доме: «В этом доме Н.А. Новосельский жил во все время своего служения в должности головы». Издававшиеся до 1874 года «Новороссийские календари» и «Новороссийские адрес-календари» в разделе «Одесские адресы: I. Жительство лиц, управляющих отдельными частями» сообщали адреса только небольшой части одесских чиновников (около двух десятков лиц, в начале 1870-х – несколько десятков), однако по своим должностям Николай Александрович вошел в их число сперва как директор-распорядитель РОПиТа, а затем как городской голова. «Памятные книжки…» и «Адрес-календари одесского градоначальства», начиная с 1870-х гг., от года к году публиковали все больше адресов чинов местной администрации и чиновников. Таким образом, адреса проживания Н.А. Новосельского в Одессе согласно упомянутых справочников были следующими: на [Приморском] Бульваре в доме Абазы (1857 г.); на Карантинном спуске (1858 г.); в доме Порро (1859 г.)[16]; с 1860 по 1867 гг. сведения отсутствуют, так как он не занимал административной должности, адрес проживания носителя которой указывался бы в справочнике; «В 3-й части города, номер квартала 27, ул. Ямская, дом собственный» (1868 г.)[17]; «в собств.[енном] д.[оме] на Ямской ул.» (1870-1872 гг.)[18]; в доме Шульца на Надеждинской улице* (1873 г.)[19]; за период 1874-1875 гг. сведений не имеется в связи отсутствием справочников; Троицкая, 10 (ныне – № 12; 1877, 1878 гг.)[20]. В справочнике 1878 г. попечитель одесской лечебницы для приходящих (ул. Гаванная, 3) тайный советник Н.А. Новосельский указан «в отсутствии»[21] (то есть находился вне Одессы), а впоследствии, в 1880-1890-е гг., когда имя Николая Александровича приводилось в списке почетных мировых судей Одессы, о нем указывалось: «В Одессе не живет» или «в Санкт-Петербурге».

* В этот период (1870-е) Е.И. Шульцу принадлежал дом № 9 на ул. Надеждинской, в котором он и проживал с семьей, позднее, к 1880-м гг., ему принадлежало уже два дома на этой улице – № 6 и 9. При этом на 1873-1875 гг. Н.А. Новосельскому принадлежал дом на ул. Надеждинской, 4а и 4б.

В «Списке гражданским чинам третьего класса» на 1873 г. указано, что Новосельскому принадлежит 6000 десятин земли в Херсонской губернии, дом в Одессе, дачи и виноградники в Крыму, а его супруге – 2000 десятин земли в Курской губернии.

Но, как свидетельствуют «Сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам»[22], супруги Новосельские в период 1869 – начало 1870-х гг. приобрели не один дом, а целый ряд домов и имений стоимостью в несколько сотен тысяч рублей!

Так, в 1869 г. Николай Александрович приобрел:

– в мае за 100000 руб. у братьев штабс-капитана Дмитрия, коллежского секретаря Александра и дворянина Спиридона Дмитриевичей Инглези имение в 2659 десятин 1867 квадратных саженей при селе Ильинка Одесского уезда. Село было расположено в 20 верстах от Одессы, между Куяльницким и Хаджибейским лиманами (ныне село Ильинка Беляевского района Одесской области);

– в июле за 60000 руб. у жены действительного статского советника Марии Константиновны Митьковой (супруги председателя одесского коммерческого суда) имение при дер. Ульяновка и Малая Чайковка Ананьевского уезда, в количестве 2298 десятин 1000 квадратных саженей земли, «с лесами, садами, постройками и всякого рода угодьями»;

– в октябре дом с двором, двумя флигелями и прочими строениями на Екатеринославской улице в Севастополе Таврической губ.

В сентябре 1871 г. за 7000 руб. был приобретен еще один дом в г. Севастополе на Базарной и Театральной площадях. В октябре 1870 г. Анна Павловна Новосельская приобрела у греческого подданного Павла Минаевича Цицинио большую дачу (хутор) «со всеми строениями, обзаведениями и землей, мерой в 25 десятин 1529 квадратных саженей, состоящую на городской земле в г. Одессе, 2 части, на выгоне, под № 10». Этот хутор располагался на Малом Фонтане близ дачи Маразли (ныне территория санатория им. Чкалова). В 1873 г. этот хутор был оценен в 16292 руб. и впоследствии распродан по частям.

Также в 1870-е гг. Николаю Александровичу принадлежал дом на ул. Надеждинской, 4а и 4б, в Одессе, оцененный в 17550 руб.

Вернемся к истории дома на Ямской. Этим домом Новосельский владел совсем недолго. Приобретя его в октябре 1867 г., уже 30 ноября

1872 г. Николай Александрович продал его за 40000 руб. полковнику Семену Семеновичу Мазараки[23]. Раскладочная ведомость 1873 г. показывает владельцем дома полковника Семена Мазараки (при этом дом был оценен в 36667 руб.), а справочник К. Висковского 1875 г. – Мазараки-Дебольцева[24] (у дома был № 80). Семен Семенович Мазараки был одним из сыновей генерал-лейтенанта артиллерии (с 1845 г.), начальника Сестрорецкого оружейного завода Семена Семеновича Мазараки (1787-1854) и богатой екатеринославской помещицы Анны Ильиничны Дебольцевой (1795-1870). Различные представители большого рода Мазараки (Мазаракий) проживали в XIX – начале XX в. Одессе (в 1902 г. здесь была издана небольшая брошюра журналиста Е.Н. Любича «Легенда о происхождении фамилии Мазараки (Мазаракий)». Наиболее известен из них отставной поручик гвардии, директор Земского банка Херсонской губернии и президент Общества сельского хозяйства Южной России Валериан Иванович (ок. 1823/25 – январь 1885), ошибочно названный в газетной статье 1898 г. владельцем дома на Ямской (он скончался в квартире дома Земского банка на Садовой улице). 12 октября 1852 г. в соборе Одессы была крещена Анна, дочь капитана генерального штаба Павла Ивановича Сафонова и его супруги Александры Семеновны (урожденной Мазараки, родной сестры будущего владельца дома на улице Ямской), а восприемницей при крещении выступила генеральша Анна Ильинична Мазараки, бабушка младенца[25] (впоследствии Анна стала супругой воронежского дворянина Аркадия Павловича Муфеля (1846-1898)). Семен Семенович Мазараки родился 10 июня 1823 г. в Воронеже[26], 8 августа 1842 г. вступил в службу из унтер-офицеров школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров прапорщиком лейб-гвардии Смоленского полка. С 15 апреля 1845 г. – подпоручик, с 11 апреля 1848 г. – поручик, с 6 декабря 1849 г. – штабс-капитан. 7 апреля 1852 г. переведен в Люблинский егерский полк майором, 26 мая 1852 г. прикомандирован к 5-му Стрелковому батальону, со 2 ноября 1852 г. – командующий, и с 18 декабря 1853 г. – командир этого батальона. С 19 ноября 1854 г. за отличие в сражении против турок произведен в подполковники. 19 октября 1857 г. переведен в 5-й Стрелковый батальон, с 3 июня 1858 г. – в отставке с чином полковника. Был участником нескольких военных кампаний. На 1874 г. – действительный член по избранию Бессарабского стати-

стического комитета[27]. 14 марта 1874 г. по прошению теток С.С. Мазараки, дочерей статского советника Наталии и Елизаветы Дебольцевых, он получил разрешение именоваться Мазаракием-Дебольцевым, с тем чтобы эта фамилия передавалась старшему в роду. О кончине Семена Семеновича имеются несколько противоречивых сведений. Так, газета «Бессарабские губернские ведомости» сообщала 26 июля 1880 г.: «В Кишинев по железной дороге прибыло тело утонувшего в Гаштейне* отст. полковника С.С. Мазараки-Дебольцева (бросился в водопад)»[28], однако в деле «Бессарабский некрополь», хранящемся в фондах Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург), значится: «Мазараки-Дебольцев Симеон Симеонович – полковник, похоронен на Рышканском (Старом) кладбище в Кишиневе, в фамильном склепе. Умер 26 июня 1888, на 57 г. жизни»[29]. Видимо, в этом тексте описка, получается, что он умер на 65 году жизни. Таким образом, сообщение в газете ближе к истине, также учитывая тот факт, что дом на Ямской был продан в 1884 г. уже вдовой полковника. С.С. Мазараки был женат (30 октября 1851 г., Кишинев) на дворянке Марии Георгиевне Катаржи (30 июля 1834, Бельцы – 3 января 1900 г.[30]), дочери титулярного советника, ясского уездного маршала и бельцского помещика Георгия Петровича Катаржи[31]. 3 ноября 1859 г. состоялось определение Бессарабского дворянского депутатского собрания о причислении к бессарабскому дворянству Семена Семеновича Мазараки с его супругой Марией Георгиевной, урожденной Катаржи, во 2-ю часть дворянской родословной книги по Кишиневскому уезду[32]. Детей супруги не имели. Мария Георгиевна была похоронена рядом со своим супругом. В 1870-1880-е годы М.Г. Мазараки-Дебольцевой принадлежал дом в Одессе на ул. Елисаветинской, 11 (после смены номеров в начале XX в. – № 15), проданный ею в феврале 1889 г. Марии Липун[33].

19 апреля 1884 г. старшим нотариусом одесского окружного суда была утверждена купчая крепость на рассматриваемый дом на ул. Ямской**, проданный вдовой полковника Марией Георгиевной

* Бад-Гаштайн (Bad Gastein), курорт в Австрии (земля Зальцбург), находится в горах Высокий Тауэрн в долине реки Гаштайнер-Ахе, которая в пределах города ниспадает с гор в виде двух водопадов (85 м и 63 м).

** Таким образом, сама сделка состоялась немногим ранее, так как после ее совершения одним из частных нотариусов документы сразу направлялись им для утверждения в окружной суд. В фонде же старшего нотариуса окружного суда

Мазараки-Дебольцевой дворянам Георгию Викентьевичу Прушинскому и его супруге Лидии Дмитриевне[34], владевшим домом до июня 1898 г. На 1892 г. их дом был оценен в 19356 руб.[35] Г.В. Прушинский окончил университет Св. Владимира в Киеве. Как указано в его некрологе, он начал службу в должности заседателя уездного суда, а с 1866 по 1871 годы состоял секретарем уездного суда (при этом в «Новороссийском календаре на 1869 г.» он указан исправляющим должность дворянского заседателя в Ананьевском уездном суде в чине губернского секретаря)[36]. С 1871 г. был присяжным поверенным одесского округа судебной палаты. В конце 1880-х гг. – он присяжный поверенный при учреждениях Одесского судебного округа, состоящий также и присяжным стряпчим при Одесском коммерческом суде. В списках присяжных поверенных Г.В. Прушинский значится в одесских справочниках как во второй половине 1890-х гг.[37], так и в начале 1900-х гг., также возглавляя в качестве председателя Главную оценочную комиссию для переоценки недвижимых имуществ[38]. Из своего бывшего дома он переехал на противоположную сторону улицы в том же квартале – в дом № 79 по Новосельского, принадлежавший архитектору Влодеку и построенный им же. Здесь Георгий Викентьевич и скончался 15 февраля 1905 г., был отпет в римско-католической церкви и погребен 17 февраля на новом кладбище[39]. На момент своей кончины он был старейшим присяжным поверенным, старейшим членом (и бывшим членом правления) Одесского общества вспомоществования бывшим воспитанникам Киевского университета Св. Владимира. Его супруга Лидия Дмитриевна Прушинская упоминается в справочниках 1910-х гг. как владелица дома на Коблевской, 38-а[40].

18 июня 1898 г. супруги Прушинские продали свой дом на ул. Ямской за 70000 руб. (согласно купчей крепости, в газетном же репортаже за октябрь 1898 г. указана сумма в 80000 руб.) австро-венгерской подданной Терезе Вильгельмовне Доре, причем по существовавшей тогда практике одновременно Доре переда-

в ГАОО с ноября 1870 г. по январь 1886 г. отсутствует даже перечень дел в описи (ГАОО, ф. 35, оп. 1, ч. 1, л. 10). Дело о продаже дома Прушинскими Доре (1898 г.) также утрачено. Однако в деле о продаже дома Герценштейн (урожденной Доре) Буклукчи (1903 г.) содержится информация о двух предыдущих сделках по купле-продаже этого дома – в 1884 и 1898 гг.

ла этот же дом Прушинскому в залог[41]. При этом покупательница приняла на себя числящийся по дому долг городскому кредитному обществу в сумме 21923 руб. 86 коп. «Одесские новости» за 1 октября 1898 г. сообщали, что Прушинский на тот момент еще проживал в доме. При этом в справочнике 1899 г. «Список недвижимых имуществ города Одессы по улицам, кварталам и номерам в черте бывшей Старопортофранковской улицы» Прушинские еще значатся владельцами дома, но во «Всей Одессе» на 1899 г. владельцем указана Доре, при этом в газетной статье за сентябрь 1898 г. дом указан как «бывший Прушинского» (листы первой Всероссийской переписи населения, проведенной в январе 1897 г., по указанному дому утрачены).

На момент совершения купчей (1898 г.) Т.В. Доре проживала на «даче Доре, расположенной на Больше-Фонтанской дороге». В 1892 г. эта дача, расположенная в районе 12-13-й станции Большого Фонтана, принадлежала Софии Доре (вероятно, матери Терезы Вильгельмовны). В справочниках 1870-х гг. она указана как иностранка, 1890-х – австрийско-подданная София Изабелла Доре, в 1910-х гг. – как София Мойсеевна Доре или Дорэ. С. Доре в 1870-1910-е годы принадлежали дом с тройным адресом: на ул. Греческой, 42 (впоследствии – № 44), угол Красного пер., 10, и Александровской площади, 9, и вышеуказанная дача на Большом Фонтане.

Впоследствии домом на Новосельского, 80 (как писалось выше, в сентябре 1898 г. было принято решение о переименовании улицы), согласно спискам домовладельцев на 1899-1903 гг., владела уже упомянутая Т.В. Доре[42]. Тогда же, на рубеже веков, сменился и номер дома – с 80 на 84, который сохраняется и доныне. В период между 1898 и 1902 гг. Доре вышла замуж за титулярного советника Александра Григорьевича Герценштейна (возможно, он был сыном Гораца Иоахимовича Герценштейна, в 1870-е гг. аккерманского провизора), на 1906 г. являвшегося почетным членом Одесского городового попечительства детских приютов Ведомства учреждений императрицы Марии[43]. На 1915 г. он продолжает быть почетным членом попечительства, состоя в чине коллежского советника и проживая в г. Сороки Бессарабской губернии[44] (в 1906 г. его адрес не был указан в справочнике, что позволяет предположить, что уже тогда он проживал вне Одессы).

А.Г. Герценштейн был нотариусом в Бессарабской губернии – до 1910 г. в с. Комрат[45] (обращает на себя внимание тот факт, что его супруга, владелица дома на Новосельского, продала его комратским поселянам), а после 1910 г. – в чине надворного, затем коллежского советника одним из трех нотариусов в г. Сороки[46].

29 января 1903 г. Т.В. Герценштейн, урожденная Доре, имея задолженность перед городским кредитным обществом в сумме 59900 руб. под залог своего дома, продала его за 84000 руб. Николаю Семеновичу и Семену Николаевичу Буклукчи (первому – в $^2/_3$, а второму – в $^1/_3$ части), поселянам села Комрат Бендерского уезда Бессарабской губернии, причем в купчей крепости адрес дома указывался не «Новосельского, 84», а «в Одессе, 3 части, по Ямской улице, под № 257» (то есть была сохранена терминология первой половины XIX века), равно как и Герценттейн указана «проживающей на ул. Ямской в собственном доме»[47]. В купчей указывалось, что был продан дом с «землею, мерою: по улице 15 сажен, а во дворе 22,5 сажен, или сколько в натуре окажется, все без остатка, в границах с домами: с одной стороны – Одесской ремесленной управы, а с другой – Соколова». В справочниках владельцами дома с 1904 г. значатся Николай и Семен, с 1911 г. – Николай Семенович, а в 1914 г. – Николай Семенович и Иван Николаевич Буклукчи[48]. Однако Семен Николаевич Буклукчи, о смерти которого извещали его родители Николай Семенович и Мария Ивановна Буклукчи со своими детьми и внуками, скончался 15 ноября 1903 г.[49]. (таким образом, запись в справочниках о владельцах на ул. Новосельского, 84, – «Ник. и Сем. Буклукчи», на самом деле должна была означать одного человека – Николая Семеновича, отца Семена Николаевича). В записи от 17 ноября об отпевании С.Н. Буклукчи в Кафедральном соборе указано, что он был поселянином села Комрат Бессарабской губернии и скончался в возрасте 39 лет[50]. Он был похоронен на новом городском (ныне втором христианском) кладбище в сохранившемся до настоящего времени заброшенном склепе Буклукчи (без указания имен и дат), созданном скульптором П. Бакошем и являющимся памятником искусства. Согласно справочнику «Вся Россия на 1899 г.», Иван Буклукчи занимался производством химических товаров на ул. Госпитальной, 19, в Одессе, а Николай Семенович

в селе Комрат Бендерского уезда Бессарабской губернии занимался зерном и шерстью[51]. Известно также, что в 1890-1900-е гг. Семен Николаевич Буклукчи являлся почетным попечителем (блюстителем) Комратскаго двухклассного мужского училища[52]. Николай Семенович Буклукчи родился в с. Комрат, был комратским миллионером, общественным деятелем и благотворителем, строил больницу для заразных больных в Комрате[53]. По предположению известного генеалога Е.А. Румянцева, скорее всего, Буклукчи были гагаузами (сегодня Комрат – город, столица автономно-территориального образования Гагаузия), но некоторые исследователи (напр., в книге «Болгары Молдовы и Украины») называют их болгарами. Кроме дома на Новосельского Николай и Семен Буклукчи владели и другой недвижимостью. Так, в июне 1898 г. Семен купил у Петра Бечаснова имение в Одесском уезде[54], в январе 1902 г. Николай и Семен купили у Иосифа Константиновского двор в Одессе[55], в августе 1903 г. Семен продал Алексею и другим Данильчукам имение в Одесском уезде[56], в сентябре того же года Николай купил у Арнольда Бортника двор в Одессе[57]. По справочникам домовладельцев было установлено, что в период 1900-1910-х годов Буклукчи владели домом на ул. Балковской, 52в, и хуторами в селе Кривая Балка.

У истории рассматриваемого дома есть и трагические страницы. В газете «Большевистское знамя» за 1 мая 1944 г. была опубликована статья «Мести, мести немецким инквизиторам», в которой рассказывалось, что накануне освобождения города, в ночь на 10 апреля, оккупанты согнали в подвал дома № 84 по улице Островидова (так улица назвалась в советское время) мирных жителей и сожгли их живыми. Приведем полностью ее текст:

«Над Одессой взвилось пламя пожаров. Горели фабрики, заводы, дома города-героя. Немецкие разбойники, удирая от смертоносных ударов Красной Армии, зажгли город.

В последние часы пребывания в городе гитлеровские головорезы производили неслыханные расправы над непокорными одесситами.

О! Сколько крови, невинной крови было пролито в это грозное время – в ночь на 10 апреля. Не один подвал, набитый трупами, стены, забрызганные кровью и мозгами, – немые свидетели этого.

Удирая, гитлеровцы согнали в подвал дома № 84 по ул. Островидова много мирных жителей. Переодели их для провокации в немецкую форму и живыми сожгли. Среди замученных мужчин много трупов ни в чем не повинных женщин. Слезы и нестерпимая боль сердца вызывал труп молодой красивой девушки.

Рано утром 10 апреля Красная Армия освободила город от инквизиторов, и немецкие зверства были раскрыты.

Приходили жители, узнавали своих родных, близких. Только 17 трупов были не опознаны. Прах этих неизвестных мучеников похоронен в братской могиле.

Великий наш город, и много в нем подвалов переделаны немцами в застенки. Сердце наполняется кровью. Кулаки, стиснутые до боли, поднимаются вверх и уста народа твердят: «Мести, мести немецким инквизиторам!»[58].

В настоящее время дом, некогда принадлежавший Новосельскому и гордо именовавшийся «вторым историческим домом Одессы», не внесен даже в список памятников архитектуры. Как мы знаем, в 1898 г. городская дума постановила «прибить на доме мраморную доску с надписью о том, что в нем жил бывший городской голова Н.А. Новосельский». Полагаем, что было бы хорошо возобновить как ее, так и еще одну мемориальную доску в память о трагически погибших здесь накануне освобождения города в апреле 1944 г. людях.

Авторы благодарят за помощь в работе над статьей О.И. Губаря, С.А. Желяскова, Т.Н. Иванову, М.Ю. Катин-Ярцева (Москва), А.В. Лебединскую (Санкт-Петербург), Е.В. Полевщикову, Е.А. Румянцева (Кишинев).

Примечания

[1] Gunnar Sivén. Släkten Clayhills. Genealogiska Sammfundets Årsskrift. XIX-XX, 1935-1936. – S. 192-193, 214-217, 222-226, 241 (с добавлениями Эрика Амбургера). Сообщено М.Ю. Катин-Ярцевым.

[2] По отношению министра внутренних дел о награде полицеймейстеров подполковников: Криденера, Николева, майора Клайгельса и городничего штабс-капитана Гололобова следующими чинами за отличие по службе (7 октября 1845 – 23 марта 1846 гг.), на 44 л. // Российский государственный военно-исто-

рический архив (РГВИА, г. Москва), ф. 395, оп. 151, д. 197. Формулярный список: л. 18-23. Сообщено М.Ю. Катин-Ярцевым.

[3] Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. На 1844-1852 гг.

[4] Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. 1853 г. Ч. II. – СПб, с. 7; то же на 1854 г. Ч. II, с. 7; то же на 1855 г. Ч. II, с. 7.

[5] Список подполковникам по старшинству. Исправлено по 26 мая. – СПб., 1855, с. 50.

[6] По прошению подпоручицы Варвары Клейгильс об утверждении фасада на постройку дома (12-13 декабря 1849 г.) // ГАОО, ф. 59 (Одесский строительный комитет), оп. 2, д. 1417, л. 1-4 об.

[7] Там же; Журнал заседаний ОСК за 13 декабря 1849 г. // ГАОО, ф. 2 (Канцелярия одесского градоначальника), оп. 5, д. 438, л. 142-143.

[8] Общий алфавит фамилиям владельцев, имения которых находятся под запрещением с 1829 по 1865 год. Книга третья. К, Л. – СПб., 1867, с. 1677.

[9] Ведомости Одесского городского общественного управления. – 1867, 23 ноября, № 126.

[10] Сообщено О.И. Губарем.

[11] Одесский вестник. – 1882, 1 апреля, л. 1.

[12] Дополнения к Сенатским запрещениям на 1868 г. № 5817 и 5818. Сообщено А.В. Лебединской.

[13] Путеводитель по городу Одессе: С подробным планом: С указанием фамилий домовладельцев, №№ домов, улиц, к какому принадлежат участку: полицейскому, мировому и кварталу, обозначая правительственные и частные учреждения и фабрики. Год первый / Сост. К. Висковский. – Одесса, 1875, с. 52.

[14] О продаже инжен. техн. Василием Гариным купц. Георгию Дурьяну двора в Одессе 3 ч. за 50000 р. и о залоге последним первому того двора в сумме 23000 р. (11-23.01.1897 г.) // ГАОО, ф. 35 (старший нотариус Одесского окружного суда), оп. 1, ч. 1, д. 9776, л. 5 об.

[15] Путеводитель по г. Одессе: С подробным планом… Год второй. / Сост. К. Висковский. – Одесса, 1884, с. 50.

[16] Новороссийский календарь на 1858 год, издаваемый от Ришельевского лицея. – Одесса, 1857, с. 395; То же на 1859 год. – Одесса, 1858, с. 400; То же на 1860 год. – Одесса, 1859, с. 410.

[17] Новороссийский календарь на 1869 год. – Одесса, 1868, с. 1 (Справочный раздел по городу Одессе).

[18] Новороссийский календарь на 1870 год. – Одесса, 1870, с. 151; То же на 1871 год. – Одесса, 1870, с. 151; Новороссийский календарь на 1872 високосный год, издаваемый от канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора. – Одесса, 1871, с. 129; То же на 1873 год. – Одесса, 1872, с. 123.

[19] Новороссийский адрес-календарь на 1874 год, издаваемый от канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора. – Одесса, 1873, с. 133.

[20] АКОГ на 1877 г. – Одесса, 1876, с. 27; Памятная книжка Одесского градоначальства на 1878 год / Изд. Одесского статистического комитета. – Одесса, 1878, с. 79.

[21] Памятная книжка Одесского градоначальства на 1879 г. – Одесса, 1878, с. 176.

[22] Сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам. – СПб., 1869, № 684 – с. 428; № 22170 – с. 635; То же. 1870 г., № 2145; То же. 1871 г., № 6073 – с. 163; № 37085. Сообщено А.В. Лебединской.

[23] Сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам. – СПб., 1873, № 14976 – с. 256. Сообщено А.В. Лебединской.

[24] Путеводитель по городу Одессе… / Сост. К. Висковский. – Одесса, 1875, с. 65.

[25] Запись о крещении А.П. Сафоновой в метрической книге кафедрального Преображенского собора г. Одессы на 1852 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 3а, д. 68а, л. 65 об.

[26] Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. Т. 3. – Киев, 1912, с. 275.

[27] Бессарабский адрес-календарь на 1874 г. – Кишинев [б. г.], с. 24.

[28] Бессарабские губернские ведомости. – 1880, № 59, с. 258. Сообщено Е.А. Румянцевым.

[29] Бессарабский некрополь // РГИА, ф. 549, оп. 2, д. 17, л. 462 об. Сообщено Е.А. Румянцевым.

[30] Там же, л. 462 об. Сообщено Е.А. Румянцевым.

[31] Малороссийский родословник. Т. 3, с. 276.

[32] Национальный архив Республики Молдова (г. Кишинев), ф. 88, оп. 1, д. 1529, л. 45-46. Сообщено Е.А. Румянцевым.

[33] О продаже М. Мазаракий-Дебольцевою Марии Липун дома в Одессе (13.02.-10.03.1889 г.), на 21 л. // ГАОО, ф. 35, оп. 1, ч. 1, д. 2078 (утрачено).

[34] О продаже женою тит.[улярного] сов.[етника] Терезой Герценштейн пос.[елянам] Семену и Николаю Буклукчи двора в Одессе за 84000 руб. (1.02.1903 г.) // ГАОО, ф. 35, оп. 1, ч. 2, д. 19822, л. 5 об. – 6.

[35] Об утверждении раскладки государственного налога и земского сбора на 1892 г. // ГАОО, ф. 16, оп. 121, д. 103 (1892 г.), л. 11.

[36] Новороссийский календарь на 1869 г. – Одесса, 1868, с. 23.

[37] См., напр., АКОГ на 1893 г., с. 308; то же на 1895 г., с. 320.

[38] Вся Одесса на 1904-1905 г. (Адресная и справочная книга г. Одессы на 1904/5-й г. Вся Одесса. / Изд. Л.А. Лисянского. Одесса, 1904). – С. 6, 12 [Часть II. Адресно-справочная].

[39] Одесский листок. – 1905, 16 февраля.

[40] Напр., Вся Одесса на 1913 г., с. 320.

[41] О продаже Георгием и Лидией Прушинскими Терезе Доре двора в Одессе и о залоге последн.[ею] первому того имения (19.06.1898 г.) // ГАОО, ф. 35, оп. 1,

ч. 1, д. 11113 (утрачено); О продаже женою тит. сов. Терезой Герценштейн пос. Семену и Николаю Буклукчи двора в Одессе за 84000 руб. (1.02.1903 г.) // ГАОО, ф. 35, оп. 1, ч. 2, д. 19822, л. 5 – 5 об.

[42] Справочник недвижимых имуществ Одесского градоначальства на 1899 г. Вся Одесса / Изд. В.К. Фельдберга. – Одесса, 1899, с. 34; то же на 1902-1903 гг., с. 33.

[43] АКОГ на 1906 г., с. 190.

[44] АКОГ на 1915 г., с. 369.

[45] Адрес-календарь Бессарабской губернии на 1910 год. – Кишинев, 1910, с. 142.

[46] Адрес-календарь Бессарабской губернии на 1911 год. – Кишинев, 1911, с. 261; То же на 1912 год. – Кишинев, 1911, с. 179; Иллюстрированный адрес-календарь Бессарабской губернии на 1914 год. – Кишинев, 1913, с. 270.

[47] О продаже женою тит. сов. Терезой Герценштейн пос. Семену и Николаю Буклукчи двора в Одессе за 84000 руб. (1.02.1903 г.) // ГАОО, ф. 35, оп. 1, ч. 2, д. 19822, л. 1 – 10 об.

[48] Вся Одесса на 1904-1905 г. / Изд. Л.А. Лисянского, с. 31; То же на 1908 г., стлб. 279; То же на 1909 г., стлб. 145; То же на 1910 г., стлб. 143; Вся Одесса на 1911 г. / Изд. «Одесские новости». Домовладельцы, стлб. 163; То же на 1912 г., м. 54; То же на 1913 год, стлб. 185; То же на 1914 г., стлб. 185.

[49] Одесский листок. – 1903, 16 ноября, № 295. Сообщено Е.В. Полевщиковой.

[50] Запись об отпевании С.Н. Буклукчи в метрической книге кафедрального Преображенского собора г. Одессы на 1903 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 13, д. 589, л. 137 об. – 138.

[52] Вся Россия. Русская книга торговли, промышленности, сельского хозяйства и администрации. Адрес-календарь Российской империи. Т. 1. – СПб., 1899, стлб. 608, 1570, 1609.

[52] Бессарабский адрес-календарь на 1898 год. – Кишинев, 1896, с. 64-65; Бессарабский календарь на 1902 год. Кишинев, 1901, с. 71; Журнал Министерства народного просвещения. Т. 339. – СПб., 1902, с. 12.

[53] Поляк Э. Бессарабский энциклопедический словарь. Т. 2, л. 57 (рукопись). Сообщено Е.А. Румянцевым.

[54] ГАОО, ф. 35, оп. 1, ч. 1, д. 11094 (утрачено).

[55] ГАОО, ф. 35, оп. 1, ч. 2, д. 17880 (утрачено)

[56] ГАОО, ф. 35, оп. 1, ч. 2, д. 20744 (утрачено).

[57] ГАОО, ф. 35, оп. 1, ч. 2, д. 20893 (утрачено).

[53] Большевистское знамя. – 1944, 1 мая, № 5 (1141), с. 2. Сообщено Е.В. Полевщиковой.

Инна Рикун

Небо над нами одно

Астрономический роман в двух частях с вступлением, заключением и иллюстрациями

Вступление

В начале девяностых годов прошлого века я начала работать в области биографистики. За прошедшие двадцать лет увидели свет три моих справочника, посвященных одесским математикам, механикам, физикам и астрономам. Скажу откровенно – мне нравятся мои ученые. Кто-то сочтет, что я склонна к идеализированию, но чем больше узнаешь об их жизни, тем больше убеждаешься, как много среди них людей порядочных, благородных, бескорыстных. Но даже на этом фоне выделяется фигура астронома, педагога, просветителя Артемия Робертовича Орбинского. Его биография и библиография трудов вошли в справочник «Физики. Астрономы», однако жанр специальной статьи не позволил раскрыть все грани жизни и судьбы этого человека. Я решила посвятить Орбинскому отдельную публикацию, оставалось найти сведения о личной жизни, но попробуйте это сделать, если у человека были только дочери. Дочери выходят замуж, меняют фамилию, уезжают, наконец. Никаких следов их пребывания в Одессе я не нашла. Поиски в Интернете тоже не увенчались успехом.

Что я могла сделать? Бывают и неудачи. Хотя смириться с тем, что люди исчезают бесследно, очень не хотелось. К мысли написать статью об Орбинском я вернулась весной 2011 года. В сентябре исполнялось 140 лет со дня основания обсерватории Одесского университета, самое время вспомнить о человеке, который переступил ее порог еще студентом и работал там до последних дней жизни.

Решив опять «погуглить» Интернет, я набрала латиницей фамилию Орбинского и сразу же получила результат. Можно было

бы обрадоваться, но я опечалилась. Журнал «Скорпиус» Астрономического общества Морнингтонского полуострова с глубоким прискорбием сообщал о смерти астронома Артура Энтони Пейджа, внука русского астронома А.Р. Орбинского, которая последовала 1 февраля 2011 года. Была середина марта, я опоздала на полтора месяца. А полуостров оказался австралийским.

Нашлись в Интернете некрологи и соболезнования, но никто из упомянутых там людей не отозвался. Зато отозвался Раймонд Хайнс, автор книги «Исследователи южного неба», посвятивший Пейджу отдельную главу. Бывший профессор Квинслендского университета, ныне живущий на Тасмании пенсионер, помог мне связаться с дочерью Пейджа, Мередит. Она оказалась именно тем человеком, которого я так долго искала. Человеком, который помог восстановить прервавшуюся связь времен.

Можно было писать статью.

Часть первая
Небо Северного полушария – Артемий Робертович Орбинский

Артемий Робертович Орбинский родился 3 (15) августа 1869 года в семье известного педагога, финансиста, экономиста, общественного деятеля Роберта Васильевича Орбинского.

Родившийся в Финляндии и окончивший Главный педагогический институт в Санкт-Петербурге, он почти всю свою дальнейшую жизнь связал с Одессой. «Человек большого светлого ума, многосторонне образованный, всегда исполненный инициативы, всякую идею свою стремившийся привести к осуществлению», – так характеризует Р.В. Орбинского А.М. Де-Рибас в своей замечательной книге «Старая Одесса».

В 1887 году его сын окончил Ришельевскую гимназию и поступил в Новороссийский университет. Он увлекся астрономией, стал учеником выдающегося астрофизика А.К. Кононовича и в 1892 году, получив золотую медаль за студенческое сочинение «Пассажный инструмент и его приложения к определению

Р.В. Орбинский

А.Р. Орбинский и А.А. Белопольский,
с. Орловское на Амуре, 1896 г.

географических координат», был представлен Кононовичем к оставлению профессорским стипендиатом.

Два последующих года жизни Орбинского были наполнены упорным трудом. Поражает работоспособность молодого астронома. Он проштудировал множество книг и статей, регулярно наблюдал протуберанцы, затем отправился на практику в Николаевскую главную астрономическую обсерваторию (так тогда официально называлась Пулковская обсерватория). Там под руководством одного из основоположников современной астрофизики А.А. Белопольского он измерил точные положения звезд, входящих в звездное скопление Гончих Псов, наблюдал на вертикальном круге и на пассажном инструменте, предложил новый оригинальный метод массового определения лучевых скоростей звезд с помощью призменной камеры. Способ Орбинского, по мнению Б.А. Воронцова-Вельяминова, не превзойден до сих пор. Именно в его книге «Очерки истории астрономии в России» я впервые увидела фотографию Артемия Робертовича, которая, обнаружившаяся затем в Интернете, оказалась половинкой снимка, сделанного в 1896 г. в селе Орловское, что на Амуре. Вторым человеком, изображенным на фотографии, был Белопольский. Выдающийся

ученый был так впечатлен способностями и трудолюбием стипендиата, что предложил ему принять участие в наблюдении солнечного затмения.

Так что с мая по сентябрь 1896 г. Орбинский был далеко от Одессы, в экспедиции, поэтому срок подготовки к профессорскому званию был продлен на год. Его статья о полном солнечном затмении 9 августа 1896 г. была напечатана в «Известиях Академии наук».

Пребывание Орбинского на практике в Пулково имело еще одно, более долгосрочное следствие. В связи с тем, что географическое положение обсерватории не благоприятствовало развитию многих работ, ее директор О.А. Баклунд поставил вопрос о создании на Юге России филиала с пассажным инструментом и вертикальным кругом. Местом для филиала была избрана Одесса, возглавить его предложили Орбинскому.

Кононович очень помог в решении организационных вопросов. В некрологе, написанном на смерть учителя, Орбинский подчеркивает, что «без его поддержки и сочувствия дело затянулось бы надолго, если не было бы похоронено навсегда».

А.К. Кононович

А.Р. Орбинский, 1902 г.

А.Р. Орбинский, 1914 г.

В 1897-1901 гг. Орбинский числился сверхштатным астрономом Николаевской главной обсерватории, затем был назначен старшим астрономом Одесского отделения. Он с высокой точностью провел обширный ряд наблюдений, наблюдал абсолютным методом прямые восхождения 400 звезд широкой экваториальной зоны. Еще в 1899 г., когда основной объем работ был впереди, в «Деле о службе А.Р. Орбинского» (хранится в Государственном архиве Одесской области) появилась следующая запись: «За неутомимую и полезную деятельность по наблюдениям на вспомогательной обсерватории в Одессе выражено благоволение президентом Императорской С.-Петербургской Академии наук его высочеством великим князем Константином». Кроме того, все годы существования отделения он вел службу времени в Одессе.

В 1912 г. отделение было переведено в Николаев, где Морское ведомство передало Пулковской обсерватории Николаевскую морскую обсерваторию. В октябре того года Орбинский был назначен старшим астрономом отделения, но уже через два месяца «уволен со службы, согласно прошению с произведением в действительные статские советники и с предоставлением права носить в отставке мундир должности старшего астронома». Ученый не захотел расставаться с родным городом и родным университетом. Он преподавал в нем по 1920 г., читал курсы теоретической и практической астрономии, небесной механики, геодезии, спецкурс по теории возмущений.

Будущий директор Международного бюро времени в Париже Н.М. Стойко-Радиленко, поступивший в университет в 1912 г., слушал у Орбинского курс общей астрономии. Ностальгические

нотки звучат в его воспоминаниях: «Первый раз Орбинский повел нас показать Одесскую астрономическую обсерваторию весной 1913 г. День выдался солнечный. На обсерватории, как полагается, была тишина, и мне представилось идеалом там работать. Не думалось тогда, что астрономией придется заниматься 50 лет».

Орбинский преподавал также на Высших женских курсах (1911-1920), читал лекции в городской народной аудитории, возглавлял педагогический совет женской гимназии Г.Р. Березиной.

Удивительна многогранность этого человека, унаследовавшего разнообразные способности своего отца, в том числе и способности к финансово-экономической деятельности. В 1898 г. Орбинский стал членом Одесского общества взаимного кредита, занимал затем должность заместителя председателя правления. Ученый плодотворно трудился в финансовой комиссии университета. Когда в 1915 г. правление университета назначило ему вознаграждение за проделанную работу, он от денег отказался и в письме к ректору объяснил: «Я не считаю себя вправе принять это пособие, особенно в настоящее время, когда в университете есть так много нужд, постоянно требующих удовлетворения. Во всякое время, по мере сил своих, я готов служить всем, чем могу, родному университету, с которым меня связывают не только личные отношения, длящиеся свыше четверти века, но и то, что в нем работал и ему служил мой вечно чтимый отец». Умение Орбинского разбираться в финансовых вопросах пригодилось и городу – в смутном 1918 г. он был избран товарищем городского головы. В том же году Орбинский в качестве члена финансово-хозяйственной комиссии вошел в состав организационного комитета Политехнического института.

В 1920 г. началась реформа высшей школы Украины. Университеты были ликвидированы, на смену им пришел целый ряд учебных заведений, некоторые из них просуществовали весьма короткое время. Так, основанный в 1920 г. Одесский физико-математический институт уже через год был ликвидирован, а студенты были переведены на соответствующие отделения и курсы Одесского института народного образования. В течение этого года Орбинский был ректором Физматина, а затем два с половиной года – профессором ИНО.

В январе 1924 г. он обратился к декану факультета профессионального образования ИНО со следующим заявлением: «По некоторым условиям чтение лекций по астрономии в настоящем полугодии представляется для меня невозможным. Ввиду того, что студентов нужно познакомить с астрономическими приборами и методами практической астрономии, считал бы правильным пригласить для чтения этих лекций заведующего Одесской астрономической обсерваторией профессора А.Я. Орлова». Почему Орбинский решил оставить преподавательскую стезю? Прежде чем высказать предположение, необходимо осветить еще одну область деятельности этого неутомимого человека. Точнее, это две области – книгоиздательское дело и популяризация науки, сделавшие имя Орбинского известным всей России. Он был одним из основателей и участников «Матезиса», лучшего научного издательства Российской империи. Основанное в 1904 г., оно пережило периоды взлетов и падений и окончательно прекратило существование в 1925 г. Орбинский не только занимался финансовыми вопросами «Матезиса», он перевел и отредактировал переводы 21 книги по физике и астрономии.

Кроме того, Орбинский продолжал работать в должности старшего астронома на обсерватории, ставшей самостоятельным научным учреждением. Похоже, что именно объем и напряженность работы были причиной отказа ученого от преподавательской деятельности. Хотя главной причиной могли быть начавшиеся проблемы со здоровьем. Удивляться этому не приходится. После революции на его долю выпало немало испытаний. Начну издалека.

29 мая 1893 г. Орбинский женился на Елене Максимилиановне Блюмевой, 2 марта 1894 г. у них родилась дочь Елена, в следующем году 30 июля – дочь Алла.

Занимаясь историей издательства «Матезис», я нашла «Таблицы вексельного учета от 7% до 12%» (Одесса, 1918), составленные слушательницами Высших женских курсов Е. и А. Орбинскими. В предисловии к книге А.Р. Орбинский прямо указывает, что это его дочери, так что барышни были образованные.

28 апреля 1917 г. Елена обвенчалась в Успенской церкви с Антонием Пападопуло двадцати двух лет (Мередит прислала мне свидетельство о венчании, а я ей – старую открытку с изображением церкви).

Свидетельство о браке Елены и Антония

Отец Антония Элефтер Пападопуло приехал в Одессу из Трапезунда и разбогател на экспорте-импорте. Разбогател настолько, что женился на гастролировавшей в Одессе итальянской оперной певице Джиованне (Анне) Константини. У них родилось пятеро детей.

В годы революции семейство Пападопуло эмигрировало в Грецию. Уехали все, кроме Антония (в семье его звали Тоней). Он и Елена провели медовый месяц в Петрограде, в доме генерал-майора Василия Александровича Лютера, дяди Елены, который был свидетелем на свадьбе. (Кстати, весьма интересный факт:

Успенская церковь. Одесса

кораблестроитель Вильгельм (Василий) Александрович фон Лютер был помощником строителя броненосца «Потемкин».) Затем по Транссибирской железной дороге молодожены отправились во Владивосток, где Тоня должен был работать в филиале отцовской импортной фирмы. Они собирались вернуться в Одессу через несколько лет, но их планам не суждено было сбыться. Орбинский никогда больше не увидел свою старшую дочь.

Следующий эпизод из жизни ученого мне известен со слов Мередит, которая написала, что его арестовали большевики, а имущество, включая библиотеку, было конфисковано. Несколько часов длился допрос, во время которого чекисты требовали указать место, где были спрятаны драгоценности и фамильное серебро. Елена и Алла были уверены, что Орбинского расстреляют. Но обошлось. Утром он вернулся домой, возвратили и часть имущества. Ту, что уместилась в двух комнатках, оставленных бывшим хозяевам дома по Стурдзовскому переулку, 2.

Перемены в жизни так не понравились Алле, что она попыталась бежать в Румынию, но была арестована. Добиться ее освобождения удалось с большим трудом.

21 февраля 1928 г. Артемий Робертович умер от сердечного приступа. Ему было всего 59 лет.

Часть вторая
Небо южного полушария – Артур Энтони Пейдж

Артур Пейдж родился 3 августа 1922 г. в Йокогаме. Почему в Йокогаме? Чтобы ответить на этот вопрос, вернемся во вторую половину 1917 года, когда молодожены Елена и Антоний отправились во Владивосток. Путешествие было ужасным и длилось много недель. Во Владивостоке они прожили два года, в феврале 1918 г. родился их первенец Юрий. Тоня разъезжал по делам фирмы на «Харлее Девидсоне» и даже умудрился вывезти на нем из-под огня одного из руководителей белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке, командующего Восточным фронтом генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса, за что и получил из его рук орден.

В тот период обстановка во Владивостоке во многом была схожа с обстановкой в Одессе: в городе неоднократно менялась власть, в апреле 1918 г. высадились десанты японских, американских и английских войск. Дом, где жили Елена и Антоний, попал под артобстрел, они едва спаслись, когда рухнул потолок. Елена была ранена.

Надежда вернуться в Одессу исчезла, и, оставив мотоцикл в подарок Дитерихсу, Елена и Антоний в начале 1920 г. отплыли в Японию. Они поселились в Йокогаме. На руках у молодых родителей был двухлетний Юрий, Елена ждала второго ребенка, надо было думать о пропитании. Антоний стал компаньоном англичанина Морриса Чичестера-Смита, импортировавшего в Японию английские и американские мотоциклы. Бизнес был успешным, но впереди семью еще ждали испытания. Дочь Виолетта умерла через полгода после появления на свет, а через год после рождения второго сына, названного в честь дедушки Артемием, произошло землетрясение, уничтожившее половину Токио и большую часть Йокогамы. Жертв было очень много, к счастью, никто из семьи не пострадал. Была возможность переехать в США, но Тоня принял решение остаться в Японии и перевез семью в Кобе, где основал весьма успешный бизнес по импорту автомобилей.

Круг общения семьи состоял из европейцев, дети учились в школе, основанной английскими миссионерами, поэтому родители решили англизировать их имена, так Юрий превратился в Джорджа, а Артемий в Артура.

В ноябре 1936 г. Япония подписала с фашистской Германией «Антикоминтерновский пакт», в сентябре 1940 г. стала членом оси Берлин – Рим – Токио. Отношение к гражданам иностранных государств становилось все более и более враждебным. Пришло время покинуть Японию. В начале 1941 г. Тоня сумел договориться с капитаном греческого грузового судна, отплывавшего из Нагасаки в Афины. Вскоре после отплытия корабль был окружен японскими военными судами, всех находившихся на борту арестовали по обвинению в шпионаже. Каким-то образом Тоне удалось убедить японцев в ошибочности их подозрений, и корабль направился в Индонезию, в порт Сурабая, чтобы пополнить припасы. Там до них дошло известие об оккупации Греции, и капитан принял решение плыть в Австралию. Сойдя на берег во Фримантле, городе

Елена Орбинская

на юго-западе континента, семья Пападопуло наконец оказалась в безопасности. Им было разрешено остаться как беженцам.

Артуру на тот момент исполнилось восемнадцать. Он с детства увлекался астрономией, в десять родители подарили ему телескоп. Использовал он его не только для астрономических наблюдений, но и для сбора сведений о немецких военных судах, заходивших в Кобе. Сведения Артур передавал английскому послу. Юноша к тому же интересовался военным делом и хорошо разбирался в японском вооружении. Отец и сын прекрасно владели английским и японским и сразу же попытались вступить в ряды австралийской армии, но им отказали. Взяли их в армию в декабре 1941, когда после нападения на Перл-Харбор Австралия осознала опасность японского вторжения.

В составе союзных вооруженных сил, воевавших на Тихом океане, военный переводчик Артур Пейдж участвовал в секретных миссиях, был официальным переводчиком на церемонии капитуляции японских войск на Борнео. В конце войны он демобилизовался, но как офицер запаса вернулся в армию в 1950-е и только в 1972 г. ушел в отставку в чине полковника. В 2008 г. вышла его книга военных мемуаров «Между победителем и побежденным: австралийский переводчик в войне против Японии».

Нужна ли астрономия на войне? Не спешите с ответом. Однажды знания Артура в этой области оказались жизненно важными. Военному патрулю, заблудившемуся в болотистых джунглях Новой Гвинеи, очень повезло, что Пейдж входил в его состав. Ориентируясь по Солнцу и звездам, Артур вывел солдат к базе и был награжден изумленным командиром двухлетней подпиской на журнал «Небо и телескоп». Издаваемый в США, он по сей день является

самым авторитетным в области любительской астрономии.

Сразу после войны заняться любимой наукой Артуру Пейджу (именно тогда он сменил фамилию Пападопуло на Пейдж) не удалось. Причина самая прозаическая – надо было кормить семью. Во время войны он в Брисбене познакомился с Мюриел Вудс и 7 декабря 1946 г. женился на ней. Семья поселилась в Брисбене, где уже жили Елена и Тоня, который во время войны служил в штабе Макартура, переводил захваченные во время военных действий японские документы. В 1949 г. родилась Мередит, через два года – Роберт. Пейдж окончил Квинслендский университет, стал физиотерапевтом и тридцать лет занимался реабилитацией людей, получивших травмы на производстве. В 1983 г. вышел на пенсию по состоянию здоровья.

Часто слово «пенсия» заменяют эвфемизмом «заслуженный отдых». Но несмотря на пошатнувшееся здоровье, Артур Пейдж отдыхать не собирался. Можно было бы написать, что он наконец-то получил возможность заняться астрономией, если бы к тому моменту он уже не стал одним

Антоний Пападопуло

Артур Пейдж, 1934 г.

Беренис и Артур Пейдж

из самых (если не самым!) известных австралийских астрономов-любителей. В 1954 г. он построил свой первый пятнадцатисантиметровый телескоп системы Ньютона и стал внештатным наблюдателем обсерватории Маунт-Стромло. 15 февраля 1964 г. Пейдж женился на Беренис Роуз. Это был брак, основанный на искренней любви и глубокой общности интересов. Беренис, по образованию химик-фармацевт, владела в Брисбене аптекой, но сердце ее было отдано астрономии. Еще до знакомства с Артуром она, как и он, создала телескоп системы Ньютона с диаметром объектива 22,5 см.

Во дворе своего дома в пригороде Брисбена Артур и Беренис построили собственную обсерваторию и создали для нее две камеры Шмидта. Эти астрофотографические телескопы использовали не только они, но и ученые из таких солидных учреждений, как Британская астрономическая ассоциация и Королевское астрономическое общество Новой Зеландии.

Мередит хорошо помнит эту обсерваторию. Она прислала мне несколько фотографий, на которых молодые, красивые и очень счастливые Беренис и Артур изображены возле одного из телескопов. Смотреть на них грустно – их счастье длилось недолго. В июле 1970 г. Беренис умерла от инсульта. Ей было всего сорок лет. Незадолго до ее смерти супруги наблюдали грандиозное зрелище – взрыв сверхновой звезды.

Через год после смерти жены Пейдж построил новую обсерваторию в 80 км от огней Брисбена на горе Тамборайн – месте необыкновенной красоты, с удивительной флорой и фауной. Ровно через двадцать лет ему опять пришлось переехать вглубь

континента, подальше от сверкающих огнями разросшихся прибрежных курортов. Финансовую помощь при переезде оказали университеты Квинсленда и Южного Квинсленда, с тем чтобы иметь возможность учить в обсерватории своих студентов. Обсерватория теперь принадлежит этим университетам. Наблюдения ведутся на современном автоматическом полуметровом телескопе, который в честь первого в штате Квинсленд исследователя переменных звезд назван «телескопом Артура Пейджа». Грант на установку телескопа был получен от Университета Луисвилля (штат Кентукки, США) и НАСА. А в Луисвилле на точно таком же телескопе ведутся наблюдения неба Северного полушария, и партнерский проект называется «Поделись небесами». Время от времени ученые приезжают друг к другу в гости посмотреть на другие звезды.

Артур Пейдж, 2010 г.

Артур Пейдж опубликовал около 50 работ в самых престижных астрономических изданиях мира, в 1985 г. первым из австралийских любителей астрономии стал членом Международного астрономического союза. Он был избран почетным членом Австралийского института физики, в 1995 г. Университет Квинсленда присвоил ему почетную докторскую степень за тридцатилетние исследования вспыхивающих звезд. В 1973 г. праздновалось 500-летие со дня рождения Николая Коперника, и Артур Пейдж получил из рук будущего папы Иоанна Павла II, тогда еще кардинала, золотую медаль, учрежденную в честь этого события.

И еще об одной медали. За границей принято писать завещания. Даже если ты молодой, здоровый и совсем не собираешься умирать. Так вот, на деньги, завещанные Беренис Астрономическому

Медаль имени Беренис и Артура Пейдж

обществу Австралии, оно учредило медаль ее имени, которую каждые два года вручают любителю астрономии, добившемуся значительных результатов в научных исследованиях. Подчеркиваю, не за популяризацию, а за вклад в науку.

Артур Пейдж умер в здравом уме и полной памяти на 89-м году жизни. Рядом с ним была Мередит. Медаль теперь носит и его имя.

Заключение

Мередит очень тепло вспоминает свою бабушку, Елену Орбинскую-Пападопуло. Когда семья переехала в Брисбен, город Елену разочаровал. Это была глубокая провинция, а та Одесса, которую покинула Елена, провинцией не была. Она окончила университет и преподавала русский язык и литературу в Институте современных языков при Брисбенском университете. Елена вложила в своих внуков стремление к образованию, интерес к науке, искусству, философии, научила гордиться русскими корнями. Мередит по сей день помнит, как бабушка читала наизусть своего любимого Пушкина.

Мередит мечтает побывать в Одессе, тем более что ей есть на что посмотреть. Дом, в котором ее прадедушка принимал французского астронома, директора Медонской обсерватории Пьера Жансена (шестилетняя Елена болтала с ним по-французски) и королевского астронома Ирландии сэра Роберта Болла, дом, который я считала разрушенным, стоит себе на прежнем месте, только номер его 4, а не 2. Казалось бы, как можно не найти двухэтажный дом? Но если вы выйдете на угол Стурдзовского и Обсерваторного переулков, то вам и в голову не придет, что развалюха,

скрывающаяся за высоким забором, и есть то самое родовое гнездо. Подозрения у меня зародились, когда Мередит прислала фотографию, сделанную Антонием в 1927 году. Ему удалось заехать в Одессу во время деловой поездки в Лондон. На балконе стоит Елена Орбинская, на террасе – Тоня и Алла. Фотографировал Артемий Робертович. «Сличайте, сличайте», – настаивал классик. Я и сличила. Терраса, может, и существует, но где-то глубоко под наслоениями досок и фанеры, а балконная решетка абсолютно аутентична. И фронтон тот же, только в стадии разрушения.

Стурдзовский переулок, 2

Следует отвести Мередит в Художественный музей, показать замечательную пастель А.А. Шовкуненко, на которой изображена красивая молодая женщина с грустными глазами. Это портрет ее двоюродной бабушки, Аллы Артемьевны Орбинской. Только везде и всюду этот очень известный портрет значится как портрет Аллы Робертовны Орбинской. По сведениям, предоставленными сотрудниками музея, портрет был продан самой моделью в 1938 г., а жила она на ул. Щепкина и была – кем бы вы думали? – артисткой оперетты!

Насчет улицы я удивлялась недолго. Орбинских, как мы помним, сначала уплотнили (какое замечательное советское словечко!), а после смерти Артемия Робертовича и вовсе выселили. В доме по Стурдзовскому переулку размещался до войны детский дом № 75.

Алла и ее мать уехали из Одессы с отступающими немецкими частями. Они поселились в Германии, в городе Фульда. Елена умерла в начале пятидесятых, Алла вышла замуж и умерла бездетной в возрасте 78 лет.

А. Орбинская, 1924 г.

Мередит и Роберт Пейдж

Мередит очень жалеет, что с ней не встретилась. «Бабушка весьма критично относилась к тому, что мать и сестра отправились в Германию», – написала она. Весьма критично Елена относилась и к артистической карьере Аллы, иначе невозможно объяснить, почему она ни разу об этом внучке не обмолвилась.

Елена умерла 24 декабря 1977 года.

Единственные потомки Артемия Робертовича Орбинского живут в Австралии. Это Мередит, Роберт и его совершенно очаровательная тринадцатилетняя дочка Джорджина.

В Одессе Орбинских больше нет. Пролетели, как метеоры, оставив яркий след в истории нашего города. Зато летают в космосе две малые планеты – 11516 Arthurpage и 11361 Orbinsky, открытые японским астрономом Эйджи Като, первая – 6 марта 1991 года, вторая – 18 февраля 1998 года.

Небо над нами одно. Небо планеты Земля.

Такой была Дерибасовская...

Родион Феденев

Таинственный Карл

Интернет вовсе на похож на сеть паутины. Скорее это изумрудный квадратно очерченный бассейн, в который так и тянет нырнуть да и остаться навсегда в этом запредельном восхитительном мире. Во всяком случае, не думала, не гадала одесситка Людмила, к чему приведет ее свободный полет в интернетовских полях, когда составляла для Интернета страничку о южнорусских художниках двадцатого века. И вдруг спустя какое-то время ей пришло письмо. Из Англии. Из славного города Кардифа. Написавший письмо на каком-то странном английском интересовался художественными салонами В. Издебского в Одессе. Подписался он совсем не английским именем Карл. И письмо его страдало стилистическими огрехами против нормального английского.

Собственно, даже не каждый специалист может рассказать об этих салонах подробности. Издебский был скульптором и неплохим организатором. Свой Первый салон он открыл в Одессе, а затем показал его в Киеве, Петербурге и Риге. В нем приняло участие много художников с известными именами. Поэтому Людмила и запросила Таинственного Карла: что именно его интересует? (Было сомнение, что этот Карл вовсе не из Кардифа, а с какой-нибудь Малой Арнаутской.) Но Карл ответил, что его интересует не Первый, а Второй салон Издебского, который тот организовал в 1910-11 годах, и участие в нем всемирно известного живописца, долго жившего в Одессе, Василия Кандинского.

Ну что же, Людмила удовлетворила любознательность англичанина, а заодно и спросила: чем вызвано такое любопытство ее странного корреспондента? Карл после некоторой заминки ответил.

Оказалось, что он художник, работает в технике шелкографии, преподает. Но однажды он намаялся на кардифском «староконном» рынке в поисках подходящих рам для своих работ. Пришлось купить какие-то картинки в рамах, которые Карлу подходили. Но эти картинки в рамах долго валялись у него на чердаке, пока он не пустил их в дело. И вот тут-то он обнаружил, что в одной из рам есть плакат, напечатанный литографским способом, – плакат Второго салона Издебского!

И сердце Людмилы взволновалось: ведь известно, что эти плакаты выпускались по гравюре Кандинского! Она обратилась к знатоку живописи одесситу Виталию Абрамову, который является авторитетом по Кандинскому и в Европе, и за океаном. Он сразу сказал, что пока известно всего два таких плаката во Франции и в Германии… И если этот неведомый Карл случайно обнаружил третий – это событие! Его находка стоит больших денег.

Но нужна экспертиза. А для начала хотя бы цветная копия плаката Кандинского. Карл к тому времени уже в технике шелкографии воспроизводил некоторые понравившиеся ему работы Кандинского. По Интернету он выслал в Одессу цветную копию своей находки. Карлу из Кардифа это просто. Сложнее было Людмиле с Нежинской. Пришлось экономить и добывать деньги на цветной принтер. Но чего не сделает увлеченная чем-то женщина! Цветная копия была воспроизведена, знаток В. Абрамов изучил ее и установил, что процентов на девяносто это Кандинский, это Открытие с большой буквы. Но еще выходило, что если Карл не дурак, то он сделает на этом плакате хорошие деньги, если обратится со своим оригиналом на аукцион «Сотби». Там за плакат одесского Второго салона Издебского, гравюру которого делал великий Кандинский, фунтов не пожалеют…

Гений жил на Дерибасовской

Василий Кандинский родился в Москве. Но его отец был управляющим в фирме Абрикосовых, которая имела свои объекты в Одессе. По семейным преданиям, прабабушка Кандинского была монгольской княжной, что, как отмечают биографы, ска-

залось на темпераменте художника. В Одессе он жил по разным адресам, своего дома у Кандинских здесь не было. Любопытен адрес: Дерибасовская, 17, где не так давно был магазин «Лакомка», а до революции это дом Санца, магазин сладостей, управляющим которого был отец будущего художника. Но Василий, несмотря на то, что прилежно занимался искусством, изучал его, даже и не помышлял стать художником. Напротив, он окончил юридический факультет Московского университета, карьера правоведа была открыта перед ним, но… как это часто бывает: но вдруг… Тридцатилетний Василий отказался от должности в университете Дерпта и объявил, что хочет стать художником. Это решение окончательно оформилось после его посещения выставки импрессионистов в Москве и после того как он услыхал оперу Вагнера «Лоэнгрин». Иные, необозримые заманчивые миры открылись перед ним! От лишних вопросов он уехал в Мюнхен, где поступил в школу рисования.

Но к тому времени он был человеком семейным, женатым. Анна Чимякина, его жена, была его кузиной и родственницей купцов Абрикосовых. С ней он жил в Одессе, ездил в Париж, где «глотал» современное искусство. Разумеется, его решение стать художником вызвало у родственников Ани шок. Какое благополучие сулила «вся эта богема»? Василий надеялся, что Анна его поймет, звал ее в Мюнхен, но они все больше отдалялись друг от друга. В мюнхенской школе рисования Антона Ашбе «начинающий» изучал линию и форму после нескольких попыток поступить в академию, приезжал в Одессу к своей Анне и участвовал в выставках южнорусских художников, и критики ругали его за наивную мазню. Анна рассчитывала, что он образумится, но он продолжал упорно заниматься рисованием, путешествовал, но не с ней, Анной, а со своей пассией, художницей Габриэлой Мюнтер. Год жил с ней в Париже, ездил в Тунис, Италию… Но на какие средства? Недаром Кандинский на портретах выглядит осмотрительным благополучным интеллигентом – он к тому же был домовладельцем и жил на доходы от этого. Габриэла не только была близка ему, но она и любила его, верила в его судьбу. Рядом с ней осуществилось становление его таланта. Рядом с ней он понял, что цели и средства жизни и искусства совершенно различны.

Памятный знак на доме по ул. Дерибасовской, 17, где жил Василий Кандинский

Для него «ожила» каждая точка в покое или движении (линия), как он писал позже, и «явила мне свою душу». Этого было достаточно, чтобы понять всем существом, всеми чувствами возможность и наличность искусства, называемого ныне, в отличие от предметного, абстрактным, беспредметным. Новые бесконечные миры открылись ему. Но…

Но грянула война четырнадцатого года. Он вернулся в Россию. Габриэла писала ему из Германии о своей любви, о невозможности жить без него, умоляла его встретиться в нейтральной Швеции, где они могли бы пожениться… Он отвечал, что беден, что ничего, кроме долгов, у него нет. Тут он кривил душой. Потому что кроме долгов у него появилось желание постоянно видеться с милой, весьма внимательной к нему девушкой Ниной Андреевской. Ее отец, военный, погиб еще под Порт-Артуром. Она знала нужду, она много понимала в этой нелегкой жизни, в которую он вошел так стремительно, что они поженились в феврале 1917 года, не обращая внимания на то, что в Питере как раз вершилась революция. Он продал свой дом за 400 тысяч. Мать юной невесты была против этого брака – разница в возрасте! Свадьба и венчание были скромными: как всегда в России в такие времена, исчезли продукты и товары. Но он ухитрился купить невесте белое платье, а колье и браслеты в подарок сделал сам.

С тех пор она была рядом с ним. Разделяла его удачи и поиски, обыденность существования и всемирную славу. Она похорони-

ла его после болезни в Париже в 1944 году, на кладбище Нейи. Она всемерно способствовала посмертной славе своего гениального мужа. Увы, ее кончина была ужасной. Тело ее нашли в их парижском доме на полу. Она была задушена шарфом. Все в ее доме было на своих местах. Картины на стенах. Сейф не взломан. Но каковы были мотивы этого преступления? Версии выдвигались самые разные: от завистливой и злобной руки Москвы до мысли о том, что грабителей кто-то спугнул. Были и такие, что предполагали: в смерти жены художника замешаны круги коллекционеров, рассчитывающие, что после такой «рекламы» цены на картины Кандинского подскочат. Собственно, так и произошло. А в наше время стоимость картин гения, который в свое время жил на Дерибасовской, стала баснословной.

Кидалы из «Сотби»?

Нет, «Сотби» – аукцион из самых уважаемых, авторитетнейших в мире. Какие уж тут кидалы… Но вернемся к нашему учителю рисования из Кардифа Карлу. Плакат, счастливым обладателем которого он стал, ценен не только тем, что автором его был Кандинский. Он ценим знатоками как свидетель невероятного времени в истории живописи.

Плакат оповещает о Втором салоне Издебского. Таких салонов зафиксировано в истории два. О первом я упоминал. Второй тоже открылся в Одессе, в феврале 1911 года. Среди участников

салона были такие теперь широко известные имена, как Матисс, Глез, Руссо. Авангард не понравился одесским обывателям, и они в знак протеста замазывали работы таких восхитительных художников, как Ларионов, Гончарова, Татлин, чернильными анилиновыми карандашами… В эти годы Кандинский наконец развелся со своей первой женой Анной, но так и не женился на Габриэле Мюнтер.

Одесский искусствовед В. Абрамов и увлеченная всем происходящим Людмила отыскали каталоги аукциона «Сотби», где подобный найденному в Кардифе плакат оценивался в сумму от 75 до 100 тысяч американских долларов. Разумеется, они сообщили в Кардиф об этом, и Карл надолго исчез в голубых пространствах Интернета, то есть ничего не писал в ответ.

Наконец, он, как всякий обыкновенный и неучтивый европеец, вдруг прислал письмо, в котором выражал удивление, что давненько ничего не получал из Одессы, и сообщал, что люди из «Сотби» предложили ему за плакат Кандинского всего три тысячи долларов, а раз так, то он не хочет иметь с ними ничего общего, то есть пусть плакат пока просто полежит у него дома. Чем кончится эта история, покажет время. Но тут стоит заметить, что не только люди, личности обладают эхом, скажем, в своих учениках иди последователях, но и у созданного ими, созданного со знанием дела, звучит эхо восприятия в поколениях, эхо случайных находок и открытий, и даже денежное эхо. А для всего этого необходимы такие обычные и простые вещи, как достойная жизнь, талант, непрестанное биение мысли, самоотдача и целеустремленность. Правда, еще необходимы сказочные стечения обстоятельств, благосклонность небес и ангел-хранитель, который был всегда рядом с художником, жившим в Южной Пальмире.

Фото Олега Владимирского

Александр Юрченко

Овидий. Письма к Августу*

Письма, брошенные в мраморную урну для грязного белья

Часть IV. Год четвертый

Письмо четырнадцатое. Овидий императору Августу

Опять копаюсь в памяти, божественный Август!
Вспоминаю свой путь, пройденный до седых висков.
Может, найду причину, по которой ты врагом меня сделал?
Перед глазами Сульмон, где рожден я
в день праздника щитоносной Минервы. Он, Рима ровесник, основан Солимом Фригийским,
что вместе с Энеем из Трои приплыл на двадцати кораблях. Известно мне место, где вырос Солим.
Это гора Ида, что смотрит на Трою с востока,
Племя солимов там обитало. Троянцу
Солиму приглянулись наши места и гордые предки мои, которых прозвали пелигны, Солима признали вождем.
Чем славен мой город?
Высокими крепкими стенами, такими, что Ганнибал, перейдя через горы, не смог через них перейти.
Говорил мне мой дед, а ему его дед говорил это:
накрепко ворота закрыли сульмонцы, и Ганнибал отступил – видели только со стен городских,
как боевые слоны спины свои повернули, хоботы кверху подняв.

* Окончание. Начало в кн. 54.

Еще студеной и чистой водой известен Сульмон.
Ее из родников и озер набирали в кувшины,
и в полуденный зной не было лучше напитка,
что жажду мог утолить, – от гор Апеннинских
до юга знойной Сицилии.
Мой прадед построил здесь виадук и в одночасье
всадником стал. Иные купили за деньги это
почетное звание, а я приобрел по наследству от отца
моего.
Я не был первым ребенком в семье, мой брат ровно
на год раньше меня на свет появился в тот
мартовский день, когда в цирке начинались бои в
честь Минервы. Мы вместе росли: и в праздники, и
в дни рождения, и в обучении мы были рядом. Отец
к лучшим риторам Рима нас посылал, там дар
красноречия брата раскрылся, к ораторству больше
он был расположен, я же – к стихам.
Но умер мой брат, едва разменяв два десятилетия,
и отец меня теперь видеть хотел на службе отечеству.
И долго свои стихотворные строчки я в прозаический
ряд загонял, как охотник в тенетах на зверя
набрасывал сеть.
Да, немало судебных дел успел разобрать я в
коллегии децемвиров. Мне прочили квесторство
многие, пока не выступил я со стихами публично.
Издателей рой увязался за мной и книгу за книгой
они выпускали. И как-то само собою сложилось, а
может, по воле богов, что службу свою я оставил и
предавался с тех пор любимому делу.
Семейное счастье, божественный Август, обрел я не
сразу. Как и ты, я трижды ступил в любовную лодку.
Едва только лезвие прикоснулось к щеке еще юной,
родители пожелали женить меня на девушке из
богатого рода. То – их выбор был, но не мой, и, к
счастью, мы быстро расстались, детей еще не
успев завести.

Второй брак был не лучше, и только в третьем я
счастье смог обрести, взяв, как и ты, в жены
женщину с готовым приплодом.
Ну, эту часть жизни ты знаешь не хуже меня,
поскольку жена моя из знатного рода, дядя ее
– первый советник в доме твоем, а жена его
приходится твоей Ливии подругой.
Не знаю я полной причины, может, дело и в этом
родстве, но помнишь, на смотре ты подарил мне
коня. Я взял под узду скакуна и взгляд благодарно к
тебе, о божественный Август, направил. Но это не
все, на что уподобился я: в «Фастах» навеки я род
твой прославил, а в «Превращениях» – Цезарю
посвятил последний мой стих, о чем тебе сообщил
в предыдущем письме.
Теперь, когда вместе мы пролистали книгу жизни
моей, надеюсь, божественный Август, что отложишь
часть дел, в руки стилос возьмешь и напишешь ее
продолжение.
Впрочем, я на счастливый конец не надеюсь.
Коль отменить ты ссылку не сможешь мою,
хотя бы на место другое ее замени,
к родине милой поближе,
чтобы письма мои быстрее ее достигали.

Томы. 744 год от основания Рима (12 г. н. э.).
3 января. 6-й час после восхода солнца.

В урну:

Овидий Августу привет.
Сейчас все поют тебе славу! Только я один призадумался.
Если так ты печешься о нравах общества,
что тогда представляют собой твои браки?
Первой ты взял в жены Клодию Пульхру, падчерицу
Марка Антония. Брак по расчету, я понимаю, – ты хотел
укрепить свое положение союзом с Антонием.

Но девочке было всего двенадцать лет…
И еще ты наверняка забыл, что она родная дочь Клодия Пульхра. Да, да, того самого Пульхра, которого в праздник Доброй Богини «застукали» в доме (и, говорят, даже в постели) Помпеи, жены божественного Цезаря, твоего дяди и отца – одновременно.
Говорят, этот же Клодий вступил в кровосмесительную связь со своей сестрой, Клодией старшей, в честь которой и назвал свою дочь Клодией.
А какая там честь – знает весь Рим! Всем известно, ее распутство и пьянство… И это же она своего брата, совсем еще юного,
переодев в женское платье, провела в дом Помпеи.
Бедная девочка, Клодия младшая! Разве она виновата, что в ее прославленном роду не все отличались благочестием?
А есть ли ее вина в том, что ты развелся с ней
на следующий день после свадьбы,
когда чаши еще не успели остыть после жертвоприношений?
Признайся, ведь это из-за ссоры с ее матерью Фульвией произошла размолвка. Слава богам,
что ты вернул девочку матери нетронутой и невинной, а то бы людская молва извела бы и тебя, и ее.
Второй твой брак со Скрибонией продлился немного дольше. Примерно на девять месяцев.
Ты бросил несчастную в тот день, когда она подарила тебе дочь.
Только брак с Ливией ты считаешь счастливым, но и ее ты отнял у Тиберия, когда она была беременной.
Думаешь, мне приятно копаться в этой грязи, Август?
Брошу-ка я это письмо в мраморную урну для грязного белья.
Будь здоров!

Томы. 744 год от основания Рима (12 г. н. э.).
3 января. 2-й час после восхода солнца.

Итак, божественный Август, поскольку ты не отвечаешь мне, но, знаю, читаешь мои письма, буду вести себя так, как будто получаю от тебя ответ. Думаю, мой язык не навредит мне больше, чем уже навредил. Ведь и Азинию Поллиону ты прощаешь многое.

Напомню, в предыдущем письме я повествовал о моем пути в этой бренной жизни, вплоть до событий, известных тебе и всему Риму, когда в опалу попали я и мой стих. Да, да, и не спорь со мной, весь Рим. Ведь не только патриций и всадник читатель мой.

То, о чем успел рассказать я в «Науке любви», близко ростовщику и собирателю подати, лавочнику и купцу, полководцу и солдату, камнерезчику и скульптору, моряку и строителю дорог, сенатору, консулу и даже трибуну.

Никто не обойден стелою Амура, даже ты, Владыка. Не на мою ли известность ты и сам намекаешь, когда пишешь в эдикте так: «Овидия я отправляю в ссылку в Томы за провинность перед Римом. Не буду говорить, за какую, все и так знают, за что он наказан»?

Но если подойти к эдикту с формальной стороны, ты даешь право каждому римлянину думать о моей провинности так, как ему заблагорассудится!

И поползли по Риму разные слухи, а мне только ветер приносит разные обрывки слов. Одни говорят: Овидий нарушил закон. Вторые: он хотел поднять мятеж. Вторят им третьи: он устроил заговор. Еще дальше пошли четвертые: убил своего раба. Есть такие, что говорят: отравил любовника своей жены. Допекают также домыслы такого рода: он сделал подлог ценных бумаг. Но с этим не может сравниться такая новость, будто я

прелюбодействовал с твоей внучкой, Август. И
совсем удивило меня то, что я еще, оказывается,
мистически гадал на твою судьбу и вдобавок
нарушил таинства в честь Доброй Богини.
Как оправдаться мне одному перед столькими
обвинениями, коих хватит на долю легиона
римских солдат? Что изменится оттого, что буду
кричать во все горло:
не нарушал закона я, не поднимал мятежей, не
устраивал заговоров, не убивал, не отравил никого, не
делал подлога, не прелюбодействовал с внучкой твоей,
не гадал на твоей судьбе, не нарушал таинств Доброй
Богини?
Есть у меня такие подозрения, Август: а может,
большая часть того, в чем обвиняют меня,
случилась в семье одного человека,
которого знает весь Рим и которому все поклоняются,
словно богу?

Томы. 744 год от основания Рима (12 г. н. э.).
17 апреля. В 7-й час после восхода солнца.

В урну:

Овидий Августу привет.
Наконец начинаю прозревать, о божественный Август!
Зачем продолжаю я ломать копья там, где можно
подписать вечный мир? Ведь и снег в горах Апеннин
возле Сульмона лежит не круглый год. И германцы за
Рейном не каждый день обнажают мечи.
Только стрелы троянцев летят ежечасно. Но что?
Помогло это Гектору устоять? Или ахейцы не разрушили
Трою?
Будь здоров.

Томы. 744 год от основания Рима (12 г. н. э.).
17 апреля. 2-й час после восхода солнца.

Письмо шестнадцатое.

Овидий Августу привет.
И снова стрелы летят. Кто целит в меня, я не знаю.
Сначала я думал, что это сарматы и скифы, что
к стенам моим подошли, когда скован броней ледяною
бывает Дунай! Потом оказалось, что это
марсолюбивые геты, а с ними одрисы и бессы,
и даки, и лаи, и мезы. Днем – пашут, а ночью –
вслепую из лука стреляют, да так, что им позавидует
зрячий. Потом я подумал, что жалят больнее
из Рима летящие стрелы. Я мира прошу…
Надеюсь, ты понял, о мире в душе призываю.
А стрелы, что пущены грозно врагами за стенами
Том, готов я мечом отражать ежечасно.
Знай это, не сломлен мой дух.
Поверь мне, не жалость к себе вызываю,
но милость всевышних богов.
Будь здоров.

Томы. 744 год от основания Рима (12 г. н. э.).
5 июля. В 3-й час после захода солнца.

В урну:

Овидий императору Августу.
Капли дождя падают на землю, как стрелы,
но острыми наконечниками смотрят в небо.
Кто послал их? Конечно, Зевс, нами почитаемый
как Юпитер. Потому с оглядкой они и летят.
Так и ты, божественный Август, насылаешь на
меня бури, сам же и спасаешь от них.
Будь здоров!

Томы. 744 год от основания Рима (12 г. н. э.).
5 июля. 9-й час после восхода солнца.

Письмо семнадцатое.

Овидий Августу привет.
Как устал я от стрел и от копий, летящих в меня беспрестанно! Потому я с тобой до конца объясниться хочу, добродетельный Август.
Я писал тебе, может, выбросил в урну, не помню. Знаешь лучше других – не в стихах моих дело. Очевидно мне это как то, что тень, падающая в полдень, – являет себя как самая маленькая, в то время как ложь твоих обвинений оказалась самой большой.
Да, повторю, не в стихах моих дело – за каждое слово несу я ответ. Плоской шуткой скабрезной не наградил никого я из моих стихотворных героев, сальных сцен не описывал, брызжа кабацкой слюной, а своих героинь, хотел ты того или нет, из рабынь бессловесных в богинь превратил я, и своею судьбой, собой и желанием жарким своим, как богини, свободно и вольно они обращались.
Наверное, ты подзабыл, что вся жизнь великого Рима и в доброе старое время, что при Катоне, что при Сципионе, если не война, то – любовь. До тридцати – бесись, после тридцати – женись.
Разве не так и Плавт, и Менандр говорили? У них ведь молодые повесы только и делали, что гонялись за гетерами целыми днями. Сводники и сводницы были также в цене в то старое доброе время, как и добродетельные матроны, выдававшие замуж своих дочерей со строгим расчетом, не за мужа, а за кошелек его или за сенаторский пост.
Будь здоров.

Томы. 744 год от основания Рима (12 г. н. э.).
10 декабря. В 6-й час после восхода солнца.

В урну:

Овидий императору Августу.
Овидий Августу привет.
Вот и четвертый год на исходе, божественный
Август! Сам не знаю, как я его пережил.
Столько событий от тебя утаил… Среди них
коварный на Эгис набег и безмолвие нашей баллисты –
в римские земли по ледяному Дунаю степняки проникают,
но никогда они еще не подходили так близко.
Также я местный язык изучил, оды фракийцам теперь
посвящаю. В благодарность за это на форуме Том
магистр городского совета облек мою голову свежим
лавровым венком.
Старца слепого, как прежде, я на ночь читаю и
засыпаю под звуки кифары и пение флейт.
Даже менады игривые меня посещением как-то почтили,
чего уж давно не случалось со мной на старости лет.
Будь здоров!

Томы. 744 год от основания Рима (12 г. н. э.).
10 декабря. В 5-й час после восхода солнца.

Часть V. Год пятый

Письмо восемнадцатое.

Овидий Августу привет.
Удивительное дело, Август, ты недоволен
падением нравов в Риме и учишь римлян здоровому
образу жизни, но являешься ли сам идеальным
гражданином?
Да, ты воздержан в еде и вине. Утром тебе
достаточно куска хлеба, запитого водой,

а на торжественном обеде ты позволяешь себе
не более трех кубков вина.
Жену свою Ливию, дочь и внучку
ты приучил ткать дома одежду из шерсти. Ты
носишь тогу из простого домотканого полотна,
а женщины твои – туники из тонкой шерсти,
тоже домотканые.
Но этим старые добрые традиции заканчиваются.
Не весь Рим, но, по крайней мере, твоя Ливия знает,
что ты ухлестываешь за женой своего друга Мецената
и часто выходишь из ее спальни, довольный собой
и ею. Правда, Меценат тоже знает об этом,
как и вся прислуга в доме, а от нее половина
жителей на Палатине. Но это не мешает вам
оставаться друзьями, а римлянам – выслушивать
твои наставления о пользе крепких семейных уз
и о вреде прелюбодеяния. Как ты думаешь,
не мог ли твой пример сохранения супружеской
верности повлиять на дочь твою Юлию?
Будь здоров.

Томы. 745 год от основания Рима (13 г. н. э.).
2 мая. В 10-й час после восхода солнца.

В урну:

Овидий императору Августу.
Овидий Августу привет.
Точит камень вода, мукомольные жернова
превращаются в порошок, брус деревянный,
подверженный тленью, роняет стропила у
кровли. И когда обрушается дом, что остается?
Камень, песок и вода.
Что нам мешает построить дом новый и прочный?
Отсутствие денег, наличие лени.
Материалы все те же. Камень, песок и вода.

Послушай совет, божественный Август.
Не отягощай римлян чрезмерной опекой своей.
Природу человека разве изменишь?
Будь здоров!

Томы. 745 г. от основания Рима (13 г. н. э.).
2 мая. В 8-й час после восхода солнца.

Письмо девятнадцатое.

Овидий Августу привет.
Но вернемся к твоей дочери, Август.
Ты нанимал ей в обучении лучших ученых мужей и поэтов, репетиторов в танцах, декламации и пении. Но ты выдал девочку, едва достигшую четырнадцатилетия, замуж за своего племянника Марцелла, семнадцатилетнего неопытного юношу, а через два года он сделал дочь твою вдовой. И ты отдал Юлию за своего друга Агриппу, годившегося ей в отцы. Говорят, Юлия не была верна ему. А как могло быть иначе? Муж всю жизнь проводил в походах и возвращался в дом в перерывах между войнами лишь для того, чтобы родить наследников. Здесь он добился больших успехов, чем на войне, произведя на свет трех мальчиков и двух девочек. В одном из походов Агриппа и умер.
Юлия, первая красавица Рима, недолго горевала и завела любовников. И тут ты, не спрашивая никого, а слушая только Ливию, разводишь своего пасынка Тиберия и женишь на Юлии. Ни он к ней, ни она к нему не испытывали никаких чувств. Естественно, Тиберий бегал по ночам к жене, которую очень любил, а Юлия наставляла ему рога, не особенно перебирая партнерами.
Ливия не спала и видела сына преемником твоим,

потому посоветовала сыну, дабы избежать
позора рогоносца, отойти от дел и уединиться на
острове Капри, куда потихоньку от глаз людских
поставляла ему наложниц. Скоро о Тиберии
как о муже Юлии забыли, зато о дочери твоей
судачили все кому не лень: информацию
для жадного уха сами же любовники и
предоставляли, хвастаясь своими успехами
на каждом углу. Один даже рассказывал, что
совокуплялся с ней на мраморной скамье
под коринфскими колоннами прямо
на римском форуме.
Что оставалось тебе делать, и как поступил бы
любой законопослушный римлянин
после принятия сенатом закона о прелюбодеянии?
Ты сослал дочь в ссылку на отдаленный остров,
набрал обслугу из евнухов и усилил охрану
мужланами преторианцами, у которых, кроме
службы и попоек, иных мыслей в голове не было.

Томы. 745 год от основания Рима (13 г. н. э.).
21 июня. В 6-й час после захода солнца.

В урну:

Овидий императору Августу.
Овидий Августу привет.
А Марцелл был бы тебе достойным преемником,
божественный Август!
Не зря ты с детства боготворил Марцелла. Ведь
в его жилах текла кровь твоей любимой сестры
Октавии.
Вернувшись с победой из Египта, ты раздал
всем римским мальчикам деньги в честь
любимого племянника, и он же, еще
тринадцатилетний, сопровождал верхом твою
колесницу у триумфальных ворот.

В шестнадцать лет Марцелл уже военный трибун
и участник Кантабрийской войны. Вместе с
Тиберием он руководил играми и зрелищами
в честь побед в Испании. На следующий год
после свадьбы с дочерью твоей ты вводишь его
в коллегию понтификов, даешь ему преторский
ранг и право занимать консульскую должность
на десять лет раньше возрастного ценза. В
девятнадцать – он уже курульный эдил.
Прекрасное начало. Но в том же году Марцелл
умер от непонятной болезни. Ливия уверяла,
что мальчик заразился от тебя, когда ты
внезапно заболел. Как жаль, что врач,
вылечивший тебя, не вылечил его.
Будь здоров!

Томы. 745 год от основания Рима (13 г. н. э.).
21 июня. В 3-й час после захода солнца.

Письмо двадцатое.

Овидий Августу привет.
Теперь, Август, о Юлии младшей, которую
ты проклял вместе с матерью ее и тоже выслал
из Рима, сопроводив таким напутствием: «Лучше бы
мне и безбрачному жить, и бездетному сгинуть».
Смешно подумать, что в устах римских сплетников я
фигурировал в качестве любовника этой девочки.
Я бы еще понимал, если бы меня уличали в порочной
связи с ее матерью, с которой мы почти одногодки, –
Юлия старшая моложе меня на четыре года. На
время скандала, происшедшего с твоей внучкой,
мне было уже под пятьдесят, а ей только двадцать шесть.
Разница в возрасте между нами разительная – такая же,
как была между ее матерью и отцом.
Но насколько разнится причина беспутства обеих Юлий!
Ты, очевидно, так распалился в ненависти к дочери или

наслушался нашептываний Ливии, что гнев твой докатился и до внучки. Как еще объяснить историю ее грехопадения?
Ты выдал девочку замуж в пятнадцать лет за патриция Луция Эмилия Павла, которому она подарила двух детей. Но тебе не понравился ее роскошный дворец, который ты разрушил и поселил молодых в более скромном доме.
Но и этого показалось мало. Ты расстроил их брак, обвинил зятя в устройстве заговора против себя и отправил его в ссылку. Но как-то нелепо это выглядело. Ведь если бы был настоящий заговор с целью покушения на тебя как на отца отечества, римские законы позволяли казнить заговорщика.
Через два года ты обвинил Юлию младшую в прелюбодеянии с сенатором Децимом Юнием Силаном. Закон требовал наказания обоих. Ты сослал внучку на нелюдимый остров, а Силана, слегка пожурив, лишил своего расположения. Сына Юлии, родившегося в этот же год, ты приказал умертвить. Чем не злодейство – отнять жизнь у новорожденного. К чести своей, «распутник» Силан попросил разрешения уехать в ссылку вместе с «любовницей».
А все-таки, Август, может, это была настоящая любовь?
Будь здоров.

Томы. 745 год от основания Рима (13 г. н. э.).
6 сентября. В 7-й час после захода солнца.

В урну:

Овидий императору Августу.
Овидий Августу привет.
Ты рано задумался о наследнике, божественный

Август. А как иначе? Опыт Цезаря был у тебя перед глазами. Он усыновил тебя по завещанию, не успев оприлюднить наследование при жизни.
К чему это привело? Почти двадцать лет ты потратил на борьбу с соперниками.
Не для того,
чтобы отдать власть в чужие руки.
Будь здоров!

Томы. 745 год от основания Рима (13 г. н. э.).
6 сентября. В 1-й час после захода солнца.

Письмо двадцать первое.

Овидий Августу привет.
Ну, что это я набрасываюсь на тебя, Август, как последняя собака, которой хозяин не дал обглодать кость? Сколько еще таких бродит по городу в надежде урвать кусок побогаче!
«Попробуй одновременно управлять Римом и семьей», – можешь ты возразить на мои упреки. И будешь прав.
Ты не заметил, к несчастью, что за спиной у тебя разворачиваются сражения, не менее жестокие, чем твои битвы за власть с Брутом, Кассием, Антонием и Помпеем. Каждый в твоей большой семье хотел выделиться и быть первым перед тобой. Беда твоя в том, что не было у тебя прямых потомков: за полвека Ливия так и не принесла тебе радость отцовства.
Два полководца стояли во главе своих войск, две женщины, твоя жена и твоя дочь. Ливия хотела видеть твоим наследником Тиберия, Юлия – Гая и Луция.
Ты так любил Ливию и так доверял ей, что, не сознавая того, слепо доверил ей первенство в этой борьбе.
Ты любил Ливию, а Ливия любила власть, и потому оплетала тебя паутиной лжи, лицемерия и ханжества.

При тебе она была вежлива с Юлией и гладила по головкам ее деток, наедине с собой сгорала от злобы и вынашивала коварные планы.
«Почему я так уверен в этом?» – спросишь ты.
Забегая вперед, отвечу. Все, кого ты наметил в преемники, умерли молодыми неожиданной и непонятной смертью.
Первым – племянник, Марцелл, едва достигнув двадцати двух лет. Вторым – на вершине силы и богатства зять твой, полководец и друг, Агриппа.
Затем одного за другим смерть догнала юных внуков твоих: одного в двадцать, другого в двадцать четыре года. Не задумывался ты о том, что погибали только мужчины из твоего рода – Юлиев: два мужа и два сына дочери твоей, а мужчины по линии Клавдиев были живы и здоровы?
«Ты любил Ливию, а Ливия любила власть», – вот мой ответ. И думай обо мне, что хочешь.

Томы. 745 год от основания Рима (13 г. н. э.).
22 ноября. В 3-й час после захода солнца.

В урну:

Овидий императору Августу.
Овидий Августу привет.
Не повезло тебе, божественный Август, с наследниками. Я искренне сочувствую тебе.
Агриппа, твой друг, был бы хорошим правителем, на него без оглядки мог бы Рим ты оставить. Но боги отняли его у тебя. А может, все-таки Ливия здесь руку свою приложила. Может, в вино попросила подлить сильный яд, а может, в мясо повар что-то вложил и нитками прочно зашил. От чего умер Агриппа в походе своем на Дунае, так никто и не знает.

Его сыновей, мальчиков лет восьми и пяти, усыновил ты и готовить в преемники стал. О как пестовал любимых внуков своих!
В четырнадцать лет Гай с Тиберием в военном походе. В шестнадцать уже в коллегии понтификов, и принцепсом объявлен римской молодежи. В семнадцать член сената и командующий римской конницей.
Но тут Ливия подсказала тебе женить Гая
на своей внучке, одиннадцатилетней Ливилле. Зачем? Чтобы разбавить кровь наследников Гая кровью своих родственников Пульхров. К тому же, девочка являлась племянницей ее любимого Тиберия. Опять же родственная связь, лишь бы не Юлия одна торжествовала при возможном сыне-императоре.
На минуту оставлю Гая.
Луций не отставал от брата. В четырнадцать сменил его, став принцепсом молодежи с правом посещать сенат. В пятнадцать надел мужскую тогу, женился, устроил праздник в цирке. В девятнадцать стал наместником Испании, за два года до срока назначен консулом, но не дожил до вступления в должность. Ливия? Не берусь утверждать. Но умер он по дороге на войну, как и его отец Агриппа.
Остался Гай – последняя надежда твоя.
Мальчик стал блестящим полководцем и политиком. В двадцать один год выиграл войну в Армении. В двадцать два заставил парфян подписать унизительный мир и признать власть Рима в Армении.
Но на следующий год во время переговоров под стенами Артагиры был ранен в спину копьем предателя Абдуя. Кто он и почему это сделал, неизвестно. До сих пор предателей среди римлян не было. Остается одно – подкуп. Не исключаю, что парфяне. Но почему бы не рука Юлии? Через несколько месяцев Луций скончался в Ликии. Почему? От раны или от «забот» умелого врача или повара, никто не знает и никогда не узнает.

Но путь Тиберию расчищен, он стал твоим наследником, божественный Август.
Будь здоров!

Томы. 745 год от основания Рима (13 г. н. э.).
22 ноября. В 6-й час после восхода солнца.

Письмо двадцать второе.

Овидий Августу привет.
Ты любил Ливию, Август, а Ливия любила власть, потому и травила тебя и твою родню, племянника Марцелла и внуков Гая и Луция отравленным вином.

Томы. 745 год от основания Рима (13 г. н. э.).
3 декабря. В 5-й час после восхода солнца.

В урну:

Овидий императору Августу
Овидий Августу привет.
Странный приснился мне сон, божественный Август. Дал бы ты крылья, слетал бы я в Дельфы, где древний оракул мне сон объяснил бы, а так за объясненьем к тебе отправляю. Видится мне: «Снова стихи меонийского старца читаю. Вслух, нараспев… и картину себе представляю в продолжение звука.
Вот достает Зевса сын стрелу из колчана, твердой рукой кладет на излучину лука.
Скрип тетивы в тишине Керинейского леса я слышу, совы в соседней деревне, уснувши под крышей, были разбужены звоном летящей стрелы.

Следом за нею за легкой добычей взметнулись орлы.
Взглядом стрелу провожает Геракл в нетерпении,
внемлет чуткое ухо героя ее сладкозвучному пению.
Кажется, бедному, будто застыла она неподвижно
навеки:
тень недовольства накрыла уставшие скорбные веки».
Здесь я проснулся, видимо, долгим полетом стрелы
утомленный. Бездной жестокой открылась мне мысль
в тишине уязвленной:
«Словно Геракла стрела, жизнь моя утомила свой бег
на излете. Столько лет мне отмерено, сколько ей
оставаться в полете».
Будь здоров!

Томы. 745 год от основания Рима (13 г. н. э.).
3 декабря. Во 2-й час после восхода солнца.

Письмо двадцать третье.

Овидий Августу привет.
Разреши мне немного пофилософствовать, Август!
Гомер в одной из песен «Одиссеи» говорит, что
стрела, пущенная Гераклом, застыла неподвижно
в воздухе.
– Как такое может быть? – удивляешься ты.
А ты представь, вот летит стрела. В каждый момент
движения взгляд может застигнуть ее там, где она
покоится. Таких моментов – бесконечно большое
число, и в каждом стрела находит себе покой.
Так и жизнь наша состоит из большого числа
мгновений, в каждом из которых и живет человек.
А то, что было раньше или будет потом, уже
неподвластно нам и не есть часть нашей жизни.

Томы. 745 год от основания Рима (13 г. н. э.).
27 декабря. В 4-й час после захода солнца.

В урну:

Овидий императору Августу.
Овидий Августу привет.
Чтобы не было проблем со здоровьем, божественный Август, давай Ливии пробовать вино, которое она тебе поднесет.
Будь здоров!

Томы. 745 год от основания Рима (13 г. н. э.).
27 декабря. В 5-й час после восхода солнца.

Часть VI. Год шестой

Записка Марцеллу Руфу, капитану корабля «Минерва»

Любезный Руф. Передаю тебе книгу «Скорбных элегий». Что делать с ней, ты знаешь, адрес тебе известен. Путь тебе предстоит долгий, так что в тихое время дня ты можешь открыть футляр и прочитать содержимое.

Знаю, в город гордо войдет моя книга, выдержав месяцев нескольких путь многотрудный
среди тихих и бурных морей, без труда одолев триста миль от Брундизия до Капуи и дальше до Рима за каких-то, смешно говорить, четырнадцать дней.
Если быкам посвободнее сделать упряжку, может книга быстрее дойти до Капенских ворот. Скромно страже кивнет, тихо скажет: «За того мне не стыдно, кто на первом листе свое имя поставил», – и в проеме сквозном, лишь за дверью окажется, быстрой тенью мелькнет.

Дальше в город пройдет по дороге мой свиток и
первому встречному скажет: «Стойко вынес поэт,
что на мне стихи начертал, все невзгоды и тяготы
ссылки суровой. Не сломили его ни свирепые ветры,
ни холод и голод, ни колючие стрелы коварных и
дерзких врагов.
Вот и холм Палатинский. Здесь книга моя, ход
потихоньку сбавляя, от Юпитера Статора к вещей
Кибеле подходит. До хижины Ромула всего с десяток
каких-то шагов, но пройти их ты с трепетом можешь.
Отсюда славный Рим начинался тем, кто вскормлен
волчицею доброй.
Вот и Августа дом. Трудно представить, что здесь
император на ложе своем возлежал, от долгих трудов
отдыхая, – так скромно обставлен он. Не видно ни
мраморных бюстов, ни праздничных фресок. Зато
за углом роскошный чертог Аполлону божественный
Август оставил.
В нем место для книг он отвел, чтобы римляне чтенью
свободно могли предаваться, трудам Геродота и
пьесам Менандра неспешно внимая. Но здесь не
задержишься ты, моя книга, я знаю. Попал кто однажды
в запрет, избавленья не жди. Спускайся с холма поскорее
на форум, родная.
Пройдись по Священной дороге, загляни на минуту в
дом Весты, пройди через Августа арку к близнецам-
диоскурам. И Поллукс, и Кастор – герои моих
«Превращений». От них, никуда не свернув, вдоль
пышной базилики Цезаря выйдешь ты к храму Сатурна.
И здесь, я уверен, читателя быстро отыщешь.
Хоть долог твой путь, не грусти, его совершишь не напрасно.
На форум, где собраны Рима любимые боги, в мрамор одеты,
стремится непраздный народ. Не в цирк он идет, а спешит
поклониться священным местам, что мною воспеты в двух
книгах моих. И мрамор, и свиток сольются здесь в песне,
молва о которой сохранится навеки.

В урну:

Какие ужасные новости узнал сегодня на пристани! Еще больше белых волос прибавили они моей наполовину седой голове, а в сердце, увы, оставили одну большую незаживающую рану. Корабль, который принес эти вести в Томы, плыл четыре месяца. Это означает, что непоправимое случилось еще раньше, не знаю точно, в какой день.
Нет теперь тебя, Фабий, и нет теперь тебя, божественный Август. Горюет весь Рим!
Оплакиваю и я уход вас обоих.
Сегодня я потерял друга,
сегодня я потерял отца отечества.
Но ничем уже не поможешь. Ничто не вернет ни того, ни другого. Ничто не возместит горечь утраты.
Нет нужды упоминать, как это отразится на моей судьбе. Ты последовал в дом своих предков, о божественный Август, и унес с собой последнюю надежду на мое помилование.
От капитана я узнал, что Тиберий разослал во все провинции декрет о твоих Деяниях: камнетесы, работая день и ночь, только за месяц смогут выбить текст на стеле в центре форума – так много хорошего ты успел сделать.
Ты прекратил все распри и войны между римлянами, которые терзали нас почти сто лет, и установил вечный мир. Приняв Рим кирпичным, ты вернул его мраморным. Столько храмов воздвиг, что не хватит пальцев обеих рук, чтобы сосчитать. Каждый год ты по два раза раздавал всему Риму бесплатный хлеб. Четыре раза за свое правление выдавал каждому не менее триста сестрециев серебром. Ты строил водопроводы, термы, дороги. Ты организовывал праздники и состязания в цирке, где дополнительно раздавал хлеб и вино.

Ты своею рукой написал историю Рима, где оставил место для каждой провинции, для каждого города. Ты обезопасил границы от наших врагов. Ты покровительствовал поэтам и писателям, и они воспели наше время.
Как много хорошего ты успел сделать, божественный Август, моя вина, что я ничего этого не заметил.
Вот за что ты отправил меня в ссылку.

Примечания

В примечаниях для каждого стихотворения дается краткое содержание, потом общие сведении об обстоятельствах написания и художественных особенностях письма и, наконец, пояснения. Наиболее известные мифологические имена и сюжеты не поясняются.

Часть I. Год первый

Письмо первое

Овидий с иронией благодарит Августа, отправившего поэта в ссылку, как бога, спасшего его корабль от бури.

Десятый вал – десятый вал в бурю считался самым мощным, как в новое время девятый.

Баллиста – большое метательное орудие, стрелявшее каменными или свинцовыми ядрами.

Эвр, *Зефир*, *Борей* и *Нот* – восточный, западный, северный и южный ветры.

Коринф – древнегреческий город на перешейке, соединяющем Среднюю Грецию и Пелопоннес.

Коринфские Кенхреи – гавань Коринфа.

Письмо, отправленное в урну

Овидий делится переживаниями, сопутствующими написанию письма, показывает, как он тщательно готовится к этому.

Стилос (от древнегр. *стило*) – инструмент для письма в виде остроконечного цилиндрического стержня. Заостренный конец использовался для процарапывания текста на восковых табличках. Противоположный конец делался утолщенным и округлым, чтобы стирать написанное.

Навощенные дощечки – дощечки из твердого материала (самшит, бук, кость и пр.) с выдолбленным углублением, куда заливался воск. В Древнем Риме использовались в качестве черновиков, для деловых записей, писем, денежных расчетов.

Папирусный свиток – Овидий переписывает письма с дощечек на папирусный свиток. Он прикреплялся к костяной или деревянной палочке, на которую свертывался в трубочку. Овидий тщательно готовит свиток, в том числе защищая от тления и от книжных червей. Первая строка и заглавие обычно писались красной киноварью.

Ойкумена – освоенная на то время человечеством часть мира.

Гетские степи – пространство между Дунаем и Балканами, где обитали фракийские племена гетов.

Письмо второе

Овидий высказывает упрек Августу о невнимании того к поэзии ссыльного поэта.

Гораций, Квинт Гораций Флакк (70 г. до н. э. – 19 г. до н. э.) – древнеримский поэт, автор произведений, которые можно отнести к малым литературным формам. Сборники стихов «Ямбы», 2 книги сатир («Беседы»), 4 книги стихотворений «Оды». Любимый поэт Августа.

Вергилий, Марон Публий Вергилий (70 г. до н. э. – 19 г. до н. э.) – древнеримский поэт. Произведения «Буколики» (пастушьи песни), поэма «Георгики» (о земледелии), героический эпос «Энеида».

Элегия – жанр лирической поэзии, где соседствуют задумчивость и грусть.

Золотой век – так еще при жизни Августа называли время его правления.

Письмо, отправленное в урну

Овидий дает характеристику поэтической эпохи и определяет свое место в ней.

Корнелий Галл, Проперций, Тибулл – древнеримские поэты новой волны, в творчестве которых преобладала элегическая поэзия в виде любовной лирики.

Кинфия, Ликорида, Делия, Корина – вымышленные поэтические образы любимых женщин вышеназванных поэтов.

Палатинский холм – один из семи холмов, на которых расположен Рим.

«Превращения чудных богов» – поэма Овидия «Метаморфозы».

«Людей воспеваю и богов, что вошли…» – поэма Овидия «Фасты».

Антоний – имеется в виду Марк Антоний – главный соперник Августа в борьбе за власть после гибели Юлия Цезаря.

Ливия – жена Августа.

Цезарь Германик, Германик Юлий Цезарь Клавдиан (15 г. до н. э. – 19 г. н. э.), консул Рима 12 и 18 годов, сын Нерона Клавдия Друза (брата Тиберия, следующего за Августом императора).

Письмо третье

Первые впечатления Овидия в Томах.

Понт – море, по-гречески.

Капитолийский сад – Овидий жил в Риме рядом с Капитолийским холмом, на склоне которого находился его сад.

Письмо, отправленное в урну

Овидий описывает свой путь в ссылку из Коринфа в Томы.

Печень овцы и полет орла – гадания по внутренностям – распространенная в Риме традиция.

Самофракия – греческий остров на севере Эгейского моря. В районе острова бывали сильные штормы.

Самофракийский оракул – жрец-предсказатель в римском храме.

Минерва – римская богиня мудрости, покровительница ремесел и искусств.

Понт Эвксинский – Гостеприимное море. Название Черного моря в древности.

Авзония – поэтизированное название Италии во времена Овидия.

Геллеспонт – древнее название пролива Дарданеллы.

Одиссос – греческий город на берегу Черного моря.

Палатинская библиотека – в храме Аполлона в Риме на Палатинском холме Август организовал две библиотеки: латинскую и греческую.

Битва при Акции – морское сражение у сицилийского мыса Акций, в котором флот Августа разбил флот Марка Антония.

Фабия – жена Августа.

Письмо четвертое

Овидий хочет показать Августу, как тяжело он переносит одиночество в ссылке.

Письмо, отправленное в урну

Овидий описывает жизнь в Томах. Показывает, что превратности судьбы и злой рок могут преследовать не только простых людей, но и сильных мира сего.

Коллегия децемвиров – коллегия из 10 человек для судебных разбирательств по гражданским делам.

Отчим Филипп, Луций Марций Филипп, древнеримский политик. Консул 56 г. до н. э. Отец Августа умер рано, и его мать вышла замуж за Луция Филиппа.

Крез Лидийский (595 г. до н. э. – 546 г. до н. э.) – царь Лидии, государства в Малой Азии (располагалось в западной части современной Турции), о богатстве которого ходили легенды.

Кир Персидский, Кир II (правил 559 г. до н. э. – 530 г. до н. э.) – царь, основатель Персидской империи.

Дионисий Сиракузский младший (397 г. до н. э. – 337 г. до н. э.) – древнегреческий тиран, правивший Сиракузами на Сицилии. Был свергнут с престола, бежал из своих владений и окончил свои дни в нищете.

Орест – сын аргосского царя Агамемнона, герой мифа. В поисках сестры Ифигении отправился за Дунай в Тавриду.

Медея – колхидская царица, волшебница, героиня мифа об аргонавтах, похитителях золотого руна. Жители Том считали, что здесь происходили события мифа, когда Медея убегала от своего отца Эета.

Письмо пятое

Овидий описывает первую зиму в Томах, собирается отправить в Рим свежую книгу «Скорбных элегий».

Письмо, отправленное в урну

Овидий вспоминает последний день в Риме перед отправкой в ссылку.

Часть II. Год второй

Письмо шестое

Овидий рассуждает о роли Августа в римском обществе и о том, какое значение император придавал поэтическому слову.

Цезарь – Юлий Цезарь

Эпидий, Марк Эпидий – известный ритор латинского языка, имел собственную школу в Риме.

Брундизий – город на Адриатическом побережье юга Италии.

Письмо, отправленное в урну

Овидий напоминает Августу о судьбе поэта Корнелия Галла.

Плеяды, Медведица – созвездия.

Корнелий Галл, Гай Корнелий Галл (70 г. до н. э. – 26 г. до н. э.) римский поэт и государственный деятель. Вел военные действия с Марком Антонием в Египте, пленил Клеопатру, назначен Августом префектом Египта. Униженный процедурой судебного разбирательства, Галл покончил жизнь самоубийством.

Письмо седьмое

Овидий описывает новый праздник в Риме, учрежденный Августом, и свою встречу с императором.

Пенаты – боги-хранители и покровители домашнего очага, а затем всего римского народа. Каждая семья обычно имела двух Пенатов, изображения которых из дерева или глины хранились в закрытом шкафчике возле очага.

Лары – по верованиям древних римлян – божества, покровительствующие дому, семье, римской общине. В честь лар совершался праздник компиталий, любимый праздник римлян. В 12 г. до н. э. Август реорганизовал культ лар и соединил с культом своего гения.

Гений Августа – поскольку Август был усыновлен Юлием Цезарем, причисленным к богам, то почитался как сын бога. В Риме у каждого человека был личный гений-хранитель. Гений-хранитель Августа стал хранителем всего римского народа.

Письмо, отправленное в урну

Воспоминание о Риме. Овидий рассказывает о детстве Августа и о пророческих предвещаниях судьбы будущего императора.

Кампанская дорога – идет вдоль реки Тибр.

Милевой столб – через каждую римскую милю (1478 метров) стоял указатель, на котором обозначалось расстояние от Рима.

Тарквиний, Луций Тарквиний Гордый (правил 534 г. до н. э. – 509 г. до н. э.) – 7-й римский царь.

Письмо восьмое

Овидий рассказывает о причинах популярности Августа в Риме.

Термы Агриппы – бани, построены военачальником Випсанием Агриппой.

Письмо, отправленное в урну

Овидий говорит об обидах к Августу и осуждает жестокость будущего императора по отношению к противникам.

Проскрипционные списки

Антоний и Лепид – Марк Антоний и Эмилий Лепид, древнеримские политики, на первых порах союзники Августа, составившие с ним триумвират.

Брут и Кассий – республиканцы, сенаторы, убийцы Юлия Цезаря.

Письмо девятое

Овидий описывает жизнь в ссылке.

Нимфеум – небольшой бассейн.

Мезия – провинция Рима в среднем течении Дуная.

Письмо, отправленное в урну

Овидий рассуждает о реформах Августа по укреплению морали в обществе.

Нума, Нума Помпилий (715 г. до н. э. – 673 г. до н. э.) – 2-й царь Рима.

Часть III. Год третий

Письмо десятое

Сон Овидия. Предзнаменование невозможности выбраться из ссылки.

Письмо, отправленное в урну

Овидий сетует на тяжесть ссылки.

Фракия – географическая область на юго-западе Балканского полуострова.

Письмо одиннадцатое

Овидий сравнивает себя с героем поэмы Гомера Одиссеем.

Улисс – латинская форма имени Одиссея, героя одноименной поэмы Гомера.

Киммерийцы – племена, жившие в Северном Причерноморье в восьмом веке до нашей эры.

Гелиос – солнце.

Сизиф – в древнегреческой мифологии царь Коринфа, наказанный богами таскать на гору большой камень.

Тантал – сын Зевса. Наказан богами так, что не мог утолить жажду.

Аид – подземное царство мертвых в греческой мифологии.

Пенелопа – жена Одиссея.

Письмо, отправленное в урну

Овидий негодует на свою судьбу. Обвиняет Августа в несправедливости к себе.

Весталки – жрицы богини Весты, выбирались из юных девушек, они должны были хранить целомудрие в течение 30 лет.

Веста – богиня, покровительница семейного очага и жертвенного огня.

Опускают в подземный склеп – весталок, нарушивших обет целомудрия, ждала смертная казнь, которую описывает Овидий.

Аппиева дорога – одна из главных дорог Рима, вела из Рима в Капую и дальше к Брундизию.

Письмо двенадцатое

Воспоминание о поэтических собраниях в доме мецената Мессалы.

Валерий Мессала, Марк Валерий Мессала Корвин (64 г. до н. э. – 8 г. до н. э.) – военачальник, сподвижник и друг Августа, выдающийся оратор, меценат, покровитель римских поэтов.

Александрийская поэзия – древнегреческая поэзия эпохи эллинизма, расцвет которой приходится на III век до н. э. Круг поэтов формировался в Египте вокруг александрийской библиотеки: Каллимах, Феокрит, Аполлоний Родосский и др.

Меценат, Гай Цильний Меценат (70 г. до н. э. – 8 г. до н. э.) – древнеримский государственный деятель и покровитель искусств. В доме Мецената собирался круг поэтов.

Письмо, отправленное в урну

Овидий перечисляет, какими регалиями власти облек себя Август. Приходит к выводу, что Август диктатор, а Рим – не республика, как декларировал император.

Лепид, Марк Эмилий Лепид (89 г. до н. э. – 13 г. до н. э.) – древнеримский патриций, политик, занимал пост верховного понтифика – главного жреца Рима – до 13 г. до н. э.

Письмо тринадцатое

Овидий посылает Августу свиток со стихами о Юлии Цезаре.

Марцелл Руф – купец, владелец корабля.

Зрелища в честь Венеры Прародительницы – День триумфа.

Письмо, отправленное в урну

Ироническое замечание Августу о насаждении его культа в обществе.

Часть IV. Год четвертый

Письмо четырнадцатое

Овидий рассказывает Августу о своем жизненном пути.

Сульмон – город в центральной Италии в 80 км к востоку от Рима, в районе Апеннинских гор.

Солим Фригийский – вместе с Энеем бежал из Трои после поражения в войне с ахейцами.

Квесторство – квестор, квесторы – высокопоставленные чиновники в Древнем Риме. В сферу их деятельности входило заведывание казной, архивом, фи-

нансирование армии, снабжение зерном, ведение таможенных и пр. хозяйственных дел.

Письмо, отправленное в урну

Овидий в назидание Августу рассказывает, что собой представляли браки императора.

Клодия Пульхра (54 г. до н. э. – ?) – дочь Публия Клодия Пульхра, народного трибуна 58 г. до н. э., и Фульвии, будущей жены Марка Антония. Марк Антоний удочерил Клодию. Август женился на ней из политических соображений, так как в 41 г. до н. э. хотел сблизиться с Марком Антонием. И почти сразу развелся, поссорившись с ним.

Праздник Доброй Богини – Таинства Доброй Богини праздновались в Риме женской половиной населения без присутствия мужчин.

Помпея – Помпея Сулла, вторая жена Цезаря из рода Помпеев. После скандала с Клодием Цезарь развелся с ней.

Божественный Цезарь – Юлий Цезарь, правитель Рима до Октавиана Августа, его дядя по матери. Цезарь незадолго до гибели усыновил Октавиана.

Фульвия – Фульвия Бамбула (77 г. до н. э. – 40 г. до н. э.), жена Марка Антония в третьем браке, Клодия Пульхра – дочь Фульвии от первого брака.

Скрибония – Скрибония Либона (70 г. до н. э. – 16 г. н. э.). Август женился на Скрибонии из политических соображений. Скрибония была сестрой Луция Скрибона Либона, тестя Секста Помпея. В то же время Секст Помпей приходился ей дядей. Август хотел укрепить отношения с Помпеем, который в 40 г. до н. э. блокировал ввоз продуктов в Рим с моря.

Ливия – Юлия Друзилла (58 г. до н. э. – 29 г. н. э.) Третья жена Августа, из рода Друзов. Во время борьбы за наследство Юлия Цезаря бывших противников Августа она поразила Октавиана Августа своей красотой.

Отнял у Тиберия – В 42 г. до н. э. вышла замуж за Тиберия Клавдия Нерона. Когда Август заставил Тиберия развестись с Ливией, она была беременна.

Письмо пятнадцатое

Овидий говорит о своей поэме «Наука любви». Рассказывает о слухах в Риме, которые вызвала его неожиданная высылка из города. Намекает, что большая часть слухов могла бы относиться к самому Августу.

Письмо, отправленное в урну

Овидий философствует о мире и войне.

Гектор – герой троянской войны, сын царя Трои Приама.

Ахейцы – греческие племена, напавшие на Трою.

Письмо шестнадцатое

Овидий о нападениях фракийских племен на Томы. Но для него страшнее обвинения из Рима, которые разят больнее стрел.

Марсолюбивые – метафора; воинственные, поклоняющиеся богу войны Марсу.

Геты, одрисы, бессы, даки, лаи, мезы – фракийские племена.

Письмо, отправленное в урну

Описание дождя.

Письмо семнадцатое

Овидий пытается снять с себя обвинения в негативном влиянии на римлян его поэмы «Наука любви».

Катон – Марк Порций Катон Старший (234 г. до н. э. – 184 г. до н. э.) – крупный государственный деятель и писатель Рима. Оставил богатое литературное наследие: «Начала», «Речи», «О земледелии». Популярность и моральный авторитет сохранялся и в Средние века.

Сципион – Публий Корнелий Сципион Африканский Старший (235 г. до н. э. – 183 г. до н. э.) – римский полководец, победитель Ганнибала, трижды принцепс сената.

Плавт, Тит Макций Плавт (254 г. до н. э. – 184 г. до н. э.) – выдающийся римский комедиограф.

Менандр (342 г. до н. э. – 291 г. до н. э.) – древнегреческий комедиограф.

Письмо, отправленное в урну

Овидий пишет, что изменил свое отношение к ссылке и стал жить жизнью города.

Коварный на Эгис набег – Эгис, пограничный город на Дунае, принадлежавший римлянам (сейчас г. Тульча в Румынии). В 12 г. был захвачен воинственными племенами гетов.

Часть V. Год пятый

Письмо восемнадцатое

Овидий ставит в упрек Августу, что тот только соблюдает внешние приличия и нормы морали, а на самом деле не является образцом семьянина.

За женой своего друга Мецената – имеется в виду увлечение Августа Теренцией.

Письмо, отправленное в урну

Философское рассуждение Овидия о том, что никому не удастся изменить природу человека, даже указам Августа это не под силу.

Письмо девятнадцатое

Овидий упрекает Августа, что тот сломал судьбу своей дочери, что привело ее к аморальному поведению.

Марцелл – Марк Клавдий Марцелл (42 г. до н. э. – 23 г. до н. э.) – племянник Августа, первый муж его дочери Юлии.

Агриппу, годившегося ей в отцы, – Агриппа, друг Августа, был на 26 лет старше Юлии.

Завела любовников – любовников было много, самые известные – Клавдий Пульхр, Корнелий Сципион, Семпроний Гракх и Юл Антоний, сын Марка Антония.

Разводишь своего пасынка Тиберия – Тиберий, сын Ливии, жены Августа, от первого брака. Август заставил Тиберия развестись с дочерью Агриппы – Випсанией Агриппиной.

Письмо, отправленное в урну

Овидий рассказывает о судьбе Марцелла.

Кантабрийская война – война римлян по захвату Испании в 1 веке до н. э.

Коллегия понтификов

Преторский ранг – претор, одно из высших должностных лиц Древнего Рима, осуществлял высшую судебную власть.

Курульный эдил – должностное лицо высокого ранга в Древнем Риме. Отвечал за ремонт храмов и общественных зданий, за состояние дорог и движение в городе, общественную нравственность, раздачу зерна и праздничные игры. Носил знак отличия – тогу с пурпурной каймой. Эта должность давала начинающему политику возможность заявить о себе народу.

Письмо двадцатое

Овидий высказывает Августу упрек в том, что тот разрушил судьбу своей внучки Юлии младшей.

Письмо, отправленное в урну

Овидий о причинах раннего поиска Августом преемников.

Письмо двадцать первое

Овидий рассказывает о борьбе в семье Августа за право наследовать императорскую власть.

Письмо, отправленное в урну

Овидий обвиняет Ливию в устранении соперников, чтобы расчистить дорогу к власти своему сыну Тиберию.

Часть VI. Год шестой

Записка Марцелу, капитану судна «Минерва»

Овидий посылает в Рим книгу «Скорбных элегий».

Книга гордо шествует по Риму, заходя в знакомые Овидию места. В Средние века творчество Овидия откроют заново и по достоинству оценят труд ссыльного поэта.

От Брундизия до Капуи и далее до Рима – книга Овидия въезжает в Рим по Аппиевой дороге. Ее длина около 570 км. Соединяет Рим с Брундизи (в римское время – Брундизий). Построена в 312 г. до н. э. сенатором Аппием Клавдием первоначально до Капуи, потом продлена дальше.

Капенские ворота – античные городские ворота Рима, вблизи холма Целия. Они являлись частью крепостной стены, возведенной еще при царе Сервии Туллии в 6 в. до н. э. От Капенских ворот брала начало Аппиева дорога. До настоящего времени Капенские ворота не сохранились.

От Юпитера Статора к вещей Кибеле – храм Юпитера Статора, старейший храм Древнего Рима, по преданию построен Ромулом в 8 веке до н. э., находился на Римском форуме у подножия Палатина. Статор – означает прекращающий отступление, спаситель.

Храм Кибелы, или храм Великой Матери (Magna Mater) находился недалеко от дворца Августа. Кибела – фригийская богиня. Ее культ был установлен в Риме в 204 г. до н. э., когда патриций и курульный эдил Сервилий Сульмициий Гальба привез из Малой Азии черный метеорит, символ Кибелы, и построил в честь нее храм на Палатине.

Хижина Ромула – по преданию, на Паллатине Ромул построил первые поселения Рима.

Дом Августа – помещение, примыкавшее ко дворцу императора, в котором были личный кабинет и спальня Августа.

Чертог Аполлона – храм Аполлона построен Августом в 28 г. до н. э. Аполлон считался основателем рода Юлиев, к которому принадлежал Август. При храме была устроена библиотека с литературой на греческом языке.

Форум – площадь, имеется в виду Римский форум, который основали еще первые римские цари. Всего в Риме сохранилось несколько форумов.

Священная дорога – улица на форуме, которая вела от триумфальной арки к храму Ромула. По ней проходили с триумфом римские полководцы, возвращающиеся с войны.

Храм Весты – находился возле Палатинского холма. По преданию, сооружен в VIII веке царем Нумой Помпилием. В нем размещались священные предметы, привезенные в Рим Энеем.

Арка Августа – возведена по указанию сената в 29 г. до н. э. в честь победы Августа в битве при Акции.

Близнецы-диоскуры – храм сооружен в честь победы царя Авла Постумия над латинянами в 483 г. до н. э. Диоскуры (близнецы) Кастор и Поллукс – участники похода аргонавтов за золотым руном.

Базилика Цезаря – базилика Юлия. Грандиозное сооружение, построенное Юлием Цезарем в середине 1 в. до н. э.

Храм Сатурна – построен консулом Титом Ларцием 17 декабря 498 г. до н. э. В храме проводились любимые римлянами празднества – Сатурналии.

Воспеты в двух книгах моих – Овидий имеет в виду свои книги: «Метаморфозы» и «Фасты».

Письмо, отправленное в урну.

Овидий оплакивает сразу две утраты, случившиеся одна за одной. Он узнал о смерти своего друга Фабия и императора Августа в 14 г. до н. э.

Фабий – Фабий Максим.

Тиберий разослал… декрет о твоих Деяниях – Деяния Августа приводятся в конце книги в приложении.

Яков Шехтер

Дом над лиманом

Дом Степа затеял большой. Отдельные комнаты для детей, супружеская – его с Фаней спальня, рабочий кабинет, библиотека, на втором этаже столовая с большим балконом. Балкон выдавался вперед над крутым берегом лимана, и если облокотиться на парапет, не на перила, а на парапет из настоящего мрамора, казалось, будто ты паришь в воздухе. Внизу простиралась только серая вода, иногда с известково-белыми завитками пены над мелкой волной, иногда сияющая, точно зеркало.

Особенно хороши были летние ночи, когда ветер приносил из глубины лимана свежесть. Тяжелое дыхание нагретых солнцем ковылей, густо покрывавших берег, смешивалось с острым запахом рыбы и водорослей, и этот удивительный коктейль ароматов кружил голову, будоража в крови древние, казалось бы, давно погребенные под пеплом веков инстинкты охотника и рыболова.

Степа построил на окраине Овидиополя заводик для выработки подсолнечного масла. Крупные подсолнухи с ядреными черными семечками хорошо росли на полях, окружавших городок, поэтому дело пошло неплохо. Семья Степы продолжала жить в Одессе, а сам он переселился поближе к бизнесу. И хоть на машине от Овидиополя до Одессы всего сорок минут, приезжать удавалось только на выходные. Заводик работал в три смены, а каждая капля масла приносила прибыль, расставаться с которой Степа не хотел. За послеперестроечные годы он крепко хлебнул всякого и, поймав – наконец то! – птицу счастья за раззолоченный хвост, боялся выпустить ее из рук.

В конце концов, он уговорил Фаню перебраться в новый большой дом, построенный без налогов, на почти дармовом труде

местных мастеров, изголодавшихся без работы. Дом! Дворец, с итальянской кухней, дубовым паркетом, как в музее, джакузи и теннисным кортом на огромном приусадебном участке. Вот только играть на корте было некому – дети остались в Одессе.

Детьми Степа их называл по привычке, дочка Юля уже два года как ушла из дому и поселилась со своим другом, владельцем сети магазинов готовой одежды. Без свадьбы, без записи в паспорте, просто стали жить вместе – и все тут.

«Такая нынче мода у молодых», – сетовал Степа, но поделать с этим ничего не мог. Его сын Виктор, студент юридического, точно так же жил с веселой девушкой из консерватории. Оформлять отношения никто из детей не собирался.

– Послушай, папа, – спокойно и очень серьезно сказал ему сын, когда Степа в очередной раз стал расспрашивать о планах на будущее. – Мы поженимся, если решим заводить детей. Нам самим клеймо в паспорте ничего не прибавит. Понимаешь?

«Козлик ты молодой», – хотел сказать Степа, но сдержался и промолчал. Он еще бы понял, если б сын менял подруг каждые несколько месяцев. Но Виктор жил со своей Гандзей уже три года, и такое постоянство в его возрасте говорило о многом. Действительно, какая разница, стоит штамп в паспорте или нет, если ты сам поставил его в собственном сердце?!

Да, на юношеские забавы это не походило, поэтому сдержался Степа правильно, за что потом не раз сам себя хвалил. Не козлом тут пахло, а чем-то иным, знакомым и хорошо понятным. За долгие годы супружеской жизни ему самому ни разу не пришло в голову изменить жене. И сын пошел в него. Что ж, верность сегодня не в чести, как, впрочем, и сама честь, но надежность в семейной жизни одно из главных достоинств, и тот, кто ее придерживается, никогда не остается внакладе.

Фаня перевезла вещи, расставила по пустым комнатам, наполнив их чем-то неуловимо женским, обратившим холодный дворец в уютное жилище. Поджарив яичницу с сыром и за пять минут настругав роскошный салат из огурцов, помидоров «бычье сердце» и зеленых хрустящих под ножом перцев, она украсила его укропом, щедро полила подсолнечным маслом и накрыла ужин прямо на балконе. Пока Степа, обдуваемый ветерком, наслаждался

домашней едой, она подошла к парапету, провела пальцами по холодной влажной поверхности, глубоко вдохнула лиманский воздух и расплакалась.

– Ну что ты, Фанечка, что ты, – утешал ее Степа, обнимая за мелко дрожащие плечи. – Успокойся, малыш, все наладится.

Маленькая, она уткнулась головой ему в подмышку и, успокаиваясь, чуть посапывала носиком, как ребенок. И за это посапывание, за эти доверчивые прикосновения мягкого любимого тела он готов был отдать все на свете. Как много лет назад, тогда, на танцплощадке.

Жизнь в Овидиополе была куда дешевле, чем в Одессе, но и гораздо скучнее. В Одессе Фаня служила участковым врачом, и ее день был расписан по часам. Искать работу в Овидиополе ей не пришлось, узнав о приезде одесского врача, в дом над лиманом явился лично заведующий горздравотделом.

– Никакой поденщины, – наотрез отказал Степа, даже не спросив Фаню. – Моя жена открывает частную практику.

– Частную? – брови заведующего удивленно поползли вверх.

– Да, частную. Первую в Овидиополе. Всегда кто-то начинает первым, не так ли?

– Но, – начал было заведующий, однако Степа сразу ухватил быка за рога.

– Вот разрешение из канцелярии губернатора, – он жестом фокусника извлек из портфеля папку и аккуратно положил на стол перед заведующим бумагу с гербом. – А вот разрешение от… – тут уже Фаня чуть не открыла рот от удивления. Да, Степа не терял времени даром. Вся батарея необходимых документов, справок и разрешений на открытие частной врачебной практики была тут: связи, старые знакомства и, конечно, хрустящие дензнаки делали свое дело на Украине с таким же успехом, как и в любом другом месте земного шара.

Кабинет оборудовали на первом этаже, в комнате, предназначавшейся для Виктора. Дали объявление в местную газетенку, и пациенты потянулись тонкой серебряной цепочкой. Плату для почина Степа установил почти символическую, и слух о хорошем и почти бесплатном враче моментально облетел город. Прошло больше года, пока удалось повысить гонорар. К тому времени

у Фани образовался прочный круг постоянных посетителей, коекого отпугнули новые цены, но большинство осталось.

Фаня была хорошим врачом, два десятилетия хождения по участку и длинные беседы с больными научили ее терпению и внимательной доброжелательности. Теперь многие приходили к ней просто пожаловаться на судьбу и выговориться под предлогом установления диагноза. Фаня это прекрасно понимала, считая вербальную терапию одним из методов лечения.

День пролетал незаметно. Утром она вставала раньше мужа, готовила завтрак и накрывала на стол. Летом – на балконе, а зимой – в столовой, перед большим окном шведского производства, надежно защищающим от сурового лиманского ветра. После завтрака Степа уходил до темноты, а Фаня начинала прием больных. Работала она не ради денег, заводик мужа превратился в серьезное предприятие, приносившее солидный доход. Привычно осматривая пациентов, выписывая рецепты и выслушивая жалобы, она иногда вспоминала избитый пример с лошадью, приученной ходить в шахте по кругу, поднимая и опуская клеть с шахтерами, и будучи отпущенной на волю по дряхлости, продолжавшей точно так же выписывать бесконечные круги по зеленому лугу.

«Я такая же лошадь, только в другом кругу. Что у меня осталось в жизни, кроме пациентов? Ни мужа, ни детей, одни только имена. Если больные перестанут приходить, мне придется им доплачивать, чтобы вернулись, иначе умру от скуки».

Прием длился четыре часа. После него Фаня долго и тщательно мыла руки, переодевалась и шла варить кофе. Степа много раз предлагал купить роскошный американский аппарат: засыпаешь зерна, нажимаешь на кнопку – и пей сколько хочешь! Но вот именно этого Фаня и не хотела. Она любила делать все по старинке. Долго молоть зерна в ручной мельнице, наслаждаясь запахом, потом доводить до кипения воду в медной, начищенной до блеска джезве, длинной ложечкой подбирать пену, снимая ее поцелуйными движениями губ.

Пила она всегда одну чашку, зачарованно глядя на лиман. Неоглядная водная гладь завораживала, лишь иногда ее разрезали редкие рыбачьи баркасы с черными просмоленными боками и грязно-коричневыми парусами на тонких мачтах. Вместе с советской

властью закончилась промышленность, и рыба вернулась в очистившуюся воду. Баркасы уходили куда-то на середину лимана, ставили на отмелях сети и возвращались к вечеру, жужжа подвесными моторами. Случалось, Степа приносил свежую рыбу, и Фаня жарила ее на красной сковородке с тефлоновым покрытием, патентовано предотвращающем пригорание. Но рыба все равно пригорала, как и на старых чугунных сковородках без всякого покрытия.

– Я люблю, когда пережарено, – успокаивал Фаню Степа, жадно подбирая пригоревшие кусочки. Он был милым и добрым – с ней, разумеется, и она относилась к нему с большой теплотой. Жаль только, что его почти никогда не было дома.

К делам бизнеса прибавились дела казачьи. Оказалось, что Степа происходит из старинного рода запорожских сечевиков. Сам он так решил или действительно слышал от родителей какие-то рассказы, установить уже не представлялось возможным. Родители Степы умерли задолго до его знакомства с Фаней, а единственные дальние родственники жили в селе под Белой Церковью, и Фаня их ни разу не видела.

В Овидиополе набрался почти десяток потомков вольного запорожского воинства, и они с увлечением принялись играть в новую для себя игру: создали общество, сняли помещение, даже пошили какое-то подобие формы. Особо рьяные обрили головы и начали отращивать оселедцы. Но это уже больше походило на курьез, и если вынести его за скобку, потекла общинная жизнь, в которой еврейской жене не было места. Впрочем, не было в ней места и русским женам, и даже чисто украинским: новоиспеченные казаки предпочитали проводить время без женщин.

Фаня не ревновала мужа к сечевикам. Она вообще с трудом понимала, как ее шалопай Степка, гроза Пересыпи, превратился в делового человека. Босяцкая удаль, атаманское презрение к опасности, шикарная снисходительность заводилы удивительным и непостижимым образом перетекли в инициативную смелость бизнесмена. Степа брался за такие проекты, о которых другие и думать не смели, с ловкостью уличной шпаны выскальзывая из смертных объятий банков и дефолта.

Фаня опасалась, что не до конца реализованная нахрапистость может вызвать рецидив опасного в деловых сферах молодечества. Игра в казацкую вольницу, в которой Степа занял место атамана овидиопольских казаков, была самым безобидным способом сброса напряжения.

Переливающаяся поверхность лимана продолжала завораживать Фаню. Она все больше и больше времени проводила на балконе, поставив возле кресла «Сони» с лазерным проигрывателем и запуская один за другим любимые диски. Под музыку хорошо вспоминалось и мечталось. От солнца и бликов перед глазами плавали темные пятна, свиваясь в причудливые фигуры. Иногда ей казалось, будто она различает очертания знакомых лиц или вещей. Вот то пятно напоминало комод в комнате ее бабушки, а вот это походило на саму бабушку, когда она возвращалась с Привоза, чуть сгорбившись под тяжестью оттягивающих руки авосек.

«Мир разговаривает со мной», – думала Фаня, пытаясь отыскать смысл в плывущих тенях. Ей почему-то казалось, будто фигуры таят подсказку, ответ на волнующие ее вопросы. Но ничего определенного так и не удавалось разобрать. Причудливая игра, неуловимые, не поддающиеся осмыслению переливы света.

Сочетание лимана и музыки действовало успокаивающе, и в голове у Фани начал созревать план кабинета или даже целого санатория релаксации, в котором вместо химии больных будут лечить музыкой и блеском водной глади. Она будет лечить. Но сначала требовалось пройтись по этой дорожке самостоятельно и поглядеть, что же там в конце.

Количество чашек кофе увеличилось сначала до двух, а потом до трех. Прошедшая жизнь, такая короткая и такая длинная, нескончаемой лентой крутилась перед глазами Фани. Она точно знала, чем закончится каждый эпизод, но с особым удовольствием припоминала позабытые детали.

Танцплощадка. Туда ее затащила подружка по мединституту.

– Что ты все зубришь да зубришь? Пойдем, попрыгаем, разгоним кровь!

Но попрыгать не пришлось. Подружку наперебой приглашали; статная шатенка с озорным блеском подведенных глаз пользовалась успехом. Фаня весь вечер стояла у стеночки и просто

наблюдала. Ей не нравились ни эти лица, ни эти нравы. Зато подружка чувствовала себя как рыба в воде, бойко перекрикиваясь с кавалерами, голоса которых заглушала громкая музыка, шутливо хлопала их по рукам, когда, по ее мнению, прикосновения переходили за грань.

Уже под конец вечера к Фане подошли три парня и, заслонив толпу, приступили к расспросам.

– Новенькая? – спросил один из них с какой-то неприятной усмешкой.

– Да, новенькая, – согласилась Фаня.

– А потанцевать не желаешь? – предложил второй, придвигаясь ближе.

– Нет, – испуганно отказалась Фаня, отступая назад. От парней исходила явственная опасность. Фаня пока не понимала, какая, ведь вокруг было так много глаз, столько света и шума.

– А поваляться? – ухмыльнулся третий. Фаня попятилась еще на шаг и уперлась спиной в стенку. Дальше отступать было некуда, и она вздрогнула от страха. Ее дрожь не ускользнула от внимания парней. Они заржали, и первый, не смущаясь, вытянул руку и потрепал Фаню по груди.

От неожиданности и обиды она охнула, из глаз сами собой покатились слезы. Никто и никогда так к ней не прикасался. Она сжала кулачки! Драться с этими бугаями не было ни малейшего смысла, кричать тоже, ее голосок никто бы не расслышал в громе музыки. Она вдруг поняла, что свет и множество людей вокруг не могут защитить ее от столь откровенного надругательства.

– Ну, и как буфера? – осведомился второй парень, поднимая руку. Он хотел повторить жест первого, как вдруг кто-то бесцеремонно раздвинул обидчиков, словно они были не живыми людьми, а картонными манекенами. Парни со злобой развернулись, но при виде виновника беспокойства озлобление немедленно сменилось льстивыми улыбками.

– Степка, здорово!

– Что, прямо из рейса?

– Давно тебя не видели!

Тот, кого они называли Степкой, был на голову выше обидчиков, шире в плечах и выглядел весьма внушительно. Русоволосый,

с лицом былинного богатыря, он держался спокойно и уверенно. Быстро окинув взглядом залитое слезами лицо Фани и заметив дрожащий подбородок, Степка спросил:

– И чем же это вы тут занимаетесь?

– Новенькую проверяем, – ответил первый. – Вступительные экзамены.

– А ну, чешите отсюда, – резко приказал Степка. – И если еще раз увижу вас возле нее – пеняйте на себя!

– Ты шо завелся, шо завелся? – взвизгнул первый. Но Степка опустил руку на его плечо и так сжал, что тот скривился от боли.

– Да кому она нужна, бледная спирохета! – возмутился он, пытаясь сбросить руку.

– Степа, все ясно, – умиротворяющим тоном заметил второй. – Твое слово – закон, как сказал – так и будет.

Парни повернулись и быстро исчезли из виду, затерявшись между танцующих пар.

– Вы действительно тут в первый раз? – мягко спросил Степка. Эта девушка как-то по-особенному действовала на его сердце. Ему вдруг захотелось говорить красивые слова, дарить цветы и спасать. Да, спасать, вынося на руках из горящего дома, вытаскивать из воды после кораблекрушения. Дрожащую от холода, испуганную, мокрую. Брать на руки, нести к костру, согревать возле пламени, и тогда в знак благодарности, закрыв глаза, она нежно прикасается губами к его…

– И в последний, – ответила Фаня.

– Позвольте, я вас провожу, – предложил Степка. – Тут много всякой швали шатается.

– Но я с подругой, – попыталась возразить Фаня.

– Видел я вашу подругу, – усмехнулся Степка. – Поверьте, она не пропадет. В отличие от вас, мадам, – и он неожиданно для самого себя склонился в полупоклоне. Фаня фыркнула от смеха.

– Если хотите говорить по-французски, – заметила она, отирая слезы, – то я пока еще не мадам, а мадемуазель.

– Я буду счастлив помочь вам исправить это недоразумение.

– Никакого недоразумения тут нет, – снова улыбнулась Фаня. – Замужней женщиной, мадам, не рождаются, а становятся. А девушек во Франции называют мадемуазель.

Она замолчала на секунду, а потом с непонятно откуда взявшимся лукавством спросила:

– А вы, таинственный незнакомец, герой и спаситель, похоже, делаете мне предложение?

– Да! – выпалил Степка, заливаясь румянцем. – И еще какое!

Так началось их знакомство. Дальше все покатилось быстро и непредсказуемо. Если бы можно было замедлить ход времени и потихоньку, не торопясь, разобраться во всех хитросплетениях ежедневно завязывающихся узелков, возможно, жизнь Фани сложилась бы совсем по-другому. Но ее несло, несло неудержимо и без оглядки в объятия богатыря-матроса.

Связь Фани и Степы подействовала на ее родителей как удар грома. Узнав, что их единственная любимая дочь серьезно встречается с простым матросом, к тому же украинцем, они на несколько минут потеряли дар речи. Такой афронт мог привидеться лишь в самом страшном сне. Но сбываются даже страшные сны, и спустя год невозможное свершилось.

Да, они были разными. Очень разными. Однако вопреки осторожным предостережениям, прозрачным намекам и зловещим пророчествам, Степа с каждым годом все больше любил свою маленькую жену. Бывают в жизни чудеса, и с Фаней случилось одно из них. Невзирая на генотип, ментальность, воспитание и среду, Степа не пил, не таскался по бабам, обожал своих детей и вел себя в семье, точно еврей-очкарик, воспитанный учительницей музыки и инженером-конструктором. К родителям Фани он относился с подчеркнутым почтением, и те, правда, спустя несколько лет, все же приняли его в «свои».

Легкие облака проплывали над балконом, пронзительно, словно в последний раз, вскрикивали чайки, неумолчный шорох волн, без устали лижущих берег под балконом, усыплял и завораживал. Фаня понимала, что никогда не сможет объяснить, что творится в ее душе, не сможет передать другим людям великое очарование тишины, влажного ветерка, высокого неба.

Так прошло два года. Наверное, не самых плохих в ее жизни. А может быть, самых лучших. И вот покой кончился, как кончается полоса утреннего тумана, висящего над водой.

Виктор появился внезапно, без предупреждения. Фаня услышала шум мотора машины, въезжающей на стоянку перед домом, и вышла посмотреть, кто приехал в неурочное время. Прием больных давно закончился, время мужа еще не наступило. Скорее всего, кому-то срочно понадобилась медицинская помощь. Фаня постаралась собраться, оттолкнув негу расслабленной созерцательности, наполняющей ее сердце после двухчасового сидения на балконе.

Он вошел, хмурый и расстроенный. Вяло чмокнул в щеку, кинул сумку в угол и повалился в кресло.

– Что случилось, сынок? У тебя неприятности?

– Скорее приятности, – буркнул он. – Дай поесть, мам.

Фаня захлопотала, забегала, пытаясь заполнить суетой зияющую между ними пропасть. Обед она накрыла на балконе, рассчитывая, что лиман окажет на Виктора успокаивающее действие, но тот даже не посмотрел за парапет, молча ел, уткнувшись носом в тарелку.

– У тебя неприятности? – решилась повторить Фаня, когда меню было исчерпано.

– Даже не знаю, как это назвать, – мрачно ответил Виктор. Он помолчал, затем быстро произнес несколько фраз.

– Она ушла от меня. Просто так, без повода, собрала вещи и ушла. Я звонил, потом пришел к ней в консерваторию. «Ты мне надоел», – вот все, всего три слова. Ни оттолкнуть, ни запереть. Ты мне надоел.

Фаня не знала, что ответить. Внешностью сын пошел в нее, а характером в Степу. Такой же однолюб. Видно, крепко ушибла его Гандзя, если он все бросил и примчался в родительский дом за утешением.

– Я не стану говорить тебе, – тихонько сказала Фаня, – что это тоже пройдет. – Ты и сам знаешь.

Виктор кивнул.

– Тебе сейчас больно и плохо. Только об одном тебя прошу. Не делай никаких поступков, пока внутри не станет тихо.

– А если не станет, мама?

– Станет. Раньше или позже, но станет. Поверь мне.

– Но я не могу столько ждать, мама.

– А когда Гандзя ушла?

Услышав ее имя, Виктор вздрогнул, и она поняла, что совершила ошибку.

– Вчера. Она ушла вчера утром.

– Ты даже еще не начал ждать.

Узнав о приезде сына, Степа свернул свои дела и вернулся намного раньше обычного. Сначала он попытался утешить его по-мужски, откупорив бутылку дорогого коньяка. Но Виктор не любил спиртного. Тогда после нескольких звонков он повез его в клуб сечевиков, рассчитывая отвлечь его от мрачных мыслей рассказами о славной истории рода. К его удивлению и радости, Виктор слушал казацкие байки с большим интересом, а вернувшись домой, попросил у отца всю литературу по истории вопроса.

– Юрист, – с уважением отметил Степа, рассказывая обо всем жене. – Основательный подход. Если берется за вопрос, то начинает с фундамента.

Ох, если бы он знал, к каким неожиданным последствиям приведет сына знакомство с запорожцами!

Виктор остался в Овидиополе до конца выходных, а потом, заметно успокоившись, вернулся в Одессу. Через три дня Фаня взяла мобильный телефон и осторожно нажала на кнопочку быстрого набора с цифрой два. Под цифрой один скрывался номер Степы, три – Юли, потом шли номера родителей. Степа купил всем аппараты самых последних моделей, и Фаня могла в течение секунды связаться со всеми членами семьи.

Гандзя не вернулась и не собиралась возвращаться. Виктор звучал угрюмо, но спокойно. Судя по всему, жизнь продолжалась.

– Когда ты в последний раз видел Юлю? – спросила Фаня, желая переменить тему.

– Вчера. Зашел в «Фанкони» выпить кофе и наткнулся.

– О! – уважительно воскликнула Фаня. – Ты ходишь пить кофе в такое дорогое место?!

Она никак не могла привыкнуть к богатству. Годы прозябания на зарплату приучили ее к бережливости. Степина получка шла на выплату кооперативной квартиры, а жить приходилось на короткие рубли участкового врача.

– Мам, – рассмеялся Виктор. – Я в «Фанкони» только кофе пью, а Юлька обедает. Причем каждый день. Их магазин в ста метрах от кафе, вот они и повадились.

Услышав его смех, Фаня успокоилась и закончила разговор.

Прошли три месяца, и вдруг Виктор приехал прощаться.

– Уезжаю в Израиль, – объявил он родителям.

– Зачем? – удивился Степа. – Чем тебе плохо в Одессе?

– Там идет война, – объяснил Виктор. – Я хочу пойти в действующую армию.

Фаня побледнела.

– Не пугай мать! – прикрикнул на сына Степа. – Что за дурацкие идеи!

– Почему дурацкие, папа! Ты ведь сам мне рассказывал про героев нашего рода, удалых казаков. О том, что настоящий мужчина проверяется в бою, про славные традиции. Вот я и решил попробовать.

– Ну это же, – не находил слов Степа, – только история, далекое прошлое. Сегодня Украина ни с кем не воюет.

– Но я ведь не только украинец, – напомнил Виктор. – Я еще и еврей. А евреи воюют. Вот я и хочу перенести смекалку запорожских генов на Святую землю.

– Это не твоя война, Витя, – вмешалась Фаня. – Где мы – и где Израиль?

– Это моя война, мама, – очень серьезно ответил Виктор. – Папа говорил о рыцарстве сечевиков. О том, как они защищали правое дело, отстаивали справедливость. Вот тогда я понял, почему мне захотелось стать адвокатом. И понял, что в войне с террористами мое место на стороне жертв. Поэтому я оформил документы и через два дня улетаю.

– Мы тебя не пустим, – твердо заявил Степа. – Ты не можешь никуда улететь без родительского разрешения.

– Папа, – чуть грустно ответил Виктор. – Папа, я хоть и недоучившийся, но все-таки юрист. Разрешение требуется для несовершеннолетних, а для взрослых только в том случае, если родители стары и бедны. Наше государство просто не хочет заботиться о стариках, понимаешь? Но вы с мамой, слава Богу, пока не нуждаетесь в моей или Юлькиной помощи.

– Сынок, – сменил тон Степа, – я понимаю, Гандзя тебя обидела. Ей и мсти! Почему нам, мы-то в чем виноваты?

– Вы? – тяжело вздохнул Виктор. – Вы-то как раз виноваты во всем. В том, что я вырос таким обормотом! Что не могу из-за любви ни есть, ни спать, ни жить. И что нет мне покоя ни днем, ни ночью. А поэтому, если вы действительно желаете добра своему сыну, не мешайте спокойно уехать. Отслужу в армии, приеду в отпуск, там видно будет. Украинский паспорт я сдавать не собираюсь…

И он уехал. Обещал быть осторожным. Обещал звонить каждый день. Обещал все, что обещают дети, вылетая из родительского гнезда. И большую часть своих обещаний сдержал.

Прошел год. Свежим майским днем, закончив прием больных, Фаня сидела на балконе, допивая вторую чашку кофе. Телефон лежал рядом с джезвой. Теперь она не расставалась с ним ни на одну минуту. Иногда пальцы сами собой нежно поглаживали панель.

Фаня и представить себе не могла, что станет так тревожиться. Когда Виктор жил в Одессе, они переговаривались три, четыре раза в неделю, и этого ей хватало. Теперь Фане требовалось слышать голос сына каждый день, а иногда дважды, трижды – утром, днем и вечером. Разумеется, это не всегда получалось, и тогда сосущая тоска сжимала ее сердце безжалостными липкими пальцами.

Но сейчас… Сейчас тревога навалилась удушающе беспощадно, грудь сдавило, перед глазами поплыли темные пятна. Она встала, оперлась на парапет и глубоко вдохнула, пытаясь избавиться от наваждения. Пятна слились, и вместо сверкающей под солнцем поверхности лимана она увидела что-то похожее на черное устье глубокого колодца. Там, в бархатной глубине темноты, раскрылось окно, и в нем возникла цветная картинка.

Большой автобус, переполненный людьми, вдруг оторвался от асфальта, словно пытаясь взлететь, подскочил вверх на полметра, а затем из его середины вырвался столб пламени. Картинку заволокло черным густым дымом, но Фаня успела разглядеть, как автобус тяжело рухнул на асфальт, оконные стекла разом вылетели наружу, и сквозь провалы потек надсадный человеческий вой.

Напуганная, она упала в кресло. Руки и ноги дрожали, на лбу проступили капли пота. Дальше Фаня действовала автоматически, словно кто-то внутри, бесконечно мудрый и точно знающий, что нужно делать, перехватил на несколько минут власть над ее телом.

Схватив со стола телефон, она изо всех сил придавила кнопку с цифрой два. Виктор отозвался спустя несколько секунд. Он звучал весело и бодро.

– Ты где сейчас? – чуть хриплым от волнения голосом спросила Фаня.

– Получил увольнительную. Еду на конец недели в Иерусалим. Собственно, почти уже приехал. Еще пять остановок – и я на месте.

– Немедленно выйди из автобуса, – с трудом сдерживая крик, приказала Фаня.

– Выйти из автобуса? – удивленно повторил Виктор. – Мама, у меня огромная сумка, как я с ней дотащусь?

– Возьми такси. А сейчас сойди. Умоляю тебя! Ради всего святого! Не медли ни минуты!

Виктор ошарашено хмыкнул, мать никогда не разговаривала с ним таким тоном.

– Ладно, скоро будет остановка. Но я сижу в самой середине, и если смогу протолкаться…

– Пожалуйста-а-а-а! – Фаня больше не могла сдерживаться и закричала.

– Хорошо, хорошо, – испуганно воскликнул сын и отключился.

Она не могла встать. Теперь уже не только руки и ноги, а все тело била крупная дрожь. Зубы стучали, а платье промокло и прилипло к спине. Она попыталась спросить у себя, откуда накатила эта волна первобытного ужаса, и не могла ответить.

Постепенно дрожь затихла, пот высох, и только что совершенный поступок стал казаться безумным. Она допила остывший кофе, коснулась кончиками пальцев телефона и в нерешительности замерла. Пальцы продолжали подрагивать, она никак не могла заставить себя нажать черную блестящую кнопочку с матовой цифрой.

Звонок напугал Виктора. Вылезти из автобуса за десять минут до конца маршрута было сущим безумием. Но истошный – другого определения он не мог подобрать – истошный крик матери подбросил его с места. Волоча за собой тяжеленный китбек, армейскую сумку, набитую пожитками, и стараясь не обращать внимания на возмущенные возгласы пассажиров, он пробился к выходу.

Автобус остановился, двери распахнулись, и Виктор вывалился на тротуар. За ним никто не последовал, эта остановка была на стыке двух районов, и тут выходили лишь те, кто отправлялся на прогулку в соседний парк. Однако в полдень желающих прогуляться под палящим солнцем не оказалось.

Через переднюю дверь поднялись два ортодокса в черных наглухо застегнутых, несмотря на жару, лапсердаках, замшевых шляпах и с пейсами до плеч. Что-то в их облике показалось ему странным, но что именно, он не понял, да и не стал особо присматриваться.

«Никакая жара их не берет», – с завистью подумал Виктор. Дверь затворилась, и автобус тронулся с места. В ту же секунду Виктор понял, что его удивило, – скованность движений. Обычно ортодоксы расхаживали по Иерусалиму, как по собственной кухне – уверенно и без оглядки. А эти двигались украдкой, словно ночные воры, боящиеся разбудить спящих хозяев.

Он успел подумать о неумолимом времени, размывающем самые незыблемые устои, о том, насколько неправильно мерить всех одним мерилом, как автобус, успевший отъехать на несколько десятков метров, вдруг оторвался от асфальта, словно пытаясь взлететь, подскочил вверх, а затем из его середины вырвался столб пламени. Все вокруг сразу заволокло густым черным дымом, но Виктор успел разглядеть, как автобус тяжело рухнул на асфальт, оконные стекла разом вылетели наружу, и сквозь провалы потек надсадный человеческий вой.

Закончив армию, Виктор вернулся в Одессу. Служба в действующих войсках оказалась нелегкой. Упоения битвой ему испытать не довелось, хотя его часть и располагалась прямо на границе с Газой, а вот тяжелой воинской работы хлебнул сполна.

Виктор возмужал, приобрел уверенность в себе, и причина, погнавшая его в Израиль, теперь казалась смешной.

Взяв у отца крупную сумму, он открыл пиццерию. Подобного рода заведений в Одессе хватало, но благодаря отцовским деньгам он сумел снять помещение на бойком месте – и бизнес закрутился. Еще больше закрутился сам Виктор. Закончить учебу в университете он даже не думал – пиццерия отнимала все время и всю энергию. Место Гандзи заняла другая девушка, не с таким архаичным именем и более свободными повадками. И потекла, заструилась жизнь, разграфленная выходными, состоящая из чехарды плотно заполненных будней и блаженного безделья в редкие дни отпуска.

После отъезда сына Степа забросил сечевиков. Ему надоела эта игра, и он принялся искать себе новую. Вокруг Овидиополя щедро родились помидоры, и Степа решил построить фабрику по выпуску консервированных томатов. Выброс ухарства, которого так опасалась Фаня, все-таки произошел. Строительство поглотило все накопленные капиталы, пришлось под будущие прибыли занимать у друзей. Степе давали охотно, преуспевающая фирма по выработке подсолнечного масла служила лучшим подтверждением кредитоспособности.

Но дело не пошло, ведь у неудачи, так же, как и у удачи, много причин. Чтобы покрыть долги, пришлось продать фирму. Степа хотел заложить дом, но Фаня воспротивилась. Она так привыкла к балкону над лиманом, что жизнь без него казалось невозможной.

Новые хозяева фирмы пригласили Степу остаться исполнительным директором. Он продолжил работать в своем прежнем кабинете и с почти прежним напряжением, только теперь получал за свою работу в пять раз меньше. Его заработка хватало на уплату долгов и содержание дома. А жили они, как и раньше, на зарплату Фани. Она увеличила часы приема до шести в день и, в общем, им удавалось сводить концы с концами.

Обедали они на балконе. Степа приезжал с завода, садился возле жены, наслаждаясь тишиной, прохладой и простором. Кофе он предпочитал коньяк, и с каждым месяцем послеобеденная порция становилась все больше и больше.

Глядя на водную гладь, Фаня часто думала о подступающей старости. Она воображала ее во всех подробностях, пытаясь пробиться взглядом сквозь время, но темные пятна, плавающие перед глазами, больше ни разу не превратились в бархатно-черный колодец.

Тот случай так и остался единственным и неповторимым, как единственна и неповторима сама жизнь.

Израиль

Анна Стреминская

«Нет одиночеству предела…»

* * *

Ураган появляется ниоткуда, внезапно, в ночь.
Ураган – это выдох Яхве, что полной грудью вдохнул.
Хорошо тем, кто спит в домах, – им бояться невмочь –
все в театрах своих сновидений, там радостный гул
иль азартные крики, иль стоны любви, иль смех…
Каждый сам себе зритель, герой, драматург и суфлер.
Ураган набирает силу – почти уже смерч!
Горе тем, кто в пути: честный труженик он или вор.
И деревья на землю падают как дрова,
провода разрывая, калеча, сминая, круша!
И беспомощно корни торчат, как отчаянные слова,
обращенные к Богу, когда погибает душа.
Все сравнялось сегодня: платан, человек, таракан,
подчиняясь могучей воле, пришедшей извне.
Только корни торчат, как символ бессмысленности корней,
И рассвет стекает лекарством на множество ран.

* * *

Нет одиночеству предела…
Р.М. Рильке

И этот виноград промокший,
и грязный снег – мне то и дело

так говорят – резцом по коже –
«Нет одиночеству предела!»

Глаза домов покрыты пылью,
пьет свою дозу алкоголик.
И перекресток мой постылый
с луной играет в «крестик – нолик».

Живет на свете божья дура,
любовь по крохам собирает.
Вставляет их в литературу,
но ветер крохи отнимает!

Кто виноват в ее сиротстве:
она сама? Господня ль кара?
Но не уступит первородства
за чечевичные навары.

И в шорохе листвы полночной
все слышится ей то и дело:
«Нет одиночества порочней,
нет одиночеству предела!»

* * *

Мы ждем перемен счастливых – мы сами себе верны,
но будущее приходит всегда с другой стороны!
И силимся разглядеть мы абрис, черты лица,
но будущее приходит всегда с другого конца!
Грядущее тут, за столиком ночного кафе сидит
и вам улыбается тихо и вот-вот заговорит.
И так беспощадно внезапен бывает реки поворот,
что в русло совсем другое вливается и течет!
И сносит дома, деревья и все на своем пути.
но нужно лишь только видеть, лишь только уметь найти!
Развешаны всюду знаки – то знаки верных дорог.
и главный дорожник взирает, которому имя – Бог.

* * *

А у меня тут май
и запахов кавардак.
И сад превратился в рай,
лучами пронзен чердак!

Да пыль на моем старье
цветет позолотой лет.
Как в прошлое юркий курьер
лежит бубновый валет.

А там холодная ночь,
и пульса времени нет.
Стремясь, пролетают прочь
тела огромных комет!

А здесь и касанья рук,
и губ ночной аромат…
Бич ревности свистнет вдруг,
и мысли в ночи не спят!

Потоком идут стихи,
как ливень или река.
И мучают нас грехи,
но жизнь все равно сладка!

А там – сферический хор
да танцы холодных планет.
И пьющий пустыню взор
пятьсот триллионов лет.

А здесь – светотени пир
и детские «почему».
Живет и сверкает мир,
и нет покоя уму!

Но как мне все описать:
и времени жернова,
и те зеркала, что всласть
вмещают всю жизнь едва!

* * *

Тишины хочу, тишины.
Нервы, что ли, обожжены?
А. Вознесенский

Реки наши впадают в вечность,
потому не боюсь опоздать.
И проносится слов беспечность,
а на мне – молчанья печать.

И проносится слов гроза
с шелухою, базарным сором.
Все томительней голоса,
утомительней разговоры!

Гулко катят пустые бочки,
разрывая плоть тишины.
Повторю за поэтом точно:
«Нервы, что ли, обожжены?»

Но с тобою мы на небесном
говорим, на птичьем, на снежном.
И на солнечном, на цветочном,
на речном, на морском, безбрежном!

Что с того, что скайп барахлит?
Мы друг друга душами слышим!
Жди меня на Млечном Пути
иль хотя бы ночью, на крыше!

Амстердам

Вот идут гулять – господин Ван Рейн
да с ним приятель – Ван Гог.
А каналы в тумане уже много дней,
и висит над городом смог.

Так привычно лодки скользят взад-вперед
челноками по ткани воды.
И проносится велосипедный народ
в двух шагах от воды и беды.

– Посмотрите, Ван Рейн, как собор засверкал –
луч случайный его золотит.
Этих туч неподвижный и серый оскал
углубляет лишь колорит!

– Посмотрите, Ван Гог, со старинных картин
наш музей, как сошедший, стоит.
Этой осени охра, сиена, кармин
придают ему царственный вид!

Гей-парад перед ними проходит лихой,
в платье томный мужчина идет…
А в известном квартале туристы – рекой!
Переходят приятели вброд.

И, косяк закурив, Ван Гог складно врет,
говорит: «Ван Рейн, без обид –
то ли Саския там, то ли Стин де Гроот
неподвижно в витрине стоит!»

Сладковатым дымком затянулись мозги,
и не слышно, не видно ни зги.
И не знают уже – кто Ван Рейн, кто Ван Гог!
Да клубится над городом смог…

* * *

Праздник беспечный и яркий на желтой арене:
много воды и небес, и кораблик далекий,
много мячей разноцветных, и криков, и смеха.
И шелестят себе что-то седые маслины.
Замки стоят из песка, окруженные рвами.
Пеннорожденные плавно выходят Киприды –
их поджидают пляжные Аполлоны.
Голые дети Амурами шумно резвятся
и поедают мороженое в обертках.
А ощущенье покоя безмерно под солнцем.

Ветер прохладной рукою перевернет страницу –
кончится праздник, толпа мишурная исчезнет,
листья рябые покроют песок сиротливый.

После еще раз перевернет страницу –
море застынет, в броню ледяную одето.
Пляжники будут гулять аж до волнореза
и восхищаться красой неподвижного моря.
Берег пустынен почти, и ракушки со снегом
перемешались. Везде воцарилось Молчанье.
Только лежит на скамейке забытая книга –
ветер листает страницы – одну за другою.
Но до последней никак он не доберется,
ибо число их простое – сама бесконечность.

Александр Мардань

Немножко свежих строчек

Высота

Летать хотим, а высоты боимся.
«Фауст», Гете

Когда меня поднимет лифт
Над суетой воды, что в море,
Над равенством поющих в хоре,
Над жадностью погрязших в споре,
Я захочу спуститься вниз.

Когда меня поднимет лифт
Туда, откуда видно всех,
Где простота есть тяжкий грех
И нужен каждый день успех,
Я захочу спуститься вниз.

Когда меня поднимет лифт
Над ложью малой и большой,
Над правдой ровной и кривой,
Над славящей меня молвой,
Я захочу спуститься вниз.

Я захочу спуститься вниз
К тем, кто не врет, когда поет,
Кто слов чужих не украдет,
И тишину трубы поймет,
Что больше к бою не зовет.

Я захочу спуститься к тем,
Кто не знаток запретных тем,
Кто не возьмет высоких нот,
В чьей жизни все наоборот
Вещают руки, внемлет рот.

Они немы, чтобы не врать.
Они слепы, чтобы страдать
От темноты, но без брехни,
Что ярче всех горят огни,
Которые зажгли они.

Я захочу спуститься вниз,
Но не спущусь… Не торопись,
Скажу себе я, оглянись,
Тебе всегда хотелось ввысь,
Твой лифт ушел, теперь держись.

Дыши ровней, не оступись,
Захочешь сесть – не промахнись.
Забудь про детский свой каприз
И не смотри так часто вниз,
В подвалах тоже много крыс

Держись за крышу, за карниз,
Если не хочешь рухнуть вниз.
Вниз не спускаются, летят.
Спуститься можно только в ад,
А ты же хочешь в райский сад.

Тут до него рукой достать,
Осталось только не предать
Оставшихся внизу друзей,
Когда-то правильных идей
И верящих тебе людей.

Всех тех, кому успел подать
Все то, что не сумел продать,
Осталось только не предать…
Остаться бы самим собой,
И Бог с ней, с этой высотой.

Почти…

Попытка, шанс, удачи тень,
И вместо ночи мог быть день,
Но… слово русское: «почти» –
Как нам его перевести,
Как главный смысл донести,
Притом основ не потрясти?

Чуть-чуть, немного, рядом, здесь,
Почти король, а мог быть весь.
Как объяснить, что не успел,
Хотя старался и хотел,
Что рядом с целью угадал.
Еще вершок бы – и попал.

Казалось, миг, момент, но вот
Рыбак опять проспал восход.
Уже, казалось, полюбил,
Но год прошел – и все забыл.
Заказан стол, в кармане речь,
Но не судьба, придется сжечь.

Считал себя уже другим,
Кто всеми признан лишь одним,
А в результате – псевдоним,
Что носит некий аноним.
Так не хотелось быть вторым,
А оказался сто восьмым.

Обидно, больно быть «почти»,
Но до звезды не доползти,
К ней можно только долететь,
Если удастся не сгореть…
Можно в деревне первым быть,
Но там не все мечтают жить.

А мысль проста: герой – король,
Вице-герой – почти что ноль.

P. S. Что слово разобрал почти,
Редактор, ты меня прости.

Исторический момент

Мы устали от лжи, как недавно от правды,
Притупились мечи и замолкли литавры.
Мы не всадники больше, скорее кентавры.
От вина с коньяком губы стали как жабры.
Совесть мучает нас много реже подагры.
Но мешают нам спать чьи-то звания, лавры.
Все начать бы сначала, а как без виагры?

Возраст

Князь: …Вы человек иль демон?
Арбенин: Я? – игрок!
«Маскарад», М.Ю. Лермонтов

Исправили зубы, испортился почерк,
Терпенья хватает на несколько строчек,
Быстрей пробегает и месяц, и день,
Но делать зарядку по-прежнему лень.

Ездить, смотреть, восторгаться не тянет,
Тост на банкете уже не обманет,
Роман начинаешь – и знаешь финал.
Дурные привычки почти растерял.

Чистая совесть все чаще блефует,
Память-редактор сюжеты шлифует,
Утром с трудом открываются веки,
Новых друзей приобрел в прошлом веке.

Время теряешь в газете и Нете,
Ищешь сюрпризы на старой планете.
Бриться не хочешь, а стричься не надо.
Лувр не помнишь, еще хуже Прадо.

Смотришь на снимки, где был молодым,
Даже не веришь, что так был другим.
Знания множат печали и траты.
Нервы, увы, много лет без зарплаты.

Радуют больше не деньги, а внуки.
Рецепт долголетия ждешь от науки.
Уже не уверен, что хочешь все снова.
Жизни отчет пока взят за основу.

Будут еще дополненья, заметки?
Мысли, что силы остались, не редки.
Старый вопрос ищет новый ответ.
Где эта старость, и где ее нет?

С базара под вечер годок твой бредет,
Но встретит удачу – и грусть пропадет,
Опять загорятся желаньем глаза,
И лишними станут, как встарь, тормоза.

Зачем, рассуждая, тревожить итог,
Ведь ты, как Арбенин, всего лишь игрок.

Крутится шарик, рулетка звенит,
В прикупе карта спокойно лежит.

Карта не лошадь, к утру повезет,
Ну, а кто ищет, всегда тот найдет.
В жизнь игра – без часов и окон,
Утро иль вечер, знает лишь Он.

Ну так зачем же Его там гневить,
Делай сам ставки и хватит хандрить!

Красивые глаза

Сколько лиц вы собою согрели,
Сколько губ стали суше от вас,
Скольких вы отвернули от цели,
Размагнитив надежный компа́с.

Валерий Сухарев

«Я печалуюсь о тебе о нас о своей судьбе...»

Апрельское

Разнообразные коты сияют желтыми и зелеными своими огнями,
что твои светофоры, шерсть их почти искрит под ногами,
возможно, коты превентивные электростанции, поющие временами

какие-то мантры на невообразимом своем наречии,
ни собачьего в том ничего, тем более человечьего,
а потом они могут сделать друг дружке дурные увечья.

Бабулька ходит за ними вослед с потертыми клунками,
где таятся одеревеневшие, как приморский камень,
куски «бородинского» и хвост трагической колбасы, что веками

лежала в тусклом подвале склада, никем не едома: у-у-у,
колбаса решила, что там она – у себя дома, и впала в кому;
бабулька ее пилила и предлагала случайным знакомым му-

жчинам за семьдесят, те воротили носы, икали и шахматами гремели
подмышкой, в разбитых коробках, пахли «тройным», прелостью и карамелью
«дюшес», и всегда были то ли выпивши, а то ли с похмелья.

Жчины (которые му и которым пора во гроба из-за способа жизни) ей не перечат,
садятся на лавочку, расставляют фигуры, пальцы кладя им на плечи
нежнее, чем их былым красавицам, и меж них начинаются разные речи,

вроде: «Сегодня по десять или на чекушку?» – «Сегодня на то и на другое». Бабулька
присаживается сбоку и начинает свою тоску неизбывную, лицо в пигментных пятнах на булку
похоже с изюмом, ест колбасу из кулачка, и ветерок запихивает седину под платок, из переулка

поддувая; колеблются колокола, клаксонят дети на велосипедиках, грачи роют газоны,
сквер далью зияет, сквозят дерева и первые почки их, как в детском горле бубоны,
и расхристано бродят балбесы из вузов и из морского училища пьяненькие салабоны.

Апрельская неразбериха, на карнизах и на ветках дурдом и шумиха, возле бара стоит повариха
в лосинах и фартуке, подо всем – муляжи, макияж, как фингалы, курит арома-цыгарку, в баре тихо –
все ушли завоевывать склоны моря, съесть сыроватый купат с кинзой, лихо выпить и не менее лихо

свалиться башкой или чреслами в зеленеющий там и сям бурелом,
где места уже заняты иными героями; за зиму скамейки аллей стали годны только на слом,
и никому не известный Кузьма Бурблубсусян, собиратель бутылок, в баре нашел под столом

обрубок плохой сигары и доллар фальшивый, и был этому крайне рад…
Бабулька забыла про ярких глазами котов, глядя на стертый ряд
шахматных клеток, о своем затуманившись; а на улице, стирая подряд

все приметы места и времени, плыл караван новых фасонов, сезона «весна-лето»,
из соседнего бара не пахло ни коньяком и ни киевской – по-одесски – котлетой;
а прелость апреля отдадим Пастернаку… И асфальт был шершав, как галета.

* * *

Я разъял свои руки и ты влетела в меня,
простоволосая и радостная таракуцка; ты и коня
на скаку останавливаешь; а я взял и – взял,
точно галстук на вые своей завязал.

За эти ноты, за эти скорби и боль
не латами греметь нам, но манить и чаровать;
слава Богу, что ты никогда не была Ассоль,
чтобы тебя безнадежно у моря ждать, –

зеленая струя в твоих глазах, и когда находит
туча, то и серые, как горизонт во время дождя;
таких – только одна в подлунной природе,
таких свет не видывал; это стихотворение словно бы, погодя,

вышло на свежий воздух, а до этого сидело в душе,
будто на корточках затаившийся кто-то, накинув шарф,
смешной и цветастый; и ты тайно ела «буше»,
а я подглядывал и пакетом шуршал, едва дыша.

Кошка-клуша вразвалку сидит во дворе, где мы
отражаемся во всех окнах, в обнимку идя
куда подскажут тропы Господни; и крыши цвета сурьмы,
умытые солнцем, и тени дерев повсюду скользят.

* * *

Это не «Колыбельная для кошки» и не кот в мешке,
и даже не дед, бесконечно застрявший в каком-то Торжке,
где продавал гусей и корову, наживаясь на творожке, –

это иная метафизика, другие времена и грузины с армянами;
потеет хурма, гниет шаурма, и амбар делается деревянней
от одного только взгляда на; и луна – как девица – торчит
перед глазами, назовем ее какой-нибудь маней или таней,
а по вечерам алектор орет и дятел в осину берет и стучит…

Весело жить, бабы бегают, гуляют утки и облака; и легка
ткань небес, у всех психосоматика, герпес и в кухне чеснок,
упрятанный в длинный чулок от бабушки; близь далека,

как «боинг» в просторе, где он и изнемог; со мной мой сурок,
прошедший полтораста путей и сто дорог… Дай мне Бог

пробежать эти мили, не считая их миллиметрами, дай,
чтобы в рюкзаке были водка, вода и простая еда,
и чтобы луч солнца не выглядел, как олово или слюда,

слепя, как блестящая пятка атлета; пусть на улице лето
случится, пускай, на асфальте мягком том и отпетом
женские каблучки делают дыры, точно вилку воткнули
в разваренную картошку; и пусть мне бы пузо надули,
как лягушке… Но при всем том и при этом –

пускай та, что кудесничает ночами, а на рассвете
ничего не говорит, тиха, – вот пускай она эти
строки прочтет хотя бы и в интернете.

* * *

шла куда-то длинная кошка худая
то ли пожилая была то ли молодая
улыбалась и подзванивала как колокольчик Валдая

я мотылялся следом с пирожком под мышкой
жена меня выгнала я сделался коротышкой
и видать был похож на выброшенного плюшевого мишку

мережковская (гиппиус) зинаида меня обругала
и не светила мне как одину никакая валгалла
а дмитрий вообще промолчал бы совершенно другая

судьба и усадьба другая куда же нам деться
можно подглядывать в щелку можно самому раздеться
лечь калачом начитаться проперция

Боже почто Ты терпишь меня попусти
ты мою душу держишь словно букет в горсти
кругом не прав я так до без десяти

на циферблате стрелки час не выставлен время
тарабанит как дождь по стеклу и бремя и стремя
всего лишь рифмы как грустные девы в гареме

о чем то говорю я и знаю о чем
я пишу вы читаете и двери длинным и ржавым ключом
своим закрываю кошке моей нипочем

этот мир она дошла до безумия и я за нею вприпляску
поэзия форма идиотизма я рассказывал сказку
вам вот и радуйтесь идиоты лишенные всяческой ласки

* * *

я печалуюсь о тебе о нас о своей судьбе
во гробех пребудем а душу деть куда?
туда поезда не ходят туда при спокойной ходьбе
вечность идти и какие-то длинные провода

провисают как молчаливое напоминание
о тяготах жизни но этот серый простор
озаряем тобою словно встал заранее
и вышел во двор ополоснуться и с тех пор

поры глотают озон это зона любви видимо
где все возможно абсолютно все поелику
там нет законов и там в любом виде
можно да хоть как угодно и я реку

и р*е*ку эту никогда не переплыву и не хочу
лучше под нож разбойнику или же палачу
я печалуюсь о нас и длинными ночами
из себя излучаю свет словно свечами

окружен наш мир и римские колизеи
не переговорят этот бормот в крови
дерева за окном гримасничают как лицедеи
и столько любви во всем что мало любви

Лиза Иванова

Сказочные истории

Лизе Ивановой 9 лет и она учится в гимназии «Ника-М». Она придумывает удивительные сказочные истории, в которых разговаривают пугала, травинки, кусты сирени. Истории Лизы имеют сюжеты, в них фонари и печные трубы ведут себя как люди, потому что умеют печалиться и радоваться. В историях Лизы есть свой – волшебный – мир.

Рассказы талантливой девочки печатались в альманахах «Дерибасовская – Ришельевская», «Молодые голоса Одессы», «ОМК», «Море талантов», в российском журнале «Филиппок», в газете «Вечерняя Одесса». Лиза стала победительницей нескольких детских литературных конкурсов.

Игорь Потоцкий

Ночничок

В одной розовой комнате жила маленькая девочка Элли. Каждую ночь она включала ночничок, зная, что он будет светить и оберегать ее сон и покой. Ночничок с нежностью смотрел всю ночь на девочку, разглядывал ее милое личико, белокурые волосы… Девочка нежно прижимала во сне своего мягкого белого друга Тявку, а Тявка пел Элли всю ночь напролет колыбельные песенки.

В каждом углу комнаты и на подоконнике сидели куклы, добрые друзья Элли. Ночничок любил наблюдать за ними. Куклы смотрели на девочку и шептались, что Элли милый ребенок и что она заботливая мама для своих игрушек. Они вспоминали, как прошел их день с Элли. Как они помогали девочке делать уроки, как дружно смотрели мультики, как Элли читала свои стихи

и сказки подружкам, слушала музыку и танцевала, делилась своими секретами, советовалась с ними. И всегда баловала своих друзей маленькими конфетками. Элли включала ночничок для того, чтобы ее куклы общались, ведь им было мало дня.

Послышался шорох и скрипнула дверь, все куклы в комнате девочки замерли, и только ночничок был спокоен: он сразу узнал маму Элли. Комнату озарила нежная улыбка, мама поправила одеяльце и прошептала: «Спи сладко, мой котенок!». Девочка услышала голос мамы, улыбнулась, повернулась на другой бочок и крепко уснула…

Однажды ночничок увидел в коридоре ночного непрошеного гостя – привидение, которое подкрадывалось к комнате девочки, и ярко-ярко засветил ему прямо в глаза. Привидение тут же исчезло. Убедившись, что он напугал привидение, ночничок успокоился и засветился мягким добрым светом, продолжая ее охранять. Он радовался, что может быть полезным, и гордился своей храбростью. Когда рассвело, в комнате громко зазвонил будильник: динь-ди-динь, вставать пора! Девочка встала с кровати, потянулась, подошла к ночничку и сказала: «Спасибо, маленький дружок!».

Ночничок сразу понял, что теперь его добрая служба закончилась, и ему пора отдохнуть. А потом, подремав, он станет готовиться к сегодняшнему вечеру.

Печная труба

Наконец-то пришла разноцветная веселая весна. Ну и, конечно же, сразу начался отпуск печных труб. Люди перестали пользоваться этими теплыми грязнулями – до первых холодов. Надеюсь, наша труба на меня не обидится.

Ах, как замечательно отдыхать! Но, впрочем, я хочу рассказать сейчас не об этом…

Печная труба – наша главная героиня – повидала немало на своем веку. И поющих котов и птиц, и затяжные дожди и грозы, мороз и снег. Она всегда любовалась котами, ловко бегающим по крышам, и птицами, парящими высоко в небе. И мечтала

увидеть что-то большее, чем ей было позволено. В один прекрасный вечер труба решила начать жизнь по-новому и… пройтись прогуляться. Она прошла, миновав чердак, в подъезд, спустилась по мраморной лестнице, придерживаясь за перила и неуклюже ковыляя. Труба открыла дверь и ахнула от восторга, ведь она никогда прежде не видела цветов. И этот другой мир ее поразил цветами на клумбах, осознающими свою красоту, вечерними мотыльками, кружащимися роем, тропинками и скамеечками.

К тому же она никогда раньше так близко не видела зажженных фонарей – ей по ночам светили подружки-звезды. Наша труба неспешной походкой направилась в город…

Прогуливаясь по городу, она удивлялась строгости и красоте его улиц, домам, на которых с земли не видно печных труб на крышах. Она села в кафе и залюбовалась высоким фонтаном, который находился на площади. Струи воды поднималась вверх и падали вниз, разлетаясь на маленькие капельки, которые опять смешивались с другими и поднимались ввысь. Казалось, вечерний город, освещенный фонарями, был в золотом наряде.

Сидя в кафе, труба заскучала по дому и, напевая веселую песенку, побрела к себе домой, к своим котам и голубям. Она поняла, что друзья ждут ее, а если начнется дождь, то воробушки будут искать у нее укрытия от холодных капель. Наша труба с нетерпением ждет с ними встречи.

Фонарум

Жил да был высокий деревянный уличный фонарь. Его звали Фонарум, и жил он в городском саду. По характеру он был романтик и любил красивые и ароматные цветы. Птички предлагали ему улететь с ними в теплые южные страны, а он стеснялся сказать им, что не может сдвинуться со своего места даже на метр в сторону. Он страдал, зная, что ему никогда не удастся полететь и составить компанию своим друзьям.

Он, ослепленный своим собственным светом, не мог видеть звезды, и единственной звездой для него была соседняя фонариха Фофо.

Наш Фонарум представлял себя солнцем, которое включают и выключают. Но больше всего он любил свою темную подругу ночь. Потому что в это время ему доставалась роль главного светилы. Его навещали разноцветные друзья мотыльки. Они никак не могли насладиться светом и всю ночь без устали порхали, при этом каждый из мотыльков рассказывал свою интересную историю.

Всем мотылькам Фонарум казался великаном. Он был этим очень доволен.

Принцесса из Травляндии

Когда-то все травинки жили в одном графстве, которое называлось Травляндия. Оно раскинулось в большом просторном поле. Комитет травинок решил выбрать принцессу. Они собрали всех жителей графства и выбрали в принцессы самую тоненькую, стройную, юную, добрую и зелененькую.

Ей построили маленький замок, каждое утро он покрывался хрустальными капельками росы. Замок окружал сад из благоухающих цветов.

Принцесса любила ветер. При ветре ее замок колыхался и покачивался. Когда она выходила на балкон, перед глазами ее было море танцующих травинок. Жаворонки пели над полем свои веселые песни. Ласточки с ветерком пролетали низко над травой, и она колыхалась, как морская волна.

Как-то наша принцесса заскучала. Все травинки в поле были этим очень обеспокоены. Комитет травинок постановил, что принцессу надо срочно познакомить с зеленым принцем, который живет на соседнем поле. Самые известные жители графства попросили ласточку в клювике перенести принца к ним на поле. Ласточка выполнила их просьбу.

Все поле радовалось свадьбе принца и принцессы. Бабочки кружились в танце, а цветы подарили новобрачным сладкую росу. Божьи коровки плясали с кавалерами-муравьями, а птицы парили над полем и пели свои самые красивые песни.

Звезды

Я думаю, когда на земле рождается ребенок, Бог зажигает в небе звезду, сопровождающую своего друга и помогающую ему в испытаниях, которые ставит перед ним жизнь. Каждая звезда в небе – это новая жизнь. Звезды, кажущиеся нам холодными и безжизненными, на самом деле горячие и живые. Ночью они выходят на темно-синий купол неба со своим братцем-месяцем или сестрицей-луной. А когда ранним утром встает солнце, они все вместе прячутся за холодными и темными силуэтами небесных гор.

На своем веку звезды повидали немало, и поэтому их рассказы о нашем мире другим планетам очень интересны. Все звезды разные, как все, что есть в этом мире.

Однажды ночью, когда мне не спалось, я услышала, что кто-то разговаривает за моим окном. Это были две упавшие звезды, они сидели на ветке клена и болтали о том, как исполнить желания, которые загадали люди, когда они падали, и о приключениях, которые их ждут. Я тихонько приблизилась к окну и подумала: «Это сон!». Я ущипнула себя за нос – и все равно звезды на дереве не исчезли. Тогда я тихонько, чтобы не разбудить маму, позвала их: «Звезды, звезды! Летите ко мне!». Они перестали болтать, залетели в комнату, сели мне на руку, как две голубки, и зашептались на своем звездном таинственном языке. Через час они улетели обратно на ветку клена, а мне оставили память о себе.

Теперь я каждую ночь смотрю на звезды, пересчитываю их и всегда вижу – двух звезд не хватает.

Евгений Голубовский

Свободы много не бывает

Во второй половине двадцатого века в Одессе работала большая когорта значительных художников. Практически все они, и те, кто был успешен и признан в советские времена, и те, кто противостоял официальному искусству, уже обрели свое место в настоящей иерархии ценностей, выстраиваемой только сейчас. И все же один из мастеров, яркий, необычный, резкий – Александр Фрейдин – мне кажется, по-настоящему не оценен и нашими современниками, в наши дни. В последние два-три года в Киеве вышли номера журналов «Fine Art» и «Образотворче мистецтво», посвященные искусству Одессы. Кураторы не нашли места для статьи об Александре Фрейдине. Да и в Одессе за 29 лет после смерти мастера были опубликованы статьи Валентины Голубовской (1986 год, каталог посмертной выставки А. Фрейдина) и Александра Тюрюмина (журнал «Одесса» и каталог выставки А. Фрейдина, 2001 год). Сашу Тюрюмина я смело мог бы назвать рыцарем творчества А. Фрейдина, он делал его выставки, составлял каталоги. Сергей Князев как автор-составитель альбома коллекции С. Выродова лишь перепечатал один в один в 2008 году статью А. Тюрюмина. На сайтах МСИО и «Вікна-Одеса» статьи писал я. И все. Невероятно мало.

Всемирный клуб одесситов с радостью принял предложение коллекционеров Галины и Сергея Костиных показать работы Александра Фрейдина из их коллекции. Став кураторами этой выставки, они дополнили ее картинами из МСИО, из частных коллекций Ф. Кохрихта, Е. Деменка, Е. Щербины, Н. Артеменко и других собирателей.

На художественных выставках работы А. Фрейдина начали появляться с середины шестидесятых годов. За его спиной были

два курса Одесского художественного училища, он бросил его и больше к учебе в класс Д.М. Фруминой не вернулся. Становление художника прошло в мастерской Александра Павловича Ацманчука, почувствовавшего во Фрейдине и неординарную личность, и мощный темперамент живописца.

Биография Александра Борисовича Фрейдина была сложная. Родился он в 1926 году. Когда ему было 11 лет, в 1937 году, как «врага народа» расстреляли его отца. Во время войны Саша с 15 лет работал на заводе. И лишь в 1948 году, в 22 года, он поступил в художественное училище. Характеризуя Фрейдина-ученика, Д.М. Фрумина писала: «отличавшийся незаурядными изобразительными способностями и строптивым, капризным характером». К сожалению, в данном случае замечательный педагог Д.М. Фрумина и в будущем большой художник А.Б. Фрейдин не поняли друг друга. Он уже не был школяром, ему нужна была свобода, которую он обрел в мастерской Ацманчука.

Картины 60-х – начала 70-х годов, с которыми пришел к зрителю А. Фрейдин, – чаще всего пейзажи, мощные, неукротимые в своей живописной энергии и силе. Именно такие пейзажи хорошо представлены на выставке, так как они были интересны коллекционерам, собиравшим южнорусскую живопись.

Конец 50-х – 60-е годы – время «сурового стиля» в советском искусстве, нового способа живописного мышления, решения творческих задач, противоположных приглаженно-пропагандистскому соцреализму. И в Одессе «суровый стиль» нашел тогда своих приверженцев. Среди них были, в первую очередь, и А. Ацманчук, и Ю. Егоров. Естественно, попробовал себя и А. Фрейдин. И работы этого периода представлены на выставке, они есть в МСИО и у коллекционеров, но их меньше.

С 1969 по 1974 год – пять лет – Александр Фрейдин работал над картиной, которую считал программной в своем творчестве. Первоначальный замысел – реквием по жертвам сталинских репрессий, среди которых был и его отец. Для реквиема нужна была мощная, необычная живописная форма. Картон за картоном уничтожал А. Фрейдин, пока не пришел к композиции, которую можно увидеть сегодня в Музее современного искусства Одессы. Но за окном уже был 1974 год, хрущевская оттепель закончилась

десять лет назад. А. Ацманчук предложил назвать картину, а она ему чрезвычайно нравилась, «Похороны в Мадриде». Романтика гражданской войны в Испании, противостояние фашизму (какая разница, какой цвет у фашизма) – с таким эзоповым языком художник согласился или смирился. Картина, переведенная на холст, в большом формате, была показана на областной выставке в Одессе и… не допущена на республиканскую выставку в Киеве, так как худсовет узрел в ней «формализм».

К великому сожалению, вдова А. Фрейдина после кончины мужа продала эту картину в частную коллекцию в США. И остается радоваться, что в Одессе остался первоначальный картон, дающий нам возможность понять трагическую мощь художника, воплотившего свой реквием: уничтоженные, униженные в том же ряду, они с нами, они среди нас. И как тут не вспомнить слова из песни: «Товарищи в тюрьмах, в застенках холодных, вы с нами, вы с нами, хоть нет вас в колоннах…». «…Вы с нами, хоть нет вас в колоннах…» – стало окончательным названием картины. Эти строки поставлены кураторами Г. и С. Костиными на плакат выставки.

1974 год – переломный год в творчестве Александра Фрейдина. Быть может, столкновение с киевским худсоветом, печатное обвинение в республиканских изданиях в «формализме» как-то подвигнули художника понять, что 37-й год не ушел полностью в небытие. Все меньше он дает картин на выставки, почти отказывается от заказных, худфондовских работ.

На вопрос, почему не выставляется, иронически улыбаясь, он сказал мне (думаю, мы оба не знали идиш, но поняли друг друга): «Работать на эту мелиху – увольте».

Я бы сказал, что с 1974 года до 1984, последнего года его жизни (он год не дожил до перестройки), в нем проснулась мучительная тоска по свободе. Невыездной, непризнанный, он не только работал, он создавал свой мир, сложный, философский, смыслом которого был вечный и самый главный выбор: «свобода – несвобода».

Как когда-то он радовал чувственное восприятие зрителя использованием контражура, который позволял довести до физически ощутимой плотности раскаленный воздух, глубокие тени, тепло шероховатых стен любимого города! И – отрезал. И вроде бы дал приказ самому себе: нужна лишь обезоруживающая

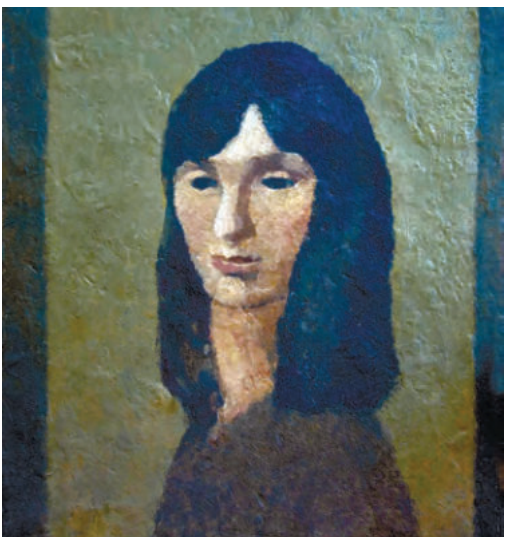

простота художественных решений. Тогда-то и возникли серии «Окна», «Человек и птица», беззащитные в своей исповедальности портреты.

Эту самоубийственную тоску прочитывает зритель в его портрете Александра Блока, в человеке, сидящем у клетки с птицами, в фигуре женщины, опустившей голову на стол. Можно было бы предположить, что художник предчувствовал свою свирепую быстротекущую болезнь, унесшую его в 58 лет. Но это не так. Я встречался с ним достаточно часто в восьмидесятые годы. В нем не было уныния, был сарказм, непрятие окружающего. И уже не эзоповым языком, а жестко и точно он выражал невозможность жить в замкнутом пространстве клетки, где не только человек, но птица – символ свободы, и та лишена надежды.

Радует, что и этот этап его творчества, пусть не самым значимыми картинами, но все же представлен на выставке – графика, портреты отрешенных от мирских забот людей, человек у открытого окна, человек, которого затягивает бездна.

Картины Александра Фрейдина последних десяти лет его жизни строги и в цветовом, я бы сказал, в тональном решении. Мастера волнует фактура холста, линия, а не буйство красок. Даже рамы – чудо дизайна – к своим последним работам А. Фрейдин делал собственноручно, воспринимая всю картину как цельность, как некий посыл (тогда еще не употребляли слово «мессидж»), который он оставляет следующему поколению зрителей. Оценить значимость первого варианта картины «Мы с вами…» для самого художника можно еще и потому, что он одел ее в раму своей работы.

Давно пора в один ряд с провозвестниками современного искусства в Одессе Александром Ацманчуком, Юрием Егоровым, Львом Межбергом поставить имя А.Б. Фрейдина.

Поэтому и обращаясь сквозь годы к Александру Фрейдину, хочется повторить: «Вы с нами, хоть нет вас в колоннах…». Вы с нами, хоть, к счастью, мы уже не ходим колоннами, а тоска по свободе остается, и она неизбывна. Свободы много не бывает. Она есть или ее нет.

Об этом размышлял в своих произведениях и Александр Борисович Фрейдин.

Лариса Дузь

«Можу сказати вам тільки для вас і з проханням – не розголошувати цього…»

Это строки письма, отправленного полстолетия назад из Каменец-Подольска в Одессу. Писал поэт, баснописец Никита Павлович Годованец. Адресатом был литературовед, в ту пору доцент университета Иван Михайлович Дузь. Письмо, датированное 8.III.1962 года, – одно из многих посланий за 14 лет эпистолярного и личного общения.

Переписка началась по инициативе И.М. Дузя. В конце 50-х – начале 60-х годов он собирал и изучал материалы о творчестве Остапа Вишни и большой плеяды украинских сатириков, репрессированных в 20-30-е. Результатом этой исследовательской работы кроме очерка, изданного в серии литературных портретов («Остап Вишня», К., 1962), и монографии («Остап Вишня. Життя і творчість», К., 1965) стали статьи о Валере Пронозе (Василе Блакитном), Косте Котко (Миколе Любченко), Василе Чечвянском (Василе Губенко), Юхиме Гедзе (Олексе Савицком), Юрии Вухнале (Иване Ковтуне), составившие вместе со вступительной статьей учебное пособие для студентов-филологов «Українська радянська сатира 20-х років» (Одесса, 1962). Выяснение конкретики писательских судеб помогало исследователю глубже объяснять процессы литературной жизни в Украине 20-30-х годов и отыскивать в них имена писателей, уничтоженных системой, вычеркнутых из истории. Так в материалах будущей докторской диссертации И.М. Дузя появилась персоналия Н.П. Годованца; первое письмо к нему содержало вопросы о реалиях и фигурах литературной жизни тридцатилетней давности.

К этому времени, 1960 году, имя Никиты Годованца помнили немногие – известное ранее по стихотворениям в периодике

и книгам 20-х, по сборнику басен 1932-го, оно исчезло на два десятилетия в 1937-м. После реабилитации стали появляться публикации в «Крокодиле» и белорусском «Вожике», вышла книга в «Держлітвидаві». Шестидесятисемилетний писатель, сочинявший и в лагерях, пытался вернуться в литературную жизнь.

Первое ответное письмо в Одессу, вопреки ожиданиям, содержало сухие упоминания о фактах, к тому времени уже обнародованных: «Одним рядком можу бути Вам <…> корисний – про Антошу Ко. <…> Вухналь, Гедзь, Чечвянський реабілітовані. Про Чмельова нічого не знаю» (17.III.1960. Здесь и далее сохраняем авторскую орфографию и пунктуацию. – **Л. Д.**). Ссылаясь на обстоятельства, Никита Павлович давал понять, что вряд ли сможет удовлетворить интерес исследователя: «На превеликий жаль, я останніми часами хворію та й хворію <…>. Навіть напружити пам'ять і щось написати для Вас про сатиру 20-х років мені важко. Та мало міг би щось путнього розповісти, бо жив тоді в таких містах і селах, де не було нікого з сатириків (до 1929 р.) і навіть пізніше з ними зв'язку не мав» (17.III.1960).

Столь же сдержанной была реакция на приглашение литературоведа участвовать в сборнике, посвященном Остапу Вишне. Свою встречу с известным сатириком в Каменец-Подольске в 1920 году, а также лестный отзыв литератора о его басне Н. Годованец облек таинственностью, сомнениями и неуверенностью: «Про О. В.: можу сказати Вам тільки для Вас і з проханням – не розголошувати цього. <…> У мене є про це стаття-спомин, але я не певен, що то був він, хоч потім я пізнав його в Харкові. Ну, а може й помилився? Питання дуже серйозне і треба перевірити. Піти треба в архіви. Ну, а я хворий і не можу себе наражати на біду. Почекаю, може навесні мені стане краще» (8.III.1962).

Судя по первым письмам, писатель не склонен был говорить о прошлом, охотнее сообщал о творческой работе и планах последнего времени. Неудивительно, что вопросы, волновавшие литературоведа, более не повторялись, словно забылись. Переписка продолжалась и постепенно входила в русло, определенное Н. Годованцем. Хроника творческой работы, подготовка рукописей к изданию, реакция на издательские рецензии, отзывы о прочитанном – во всем читалась живая мысль и острая эмоция

баснописца: «Я в квітні послав в «Рад. письменник» нову збірку байок, так само в двох частинах: байки на оригінальні сюжети і на сюжети Езопа. Днями одержав відповідь, що байки будуть запропоновані до друку в 1961 році. Рецензія І. Зуба позитивна в цілому. Дещо бракує, дещо засуджує за брак сатири. <…> Я думаю, що звужувати жанр з такого погляду навряд чи треба. Байка в класиків також носить в собі не лише сатиричний елемент. <…> Але й останні (несатирические. – **Л. Д.**) живуть і деякі з них стали широковідомими і любими читачам. Мені подобаються байки, де мудрість життьова подається, і вони дуже нагадують притчу повчальну. Хіба це позбавляє їх права жити? Тут Зуб трохи «загибає» (29.VIII.1960). «Радий пригостити Вас новою книжиною – байками мудреців давнини. Адже творів їх не було в українській літературі, як і в російській (в художньому опрацюванні). Дуже багато сил і часу доклав я, поки спромігся витурити їх у світ. Рукопис читали два академіки, чотири кандидати, два байкарі, один критик. <…> Не кажу вже про дурня-рецензента видавництва, що мають звичку калічити авторів, і про недомисла-редактора, який викинув – всупереч моїй волі – із збірки гарні речі генія світу Леонардо та класиків байки Федра і Бабрія, гадаючи, що робить добре діло для укр. літератури. Ох-ох! Додаю шість байок, які «вилучені» з Леонардових байок, хоч весь світ за кожним його рядком дрижить і кожним словом дорожить. А що зробиш? Адже дурота, увінчана «должностью» і обмеженістю, то велика сила» (20.VII.1967).

С самого начала заочного знакомства Н. Годованец был заинтригован персоной своего одесского корреспондента и искал возможности утвердиться в личном мнении о нем. Уже во втором письме он писал: «Вельмишановний Іване Михайловичу! Ви, як я й повідомляв Вас давно в листі на університет, нерозбірливо написали свою вулицю і це мені завадило написати листа Вам раніш. Тепер тов. Сочивець написав Вашу точну адресу і я поспішаю висловити Вам щиру подяку за чудову рецензію на мою книгу «Байки». Треба бути мудрим, щоб так глибоко сприйняти і розтлумачити автора. Критик має велику силу – довести до читача своє розуміння написаного. Ви чудово упорались з цим» (29.VIII.1960). Следовавшее за благодарностью сожаление («Шкода тільки, що місце мале не дозволило висловитися більш

докладно і зазначити й хиби, які є в моїй творчості. Це було б мені великою допомогою в дальшій роботі, в опрацюванні написаного») можно было бы истолковать как не оправдавшееся ожидание утилитарных соцреалистических критических замечаний, лишь не зная о творческой практике Н. Годованца, называемой им то *рідне діло*, то *люба робота* и состоявшей в непрестанной отделке своих произведений, в шлифовкие переводов и доведении их до уровня, достойного классических оригиналов: «Дні проходять так напружено, що ніколи взятися до свого рідного діла. Давно мені хотілося погомоніти з Вами про статтю, яку Ви мали написати на замовлення якогось видавництва, про мою творчість. Мені дуже цікаво, як Ви розцінюєте мою роботу. Сам я, кінчаючи свій життєвий путь, дуже пильно озираюся на свої труди, вивчаю їх не менш пильно, ніж літературознавець, порівнюю з байками своїх сучасників і класиків. Результат цієї самопізнавальної роботи – нові муки творчості і «перелопачування» своєї спадщини. Опрацьовування своїх творів – це моя люба робота. Так радісно викинути щось невдале чи слабкеньке, а ще приємніше вмикання в твір кращого, ніж було <…>. Вашу рецензію на мої твори я добре продумав, Думаю, що нова стаття буде для мене корисною» (26.VIII.1962). «Зараз я нічого нового не пишу, а тільки опрацьовую написане раніше. Є над чим сидіти: протягом довгого творчого шляху багато написано і гарного і не дуже, того… Треба привести до одного рівня – високої майстерності, мені доступної. Праця приємна і необхідна» (19.VII.1966). «З'ясувати, які зміни відбулися в байках, за <…> короткий час – даремна праця, бо я їх майже всі нещадно опрацював, поскорочував. І тільки я можу сказати, що з байки лишилося, що внесено нового. <…> адже я за час у п'ятдесят років щось трошки та виріс у майстерності і в філософії» (18.VI.1967), «<…> я значно поправив і скоротив байку: з 36 рядків стало 26. Так поскорочував (не знаю – на гірше чи на краще) – байки для двотомника, дбаючи про те, щоб вигнати воду і зробити більш прийнятну для читача. Лозунг: не більш як 30 рядків!», «Кожен раз, навіть передруковуючи опрацьоване, ще вносиш якісь зміни. Твір живе, як живе людина чи рослина, щоразу у чімсь змінюючись. А прочитавши надруковане в книзі, ще міняв би, та ба…» (4.X.1967).

Необычайно требовательный к литературному слову, Н. Годованец не скрывал, что в лице И. Дузя нашел компетентного исследователя сатиры, глубоко знающего историю и теорию вопроса, искренне заинтересованного в развитии жанра. «Я дізнався, що Вам запропоновано написати про мене невеличку статтю до мого ювілейного тома байок на оригінальні сюжети. Я прошу Вас не відмовитися від цього замовлення. Знаю, що Ви знаєтесь на сатирі, знаєте мою творчість і вірю, що Ви як ніхто інший напишете прекрасно» (25.I.1963). «Хотілось би мені, щоб і другий мій улюблений твір прикрасило Ваше славне і звучне ім'я: напишіть, будь ласка, невеличку вступну статтю до збірки «Байки Леонардо да Вінчі, Федра і Бабрія», що її включило до видання видавництво «Дніпро» на 1966 рік. <…> Хочу їм запропонувати Вас як автора вступної статті. Згода? Прошу відповісти мені зразу ж, як одержите цього листа» (12.XI.1964). «Закінчуючи свій життьовий шлях, а заразом і творчий, я готую двотомник байок: перший том – кращі свої оригінальні, другий – байки за Езопом, які, власне, теж здебільшого оригінальні. <…> А хотів би, грішна душа, щоб Ви, мудра і тямуща, приязна людина і до цього двотомника написали супровідну статтю про моє життя і творчість. <…> Тепер хочу спитати: чи Ви погодитеся написати статтю?» (19.VII.1966).

Показательно, что именно одесскому литературоведу писатель доверил ввести в литературный оборот его точные биографические данные: «Іване Михайловичу! Я хочу довести до Вашого відома таке: у мене вийшла плутанина з днем народження. Властиво не з днем народження, а з визначенням дати. Піп, клятущий коли писав метрику, написав, ніби я народився в листопаді (XI), а я народився в вересні (IX). Він не з того боку паличку поставив. Потім і пішло: почали писати, що я народився в листопаді. А тепер я хочу повернути істину: в статті – в біографічній частині – треба писати, що я народився 26 вересня 1893 року (за н. ст.)» (25.I.1963).

Н. Годованец оценивал профессионализм литературоведа, опираясь на фундаментальные труды Франко, Потебни – о секретах творчества, о басне, работы Борева, Эльсберга – о комическом и теории сатиры, а нередко и отталкиваясь от графоманских публикаций того времени. «Спитайте по телефону свій книготорг, –

обращался писатель к В.Е. Антонюку, выполнившему в 1962 году дипломную работу о его творчестве под руководством И.М. Дузя, – чи нема у них книги Івана Зуба про сатиру. І книгу Мінчина про сатиру. Якщо є, хай вишлють <…>. А то купіть і собі і мені. Мені вишлете поштою. Тут не дочекаюся. А дуже потрібна». «Ви читали статтю П<…> в книзі «Езоп – Байки»? – интересовался баснописец у И. Дузя. – Це щось жахливе як з погляду необізнаності в укр. літературі, так і невміння писати такого роду статті. Людина, очевидно, не читає укр. літератури. Що вичитав із вступної статті перекладача Езопа, те і помістив про байкарів світу, а про російських, особливо про українських наплів такого, що страшно читати. Навіть Олійника С.І. записав до тих, хто використовує байкарський жанр. Про мене як байкаря, що чимало попрацював над Езопом, – ні слова» (26.VIII.1962). «Мені довелося читати тези доповіді про мене чернівецького літературознавця К<…>. На мою думку, коротко кажучи, ці тези бідні думками. <…> Автор зовсім не продумав питання, яке взявся показати. І загальні його твердження дуже бідні, примітивні, і доказів ніяких» (30.I.1964).

Острое неприятие дилетантского, поверхностного подхода к литературному труду коренилось в горьком опыте Н. Годованца. Урок 30-х, проглядывавший в письмах сквозь намеки, заставлял его следить за каждым словом, своим и сказанным о нем. «Мене навчила лиха доля: статтю до моєї книги «Байки» 1932 року я не прочитав, а байдужо поставився, що буде написано і як буде написано в ній, і дуже попарився: автор написав про мене такого, що я потім рвав на собі волосся. В книзі «Езоп – Байки» автор статті П<…> написав таке, що воно не відповідає дійсності. А я мав змогу виправити неточності і про себе спом'янутися, нагадати, що я зробив велику роботу над Езопом (а він цього не знав). Я цього не зробив – потім сам себе лаяв і лаю дуже» (28.III 1963). Когда спустя год литературовед сообщил Н. Годованцу, что обладает его письмом в один из киевских журналов (его переслал в Одессу редактор, зная творческие интересы И. Дузя, однако исследователь не счел возможным использовать документ без разрешения автора), писатель, не долго недоумевая, вновь связал факты, отдаленные тремя десятилетиями, как системные: «Мій лист ласкаво прошу надіслати мені. Цікаво: що то за лист? Звідки

він там узявся? Бачите, як ми живемо: ніколи не знаєш, куди може потрапити хоч і цей лист до Вас. Живи й оглядайся. Цілуй дівку, а певності нема, що не заплатиш невинно за чужого сина. А так мені трапилося з одним літ. матеріалом колись» (22.III.1964).

В условиях системы вырабатывалась привычка осторожности и профессиональной предусмотрительности. Узнав, что на межвузовской научной конференции в Одессе по вопросам сатиры ожидается выступление молодого критика о его творчестве, Н. Годованец заметно волновался: «Якщо ці тези уже у Вас, прогляньте їх негайно і зробіть висновки. Дайте йому знати, що вони Вас не задовольняють (про мене не згадуйте), щоб він далі над доповіддю не працював. Як Ви думаєте? Ваша асамблея матиме настільки солідний характер, що кожне слово на ній стане історичним. Тому не варто допустити млявої води, тим більш про мої байки <…>» (30.I.1964). «Так цікаво було б побувати у Вас на сатиричному зльоті. Не судилося. Але хотів би таки, щоб виступи про мене були кваліфіковані і розумні. Шкода, що Ви не підготували іншого доповідача. К<…> я тези забракував. Може він інші зробив, не знаю. Проте я радив би, щоб хтось таки виступив ще з кваліфікованою промовою про мою творчість, з конкретним розглядом байок. Я просив би забезпечити мені стенографічні записи конференції, або хоч розмов про мене» (22.III. 1964). «Як Ви оформили матеріали конференції? Чи маєте стенограми? Я, здається, прохав Вас дати мені прочитати стенограму доповіді К<…> і виступи товаришів про мене. Дуже мені цікаво це. Ви розумієте. <…> Чи видаватимете Ви весь матеріал? Чекаю. То ж джерело цілюще і живлюще для сатирика. То ж історичний збіг (вірніше – збіговисько) в питанні сатиричних жанрів. Мабуть висловлено багато цікавих думок і вірних, а може і невірних» (15.IV.1964).

За время «оттепели» писатель не только ни разу не высказался по поводу общественных событий, наоборот – еще крепче держался усвоенных правил, чем, по сути, обнаруживал неверие в необратимость перемен. Убедившись в печальных последствиях безответственного печатного слова, Никита Павлович решился – несмотря на высокую оценку и большое доверие к критику – просить об ознакомлении его с рукописными материалами

вступительной статьи к юбилейному изданию его сочинений: «<…> думаю: може начеркнете план статті, а я щось додам, бо хто краще знає мою творчість, як не я?» (18.VI.1967). Нетрудно представить, насколько задевала такая просьба профессиональное самолюбие исследователя, в ту пору готовившего и в декабре 1967-го защитившего докторскую диссертацию. Однако оставленные без реакции, обращения становились только настойчивее: «Я повторюю свою думку про те, варто черновик статті (або хоч план її) надіслати мені для ознайомлення. Може я стану чимсь у пригоді. Адже хто може краще знати про свої твори, ніж сам автор?» (4.VII.1967). Беспокойство улеглось только после получения долгожданных материалов: «Листа Вашого одержав і бажаю успішної й натхненної роботи над статтею про кам'янецького отшельника» (20.VII.1967).

Небезынтересно проследить за пометками на полях рукописей литературоведческих работ. Свои советы по поводу полученных материалов Н. Годованец предварил («Я «критик» дуже причепливий і Ви не гнівайтеся, якщо я скажу може щось невлад») и пытался смягчить в конце письма: «Хоч Ви порад не просите, а я напрошуся сам з порадою: <…> опрацюйте статтю за моїми порадами і після своїх роздумів (а це безперечно буде) – скільки над твором не працюй, а кінця нема дальшій правці, я знаю це і так і роблю, – і статтю в новій редакції пошліть Держлітвидаву <…>. А опрацювати її зможете за вечір» (28.III 1963). Как можно было осуществить новую редакцию объемного текста за вечер? О каких замечаниях шла речь? Пожелания можно свести к двум позициям: снять вводные слова и слова со значением приблизительности (*чомусь*, *ось уже*, *далеко не*, *очевидно*, *та годі гадати*) и отдать предпочтение словам активного, безусловного и законченного значения (вместо *ніколи не втрачав – не втратив*, вместо *(сатиричний) наступ – обстріл*, вместо *весь в полоні образів – весь в образах*, вместо *пов'язує себе з долею – переходить на роботу*, вместо *слівце – слово*). Стремление к точности выразилось также в авторских вставках («Після слів «політично гострі» я додав би слово «точні». «В другому абзаці слова «полудень віку» замінив би більш точним і ясним «50-річчя». Прошу це зробити») и в комментариях («Ви пишете те, про що просить автор, бо він

же точніше знає»). Объясняя свою настойчивость, Н. Годованец приводит тот, самый веский аргумент: «Друже мій! Не гнівайтесь і не ображайтеся! Ви мене зрозумійте <…>. Мене навчила лиха доля <…>» – и подытоживает свой разбор: «треба, щоб стаття до моєї ювілейної дати абсолютно не мала нічого такого, чому можна заперечити. <…> мої зауваження стосуються тільки дріб'язок, «бліх», але і їх не повинно бути в цій статті. Я, очевидно, за старою звичкою літературного редактора з великим журналістським стажем звик пильно правити. Але це не зашкодить: тут краще пересолити, аніж не досолити» (28.III.1963). Пересолить здесь значило быть совершенно определенным, ясным, недвусмысленным. Писатель, избравший своей литературной судьбой иносказание, стремившийся в собственном творчестве к совершенству эзопова языка, не оставлял литературоведческой работе права на метафору, недосказанность, на словоформы, таящие возможность двойного прочтения. Несколько лет спустя корректировка коснулась уже не стилистики на завершающем этапе, но самого замысла работы: вновь сказывались опасения писателя – и не только за свой «литературный портрет».

В 1966 году, в преддверии своего 75-летия, Н. Годованец готовил к изданию новую рукопись: первый том составляли басни на оригинальные сюжеты, второй – на сюжеты Эзопа. Обращая к И. Дузю просьбу о написании вступительной статьи к двухтомнику, писатель выразил готовность сообщить все, интересующее исследователя: «Матеріалу буде чимало, буде про що говорити. Всі необхідні фактичні дані я охоче подам» (19.VII.1966), «Що Вас зацікавить, що потрібне знати – охоче подам дані» (14.VIII.1967). Литературовед истолковал это предложение как возможность возвращения к теме, остававшейся «закрытой» в течение прошедших шести лет эпистолярного общения, и сформулировал около десяти вопросов. Выполняя обещание, Никита Павлович прислал машинописный – как обычно, но четырехстраничный, через один интервал, ответ, насыщенный датами, топонимами, деталями. Впрочем, было в письме нечто, создававшее эффект сизифова труда: буквально каждый виток воспоминаний заканчивался неожиданно и однотипно. «А загалом, навряд чи треба цей вірш вип'ячувати, як якусь заслугу молодого поета»

(14.VIII.1967), – писалось после воссозданной истории одного из стихотворений 1912 года. Изложение политической подоплеки стихотворений 1917-21 годов завершало мнение: «А загалом я вважаю, що таких питань не варто торкатися в такій статті *…*. Воно може тільки заплутати справу божу». За эмоциональными фрагментами о политическом водовороте гражданской войны, о настроениях интеллигенции следовали заключения: «А тепер це питання не потрібно чіпати», «Але що воно нам зараз дає?», «<…> зараз не варто ритися під таке давнє і старе і навіть не варто зачіпати його в статті про 75-ліття життя старого дідуся Микити». Небольшой, отмеченный психологическими акцентами абзац о некоторых крупных литературных фигурах 20-30-х сопровождался оговорками субъективности высказанного: таке було враження, мабуть, втім, хтозна. Постскриптум письма, подтверждая личный, сокровенный характер изложенного, ставил точку в столкновении внутренних мотивов: «Це все – для Вас особисто. Захотілось виговоритися. Може що і зайве?» (14.VIII.1967).

Что вызвало такую противоречивость и последовавшее окончательное решение судьбы воспоминаний, – ведь стало понятно, что, имея в руках исторические свидетельства, исследователь, по существу, лишался права использовать их и возвращался в исходную точку? Вероятно, не последнюю роль сыграли сомнения Н. Годованца в готовности общественного сознания воспринять и адекватно оценить сохраненное его памятью. «Вивчені в піонерії, в комсомолі, в партії, університетах, у щоденному житті сьогоднішнім, ми багато знаємо і можемо, – иронизировал он по поводу общепринятого пафоса. – Тому так розумно і вірно беремось судити давнє і давніх, забуваючи, що час і люди були інші. Треба навчитись думати з тодішніх позицій, то буде вірний суд». Выразив внутренние опасения, писатель просит сосредоточиться в статье на его творческих достижениях последних десяти лет: «Основне завдання статті – показати шлях праці і результат її на сьогодні», «Хай минуле лежить в архівах до кращих часів. Краще показати роль (баснописца. – **Л. Д.**) на байкарському полі нашого сьогодні» (14.VIII.1967).

Впрочем, и в предыдущем письме, предлагая задавать вопросы, Никита Павлович намекал на свое право отступить: «Надсилаю

свої «Думки» <…>. Може щось Вас цікавитиме – запитуйте. Я думаю, що особливої потреби довго спинятися на 20-х і 30-х роках нема. Найголовніше – показати, чим зараз може похвалитися на байкарській ниві» (21.VII.1967). Похоже, что судьба обещанных воспоминаний была предрешена писателем, – они появились по внутреннему импульсу («Захотілось виговоритися», «Я тому так докладно на цьому спиняюсь, щоб і самому собі ясніше усвідомити свою роль і шляхи свої, і комусь для історії розповісти про те, що так далеко зосталося позаду, але що має неабияке значення в мому житті»), но предназначались для личного архива исследователя («Хай минуле лежить в архівах до кращих часів», «Це все – для Вас особисто» – 14.VIII.1967).

Схожий круг испытаний пришлось пройти замыслу статьи о творческой лаборатории баснописца. Высоко оценив идею («Мені сподобався Ваш задум про написання труда про творчі муки письменників. Це буде винятково цікава робота, ба так мало літературознавців зазирають у нашу лабораторію. А читачеві ох як цікаво буде зазирнути в нашу душу!» (30.IX.1967)), Никита Павлович выразил опасения по поводу избранного для анализа текста, привел объективные предостережения, разъяснил их неизбежность и возможные последствия: «Мені здається, що ми з Вами трохи нерозважно, нахрапом наскочили на перший-ліпший матеріал. Зокрема, ми невдало взялися до байки «На прикордонні». Чому? По-перше, вона вона ще не закінчена; по-друге, вона не надрукована, тобто не пройшла цензури, чи як її там звати, і можемо потрапити на слизьке. А це для нас небажане і непотрібне». Приводился также аргумент субъективный, но уже тем, по мнению писателя, неоспоримый, что составлял предмет его постоянной тревоги, – личное, индивидуальное не должно идентифицироваться: «На прикордонні» – це байка особлива за своїм характером і може навіть не зовсім ясна. Вона має глибоку міжрядкову «подопльоку», далеку від звичайного життя нашого загального. Дуже вона особиста, а тому не буде багатьом зрозуміла. Я чув від декого різне тлумачення, далеке від правди, А це для байкаря не годиться. Тому я проти того, щоб цю байку показати у Вашій роботі, Вам треба брати таке, що було б на славу письменника і було б показове і характерне». В за-

вершение следовал приговор – писатель отзывал басню в ящик своего стола: «Тому прошу повернути матеріал, а я, якщо Вам буде треба, пориюся в своїх численних матеріалах і знайду краще. <…> У мене є чимало байок, які вже пройшли у світ» (30.IX.1967).

Однако, зажегшись замыслом, исследователь уже начал работу и, не зная о решении Н. Годованца, но словно предвидя его опасения, отправил 8 октября в Каменец-Подольск 4-страничный машинописный набросок статьи. В ответ баснописец писал: «Наші листи розминулися <…>. Ваш лист про байку «На прикордонні» дуже розумний і правильний. Якби ж то всі так вміли думати і тлумачити, і цінити твір, і вміли його читати. Байку не тільки треба вміти писати, а й – це ще головніше! – читати. Справді, за написаним треба вміти знайти велике поле життя, що породжує (може навіть багато років згодом) той чи той сюжет і думку. <…> Так що Ви дуже розумно, мудро прочитали в байці те, що є в ній підспудне, між рядками (а байка саме тим гарна, що в ній є що читати між рядками, за плечима)» (14.X.1967).

Растроганный толкованием басни в контексте писательских судеб первой трети XX века, Никита Павлович раскрыл свой первоначальный творческий импульс и снова подчеркнул сокровенность содержания: «Ви питаєте: як народився сюжет? <…> роздумуючи над тим: які теми не увійшли до моїх численних байок? – я подумав: а нічого в наших байках нема про людей, які перейшли до наших лав з далекого минулого. А їм часто доводиться чути нарікання: – А мокли ви, поганим часом, у діжці з квасом! – мов ті шкури у Чинбаря. – І народилася байка. Ця тема нам, старикам, усім близька і деякою мірою автобіографічна <…>». Но даже безоговорочно одобрив литературоведческую трактовку, Никита Павлович продолжал настаивать на своем решении – он не исключал вероятности другого прочтения, с точки зрения официального *мы*: «Проте, гадаю, що зараз виносити таку складну річ на люди не варто. Ми ще до того не доросли. У нас ще багато примітиву» (14.X.1967). Впоследствии И. Дузь осуществил свой замысел – две статьи «Майстерня мудрості» и «Від задуму до друку» были написаны на материале других произведений Годованца и опубликованы в 1968 и 1969 годах.

Трудно представить, каких козней мог не предвидеть писатель, наученный жестокой судьбой. Разве что абсолютного цинизма системы. В октябре 1968 года, после выхода двухтомника, которым Н. Годованец отметил свое 75-летие, появился повод для радости: «Було я каявся, що затіяв цей ювілей, а тепер радий, бо він повертається до мене втішним кінцем. Таким втішним, що й не сподівався: «Дніпро» висунув мій двотомник на Шевченківську» (3.X.1968). Внутреннее торжество имело прочное основание: издание собрало воедино значительную часть созданного за десять лет после второго пришествия писателя в литературу – около 300 басен на оригинальные сюжеты и более 250 на сюжеты Эзопа. Еще один том могли составить обработки басен европейских мудрецов – от античных до просветителей XVIII века, но этот труд, по замыслу писателя, должен был появиться только в наиболее полном виде, что и свершилось в 1973-м. Пока же начались небудничные хлопоты: «Наша міська літорганізація сьогодні винесла ухвалу підтримати видавництво «Дніпро» у клопотанні про нагороду двотомника Шевченківською. До речі: як Ваш університет? Піднесе голос? Він мав би неабиякий голос, щоб старого вола укр. сатири почастувати по лобі премією. Томик мій гарний, але… чомусь черв'як сумніву точить грішну душу» (11.X.1968). «Думаю, що Ви не відмовитеся взяти слово про двотомник і конкретно показати, що це за твір, в чім його оригінальність, в чім його краса і сила» (6.XI.1968), «Я взявся вже мріяти і агітувати, я думаю, що Вас агітувати не треба, Ви то докладете сили і вміння. У Вас цього багатства досить» (11.XI.1968), «Словом, на Ваше ім'я лягає багато клопоту зі мною» (6.X.1968).

Вскоре настроение омрачилось: просочились сведения, что Н. Годованец, чей труд поддержали солидные организации, учебные и научные учреждения, не будет включен в список соискателей под формальным предлогом: «Найгірше, що Донець думає, ніби двотомник є механічним з'єднанням раніше випущених книг. Помилка! От буде бачити, як я подам дані проти цього. Я то свої байки знаю: скільки у двотомнику нових, скільки наново опрацьованих, скільки скорочених» (11.XI.1968), «Думаю, що Донець не читав двотомника і думає, що то формальне стулення байок, виданих раніш. Але це не так, по-перше, в першому

тому оригінальних байок є чимало нових річей, а головне – майже всі твори пройшли величезну обробку – вони скорочені, умудрені, підсолені афоризмами, зроблені технічно краще. В другому ж томі двотомника – байки за сюжетами Езопа, – байки дуже оригінальні і премудро подані, Так що їх не можна назвати перекладами ні в якому разі, – це самостійні речі, По-друге, в цьому тому більше третини байок нові, ніде ще не друковані» (6.XI.1968). Более всего задевало, что имя лауреата было определено задолго до опубликования списков номинантов, и вопрос решался не качеством текстов. Н. Годованец не сдерживал эмоций: «Він (Донец. – **Л. Д.**) <…> не знає книги фактично, докладно, знутрі», «Він же, напевне, не читав двотомника, йому ніколи думати над ним. Почитав собі запропонований Спілкою роман такого-то балакуна і сказав: «Що ж? Роман свіжонаписаний! І людина в нас поважна! Це не якийсь Годованець з периферії, що цілий вік кропав баєчки, на кшталт «Осел на керівництві». А тут йому давай премію за 1300 зроблених байок! Хай іде пасти задніх!» Це я так малюю вимощену дорогу тих людців, що звикли йти найлегшими путями», «Більшість дивляться так: Годованець – єсть там такий Годованець, а що там пише – богзна» (11.XI.1968), «В цілому двотомник – це оригінальна праця <…>, праця за ціле півстоліття на 538 річей, що є унікальним твором в нашій літературі. Це не якийсь роман, який в ряді творів письменника видає особливим, але <…> другий твір може бути або сірим, або паплюжним», «Хіба добрий роман – вещ, а творчість піввікова – ніщо?!» (6.XI.1968).

Фактически судьба высокой премии была решена в закрытых кабинетах, где приоритеты определял не талант литератора, а идеологический эффект. Но Никита Павлович еще не оставлял надежды на открытое обсуждение в печати: «Корнійчук – давній знайомий, – иронизирует баснописец, – на якого я і мої твори особливого впливу не матимуть. Але, думаю, що діло буде не в ньому, а в тому, як подивиться громадськість на двотомник», «Звичайно, все треба в пресі сказати, все обговорити, все вип'ятити, бо боротьба за почесне місце – це таки активна і дружна боротьба, а не формальне прохання про премію» (6.XI.1968), «Треба боротися, треба воювати в пресі», «думаю: справді, не треба спати, щоб відвоювати право не премію провінціальному байкописцю. І наш

брат, сатирик, хай не спіймає вовка, а хоч за ним побіжить» (11.XI.1968).

Н. Годованец не увидел своего имени в списках номинантов; взамен его обнадежили – «поставили в очередь». Год спустя история повторилась: «А от диво: моя доля з Шевченківською премією така дивовижна: торік відклали, мовляв: «Ми мусили дати премію старійшині від прози, а нарік висунемо старійшину від сатири». Але, як я дочувся, і цього року мене не внесли до кандидатів на премію. Та Ви це, напевне, знаєте?» (16.XI.1969). На сей раз горечи было больше – за пощечину выдвигавшим его («Ніяково мені не за себе, а за тих милих людей і установи, що висунули двотомник на премію: мов би того і не було!», «Коли вісім відомих і визначних установ подали за двотомник авторитетний голос, то це замовчати… Мені не зрозуміло»), за жанр, которому служил («Не дати премії – це ясно: щоб сатирика, байкаря висунути? Такого ще у нас не було. У Франції байкаря Лашамболі (третя величина серед французьких байкарів) академія двічі відзнічала. А чому б і у нас не могли відзначити байкаря, якщо він того вартий?», «Я, звичайно, був би радий почути схвальне слово авторитетної установи про мою працю, але я розумію, що байка не той жанр зараз, якому може бути оказана така честь»). Появилось чувство отчаяния: игнорируя плоды его труда и таланта, будто перечеркивали его жизнь: «Одна річ – не дати, а друга – і не згадати про мого двотомника. Як це зрозуміти – не знаю і не можу зрозуміти», «Обійти ж мене і мої байки – щось невидане і несподіване. <…> раптом – немов мене на світі нема і роботи моєї нема, не видно… Отак то, братіку, доля моя гірка» (16.XI.1969).

Привыкший искать корни явлений, Н. Годованец не мог не размышлять о судьбе жанра, в сущности, репрессированного вместе с целым поколением блестящих сатириков 20-30-х годов и не восстановленного в правах. Его волновали тенденции тогдашней культурной политики, попытки централизовать басню, сделать ее карманной, легкоуправляемой: «Очевидно, я в сатирі, як той Павук з байки Крилова, славний тільки у своєму муравейникові. А в небі СССР сонце Михалкова не дає дивитись наверх іншим людям» (9.XI.1967), «Дехто гадає, що наша сьогоднішня байка іде не в ногу з життям, що вона не має якихсь-то фундиків-

мундиків, які б, мовляв, показали, що радянська байка зробила добрячий крок від класичної байки. Дехто гадає, що наш Михалков став не нижче, як справжній новатор і зразок для нас грішних. Я ж думаю, що історія вже створила зразок байки, а ми її повинні зробити вищою й досконалою по духу <…>. Дехто, дивак, вважає, що мовляв, нам, читачам, наобридли ведмедики та зайчики, а треба шукати небаченого нового, бо старе – то хуторянське, бідне, малокровне. Проте проповідники таких теорій самі нічого не можуть ні висунути, ні подати потрібних зразків: самі ходять задки, як говориться у мене в одній байці» (7.IX.1968), «Там в «Сов. писателе» кубло, якого ми з Вами не бачимо. Там загніздилися людці, між собою рідні і фізично і духовно, то нам можуть дати по лобі. А це для нас зараз не вигідно. К<…> напишіть обов'язково. Може це буде на користь нашій літературі. Ми не знаємо, може на сатиру іде похід з-під поли. А наша українська сатира має своє місце (високе!) і їй хотять дати по лобі. Хто зна?!» (30.IX.1967), «Я тої думки, що треба було б зігнати байкарів на бесіду про потреби, злигодні і про болячки жанру <…>. Я б приїхав з своїми учнями – чоловіка з п'ятку-десятку славних хлопців. Треба було б сказати правдиве і авторитетне слово: як їм стати справжніми байкарями і як позбутися халтури байкарської, що заїдає їх і інших коло них. <…> Чекаю Вашої думки про нараду байкарів. Байкарів та критиків, що тямлять у сатирі» (6.X.1971), «<…> Я хотів про те говорити на своїй нараді «директорів», яку не дала можливості улаштувати нам ота «дочка народу»!» (20.X.1073).

Почти полтора десятилетия переписка Н. Годованца и И. Дузя питалась общими интересами, обоюдной активностью, возникшей человеческой взаимностью. Искренность отношений отразилась на форме обращений старейшины литературы к критику: официальное *Вельмишановний Іване Михайловичу* сменилось полуофициальным *Дорогий*, а затем – дружескими, неизменными вплоть до последних писем *Дорогий друже мій*, *Дорогий славний земляче*, *Дорогий, славний, хороший друже.* Все более доверительными становилось содержание. Однако среди тем, затронутых разной мерой, наглухо закрытой оставалась одна, обещанная еще в первом письме, – черная полоса конца 30-х – I половины 50-х годов («Вухналь, Гедзь, Чечвянський реабілітовані. Про

Чмельова нічого не знаю, – писал он о представителях своего литературного поколения и добавлял: – Про себе міг би, в разі такої потреби, щось розповісти Вам, та не зараз, саме з ліжка встав і почуваю себе погано» (17.III.1960). Пунктирные воспоминания в письме от 14.VIII.1967 года обрывались на 1932-м; дальнейшее угадывалось между строк всего двух писем: «<...> з 1929 працював у Харкові. Тоді байки мої були дуже популярні і книжок вийшла сила. А пройшла пора «Хто кого» – минулася класова боротьба (гостра), байки мої завмерли разом з байками Бєдного. Після XX з'їзду партії воскрес до праці по-новому. За час з 1956-го року зробив 15 книжок, з них 11 надруковані. Решта – на виході. Амінь» (14.VIII.1967), «Оце, пишучи до Вас листа, знову наткнувся на чернетки байок, правлені для двотомника. Виявив кілька речей, що Вам можуть знадобитися для статті про роботу письменників над своїми творами: це «Василики», написана 1921 року і кілька разів друкована в книжках, «Ведмідь і Бджоли», написана 1948 року, «Хміль і Кабачиння», написана 1923 року, і «Галузка», написана 1944 року на Колимі» (14.X.1967). Больше ни слова. Словоохотливый, критичный, острый, Никита Павлович становился лаконичным, сдержанным, сухим, подходя к зоне боли. Умолчания и обрывы фраз, не давая фактов, создавали особое напряжение.

Все же свидетельства драматичной темы сохранились, – дневники И. Дузя содержат записи о двух личных встречах и беседах с Н. Годованцем в Каменец-Подольске 26 и 27 сентября 1967 года, то есть в промежутке между процитированными выше письмами. Живая память будто ждала возможности рассказать с глазу на глаз то, что замалчивалось обществом и о чем осмотрительный писатель не решался писать, обрывая себя на полуслове. Он хорошо усвоил разницу между доверительной беседой и письменным изложением, к тому же отправленным по почте, – был уверен, что в послесталинскую эпоху письма не потеряли квалификации вещественных доказательств («Бачите, як ми живемо: ніколи не знаєш, куди може потрапити хоч і цей лист до Вас. Живи й оглядайся». – 22.III.1964).

Н. Годованец много и сосредоточенно работал, хотел видеть свои произведения опубликованными, гордился изданными книгами, вел переписку с коллегами по цеху, радовался личному

общению с читателями и более всего стремился зищитить свой мир, восстановленный кропотливым творческим трудом. Доказывать, что его личная история пятидесяти-тридцатилетней давности не менее важна, чем принятая общая и единая, не видел смысла. Упоминание вины есть, но она возложена им на самого себя: проявил непростительное благодушие, хотя знал методы режима («<…> статтю до моєї книги «Байки» 1932 року я не прочитав, а байдужо поставився, що буде написано і як буде написано в ній, і дуже попарився: автор написав про мене такого, що я потім рвав на собі волосся» (28.III 1963)). Драма, длившаяся двадцать лет, ушла вовнутрь: он учитывал условия системы, проецировал опыт 30-х на возникавшие сложные ситуации, постоянно ощущал коварство режима. Ценил главное – возможность работать, не изменяя избранному жанру.

Литературоведу, пытавшемуся раздвинуть рамки его биографии, Н. Годованец не давал шанса, соглашаясь с официальным каноном, выдержанным в статьях о репрессированных писателях: жизнеописание до 30-х, далее (через пробел в пару интервалов) разбор творчества, – у тех, кому повезло выжить, анализ произведений, написанных после реабилитации. Неудивительно, что сведения о баснописце, опубликованные в мартирологе «З порога смерті. Письменники України – жертви сталінських репресій» (К., 1991), отличаются от данных справочников Союза писателей прошлых времен лишь одним скупым абзацем: «31 січня 1937 року Микиту Годованця було заарештовано і рішенням Особливої наради при НКВД від 11 червня того ж року вислано на Середню Колиму, де він пробув до 1947 р. А десятьма роками пізніше дістав офіційну реабілітацію – в довідці військового трибуналу Київського військового округу повідомлялось, що постанова Особливої наради «скасована і справу припинено».

Судьба расколола жизнь Н. Годованца надвое, не отвела званий и наград. Но наделенный завидной интеллектуальной энергией и неистребимой витальностью («<…> не дарма хліб жував стільки років (гей-гей, не кожному щасливцю дається дожити до такого віку і зберегти здатність творити)» (21.VII.1967)), он оставил сотни оригинальных басен, в которых превыше ставил «людяність людську» (29.VIII.1967) и «щиру повагу до порядної

людини» (28.III.1963). Его интеллектуальным наследием стала «найліпша книга – плід шістнадцяти років життя і праці – «Байки зарубіжних байкарів» (26.IX.1973), подготовленная им к своему 80-летию, – 1140 европейских шедевров в украинских переводах – басни Эзопа, Федра, Бабрия, Леонардо да Винчи, Жана де Лафонтена, Жана-Пьера Флориана, Пьера Лашамбоди, Готхольда Эфраима Лессинга, Томаса де Ириарте, Игнаци Красицкого и других антиков, византийцев, гуманистов и просветителей.

Роман Бродавко

«Полета вольное упорство»

К столетию со дня рождения Якова Зака

Яков Зак

В плеяде великих музыкантов XX века, рожденных в Одессе, почетное место принадлежит пианисту и педагогу Якову Израилевичу Заку.

Он родился в 1913 году. В книге «Яков Зак. Статьи. Материалы. Воспоминания», вышедшей в московском издательстве «Советский композитор» в 1980 году, есть рассказ музыканта о его семье: «Мой отец – служащий, а мать – домохозяйка. Она очень любила музыку, у нее была великолепная музыкальная память, она знала много произведений, хотя музыкального образования не получила. Одна моя сестра училась в консерватории, однако по семейным обстоятельствам не закончила ее – помешали трудности 1920-1921 годов. Вторая сестра тоже была пианисткой, но, к сожалению, прекратила свои занятия еще раньше… Обе сестры получили юридическое образование, стали юристами, а не музыкантами. Меня начали учить музыке рано, и в семь лет я уже все усваивал и успешно двигался, а к десяти годам играл довольно серьезные вещи. Около 11 лет я учился у Марии Митрофановны Старковой. Это был отличный педагог, и педагогика была смыслом ее жизни».

Выступать юный музыкант начал очень рано: уже в 1925 году он дал свой первый сольный концерт в Одессе, на котором играл этюды Шопена. В течение восьми школьных лет Зак занимался в классе камерного ансамбля у профессора П.С. Столярского. В 1930 году он окончил школу и поступил в Одесскую консерваторию, курс обучения в которой прошел за один год и четыре месяца.

В эти годы в Одессе жили и учились будущие великие музыканты: Д. Ойстрах и Э. Гилельс, С. Фурер и М. Гринберг, начинал свою творческую жизнь С. Рихтер. Яков Зак вспоминал: «Когда Рихтеру было лет 14-15, мы с ним часто играли в четыре руки. Слава Рихтер не учился в консерватории, но прекрасно играл не только фортепианные сочинения, а и оперы Вагнера, Дебюсси, Стравинского и др.».

В 1932 году Я. Зак поступил в аспирантуру Московской консерватории к Г.Г. Нейгаузу. «Уроки с Генрихом Густавовичем не были уроками в обычном толковании этого слова, – вспоминал Я.И. Зак. – Это было нечто большее: художественные события. Они «обжигали» касаниями с чем-то новым, неизвестным, волнующим… Нас, учеников, словно бы вводили в храм возвышенных музыкальных мыслей, глубоких и сложных чувств…»

В 1933-1934 годах Нейгауз тяжело болел. В течение нескольких месяцев Зак занимался в классе Константина Николаевича Игумнова. Этот мастер также оказал влияние на личность молодого пианиста. Зак впоследствии писал: «Игумнов обладал поразительным, редко встречающимся качеством: он умел охватить единым взглядом форму музыкального произведения в целом и одновременно видел каждую его черточку, каждую «клеточку».

В 1935 Яков Израилевич окончил аспирантуру. В этом же году в его жизни произошло знаковое событие: участие во Втором Всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей. На этом творческом соревновании он завоевал третье место. Победа дала ему возможность принять участие в Третьем Международном конкурсе пианистов имени Шопена в Варшаве.

Этот конкурс был впервые проведен в 1927 году по инициативе польского пианиста и музыкального педагога Ежи Журавлева. Председателем жюри первого конкурса был выдающийся

польский композитор и педагог Витольд Малишевский – кстати, первый директор Одесской консерватории.

До начала второй мировой войны конкурс проходил трижды, и все три раза его выиграли советские пианисты. Победителем первого был Лев Оборин. Победителем второго, который состоялся в 1932 году, – Александр Юнинский, который впоследствии стал «невозвращенцем». Покинув СССР, он жил и концертировал в США, из-за чего надолго «исчез» из истории советского исполнительского искусства.

Скромный, скрытный, взыскательный к себе, Зак долго примеривался к участию в Шопеновском конкурсе 1937 года. «Поначалу я решил никого не посвящать в свои планы. Учил программу совершенно самостоятельно. Потом рискнул показать ее Генриху Густавовичу. Он, в общем, одобрил. Стал помогать мне готовиться к поездке в Варшаву…»

Шопен был любимым композитором Зака. Но одной любви мало, чтобы найти свой ключ к исполнению его произведений. Молодой пианист искал его долго и напряженно:

«Я слышал многих выдающихся исполнителей Шопена. Все они, каждый по-своему, прекрасно играли и играют произведения великого композитора. Но на меня, на мое исполнительское и художественное осознание Шопена особенно большое влияние оказали два пианиста – В. Софроницкий и Э. Гроссман. Чем пленил меня Софроницкий? При строгой, чеканной отточенности формы его игра вдохновенно импровизационна. Музыка под его пальцами каждый раз как бы заново рождается, одухотворенная и трепетная. Я вспоминаю его шопеновские клавирабенды. Баркарола, ноктюрны, особенно фа-мажорный, баллады. Гордое, свежее, очищенное от пыли и штампов искусство. Соната си минор – мужественность и необычайная пластичность исполнения. Вальсы и мазурки – подлинное изящество, как действенное отрицание салонной изнеженности А можно ли забыть титанический поединок стихийного духа и суровой воли, столь потрясающий в си-бемоль-минорной прелюдии, когда ее играет Софроницкий? Это художник точных и возвышенных намерений и страстного творческого их воплощения. Он многое открыл и объяснил мне в Шопене еще в годы моей юности.

В 1932 году, поступив в аспирантуру Московской консерватории, я познакомился с Э. Гроссманом, тонким и проникновенным исполнителем Шопена. Он с редкой поэтичностью раскрывал гармонию шопеновских сочинений. Его музыкальная речь была чиста и правдива. Богатство звуковых характеристик и интонаций передавало глубину шопеновского гения, а любовная опека над каждым узором, мелодией и арабеской доносила до слушателя тончайшие оттенки мыслей и чувств композитора… Благородное и высокое искусство Э. Гроссмана покоряло и глубоко впечатляло, хотя артист никогда не прибегал ни к каким формам эстрадного «диктата».

Тесное общение с Э. Гроссманом было важным этапом в моей жизни. Именно в тот период я стал готовиться к Третьему Международному конкурсу имени Шопена (1937 год). Это соревнование было сложным и трудным. Монографический его характер требовал цельности художественных убеждений. Я стремился как можно ближе сродниться с композитором, услышать и передать родство, быть может, спорное, но для меня живое и несомненное, творений Шопена с произведениями смежных искусств. Я чувствовал поэтическую близость Третьего скерцо и стихотворения Пушкина «Воспоминание»: «Когда для смертного умолкнет шумный день» (особенно последние восемь строк). Этюды № 12, 23, 24 напоминают о героических полотнах Делакруа. Прелюдия си-бемоль минор вызывала в моем воображении пламенную стремительность скачек на картинах Жерико. А как близка Прелюдия фа-диез минор настроению тютчевских стихов «О чем ты воешь, ветер ночной, о чем так сетуешь безумно?».

Победа Якова Зака на III Международном конкурсе имени Шопена была бесспорной. Вопреки обычаям и традициям, на конкурсном прослушивании ему аплодировали. Жюри единогласно присудило Заку первую премию – и еще одну, дополнительную – лавровый венок из бронзы.

А чего стоят слова председателя жюри Адама Венявского, сказанные в адрес двадцатичетырехлетнего музыканта: «Совершенно бесспорно, что он представляет собой крупнейшую музыкальную величину… Зак – один из самых замечательных пианистов, каких мне пришлось слышать за всю мою долгую жизнь».

С победой в Варшаве пришла мировая известность, гастроли, шумный успех. Зак с честью выдержал первое испытание славой. Он остался упорным, неутомимым тружеником. Уже в молодые годы за ним закрепилась слава пианиста-мыслителя. Лист, Брамс, Рахманинов, Шуберт, Дебюсси, Прокофьев… В интерпретации каждого из них всегда была яркая индивидуальность пианиста-художника.

Кроме сольных выступлений в довоенные годы Зак играл в ансамбле с Квартетом Большого театра и в фортепианном дуэте с Э.Г. Гилельсом.

Широкая концертная деятельность пианиста, начавшаяся перед войной, не прекращалась и в годы лихолетья – в госпиталях и военных частях. В 1943 году Я. Зак, Д. Ойстрах и чтец В. Яхонтов дали серию концертов в блокадном Ленинграде.

В тридцатые годы Зак стал преподавать в Московской консерватории. Окончив аспирантуру, он поначалу ассистировал своему профессору, Нейгаузу, а через несколько лет ему доверили собственный класс.

Основная, стратегическая цель педагога-пианиста, считал Яков Израилевич, заключается в том, чтобы подвести ученика к личностной интерпретации произведения: «…Не калейдоскоп красивых пианистических форм, не просто быстрые и точные пассажи, изящные инструментальные «фиоритуры» и тому подобное. Нет, суть в другом – в образах, чувствах, мыслях, настроениях, психологических состояниях…». Он последовательно занимался развитием музыкального сознания своих учеников. Студенты Якова Израилевича знали, что на его уроках в любой момент можно было ждать соприкосновений с миром литературы, театра, живописи. Они не переставали восхищаться его энциклопедическими знаниями.

Я. Зак воспитал более 60 учеников, многие из которых стали лауреатами международных конкурсов, профессорами московской и зарубежных консерваторий, педагогами училищ и школ. Среди них – Николай Петров, Элисо Вирсаладзе, Виктор Бакк, Любовь Тимофеева, Генриетта Мирвис, Евгений Могилевский, Ольга Ступакова, выдающийся композитор Софья Губайдуллина… Некоторое время Зак был деканом фортепианного факультета

Московской консерватории, а после смерти Г. Нейгауза в 1964 году был назначен заведующим кафедрой.

Он был поистине великим педагогом. После того как в сознании студента складывался образ интерпретируемого произведения, Зак освобождал его от своей педагогической опеки. Уметь вовремя – не раньше, но и не позже (второе едва ли не важнее) – отойти от ученика, предоставив его самому себе, – один из самых деликатных и трудных моментов в профессии преподавателя-музыканта, считал Зак. От него часто можно было услышать слова Артура Шнабеля: «Роль педагога состоит в том, чтобы открывать двери, а не в том, чтобы проталкивать в них учеников».

Воспитанник Зака профессор Евгений Могилевский пишет: «У Якова Израилевича я почерпнул многое из того, чего мне в ту пору недоставало. Говоря в самой общей форме, он дисциплинировал мою исполнительскую натуру. Соответственно, и мою игру. Общение с ним, пусть нелегкое для меня в какие-то минуты, приносило огромную пользу. Я не переставал учиться у Якова Израилевича и по окончании аспирантуры, оставшись в его классе на правах ассистента».

Перу Зака принадлежит ряд статей и методических работ о фортепианном исполнительстве – «О некоторых вопросах воспитания молодых исполнителей», «Встречи и воспоминания», эссе о творчестве выдающихся пианистов Марии Юдиной, Розы Тамаркиной и др.

В последнее десятилетие жизни Яков Израилевич нашел свое настоящее личное счастье. Его женой стала талантливая пианистка Белла Давидович, кстати, обладатель первой премии на Четвертом Международном конкурсе имени Шопена.

Тем не менее, несмотря на успешную концертную и педагогическую деятельность, жизнь Зака была далеко не безоблачной. В послевоенные годы творческая интеллигенция страны находилась под жестким контролем КГБ. Это ведомство решало, кому можно выезжать на гастроли за рубеж, а кому – нет. Отслеживались знакомства с иностранцами. Строгому учету подвергались валютные гонорары, которые исполнители должны были немедленно по прибытии в СССР сдавать государству, получая взамен незначительные суммы в отечественной валюте. Не избежал то-

тальной слежки и преследований Я.И. Зак. Вот эпизод из книги А.П. Волкова «Земной путь под знаком Тельца»:

«Где-то в пятидесятые годы Зак поехал на гастроли в США. Успешно выступал по городам и весям. Как-то в его гостиничный номер постучали, и вошел очень элегантно одетый мужчина – в смокинге, бабочке, лакированных туфлях. Это был камердинер одного пока еще не известного Заку миллионера. Он пригласил профессора послушать ребенка – 12-летнего мальчика, сына миллионера.

Яков поехал в гости на очень длинной и очень черной полированной до зеркального блеска машине. Его встретил сам миллионер в ковбойке с закатанными рукавами и в джинсах. Потом оставил Якова наедине с сыном и роскошным беккеровским роялем. Мальчик поиграл десяток минут и утомился. Вошедшему отцу Яков прямо и без всяких дипломатических выкрутас сказал, что пианиста из его сына не получится. Поэтому гонять его, как сидорову козу, не следует. Если он сам захочет – пусть наигрывает себе в удовольствие или для друзей. Потом миллионер попрощался с Яковом за руку. И все.

Продолжение наступило по приезде Якова назад в СССР. Его вызвали в КГБ. Он явился туда, ничего не понимая. Его строго спросили: «Форда консультировали?!» – «Да нет, – растерялся Яков, – никакого Форда я вообще не знаю!» – «Так уж не знаете! – едко и с сарказмом выговорили Якову, – а от кого тогда посылка?!» – «Какая посылка?» – изумился Яков. «Большая, ох, товарищ Зак, товарищ Зак, скользкий вы товарищ!» – «Я вам не товарищ, а музыкант, прекратите свои дурацкие розыгрыши!» – «А мы и не разыгрываем – вам лично Форд прислал свою лучшую модель и еще два моста в придачу с мотором». – «Мосты с моторами не бывают!» – твердо заявил Яков. «Бывают, еще как бывают, но машину мы вам выдать не можем из-за государственных интересов, возьмите любую отечественную» – «А на хрена мне ваша отечественная?! Плевать я на нее хотел», – ответил мятежный музыкант. И получил шиш».

Трагической для Зака стала травля, устроенная после отъезда из СССР его ученика Юрия Егорова. Уже в студенческие годы Егоров участвовал в трех конкурсах: имени М. Лонг в Париже

(1971, 4-я премия), имени Чайковского в Москве (1974, 3-я премия), имени королевы Елизаветы (1975, 3-я премия). В 1977 году он участвовал в конкурсе имени В. Клиберна в Техасе, на котором получил 4-е место, но публика и пресса были в таком восторге от его игры, что была мгновенно собрана сумма приза в 10 тысяч долларов, эквивалентного 1-й премии, – специально для Егорова. Еще до начала конкурса известный импресарио Максим Гершунов заявил, что он заинтересован в Егорове, и только в Егорове, независимо от того, кто займет 1-е место.

В Советском Союзе пианисту играть практически не давали, и в 1976 году он решился на невозвращение с гастролей по Италии. Это бегство стало поводом для сведения счетов с Я. Заком. После отъезда Ю. Егорова его стали методично травить. И сердце не выдержало…

Народный артист СССР, профессор Яков Зак скончался в Москве 28 сентября 1976 года. А через два года эмигрировала в США Б. Давидович.

Ушел Мастер, но осталась его школа – школа отечественного пианизма. Ее традиции развивали ученики, а вслед за ними ученики учеников. Школа эта уникальна. Но она требует педагогов-личностей. Будут ли такие в ближайшем будущем? Хочется верить…

Сергей Седых

Пивная Енни

Поводом для написания этой статьи послужило событие, связанное с открытием в Одесском художественном музее галереи «Желтые великаны». Представители прессы, присутствовавшие на ее открытии, обратили внимание на старые росписи, украшающие своды помещения. Издания запестрели заголовками: «В подвале одесского музея обнаружена уникальная фреска XIX века», «Пивные» граффити в одесском музее оказались рекламой конца XIX века: солдаты вермахта не виноваты», и начали выдвигаться различные противоречивые версии об их возрасте, происхождении и авторстве. Вот одна из них: «По мнению ряда экспертов, авторы фрески – солдаты-оккупанты, ведь в подвале музея тогда располагалась пивная для солдат вермахта и СС. Учитывая, что в центре фрески изображен бог Бахус, сидящий на бочке с пивом, а вокруг немецкие надписи готическим шрифтом, такая версия кажется вполне реалистичной». Захотелось разобраться с историей этих росписей. Версия с солдатами вермахта показалась ошибочной хотя бы потому, что надписи сделаны готическим шрифтом, который к началу Великой Отечественной войны был запрещен циркуляром начальника штаба, заместителя фюрера – Мартина Бормана*:* «Рассматривать готический шрифт как немецкий – неправильно. В действительности он состоит из швабских еврейских литер, то есть букв. <…> Фюрер приказал считать латинский шрифт – «нормальным» шрифтом, и впредь только он должен использоваться при составлении служебных удостоверений, документов, изготовления вывесок, дорожных знаков и транспарантов…».

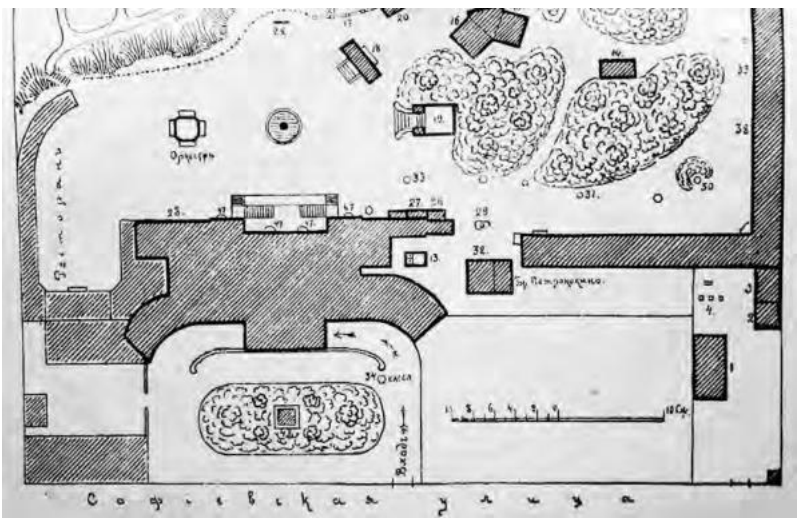
Другое предположение по поводу их возникновения связано с масштабной «Выставкой домоустройства», проходившей в Одессе в 1895 году.

Немного о самой выставке. Она была организована по инициативе Одесского отделения Императорского русского технического общества (ООИРТО). Мысль о подобной выставке принадлежала известному архитектору, почетному члену ООИРТО А.О. Бернардацци. Первоначально она была приурочена к такому знаменательному событию, как 100-летие Одессы, и должна была стать подготовкой ко Всемирной выставке в Париже 1900 года, подводившей итоги уходящего века. Провести ее к юбилею города из-за позднего получения разрешения не удалось. Официальное открытие состоялось 11 июня, и продолжалась выставка до 1 октября 1895 года. Подробное описание не является целью исследования, но для определения масштаба события приведем некоторые статистические сведения о посещаемости из отчета ООИРТО за 1895 год: «В течение 120 дней существования выставки ее посетило 185371 платный посетитель, что составит средним числом в день 1546 человек…». События выставки, как и подготовка к ней, активно освещались прессой. «Одесский листок» писал: «Выставка домоустройства <…> занимает весь дом художественного музея в конце Софиевской улицы и находящийся позади его верхний и нижний сады. Уже один старинный барский дом, принадлежавший некогда графу Потоцкому, а затем магнату Юрьевичу, заслуживает некоторого внимания. В этом доме, в нижнем и верхнем этажах будет сосредоточено главным образом все, что относится к внутренней обстановке и убранству комнат <…> И в самом конце левой стороны – павильоны-рестораны; здесь же в старом подвале пивная, с фантастическим гротом и пр.».

В каталоге, выпущенном Устроительным комитетом через месяц после открытия выставки, подробно перечислены экспоненты и экспонаты, места их размещения, приведены поэтажные схемы главного здания и общий план всей выставки. Сведений о пивном погребе и участниках, связанных с пивом, в нем не оказалось. Только надписью «Ресторанъ» обозначена на плане обширная территория за основным зданием. В этом же месте находится и вход в подвал.

Обнаруженная в библиотеке известного коллекционера А.П. Бахрушина книга «Выставка домоустройства в Одессе. Подробный путеводитель» знакомит с выставкой, в отличие от каталога, повествовательно: «Прежде чем приступить к описанию выставки и ознакомлению с экспонатами, находим нужным отметить сторону ее, хотя, может быть, и не относящуюся строго к предмету выставки, но составляющую значительную часть забот распорядительного комитета, много содействующую успеху выставки и представляющую огромный интерес для посетителей ее. Мы имеем в виду заботы Комитета о доставлении посетителям выставки удобств и развлечений.

На выставке имеется ресторан, сданный распорядительным комитетом содержателям первоклассного ресторана в Одессе г-же Кизовской и г. Гоппенфельду. Кухня ресторана превосходная, цены весьма умеренные. Помещается ресторан в левой части выставочного двора. При входе в него обращает на себя внимание громадная арка из пивных бочек, устроенная пивоваренным заводом Енни и К°, который в подвале под зданием выставки (вход через ресторан) устроил склад и производит раздробительную

Часть плана выставки с указанием расположения ресторана

продажу пива. Оригинальное устройство погреба и возможность освежиться любимым многими напитком привлекают в погреб многих посетителей, среди которых можно видеть и дам».

Некоторые сведения о рестораторах приведены в книге А. Дроздовского и Е. Красновой «История торговой рекламы на старых открытках Одессы»: «Семья немецких рестораторов Гоппенфельдов владела в городе несколькими заведениями. А. Гоппенфельд числился владельцем ресторана «Рояль» на Ланжероновской, а его супруга Паулина – пивного бара «Гамбринус» на Преображенской, ставшего легендарным благодаря замечательному музыканту Сашке и писателям Лазарю Кармену и Александру Куприну». Отметим, что участие компании «Ф. Енни

и К°» было долевым и ограничивалось поставками и продажей пива, что же касалось закусок и другого меню – им обеспечивали рестораторы. В прессе писалось о недовольстве посетителей наличием двух счетов, которые оплачивались различным официантам, – вносило путаницу, а иногда приводило к мошенничеству. Немалую роль в появлении пивной Енни на выставке сыграла широкая известность «Одесского пивоваренного завода Ф. Енни и К°», а его основатель, австрийский подданный швейцарского происхождения Фридрих Енни, был активным членом ИООРТО. Следует отметить, что сегодня правопреемником завода является не менее известное предприятие ПАО «Енни Фудз».

Газетные хроники «Выставки» приводят описание «этой экспозиции». «Сегодня открывается пивная Енни в подвале, потолок которого расписан в немецком вкусе. В углублении две громаднейших бочки по 300 ведер каждая; подвал украшен гирляндами из зелени и освещен электричеством. Оригинальная арка из бочонков разной величины, с вывеской наверху, показывает вход в подземную пивную…» – писал «Одесский листок». И в следующем номере: «…вчера в 1 час дня открыта в подвале под главным зданием пивная, устроенная заводом Енни. Открытие сопровождалось угощением всех присутствующих гостей пивом, затем допущена и публика. Об этой оригинальной пивной мы уже говорили. Весь зал установлен бочками и бочонками. Потолок расписан в юмористическом духе и украшен гирляндами из зелени и флагами, освещение электрическое».

О популярности пивного подвала писали все те же газеты, ежедневно освещая выставочную жизнь.

«Контингент публики, посещающий выставку, все более и более разнообразится. И в числе посетителей можно видеть уже многих «завсегдатаев» ресторана г-а Гоппенфельда и кондитерской Фанкони… пивная также делает прекрасные дела: в воскресенье, например, несколько раз не хватало пива».

«…В пивной было очень трудно протолкнуться и получить кружку пива; всего было выпито в этот день более 110 ведер пива (в прошлое воскресенье 80 ведер). Ввиду такого громадного скопления публики в праздничные дни г-н Гоппенфельд предполагает открыть отделение в нижнем саду».

(Основная русская дометрическая мера объема жидкостей – ведро = ¼₀ бочки = 12 литров.)

Среди высоких гостей, посетивших выставку, были принцы К. П. и П. А. Ольденбургские, абиссинский принц Дамто, министр путей сообщения князь М.И. Хилков и др. В отчете о посещении выставки последним писалось: «…похвалив местность выставки,

его сиятельство прошел в подвал, в пивную, где владельцем ресторана г. Гоппенфельдом было поднесено высокому гостю и др. лицам пиво. Г. министр выпил пива, похвалил его и поблагодарил г. Гоппельфельда».

Сведения о том, что потолок в подвале расписан в «немецком вкусе» и «юмористическом духе», совпадают с открывшимися фресками. К примеру, на одной из них изображена девушка, подносящая кубок юноше, играющему на мандолине, и сверху надпись: «Кто не любит пиво, женщин и песни, тот глупец. Из жизни». Изображения являются иллюстрациями к надписям.

«Юмористический дух» сопровождал заведение постоянно. Возникли дебаты о соответствии заведения целям выставки, и газетчики подливали масла в огонь. Автор под псевдонимом Железная Маска в разделе «Злоба без злобы. Выставка домоустройства» иронизирует:

Подвал Енни

На выставке домоустройства
В подвале все мужья сидят,
И жены хором говорят,
Что выставка «доморасстройство».

А «Мих. К.» в «Маленьком фельетоне» восторгается:

Вкруг все весело, красиво…
В чем здесь сыщешь недочет?
Но сердца к себе влечет
Пиво!
И волнуясь, торопливо,
Мимо, мимо все течет
Прямо в погреб и орет:
«Пива!»
Ресторатор без забот,
Он живет вполне счастливо:
По сто ведер в день идет
Пива!

«Риголетто» откровенно сетует:

Павильоны и витрины,
Статуэтки и картины,
Двери, чторы и паркет –
И чего там только нет!
Там и рыцарские латы,
И рапиры, и штыки,
И подушечки из ваты,
И морковь, и бураки.
Там белила и румяна,
И большой воздушный шар,
И для мамок сарафаны,
И оркестр из болгар.
Там сто тысяч бочек пива,
Столько ж ведер там вина,
И поставлена на диво
Будка с книгами одна!

Вот еще один «выставочный» репортаж:

«…В главном выставочном здании возле буфета Гоппенфельда, в подвальном этаже, открыто спасательное учреждение Енни.

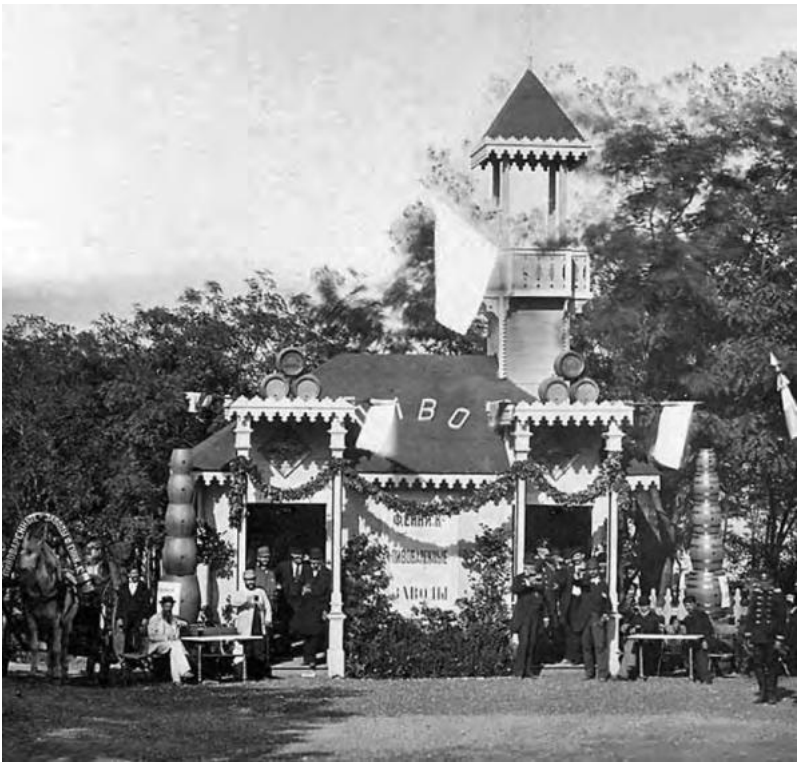
Час дня. Солнце немилосердно жарит. Большинство экспонентов, оставляя свои павильоны на попечение сонных сторожей, спешит окунуться в «чистых» и «ясных» водах купален Исаковича. Даже Бланжоне (вывесочный художник, успевающий изготовить каждые 2 часа по одной вывеске в 10 руб.) временно оставляет работу и бежит вместе с оставшимися экспонентами в спасательное учреждение. Так назвали пивную Енни.

– Вы куда?

– Спасаться к Енни».

Можно сделать предположение, что упоминаемый в фельетоне г-н Балонже (Блангонэ) мог быть автором фресок. Перед самым открытием выставки все подмечающий, критический взгляд репортера остановился на работе этого мастера: «…в одном из «печных» отделов, именно в отделе печей какого-то французского экспонента, уже полторы недели стоят неконченые

печи; в то же время здесь лежат, стоят и исполняются работы по изготовлению вывесок. Все это в ряду законченных выставок др. экспонентов производит неприятное впечатление. Павильон следовало бы затянуть парусиной, а для писания вывесок предоставить другое помещение, напр., в нижней части сада». Факт того, что он писал прямо в залах, отданных под экспозицию, может говорить о большом количестве заказов и его особом положении. Подтверждение этого находим в объявлениях, размещенных в «Одесском листке» еще до открытия выставки. Вот одно из них: «Прием заявлений распорядительным комитетом продолжается, по случаю увеличения живописно-малярной мастерской вывесок

Павильон «Одесского пивоваренного завода «Ф. Енни и К°»

и воспроизводства в красках афиш А. Блангонэ переводит последнюю в дом № 35, по Коблевск. ул. Единственный концессионер выставки». Навряд ли «Единственный концессионер» упустил бы такой крупный заказ.

Выставка, как отмечалось в отчете ООИРТО, прошла успешно и дала положительный опыт, примененный на следующей крупной выставке в Одессе, в 1910 году. Пивной павильон Енни на ней тоже пользовался успехом.

Росписи в подземной галерее здания Одесского художественного музея – это единственный сохранившийся элемент интерьера, по которому можно судить об известных одесских пивных конца XIX века, и одно их немногих материальных свидетельств Выставки домоустройства 1895 года в Одессе.

Литература

Выставка домоустройства в Одессе. Подробный путеводитель. – [Одесса], 1895. – 97 с.

Каталог выставки домоустройства в Одессе / Сост. Комитет выставки. – О.: Л. Кирхнер, 1895. – 32 с.

Выставка домоустройства // Одесский листок. – 1895, № 111, 30 апреля (12 мая), с. 6.

«О чем говорят». На выставке домоустройства. // Одесский листок. – 1895, № 149, 11 (23) июня, с. 3.

На выставке домоустройства. // Одесский листок. – 1895, № 150, 12 (24) июня, с. 2.

«О чем говорят». На выставке домоустройства. // Одесский листок. – 1895, № 153, 15 (27) июня, с. 2.

Министр путей сообщения в Одессе // Одесский листок. – 1895, № 158, 20 июня (2 июля), с. 3.

Одесская выставка // Одесские новости. – 1895, № 3319, 14 июня, с. 2.

Краснова Е. История торговой рекламы на старых открытках Одессы / Е. Краснова, А. Дроздовский // Альманах «Мория». – 2007, № 8.

Отчет о деятельности Одесского отделения Императорского технического общества за 1895 год. – О., 1896.

Губарь О.И. Городской сад // Вечерняя Одесса. – 2006, № 195 (8537), 26 декабря, с. 4.

Лейтенант Шмидт

К 107-й годовщине казни П.П. Шмидта

То, что происходило в 1905-1906 гг. на юге Российской империи, в том числе в Одессе, сегодня мало кого тревожит. Оно и понятно: бытовые проблемы, поиски заработков, рутина повседневной жизни далеко отбросила события тех далеких лет. Высокая гражданственность, боль за судьбы тружеников, простых людей, обостренное чувство справедливости – все эти слова сегодня скорее часто приходится встречать на страницах газет, нежели ощущать в себе и на себе жителям не только нашего города, но и подавляющему большинству граждан Украины. На фоне всего этого жизнь лейтенанта Шмидта похожа на падающую звезду, которая лишь на мгновенье своим блеском привлекла внимание и взбудоражила сердца многих тысяч людей.

В мае 1917 года Одесса была разбужена ревом пароходных сирен. Вскоре к ним присоединились гудки заводов. Трижды ударили залпы артиллерийского салюта. Десятки тысяч людей потянулись в порт, неся знамена и транспаранты. В гавань вошел крейсер «Мария» с приспущенным флагом. С него на руках сняли четыре увитых кумачом гроба и вынесли их на берег. Многотысячная траурная процессия, которая прошла по улицам города и вернулась в порт, продолжалась четыре часа. Потом гробы снова были водружены на пароход, и он под вой сирен ушел в Севастополь. Так одесситы: моряки, портовики, рабочие и просто честные граждане Одессы – отдали последний долг героям восстания на крейсере «Очаков» – лейтенанту Шмидту, матросам Частнику, Антоненко, Гладкову, расстрелянным царскими палачами 6 марта 1906 года.

Мотивы поступка П.П. Шмидта как в те далекие времена, так и сегодня для многих остаются неразгаданной тайной, по-разному объясняемой политиками, писателями и обычными гражданами, но последние слова, произнесенные им перед казнью: «Я знаю, что столб, у которого

я встану принять смерть, будет водружен на грани двух разных исторических эпох нашей родины… Не гражданин Шмидт, не кучка восставших матросов перед вами, а стомиллионная Россия, и ей вы выносите свой приговор», – предостерегают, звуча пророчески и по сей день.

Личность П.П. Шмидта привлекала к себе и зачаровывала многих людей. Одним из них был Степан Гаврилович Петров – достаточно известный в свое время писатель, публиковавшийся под псевдонимом Скиталец, который был выбран не случайно и символизировал множество испытаний, выпавших на долю этого самородка.

Родился С.Г. Петров в 1868 г. в Самарской губернии в крестьянской семье. В 16 лет поступил в учительскую семинарию, но был исключен за «неблагонадежность» и попал в певчие. Затем служил писарем в окружном суде и в земстве; был странствующим хористом в малороссийской труппе Кропивницкого, изредка выступая и солистом. В 1898 г. С.Г. Петров поступил в архиерейский хор в Самаре и одновременно с этим начал сотрудничать с «Самарской газетой». Обладая способностью писать «гладкие стихи» в каком угодно количестве, он стал поставлять свои творения на злобу дня и в течение 2 лет написал около 20 тысяч стихов. В Самаре Скиталец познакомился с Максимом Горьким, что и определило его дальнейшую судьбу.

В период реакции 1908-1914 годов он написал много рассказов, один из которых, посвященный казни П.П. Шмидта и трех его товарищей-матросов, был напечатан 25 марта 1912 года в «Одесских новостях», но по «неизвестным» причинам так и не был включен ни в один из изданных сборников писателя.

Казнь лейтенанта Шмидта была описана в десятках книг и сотнях статей, однако рассказ Скитальца опосредованно протягивает как бы связующую нить от марта 1906 к сегодняшнему дню. Создается ощущение, что события сами собой оживают, завораживают, и вот, казалось бы, еще чуть-чуть – и ты уже там, с ними рядом, дышишь морем, степью, вроде как попал в четвертое измерение. И выходить из этого состояния не хочешь – это как наркотик. Однако наступает конец и тебя охватывает чувство неудовлетворенности оттого, что так и ушел в небытие противоречивый, неразгаданный, тайный и в то же время какой-то близкий и родной человек – Петр Петрович Шмидт, жизненным лозунгом которого были порядочность и честность перед собой, положивший жизнь за достоинство и лучшую жизнь простого человека.

С.Г. Петров (Скиталец)

В одной из статьей о лейтенанте Шмидте ее автор О. Ильницкая заметила: «Даже если вы сами не занимаетесь переустройством мира, не стремитесь разрушить что-то, многое, все и до основания, чтобы потом построить иначе, но просто сочувствуете, то и вас вовлекает разрушительная хаотизирующая сила революционной стихии. И вы тоже становитесь заложником неблагополучия, пополняя ряды революционеров – самоповредителей души и жизни. Достойная позиция сегодня – это позиция обывателя, заложника нашего светлого завтра, ибо ради обывателя, что в переводе на русский означает «горожанин», идет жестокая борьба болезненных амбиций, жажды власти и денег. Однако же победа в ней должна доставаться не ценой жизни горожан! А депутаты всех уровней, времен и народов лукавят, что именно об их благе думают и за это ратуют».

Рассказ Скитальца ошеломляет своей красочностью и некоторой мистичностью. Он заставляет читателя задуматься, вздрогнуть и как бы переносит его на место казни героя, и создается ощущение, что сам Шмидт находится где-то рядом.

Прошло более 100 лет с написания Скитальцем рассказа о казни лейтенанта Шмидта, а как он свеж и своевременен! Да, история повторяется и идет по спирали…

Свидетель

Рассказ Скитальца, опубликованный в газете «Одесские новости» 25 марта 1912 г. и подготовленный к публикации В.В. Шерстобитовым

– Вы говорите – комедия? Да, конечно, комедия, только разыгралась она не на сцене театра, а в настоящей жизни, да еще

и вошла в историю государства российского. Все вы эту комедию видели и даже отчасти в ней участвовали, не видели только последнего заключительного акта, в котором пришлось мне быть не только свидетелем, но и некоторым образом действующим лицом. Если уж вы так просите, то я, пожалуй, расскажу. Что же? – скрывать мне тут нечего, да и дело это прошлое, теперь значительно забытое: другие настали времена, другие интересы, многим, я думаю, и вспоминать-то о том времени и не хочется.

Господи, боже мой! Бывало, не знаешь, чего держаться, как думать, нынче эти наверху, а завтра, может быть, они внизу окажутся, и на их места нижние идут? Почва уходит из-под ног! Ну, однако, скоро выяснилось, что все это было не больше, как комедия, и я перестал колебаться. Нужно вам сказать, что по окончании духовной семинарии я поступил в университет и окончил там медицинский факультет, однако вследствие изменившихся взглядов моих возвратился вспять и принял духовный сан. Упоминаю об этом потому, чтобы вы знали, что я не только врач духовный, но еще и просто, по образованию моему, медик, следовательно – человек вполне интеллигентный. Взгляды мои вы также знаете: я – настоящий военный священник, служащий правительству не только за страх, но и за совесть.

Откровенно говорю: я ненавидел этого важного политического преступника не только личной ненавистью, но, главным образом, по убеждениям моим и, когда смертный приговор был подан на конфирмацию, сильно возмущался. Я открыто говорил тогда, показывая на мой наперсный крест, который ношу на груди: «Если приговор будет смягчен и преступника не казнят, то клянусь этим крестом – я больше не слуга такому правительству, я сниму и крест, и сан мой! Во имя всех нас и всего государства таким людям не должно быть пощады, взявшие меч от меча и погибнут! В пример другим он должен быть казнен. Он должен быть казнен! – говорил я. И когда действительно приговор был утвержден и господа офицеры, посмеиваясь, спрашивали меня, доволен ли я? – я отвечал: «Еще бы! Очень! Ибо справедливость торжествует! Древо неплодное секирой секут и в огне сжигают! Если слепец ведет слепых, то все в яму упадут!». А он вел за собой

слепых, увлекал их ложью своего красноречия, ибо этою силой укрепил его сам дьявол-отец.

Помню, как сам я испуган был действием слова его, когда он говорил на суде. Ведь какой суд был?! Что бы не говорил подсудимый, все равно, приговор от этого не мог измениться: он уже готов был заранее. Но, по закону, подсудимому было предоставлено последнее слово. Я присутствовал в зале заседаний и помню, как на вопрос председателя суда поднялся он со скамьи.

Высокий он был, фигурою строен, а лицом спокоен и бледен. Стоял вот так, с опущенной головой, и молчал с полминуты, и в зале тоже воцарилось молчание, а потом быстро вдруг откинул голову – обычная его ораторская манера – заговорил. Заговорил таким слабым, чуть слышным голосом, словно это был умирающий, а потом и пошел, и пошел, слово за словом, все сильнее, да ярче, да увлекательнее. Начал он – словно тихие звезды с неба хватал да бросал их одну за другой в волны рокочущие, а кончил – словно тяжкие камни опускал на глубокое дно…

Заговорил он, помню, словами от Писания, когда апостолы спросили Христа: «Господи как мы станем проповедовать? Языка неверных не знаем». И ответил Христос: «Не сами возглаголите: осенены будете силою свыше». – Вот и я, говорит, до суда думал отказаться от последнего слова и ничего не готовил заранее, а теперь скажу то, что явилось мне свыше», – и пошел, и повлек меня за собою, действительно, как бы сверхъестественною силою… И уже не мог я критически отнестись к тому, что он говорил, а так и шел за каждым его словом, мыслью их повторяя за ним.

Забыл я на это время всю ненависть мою и недоверие мое к нему, словом – забыл себя самого. Когда он кончил, в смущении вышел я в отдельную комнату и долго сидел там в молчании, как бы в колебании каком-то душевном. А когда пришел в себя и опомнился, то еще больше возненавидел волшебника сего с его заученным ораторским искусством, ловкостью приемов, с его актерством, притворством и опасной способностью очаровывать словами.

Еще более укрепился я в прежних мыслях моих и горячо восставал против малейших послаблений ненавистному человеку этому.

Когда в ожидании казни сидел он в каземате с тремя товарищами своими и поднимался вопрос о разрешении незаконной сожительнице его (З. И. Р. не была сожительницей Петра Шмидта – видно, автор этого не знал, а пользовался слухами. – **В. Ш.**) приходить к нему на свидание, я высказался против этого: расфранченная, надушенная тонкими духами, соблазнительная барынька – зачем тут она? К чему такая поблажка преступнику? Предосудительно, нежелательно и совсем напрасно.

Но вот приблизился роковой момент: командирован был я посетить всех троих заключенных (четверых. – **Авт.**) и дать им возможность исполнить последний долг каждого христианина исповедаться в грехах и причаститься св. даров. Хорошо-с. Отправился я.

Вхожу к нему в камеру. А он стоит у окна, ко мне спиной, и, должно быть, крепко задумался о чем-то, не заметил даже появления моего. Я стою у двери, смиренно скрестив вот так руки на груди, придерживая крест наперсный, пристально смотрю на него и молчу…

Вдруг он, словно почувствовал взгляд мой, вздрогнул и быстро обернулся, вскинул голову и тоже уставился на меня с некоторым как бы недоразумением.

– Я пришел, говорю, дать вам возможность исполнить последний долг всякого верующего христианина, ибо близко время, говорю…

Тут он понял, что смертный приговор подписан, а то, видно, все ждал и на что-то надеялся.

Взволновался. Говорит мне доверчиво так, по-детски как-то:

– Да как же, батюшка, ведь в этом есть какое-то противоречие…

Не понял я, о каком противоречии говорит он, – уж не о том ли, что по долгу службы дать ему последнее утешение пришел враг его злейший?..

Перебил я его и говорю:

– Какое же тут может быть противоречие? Ведь вы верующий?

Ожидал я, что сознается он в неверии своем и богохульное что-нибудь скажет или хоть оскорбит меня словом каким.

Но сказал он мне с прежней доверчивостью:

– Да, батюшка, в Бога я верую.

– Ну, так вот, говорю, коли искренне верите, то исповедайтесь и причаститесь, ибо близок день, когда предстанете к Престолу Всевышнего…

Ничего он больше не возразил, помолчал немного – и согласился.

Встал он предо мной на колени, и я, как бы сам Христос был на месте моем, исповедал и причастил его.

Верите ли? Навзрыд плакал он, исповедуясь, и опять было помутился я духом моим, но когда стал он к кресту прикладываться, вдруг так и пахнуло от него на меня развратными женскими духами. Ложь! Притворство! Комедия! Старая ненависть моя восторжествовала, и только обряд отпущения грехов исполнил я, но в душе не простил его, и сердце мое не смягчилось.

Вот таким манером я напутствовал его в загробный мир и пошел напутствовать остальных. Те-то трое – простые люди, грубые, озверелые, приняли меня так, что искренне возмутился я и оскорбился: разбойники и негодяи! – «Ты, говорят, поп, лучше бы водки нам принес! Убирайся!» и при этом неприличные слова. Повскакивали с нар, да ко мне! Ну, тут дневальный ворвался с солдатами и скомандовал: «Нары занять и ни с места! Иначе будете убитыми на местах!» – и, хоть ждали они себе казни позорной, – однако угрозы этой убоялись и присмирели на нарах, как звери. Я же, возмущаясь, поспешно удалился. Конечно, начальство – все знакомые мне: постаралось изгладить неприятное впечатление и пригласили меня по окончании закусить и выпить. Всю ночь до рассвета просидели мы тогда в разговорах за обильною трапезой; обсуждали значение событий тогдашних, разговор наш неотступно крутился вокруг имени главного преступника нашего, заявившего себя верующим в Бога христианином, исполнившим перед грядущей смертью обряды покаяния и причастия… И казалось нам, что неискренно все это было им сделано, ибо иначе великое противоречие должно было иметь сердце его…

Таинственным казалось мне сердце его. Хотелось раскрыть его и прочесть там подтверждение лживости человека того и оправдание ненависти нашей.

На рассвете подали к пристани катер, чтобы отвезти печальный кортеж на пустынный берег моря, где избрано было место для свершения казни. Собрался и я.

Заблаговременно надел под рясу епитрахиль – и какая досада – служка завернул в узел красную епитрахиль: не надо бы красную-то, неловко все-таки! Да уж поздно было переменять! Надел я ее заранее в каюте и запахнулся хорошенько, чтобы не видно было. Спустили их всех на катер связанными и на веревке, чтобы не вздумали броситься в море. Тех, простых-то, в трюм посадили, а он попросил позволения остаться на палубе. Позволили. Я тоже не возражал против этого: на палубе-то мы с ним только двое остались, а мне хотелось еще раз поговорить с ним наедине и нащупать тайны сердца его, ту гнусность душевную, без которой не мог бы ведь он совершить великое и гордое, сатанинское преступление, именуемое восстанием против Бога и все божеское на земле.

Ну, вот, катер давно уже мчится, а мы с ним в молчании странном сидим и смотрим, как разостлалось лазурное море до края небес. Около этого места, куда мы приближались, море большею частью бывает тихое, особенно ранним утром, а на этот раз утро выдалось редкостным: море было зеркальное и каждую минуту меняло цвет свой: то оно нежно-бирюзовое, словно шелковая пелена, золотыми звездами расшитая, то как яхонт оно или изумруд-камень, а то вдруг лиловым отольет или от зари яркие краски лягут на нем, то засеребрится и станет как бы снежное поле в лунную ночь, или вдруг набежит облачко и ярко зазеленеется море, как весенний луг… Вижу, смотрит он с восторгом необъяснимым на морскую гладь, озирается кругом, пораженный чудесами света и теней, в последний раз встречая зарю восходящую, словно прощаясь с миром земным, красотою и благостью исполненным…

Что думал он в эти минуты? Не хотелось ли ему крыльев орлиных, чтобы подняться над морем в небесную высь? Не мечталось ли ему обернуться щукой зубастой и уйти на глубокое морское дно?

Неведомы мне были мысли его, но видел я, как всем существом своим не верит он в смерть свою, как жадно ему хочется жить на этом свете, как жаль милого солнышка и любимой женщины, и друзей дорогих…

И тогда прервал я молчание наше.

– Знаете ли вы, – заговорил я, – что в числе солдат, которые будут расстреливать вас, есть один, любимый вами, близкий вам человек?

Вскинул он голову, посмотрел на меня пристально.

– Кто же это? – спрашивает.

– Дневальный ваш! Говорят, предан был вам!

Промолчал он, ничего мне на это не ответил.

Тут неожиданно ветер порывистый налетел неизвестно откуда, сморщилось море, позеленело, зарябилось, захлопали черные флаги над головами нашими, а у меня вдруг рясу распахнуло, и предстал я пред собеседником моим в красной епитрахили при свете алой зари, словно облитый кровью…

«Как палач!» – невольно подумалось мне самому.

Смущенный, поспешно запахнулся я и нахмурился, а ветер как нарочно, будто играя, так и раздевает меня, и мелькает в прорехе красное мое одеяние. Сначала отшатнулся он даже, а потом спросил:

– Это почему же, батюшка, епитрахиль на вас красная?

Тут разгневался я.

Встал, запахнулся, шляпу надвинул, крякнул и посмотрел на него с открытою враждою:

– А потому, говорю, что начинали вы под красным флагом, а кончаете под красной епитрахилью.

Отвернулся, отошел от него, и до самого прибытия на место не сказали мы больше ни слова.

И доволен я остался ответом моим.

Тут вскорости прибыли мы к месту.

Ах, и безотрадное же выбрали место: пустынное, тоскливое, одинокое, ни травки, ни кустика, плоский безжизненный берег да тихое беззвучное море, а неподалеку от берега готовы четыре столба и вырыты могилы.

Высадились.

Начались приготовления.

Стали на осужденных белые саваны надевать, да под руки веревками каждого к столбу привязывать.

– Холодно! – говорит один.

– Ничего! – отвечает другой. – Скоро совсем остынем!

– Нет ли у кого покурить? – спрашивает третий.

Конечно, эти шутки висельников и их напускное спокойствие были ничем иным, как бравированием.

Бравировал и он! Вынул папироску и закурил.

Тут подошел к нему я и, указывая на столбы, сказал ему строго:

– Потрудитесь бросить папиросу и не курить, ибо здесь начинается ваша Голгофа…

Сознаю теперь, что неуместным вышло у меня это сравнение, что и самому мне, как только я сказал, навсегда врезалось в мозг странное внешнее сходство: пустынное место казни, столбы и привязанные к ним разбойники, казнимые вместе с непонятным для меня человеком.

Должен признать, что держал он себя с большим самообладанием: послушался, бросил папиросу и попросил не надевать на него савана и не привязывать. Просьба его была уважена. Быстрыми шагами подошел он к столбу – встал, выставил грудь и руки крестообразно раскинул.

Солдаты встали на место.

Кроме солдат были тут еще и донские казаки, доставленные на отдельном судне. Они встали двумя рядами по бокам линии солдат и как сцепили их. Эта предосторожность была принята на случай, если бы солдаты отказались бы стрелять. Но солдаты были из надежных. Да чего тут! Офицер, командовавший ими, был до всех этих событий другом его (не друг, а черная тень Петра Шмидта – Михаил Ставраки. – **В. Ш.**), на «ты» они были, но долг прежде всего: когда они встретились лицом к лицу на месте казни, осужденный сказал своему бывшему другу:

– Вася – и ты?

Но тот ответил официально: я здесь не Вася, а офицер, исполняющий долг свой…

И все было исполнено по форме.

Был зачитан приговор.

Осужденные слушали с напускным спокойствием, все мы стояли во время чтения, не шелохнувшись, только молодой товарищ прокурора не выдержал, заткнул уши и побежал прочь. Нервы. По окончании чтения осужденный вдруг позвал меня:

– Батюшка, подойдите на минутку!

Бегом, придерживая крест и путаясь в рясе, подбежал я к нему.

Стоит, как встал у столба; крестообразно вытянувши руки, и тянется ко мне – крест поцеловать!

Приложился к кресту и быстро-быстро заговорил:

– Батюшка, встаньте позади солдат и крест над ними повыше в руки подымите: я на крест буду смотреть!

Непонятно, почему я так охотно и быстро, бегая рысцой, исполнял все его просьбы! В эти минуты я как-то сблизился с ним, как будто были мы заговорщиками и делали одно общее, важное для нас обоих дело в его вкусе.

Забежал я за спины солдат и высоко поднял крест, а он было начал говорить громким голосом прощальное слово, да офицер приказал замолчать и скомандовал солдатам.

Солдаты подняли ружья на прицел.

– Ради Бога – в сердце! – успел он крикнуть им, и это были его последние слова.

Грянул залп.

Упал он без крика. Остальные привязанные, в саванах, убитые наповал, без стона повисли на веревках.

Но одному из них пуля попала, как после оказалось, в верхнюю часть груди. Как он кричал! Это было что-то ужасное! От его визга, корч и хрипов мороз по коже и волосы поднимались на голове! Врач, по долгу службы присутствовавший при казни, человек привычный к смертям и убеждений крайне правых, упал в обморок.

Вот тут-то я и не могу объяснить ни вам, ни себе, почему я побежал не к этому несчастному, если вообще нужно было бежать куда-нибудь, а к «моему», без крика упавшему. Мне казалось, что и он, может быть, жив еще, что вот-вот он очнется и закричит, и забьется так же ужасно, как тот, все они трое воскреснут и поднимут леденящий душу вой, и тогда это будет невыносимо до сумасшествия! Не могу понять, какая сила распоряжалась мной, но я подбежал к неподвижному, навзничь лежащему трупу. То, что я сделал потом, еще меньше поддается описанию и какому-нибудь объяснению. Я присел на корточки; расстегнул на нем жилет и рубашку и стал осматривать рану: да, я убедился, что

Не топчите мой прахъ... Я дома а вы въ гостяхъ...

Лейтенантъ П. Шмидтъ.

Казненъ въ 1906 г. на островѣ Березань.

Тип. Лопшицъ, Одесса Преображенская 94.

солдаты целились ему в сердце, и ни один не промахнулся: пули были всажены одна в другую и образовали прямо против сердца одну сплошную рану с медный пятак величиной. Тогда я, засучив рукав моей рясы, вложил в эту рану персты мои и стал нащупывать в груди его сердце: но сердца там уже не было: в руке моей я ощутил только теплую кровавую кашу – вот все, что осталось от гордого самонадеянного сердца, жаждавшего погибели нашей! Сомнений не было: он был мертв – я действовал как медик.

Занятый этим исследованием моим, я почти не помню выстрелов, которыми, говорят, добивали недобитого.

Когда я поднялся – он уже молчал.

Молчали и живые. Поспешно предали мертвых земле и с каким-то облегченным сердцем отчалили от берега. Над морем всходило багряное солнце.

Публикация Валерия Шерстобитова

Вильгельм Зоргенфрей

Над Невой

Друг Александра Блока Вильгельм Зоргенфрей был расстрелян 21 сентября 1938 года. Блок чаще посвящал стихи своим Прекрасным дамам, гораздо реже – друзьям мужеского пола. Есть посвящения Б. Садовскому, В. Пясту, Е. Иванову. Одно из лучших и знаменитых стихотворений «Шаги командора» посвящены Вильгельму Александровичу Зоргенфрею, которого Блок в своей записной книжке называет среди четырех ближайших друзей. Мы можем считать Зоргенфрея в известной мере своим земляком. Он родился 30 августа (11 сентября) в Аккермане, то есть под Одессой. Отец был из лифляндских немцев, а мать – армянкой. Зоргенфрей был переводчиком и поэтом, одним из тех, без которых Серебряный век был бы неполным. У него вышел один сборник стихов «Страстная суббота» в 1922 году, который он посвятил «благословенной памяти Александра Александровича Блока». Возможно, Зоргенфрей и запомнился многим благодаря посвящению на «Шагах Командора». Но стихи у него были не просто достойные, а мужественные и провидческие.

Валентина Голубовская

Поздней ночью над Невой
В полосе сторожевой
Взвыла злобная сирена,
Вспыхнул сноп ацетилена.

Снова тишь и снова мгла.
Вьюга площадь замела.

Крест вздымая над колонной,
Смотрит ангел окрыленный
На забытые дворцы,
На разбитые торцы.

Стужа крепнет. Ветер злится.
Подо льдом вода струится.

Надо льдом костры горят,
Караул идет в наряд.
Провода вверху гудят:
Славен город Петроград!

В нише темного дворца
Вырос призрак мертвеца,
И погибшая столица
В очи призраку глядится.

А над камнем, у костра,
Тень последнего Петра –
Взоры прячет, содрогаясь,
Горько плачет, отрекаясь.

Ноют жалобно гудки.
Ветер свищет вдоль реки.

Сумрак тает. Рассветает.
Пар встает от желтых льдин,
Желтый свет в окне мелькает.
Гражданина окликает
Гражданин:

– Что сегодня, гражданин,
На обед?
Прикреплялись, гражданин,
Или нет?

– Я сегодня, гражданин,
Плохо спал!
Душу я на керосин
Обменял.

От залива налетает резвый шквал,
Торопливо наметает снежный вал
Чтобы глуше еще было и темней,
Чтобы души не щемило у теней.

1920

Татьяна Щурова

Легенда современной Одессы

В этом году исполнилось 44 года со дня первого приезда в Одессу и начала меценатской деятельности французской художницы Сюзанны Савари и ее супруга Андре-Эдельвейса Полидори.

Эти имена уже давно известны в Одессе, об их ежегодных приездах написано в периодике, снято множество телерепортажей. И тем не менее каждый раз журналистов интересует вопрос о том, почему французская художница и ее верный супруг и помощник так любят наш город и на протяжении более чем четырех десятилетий неизменно одаривают его не только своим добрым отношением, но стараются пополнить хранилища библиотек, музеев и учебных заведений редкими изданиями и экспонатами. Видимо, это действительно редкость в наше прагматичное время, и гораздо привычней понятие спонсор, нежели меценат или благотворитель.

Эта чета не обладает сказочными богатствами, свои скромные доходы они никогда не стремились вложить в приличный дом, и до сих пор снимают лишь небольшую квартиру в своем родном городе Тионвилле, который находится в Лотарингии, в тридцати километрах от границы с Германией, Люксембургом и Бельгией.

В Сюзане Савари совершенно нет аристократической спеси, хотя ее род ведет отсчет со времен Наполеона Бонапарта, у которого предок Сюзанны был министром полиции при императоре. Со стороны матери в роду было много музыкантов, сама мадам Савари в юности играла на скрипке.

Лишения во время второй мировой войны закалили характер этой миниатюрной внешне, но обладающей сильным характером женщины. На всю жизнь сохранила она чувство глубокой благо-

дарности советским воинам-освободителям, принесшим ценой огромных жертв освобождение Европе и ее стране в частности от фашизма. Андре Полидори – участник Сопротивления. У них общие привязанности и интересы, любовь к искусству. Их большие сердца оказались чуткими к добру на всю жизнь.

Творчество художницы широко известно за пределами Франции, перечень ее почетных званий занял бы немало места. Мадам Савари – член независимой Художественной академии в Париже, обладательница золотых медалей на выставках Европы и Америки, она удостоена высшей французской награды «Золотой зенит» за многогранную общественную работу. Первый вернисаж на родине состоялся в 1955 году, с тех пор было множество международных премий, выставки в США, Японии, многих странах Европы. Имя С. Савари вошло во многие справочные издания, такие, например, как «Женщина и художник» и «Природа, пейзажи, сады», выпущенные тиражом всего 500 экз. и представляющие большой информационный и художественный интерес.

Ее творчество высоко оценивается среди европейских дамтворцов XX столетия, отмечается тонкое мастерство художницы в изображении натюрмортов и пейзажей.

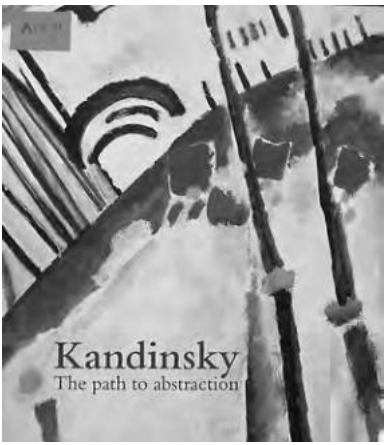
Взаимоотношения четы Савари-Полидори с нашим городом похожи на прекрасную сказку. Дружба с Одессой началась в 1969 году со знакомства с преподавателями ОГУ им. И.И. Мечникова. Ее картина «Букет дружбы» символически ознаменовала первое дарение художницы Музею западного и восточного искусства и вручалась в торжественной обстановке. С тех пор в течение многих лет меценатской деятельности Савари подарила этому музею более двух десятков своих полотен, предметы декоративного искусства из фамильной коллекции и разысканных в антикварных магазинах. Это и редкий французский фарфор, и различные образцы тончайшей вышивки, и мелкая скульптурная пластика. Библиотеке музея за эти годы было подарено около 3.000 альбомов, справоч-

ных изданий, каталогов, ценной периодики, которые очень помогают сотрудникам в их научных разработках и исследовательской работе. Так, благодаря ей была установлена связь с депутатом французского департамента, где родился известный художник Виктор Юбер, автор портрета одесского градоначальника Армана Эммануэля Ришелье. Во французском журнале появилась статья одесских искусствоведов, из которой впервые стало известно, что портрет А.Э. Ришелье, подаренный в XIX в., находится в Одессе, в Украине, что было интересно французским исследователям.

У себя на родине С. Савари постоянно занимается поисками материалов, относящихся к истории нашего города и государства. Так, к открытию Одесского историко-краеведческого музея после

капитального ремонта в 1994 году она подарила трехтомный трактат о семье Ришелье, разысканный в одном из антикварных магазинов Франции и представляющий на сегодняшний день большую библиографическую ценность. Тогда же она подарила музею и гравюру XIX века «Старая Одесса».

Музей морского флота получил в подарок двухтомный энциклопедический словарь по истории и строительству парусных судов и современных шхун.

Благодаря помощи мадам Савари сегодня в Литературном музее существует специальный фонд книг, среди которых немало раритетных экземпляров. За эти годы удалось во Франции разыскать редкие издания произведений А. Пушкина, В. Набокова, К. Паустовского, писателей «одесской плеяды» – И. Бабеля, И. Ильфа и Е. Петрова, Ю. Олеши, а также французских авторов XIX-XX ст.

В прошлом скрипачка, мадам Савари с большим вниманием относится к нуждам Одесской музыкальной академии им. А.В. Неждановой. В каждое свое посещение она вручает в дар этому учебному заведению множество сборников музыкальных произведений – фортепианных, гитарных, вокальных. Произведений редчайших – классических, современных – изданий, отсутствующих в библиотеках Украины. Из ее «музыкальных приношений»
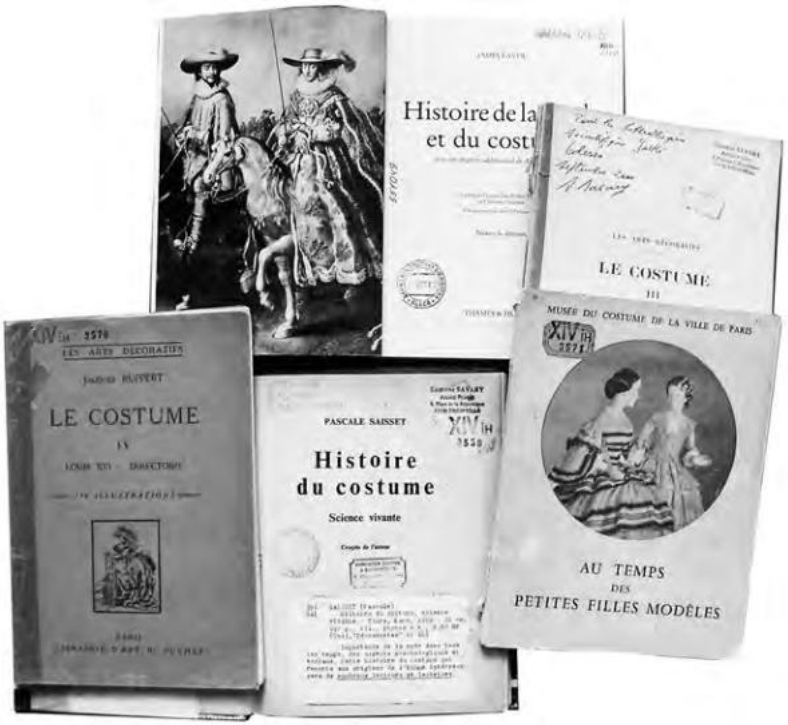
в консерваторской библиотеке уже образовался отдельный нотный «фонд Савари».

Наиболее ценными оказались ее подарки обучающимся игре на классической гитаре, поскольку это отделение образовано сравнительно недавно. Благодаря открывшимся репертуарным возможностям студенты и преподаватели теперь имеют материал для участия в международных конкурсах в Болгарии, во Франции, в Италии. С. Савари организовала за эти годы несколько выездов преподавателей-гитаристок Е. Луневой и Л. Камбур во Францию и Люксембург, где они с успехом выступали. Следует отметить, что в этих поездках Савари постоянно оказывает нашим музыкантам ощутимую финансовую помощь. Меценатская деятельность ее разнообразна. В Швейцарии она отыскала виллу Сергея Рахманинова, нарисовала ее и подарила эту работу Одесской музыкальной академии.

Актом не только меценатским, но и гражданским, была передача ею специализированной гимназии № 10 списка и фотографий воинов нашей страны, погибших в Лотарингии. Савари затем удалось

разыскать атлас захоронений на территории Франции наших воинов, павших во время первой и второй мировых войн. Атлас передан областному Совету мира.

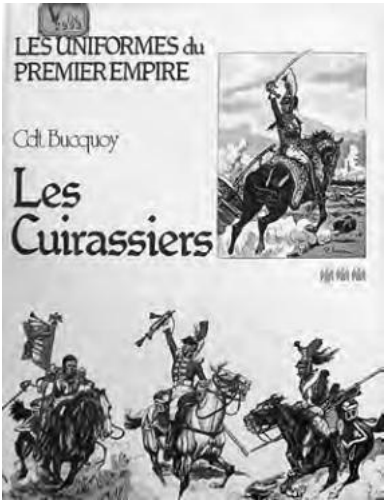
В Международной академии (Париж) Сюзанна Савари организовала выставку одесского скульптора Алексея Рыжова с его геммой «Скорбь Чернобыля» и художницы-керамистки Дины Клюфгант. Оба художника были удостоены серебряных медалей, причем Рыжов получил еще и особую премию.

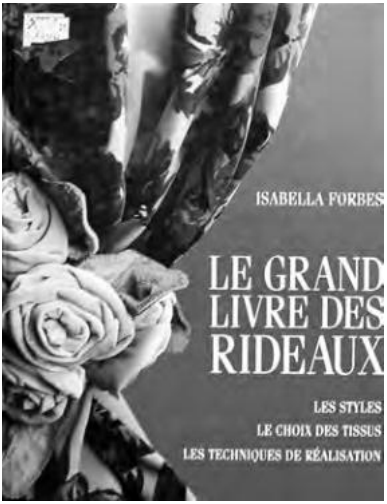
Несколько раз С. Савари удавалось организовывать благотворительные турне во Францию камерного ансамбля «Ренессанс» – солистов Одесской филармонии. Наших артистов узнали и полюбили в департаменте Лотарингия, а затем в Люксембурге, Тионвилле, Ютсе, Меце и других городах.

Во Франции Савари организовала в конце 90-х гг. сбор гуманитарной помощи и переслала ее с ансамблем «Ренессанс». Лекарства и одежда были переданы в Одессе Совету многодетных матерей Суворовского района.

Следует еще раз подчеркнуть, что во все культурные акции, которые организует мадам Савари и ее супруг во Франции с участием одесских исполнителей и художников, они вкладывают не только часть своей прекрасной души, но и значительные материальные средства, что особенно значимо, ибо семья Савари-Полидори не относится к разряду богатых людей.

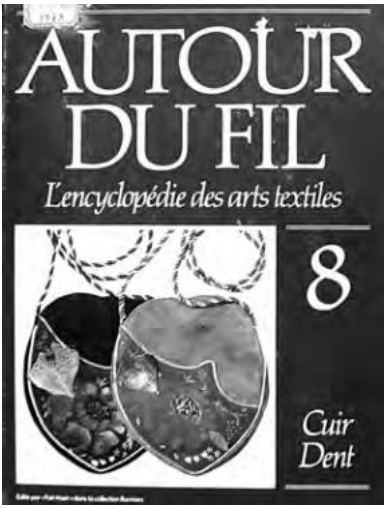

Стало уже доброй традицией, что один из первых визитов в Одессу во время ежегодных приездов мадам Сюзанны и мсье Андре – в библиотеку им. М. Горького. Каждый раз с волнением открывается заветный ящик с литературой. За эти годы в фонды ОННБ получено от наших друзей более 2.800 книг и периодических изданий, большую часть из которых вряд ли можно найти в других книжных собраниях Украины. Дело, конечно, не в количестве литературы, хотя и оно впечатляет, так как привезено из Франции, что называется, «на себе». Да еще круглый год на адрес библиотеки регулярно поступают посылки с литературой, присланные по почте или с оказией. Умение понять нужды читающей публики, упорство и последовательность при поиске нужных нам изданий сделали фонд Сюзанны Савари популярным среди одесситов. Чтобы подарить библиотеке нужные книги, меценатам приходится искать их не только во Франции, но и в Бельгии, и в Швейцарии, куда они выезжают по делам.

За эти годы наша библиотека получила целый ряд отличных видовых альбомов городов Западной Европы. Французская художница считает честью для себя привезти подобные материалы

в Одессу, верно понимая, что это сблизит наши народы.

Значительная часть книжных подарков Горьковке посвящена вопросам искусства. Альбомы по архитектуре, дизайну интерьеров, кинематографу, где множество имен актеров и режиссеров знакомы и любимы, изобразительному искусству 20-30-х гг. прошлого столетия, а также персональные альбомы, например Василия Кандинского, Марка Шагала, Пауля Клее, Пюви де Шаванна и др. Очень ценным пополнением библиотеки считаем 18-томную «Энциклопедию текстильных искусств», раритетный «Музыкальный альбом», изданный в Париже в 1930 году, иллюстрированные каталоги от кутюрье с образцами тканей. Несколько лет назад С. Савари подписалась специально для библиотеки на журнал по истории военного костюма. Нужно сказать, что она вообще очень серьезно отнеслась к нашим нуждам в теме истории моды и привезла много редких изданий. С этой литературой имеют возможность работать не только художники и музыканты, но и студенты художественных вузов и училищ.

Не менее интересной и полезной оказалась подборка медицинской литературы по актуальным проблемам диагностики

Наш друг СЮЗАННА САВАРІ :
до 44-річчя першого відвідування м. Одеси
ФРАНЦУЗЬКОЮ ХУДОЖНИЦЕЮ
d'Odessa
ГРОМАДЯН
Kandinsky

ОДЕСЬКА МІСЬКА РАДА

РІШЕННЯ

14 сентября 1999 г.

г. Одесса

ОДЕССКИЙ ГОРОДСКОЙ СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

№ 199-XXIII

О ПРИСВОЕНИИ СЮЗАННЕ САВАРИ-ПОЛИДОРИ (ГРАЖДАНКЕ ФРАНЦИИ) ЗВАНИЯ "ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН ГОРОДА ОДЕССЫ"

В соответствии со ст. 25 Закона Украины "О местном самоуправлении в Украине", руководствуясь Положением о присвоении звания "Почетный гражданин города Одессы", принимая во внимание ходатайства коллективов: Музея западного и восточного искусства, Одесской государственной консерватории им. А.В. Неждановой, Одесской государственной библиотеки им. М. Горького, областного Совета мира, а также учитывая рекомендацию постоянной комиссии городского совета по культуре, просвещению и науке о присвоении Сюзанне Савари-Полидори (гражданке Франции) звания "Почетный гражданин города Одессы", Одесский городской совет

РЕШИЛ:

1. Присвоить Сюзанне Савари-Полидори (гражданке Франции) звание "Почетный гражданин города Одессы".

2. Предоставить Почетному гражданину города Одессы Сюзанне Савари-Полидори льготы и привилегии, предусмотренные Положением "О присвоении звания "Почетный гражданин города Одессы".

3. Контроль за выполнением данного решения возложить на постоянную комиссию по культуре, просвещению и науке.

Городской голова Р. БОДЕЛАН.

и лечения различных заболеваний, ультразвуковым исследованиям и ионизирующим излучениям.

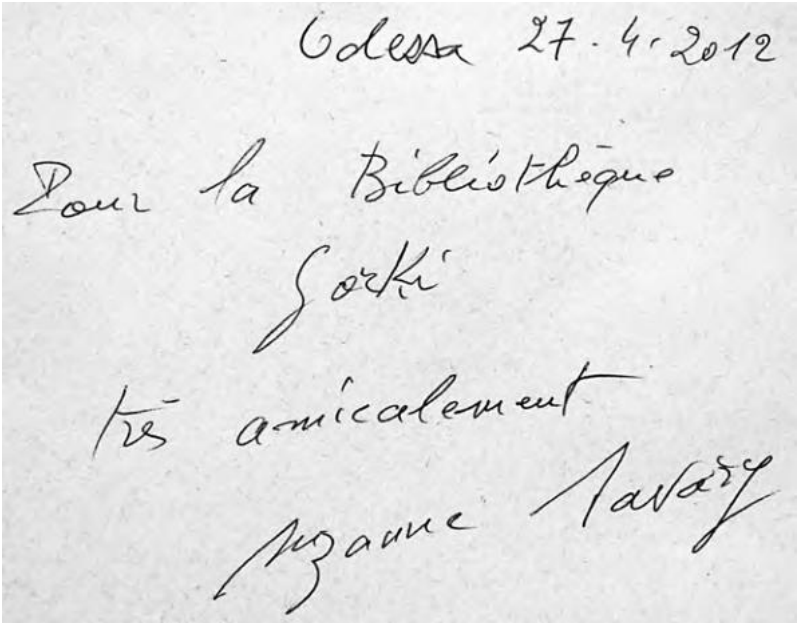
Попали в фонды библиотеки также шеститомная энциклопедия Пьера-Мари Гийона «Защита ваших интересов», в которой раскрываются вопросы повышения социального и материального уровня жизни, даются советы тем, кто стремится сделать карьеру, и восьмитомный труд того же автора «Энциклопедия по вопросам размещения капиталов».

Значительное количество даров мадам Савари – беллетристика и книги по истории литературы. Обращает внимание двухтомный энциклопедический справочник «Литература и речь», рассматривающий литературные понятия как часть общего языка культуры – в синтезе с театром, кино, изобразительным искусством. Или же прекрасно иллюстрированная антология литературы от Средневековья до XVIII века: «Литература. Тексты, история, методы». Ежегодно на полки библиотеки становятся тома классиков французской литературы – Вольтера, Руссо, Мольера,

Лафонтена, Монтескье, Бальзака, Мопассана, Флобера; книги современных авторов – А. Мальро, П. Клоделя, Б. Виана и др., в том числе мы получили два сборника из серии «Избранные книги», куда вошли бестселлеры популярных на Западе, но практически неизвестных в Украине писателей.

Часть книг – учебная литература для тех, кто хочет серьезно изучать французский язык и французскую литературу.

За бескорыстную меценатскую деятельность французской художнице в 1999 году Одесский городской совет присвоил звание «Почетный гражданин Одессы» (первой среди иностранных граждан). Ей также был торжественно вручен в 2006 году Почетный знак председателя облгосадминистрации за весомый вклад в развитие дружественных отношений между Украиной и Францией. Все эти почести заслужены Сюзанной Савари. Призвание делать добро – редкий человеческий дар, прекрасный пример для современников и потомков.

Феликс Кохрихт

Родос: рыцарь и колосс

Родосский Колосс мог выглядеть и так

С начала третьего тысячелетия граждане разных стран все чаще и охотнее участвуют в определении рейтингов претендентов на статус новых Чудес света, созданных природой, или же рукотворных. Из-за расхождения во взглядах возникают споры, причем зачастую бурные и продолжительные. А вот по поводу классического перечня, насчитывающего всего семь Феноменов, разногласий не наблюдается.

Согласно представлениям древних, в него входили произведения архитекторов, ваятелей и строителей, поразившие воображение современников и ставшие к нашим дням и историческими фактами, и мифологическими сюжетами. Позволим себе похвастаться: нам посчастливилось побывать в местах, где они находились. Этому способствует то, что все Чудеса были созданы в границах Ойкумены – так эллины называли известное им (на то время) пространство, которое населяли

разумные люди. В основном, это были народы, укоренившиеся берегах Средиземноморья и связанного с ним Понта Эвксинского – моря Черного, где мы и проживаем.

От Одессы недалеко до Эгейского побережья Турции, где некогда безумец Герострат сжег прекрасный Эфесский храм Артемиды, а в соседнем Галикарнасе (ныне Бодрум) поражал воображение современников мавзолей местного царя. В Греции вам покажут холм, на котором приносили жертвы к подножию статуи владыки Олимпа Зевса.

Наш пароход ночью входил в египетский порт Александрию, при свете маяка указывающего фарватер, но куда ему до гигантского античного предшественника, от которого, увы, ничего не осталось… К счастью, и сегодня потрясает пирамида Хеопса, единственная из Чудес света, дожившая до наших дней. Не добрались мы в свое время до Ирака, где в древности были разбиты фантастические сады царицы Семирамиды, а сегодня это вряд ли удастся…

Седьмым в этом списке мы поставили Родос, куда и приглашаем сегодня читателей альманаха. Случилось так, что на этот греческий остров, омываемый Эгейским и Средиземным морями, мы оправились после того, как побывали в итальянском городке Амальфи, что вблизи Неаполя. Здесь в начале XI века состоятельные люди основали орден Иоаннитов, призванный опекать крестоносцев, сражавшихся в Палестине за Гроб Господень с воинственными сарацинами. Там же родился символ ордена – особый крест, впоследствии названный мальтийским. Он и сегодня – на гербе Амальфи.

Спустя время орден перебрался на Родос, где и находился 213 лет – до декабря 1552 года, когда последний великий магистр

был вынужден сдать город Родос и крепость турецкому султану… В дальнейшем иоанниты поселились на Мальте, но это уже другая история.

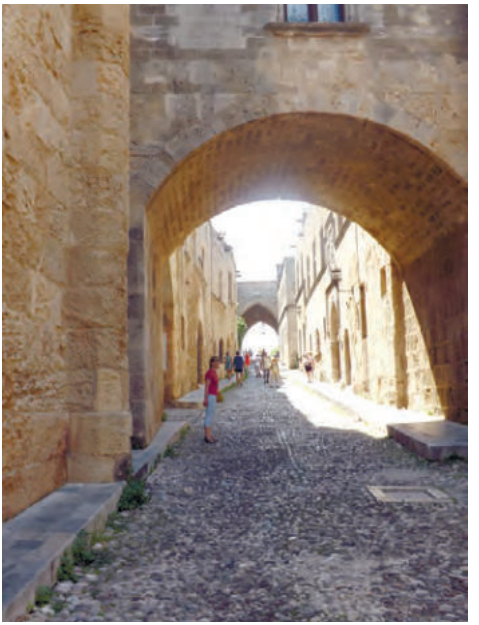
Но тогда, в XI веке, никто из рыцарей не думал о поражениях и разочарованиях. Они – представители лучших родов и семей Европы, если хотите, тогдашнее родосское сообщество можно считать прообразом нынешнего ЕС. Правда, этими юношами и умудренными опытом магистрами владели не прагматические, а возвышенные приоритеты. Рыцари были готовы отдать жизнь во имя освобождения Иерусалима и Прекрасной дамы, под которой предполагалась Дева Мария.

Образ такого идеалиста – отважного и чистого – создал Пушкин: «Жил на свете рыцарь бедный. молчаливый и простой, с виду сумрачный и бледный, духом смелый и прямой…». О нем мы вспомнили, когда на Рыцарской улице Старого города увидели на стене одного из домов герб – щит с изображением Розы и Меча. Этот геральдический символ лег в основу многих литературных произведений и романтического английского фильма «Меч и роза».

В Старом городе все напоминает о рыцарях – сохранились здания, где они жили, госпиталь – там сейчас исторический музей, дворец Великого магистра. Фигуры в латах и при копьях-мечах можно увидеть на крепостных стенах, с ними охотно фотографируются путешественники, особенно дамы.

Знаменательно, что иоанниты – посланцы разных католических стран и знатных, в основном королевских, родов селились на Рыцарской улице не по государственному, по языковому принципу. Их сообщества так и назывались – «Языки»: Прованса, Оверни, (нынешняя Франция), Кастилии, Арагона (Испания). Были и германские, и итальянские, и английские «Языки»…

В те времена город Родос был неприступной крепостью – его опоясывали две стены, внутренняя и внешняя, укрепленные мощными башнями. Длина по периметру – около десяти километров. В этом мы убедились, однажды решив погулять между стенами, и в конце концов заблудились в пространстве, усыпанном внушительными каменными ядрами – свидетелями многочисленных войн. В это трудно поверить, но пройдя несколько километров под палящим полуденным солнцем по каменистой дороге, петляющей между бастионами, мы так и не нашли ни одного отверстия в стенах, ни одних ворот, ни одной дверцы, которые вывели бы нас из этого сурового коридора… Представили себе, каково было вражеским воинам, попавшим внутрь стен, – на них ведь сверху лили расплавленную смолу и засыпали вот этими увесистыми ядрами.

К счастью, неутомимый немецкий велосипедист нагнал нас и вывел к городским воротам – прямо на набережную.

Именно здесь, согласно свидетельствам современников и легендам, и возвышался в IV веке до н. э. Колосс Родосский – одно из семи Чудес света. Его воздвигли в честь победы над врагами из трофейной бронзы. Она блестела на солнце – именно этот драгоценный тогда металл был достоин Гелиоса, могучего бога Солнца, которого особо почитали древние эллины. Великий ваятель Харет из Линда сначала изготовил глиняную фигуру, а затем одел ее в бронзу. Увы, достоверное изображение этого шедевра до наших дней не сохранилось, дошли лишь описания современников, из которых следует, что статуя бога была высотой примерно в 31 метр. Среди прочих есть версия, что между его широко расставленными ногами проходили корабли.

Гигантская статуя Гелиоса простояла всего 66 лет и рухнула во время сильного землетрясения. Отсюда и пошло выражение: колосс на глиняных ногах.

Сегодня на точках, где, согласно мифу, размещались ноги Гелиоса, на территории гавани стоят мраморные колонны, на которых утвердились копытцами фигуры оленей местной породы, по-научному она называется «дама-дама», независимо от пола отдельно взятого животного.

Разумеется, Родос был населен и до того, как произошла коллизия с Колоссом. Значительно раньше здесь поклонялись Афине – богине мудрости и домашнего очага. Ей посвящен храм в городе Линдосе, который, на наш взгляд, достоин войти в любой список чудес света. О нем и о том, где и как сливаются (не перемешиваясь!) воды Эгейского и Средиземного морей, мы расскажем в следующем номере нашего альманаха.

Фото автора и Татьяны Вербицкой

Иван Липтуга

Фидбэк о Сингапуре

Посвящается моему вдохновению, которое меня не покидает ни на секунду, и которому я еще в Сингапуре пообещал все подробно описать. Вот пишу.

Представьте себе жизнь, где круглый год изо дня в день на улице 30 градусов жары, дикая влажность и грозы с ливнями. Погодные условия, на мой взгляд, во многом определяют ментальность людей. При таком климате не хочется ничего делать, но сингапурцам – почему-то наоборот. Они пашут и пашут, и главное – видны результаты.

Сингапур еще во второй половине девятнадцатого века был небольшой рыбацкой деревней и входил в Британскую империю. «Синга» на малайском означает лев, «пур» – город. Во время второй мировой войны на него посягала Япония, потом Малайзия, которая впоследствии сама же и отказалась от Сингапура, объясняя это этническим составом населения, в котором преобладали китайцы (78%) над малайцами (14%). В 1965 году, в момент обретения независимости, Сингапур представлял собой маленькую бедную страну в ширину и длину не больше тридцати километров, которой приходилось импортировать даже пресную воду и строительный песок. Соседние страны были настроены недружелюбно, а треть населения симпатизировала коммунистам. Но на их счастье, у них появился новый премьер-министр Ли Куан Ю, человек с английским образованием, представляющий класс буржуа. Ли Куан Ю получил независимый Сингапур со всеми его проблемами и сумел превратить этот архипелаг островов из страны третьего мира в одну из первых экономик. Стратегия

экономического развития правительства Ли Куан Ю строилась на превращении Сингапура в финансовый и торговый центр Юго-Восточной Азии, а также на привлечении иностранных инвесторов.

В 1960-1970-е годы была полностью реформирована система образования. В Сингапуре имелось множество различных национальных школ, которые получили единые минимальные стандарты. Английский язык стал обязательным для изучения во всех школах, вузы были также переведены на преподавание на английском языке. Правительство тратило колоссальные средства на обучение сингапурских студентов в лучших университетах мира.

За короткий промежуток времени Ли Куан Ю сумел победить коррупцию, которая, кстати, является одной из черт азиатского образа жизни. В Азии люди всегда открыто принимали вознаграждение, и это являлось частью их жизни. Борьба с коррупцией началась путем упрощения процедур принятия решений и удаления всякой двусмысленности в законах в результате издания ясных и простых правил. Зарплаты судей были подняты до уровня свыше миллиона долларов в год, а на судейские должности были привлечены лучшие частные адвокаты. Ли Куан Ю постоянно насаждал принцип верховенства закона и равенства всех перед законом, включая высших чиновников и даже своих родственников. Когда его спросили: «Как вам удалось победить коррупцию?» – он ответил: «Начните с того, что посадите трех своих друзей. Вы знаете, за что, и они знают, за что!» Законодательная система страны была унаследована от английского колониального правления. Благодаря ей Сингапур является одной из самых безопасных и законопослушных стран в мире.

Верховенство закона в Сингапуре проявляется не только на высшем уровне, но и на бытовом. Сингапур считается мировой столицей штрафов. Штрафы здесь предусмотрены за все что угодно. Не плюй, не жуй, не сори, не кури, не стой, не ходи, не смотри. Тотальный контроль за порядком, наши выживают с трудом. Контроль за соблюдением всех правил, между прочим, осуществляется через видеонаблюдение. Вяло шатающихся полицейских, как у нас на Приморском бульваре, там не встретишь. Кстати, один из самых комичных штрафов – это штраф за то – внимание! – что после полива цветов в блюдце под горшком остается вода. Благодаря такой мере власти практически искоренили комаров и из-

бавились от эпидемий малярии и лихорадки в стране.

Кроме штрафов в Сингапуре существуют нарушения, за которые нарушителей просто лупят тростниковыми палками. Разумеется, эта экзекуция идет бонусом к тюремному заключению, например за кражу, за вандализм, за изнасилование или, не приведи господь, за покушение на убийство. Приучают к телесным наказаниям с детства. В магазинах для этих целей свободно продаются облегченные тростниковые палки, поэтому американские басни о детях, которые подают в суд на своих родителей за шлепок по попе, здесь не проходят.

В Сингапуре многое запрещено. И об этом следует знать, прежде чем отправляться на прогулку по его улицам

Самых непослушных сингапурцев просто вешают. Повесить могут за коррупцию, торговлю наркотиками, жестокое убийство, государственную измену и посягательство на жизнь президента. По количеству смертных приговоров Сингапур один из первых в мире. Законы одинаково распространяются также и на туристов, поэтому там регулярно вешают бедолаг, которые по неосторожности захватили с собой немного легких наркотиков. А вообще Сингапур – государство демократическое, но чтобы граждане не голосовали как попало, на избирательных бюллетенях на всякий случай указываются паспортные данные голосующих.

Зато в Сингапуре легализована проституция. Только на одной улице Geylang официально трудится десять тысяч представительниц слабого пола. И тем не менее, Сингапур является лучшей страной в мире по состоянию здоровья своих жителей.

Едят сингапурцы много, вкусно и разнообразно за счет смешения национальных кухонь Китая, Малайзии и Индии, есть также и европейская кухня. Еда свежая и качественная, но при выборе ресторана нужно внимательно читать меню и считать. В некоторых

туристических районах могут предложить вкуснейших крабов с Аляски, приготовленных по традиционному сингапурскому рецепту с чили-соусом по цене 18 сингапурских долларов за 100 г. По факту один краб может выйти от трех до пяти килограмм и будет вам стоить от 600 до 900 сингапурских долларов. Нам с друзьями таки удалось съесть два таких краба, что моментально сбило эйфорию от сингапурского гостеприимства. Едят сингапурцы в зависимости от типа еды палочками, ложками или правой рукой. Левая почему-то считается нечистой и для приема пищи не используется. Кстати о мытье рук, по городу расположено много бесплатных общественных туалетов. Они чистые, и в них даже есть туалетная бумага.

В Сингапуре есть два этнических района, Маленькая Индия и Китайский квартал. Изначально эти районы создавались для адаптации эмигрантов, но сейчас утратили свое первоначальное значение и остались лишь культурными центрами, где можно отведать местную кухню и купить национальные товары и сувениры.

По поводу борьбы с пробками и количеством автомобилей я уже писал, но повторюсь, что автомобиль – это все-таки роскошь. Мы все привыкли жаловаться по поводу пробок на дорогах и сетовать на то, что города неспособны справиться с бесконечно растущим количеством автомобилей. Сколько бы дорог и новых развязок ни строили, движение легче не становится. В Сингапуре к этому вопросу подошли просто и радикально. Позволить себе личный автомобиль могут 15% жителей острова-государства. При населении в 5,5 миллионов жителей количество автомобилей постоянно ниже миллиона единиц. Добились они такого результата элементарным регулированием импортной и ценовой политики. Каждый автомобиль облагается минимум 100% налогом, а также покупкой так называемого сертификата на право владения автомобилем, которая проводится на условиях аукциона. То есть кто больше в данный момент заплатит, тот и получит право на владение. Таким образом, стоимость, например, Toyota Camry легко достигает 150-180 тысяч долларов, топовые модели Mercedes или BMW доходят и до полумиллиона. Кроме этого, все автомобили, достигающие 10-летнего возраста, облагаются непомерным сбором на техобслуживание, что делает владение старым автомобилем абсолютно бессмысленным. Но если так уж

Европейские купцы общаются с жителями Сингапура и учат их вести торговлю

случилось, что автомобиль куплен, возникает еще целый ряд обязательных и дополнительных расходов на городские парковки, дорожные сборы и так далее. Поэтому подавляющее большинство сингапурцев прекрасно обходится без личного транспорта, передвигается на надземном метро, автобусах и такси. Поэтому, несмотря на то, что для нас чужд их китайско-азиатский менталитет, стоит признать, что другого пути решения проблемы с пробками на дорогах и загруженностью городов пока нет, и в ближайшей перспективе не появится. Постепенно все больше стран будут переходить на подобные меры регулирования.

Несмотря на количество автомобильных развязок и множество небоскребов, за что Сингапур называют «каменными джунглями», почти в каждом районе города есть спортивные площадки и парки. Почти половина территории Сингапура покрыта зелеными насаждениями – разнообразными садами и национальными парками. Сингапурский зоопарк и ночное сафари считаются лучшими зоопарками в мире. Животные там не в клетках, а разгуливают по специально продуманным и защищенным естественным природным ландшафтам.

Одна из визитных карточек Сингапура – знаменитый пятизвездочный гостиничный комплекс «Марина-Бэй Сэндз», состоящий из трех двухсотметровых 55-этажных башен. На крышах башен расположена площадка SkyPark в виде корабля, на которой в том числе есть 150-метровый бассейн. Поплавать в бассейне можно только проживающим в отеле, но подойти к бассейну туристам разрешается. Правда, только один раз в день, в 14:00, и на 15 минут. В это время постояльцев там не встретишь. И вообще, там скорее ощущаешь себя не в отеле, а в огромном торгово-развлекательном центре, где визитеров гораздо больше, чем резидентов.

Каждый вечер рядом с набережной Марина-Бэй проходит лазерное шоу – вода из фонтана распыляется мелкими брызгами, создавая экран, на который под музыкальное сопровождение из динамиков проецируется изображение.

Еще одна фишка Сингапура – Singapore Flyer, самое высокое в мире 165-метровое колесо обозрения. Для сравнения: высота London Eye, лондонского собрата, – 135. В хорошую погоду

Бренд Одессы еще молод, но уже известен во многих странах
В Сингапуре я встретился с его создателем – московским дизайнером Артемием Лебедевым
Мы любим Одессу!

с самого верха открывается потрясающий вид на город, и видны даже некоторые острова Индонезии и Малайзии.

Заканчиваю свой рассказ о Сингапуре по фен-шуй. Сингапур практически весь построен по канонам фен-шуй – его ландшафт и архитектура согласованы с учением о влиянии потоков энергии на человека. Все дома лишены острых углов, внутри зданий непременно должен находиться источник со струящейся водой – чтобы потоки денег текли легко и свободно. В центре Сингапура установлен огромный фонтан Богатства, который попал в Книгу рекордов Гиннесса как самый большой фонтан в мире. Площадь его основания составляет 1683 кв. м, а над основанием возвышается 85-тонная конструкция, представляющая собой гигантское бронзовое кольцо на четырех наклонных колоннах высотой с пятиэтажный дом. Из бронзового кольца сверху вниз и к центру бьют многочисленные струи. Дизайн фонтана в точном соответствии с рекомендациями фен-шуй насыщен всевозможными азиатскими символами, способствующими преуспеянию. Вода собирается к центру, что символизирует накопление богатства. Также по законам фен-шуй выбиралась и форма монеты сингапурского доллара, поэтому на монетах используют символ Багуа, и в круг вписан восьмиугольник.

Так что, товарищи, хотите жить, как в Сингапуре, – посадите сначала трех своих друзей и начинайте все делать по фен-шуй.

Фото автора

Юрий Овтин

Обрезание по-одесски

История эта приключилась несколько лет назад, когда только появившиеся у нас портативные CD-плейеры стали пользоваться бешеной популярностью у молодежи. Спрос на них во много раз превышал предложение, и приобрести это импортное миниатюрное музыкальное чудо было невероятно сложно. А может быть, все это мне только кажется? Впрочем, судите сами…

…Через пару дней моему младшему сыну должно было стукнуть семнадцать лет. На вопрос, что ему подарить, ответ был однозначный – портативное чудо техники, воспроизводящее музыку с лазерных дисков.

Дело было в субботу. Жена моя, одновременно занимавшаяся готовкой, стиркой и уборкой и ошалевшая от моего беспрестанного созерцания по «ящику» футбольных матчей, наконец-то нашла мне занятие.

– А ну-ка, Кеша, кончай дурака валять! – строго прикрикнула она и, вручив двести баксов, послала меня на розыски CD-плейера, наказав без него домой не возвращаться.

Недалеко от нас находился большой магазин радиотоваров, и я направился поискать счастья там.

На полпути до магазина под сенью развесистых каштанов приютилось уютное кафе «Викинг», которое держал отставной полковник Михалыч. Было жарко, и я решил зайти выпить кружку холодного пива. По случаю полуденного времени кафе пустовало, лишь в отдаленном углу одиноко сидел мужчина в больших черных очках, который приветливо помахал мне рукой, приглашая присесть за его столик.

Это был мой давний знакомый по бане – Ефим Давидович, которого все наши парильщики называли просто Фимой. Мы тепло поздоровались.

– Рад тебя видеть, Кеша, – искренне произнес Фима. – А то я уже думал, что снаряд этот придется уничтожить самому – настроение нулевое.

С этими словами он достал из кейса литровую бутылку вискаря и водрузил ее на стол. Название виски было «Марк». Яркая этикетка и оригинально запечатанная пробка вишневого цвета создавали ощущение праздника.

– Наташа, – окликнул официантку Ефим Давидович, – позови нам Михалыча и принеси три рюмки, а если хочешь продегустировать и сама, то четыре.

– А лед нужен? – уточнила Наташа.

– Нет, лучше прихвати пару холодных бутылок «Боржоми», – внес свои коррективы Фима.

Подошел Михалыч и с видом знатока покрутил в руках бутылку.

– Бурбон, 45 градусов, – произнес он.

– Американозы считают его своим национальным напитком, – добавил Фима. – И производится он не из ячменя, а из кукурузы, и выдерживается в обожженной изнутри дубовой бочке.

С этими словами Фима разлил виски в рюмки, и мы дружно выпили за его здоровье.

– Это, конечно, не «Джим Бим», – вставил наконец-то и я в разговор свои три копейки, – но пить можно. Однако откуда такие изыски?

– Презентовала благодарная родительница одного моего ученика. Она работает в магазине дьюти-фри на украинско-молдавской границе в Кучурганах, – пояснил Фима.

Тут надо уточнить, что Фима, он же Ефим Давидович, работает в школе преподавателем математики в средних классах. Причем он не простой преподаватель, а заслуженный учитель Украины, математик, что называется, от Бога!

Мы выпили еще по одной, но уже за здоровье Фиминой знакомой, и Михалыч с Наташей с сожалением пошли заниматься своими делами.

И тут только я заметил под правым стеклом Фиминых очков фиолетовый ободок.

– А это что такое? – изумленно спросил я его. – А ну снимай очки!

И моему взору неожиданно предстал во всей своей мрачной красе сочный иссиня-черный фингал.

– Ничего себе, – изумленно ахнул я. – Кто же это тебя так отоварил?

– Да так, один антисемит, – смущено ответил Фима, надевая очки и наливая в рюмки виски.

– А ну давай, рассказывай, где это ты в Одессе умудрился найти антисемитов? – подтолкнул я к разговору Фиму, которому, видимо, и самому хотелось выговориться и облегчить тем самым душу.

А приключилось с ним вот что.

– Как ты знаешь, – тяжело вздохнув, начал свой рассказ Фима, – последние годы я работаю в еврейской школе, в которой могут обучаться галахические евреи, то есть евреи по материнской линии. Программа обучения общеобразовательным предметам у нас ничем не отличается от обучения во всех других школах и полностью соответствует государственным образцам, разве что порядка побольше. Однако помимо государственной программы в нашей школе читаются еврейские предметы.

Носители еврейского языка, мадрихи, обучают детей основам иудаизма. Их учат ивриту, умению молиться, преподают уроки Торы.

На период же летних каникул на базе школ организуются лагеря отдыха, в которых дети находятся под беспрестанным присмотром. Ну и помимо отдыха с ними проводятся и религиозные занятия.

Фима прервал свой рассказ, сославшись на то, что у него пересохло в горле, и мы с ним выпили по полрюмки обжигающего бурбона.

– Так вот, – продолжил Фима, – к этому лагерю отдыха неожиданно проявил интерес мой сосед, сантехник Антонов. Жили мы с ним дружно, душа в душу. У Ивана, что называется, золотые руки, и благодаря ему трубы и сантехника в моей квартире находятся в идеальном состоянии.

Ну а я по его просьбе занимался математикой с его двенадцатилетним сынишкой Антошкой, отъявленным непоседой и хули-

ганом. Благодаря моим стараниям пацан знал математику на отлично, что выглядело для многих весьма странным на фоне двоек и троек по остальным предметам. Жена Ивана работает в том же домоуправлении, что и он, мастером, заняты они были на работе с утра до вечера, а Антошка был предоставлен самому себе.

– Ну и имечко же подобрали пацану, – буркнул я. – Мало того что Антонов, да к тому же и Антон. Кстати, знаешь ли ты, что до войны одесситы называли антонами дворников?

– Да, я тоже как-то за рюмкой спросил об этом у Ивана, в честь чего они так нарекли ребенка, – нет чтоб назвать на одесский манер Костей или Мишкой. На что он мне ответил, что у них на малой родине, в российской глубинке, откуда они перебрались в Одессу, имя Антон имеет свой сакраментальный смысл, и хитро подмигнул…

Так вот, прослышал Иван про наш летний лагерь и попросил меня устроить туда Антошку. Я, как только мог, сопротивлялся, уверяя его в том, что ребенка могут взять в лагерь лишь в том случае, если у него по материнской линии есть евреи.

И что ты думаешь, Кеша, они с женой нарыли-таки где-то такую бумагу и умудрились даже заверить ее у раввина в синагоге.

На мой вопрос, как ему это удалось, Иван пространно ответил, что, мол, к хорошему специалисту с уважением относятся представители любой религиозной конфессии…

…Поначалу все шло хорошо. Антошка выучил много слов на иврите и вставлял их где надо и где не надо. К огромному удивлению своей матери он даже стал мыть перед едой руки.

Как-то в лагере специально для мальчиков лектор прочитал лекцию об обряде обрезания и его важности в иудаизме, после чего представил ребятам специалиста, который это обрезание делает, – моэля, специально обученного глубоко религиозного человека, имеющего медицинскую подготовку.

– А теперь, – обратился он к ребятам, – может, среди вас есть кто-либо необрезанный, который захотел бы закрепить полученные знания на практике? Первый из вас, кому сделают сейчас обрезание, будет премирован портативным CD-плейером, – и лектор показал всем красивую коробку с модным проигрывателем.

И Антошка без тени сомнения поднял руку…

Фима глубоко вздохнул и плеснул в рюмки виски.

– Видел бы ты, Кеша, этого Антошку. Широкоскулое лицо с крупными веснушками, нос картошкой, к тому же ярко-огненная шевелюра. Ну чем не аид?

Короче говоря, через пару дней после этого приводит его ко мне домой крепко поддатый Иван и приказывает сыну снять штаны, вопрошая: «Что это такое?».

Повинуясь повелению отца, Антошка спустил штаны и предъявил нам во всей своей красе розовый бутон довольно внушительного размера, торжественно восседавший на крупном черенке и, казалось, ликовавший по поводу того, что наконец-то вырвался на свободу из объятий туго пеленавшей его крайней плоти.

– Что все это значит, Фима? – во все горло гневно заорал Иван.

– Отцовские гены, – пробурчал было Фима, пытаясь польстить Ивану.

– Какие на хрен гены? – продолжал кричать Иван. – Ты мне скажи, что все это значит? Мало того, этот придурок еще и при каждом удобном случае демонстрирует эти бенимецелы своей дворовой шпане. А те рады стараться, уже и придумали ему новое погоняло. Теперь он уже не «рыжий», а «еврей»! И что ты думаешь, он на это погоняло отзывается!

– Да какой же из Антошки еврей? – пытался успокоить Ивана Фима.

– Он уж скорее не еврей, а объевреенный русский.

Иван мрачно посмотрел на Фиму и швырнул на стол портативный CD-плейер.

– На, засунешь это своим сионистам сам знаешь куда.

– Ну зачем же так, Иван? Отдай плейер ребенку. В конце концов, он его честно заработал.

…Фима снял очки и немного помолчал.

– И вот тут-то только у меня мелькнуло в голове, что сказал я что-то лишнее, как Иван злобно и со всей силы саданул меня в глаз.

Фима разлил в рюмки остатки виски.

Мы молча выпили. Каждый задумался о своем. Я осмысливал услышанное, а Фима переживал свой рассказ еще раз. Однако чувствовалось, что когда он излил душу, ему стало легче.

Я с сожалением посмотрел на пустую бутылку и вдруг вспомнил о задании жены.

– Послушай, – обратился я к Фиме. – У тебя кругом знакомые. А знаешь ли ты кого в «Радиотоварах»?

– Да, – уверенно ответил Фима. – Там работает бухгалтером мать одного моего ученика.

– Будь другом, – обратился я к нему. – Пойдем со мной туда, поможешь мне купить одну дефицитную цацку.

– Случайно не портативный CD-плейер? – вкрадчивым голосом спросил у меня Фима, хитро прищурив свой подбитый глаз, переливавшийся на свету сине-фиолетовыми оттенками, и мы с ним дружно рассмеялись.

Нина Данилова

Первые уроки эмиграции

Принятие решения об эмиграции – обычно довольно длительный процесс в каждой семье. И мы не исключение, созревали почти пять лет. Родная почва постепенно буквально уплывала из-под ног: развалились, как карточные домики, организации, в которых мы с мужем усердно трудились не один десяток лет, подводило здоровье. Впереди маячили нищета и безысходность. Конечно же, мы пытались как-то «крутиться»: создавали «малые предприятия», занимались торговлей чужими товарами, польскими продуктами питания. Но вся эта пустая суета не могла называться жизнью. Так случилось, что мне пришлось за два года перенести три сложнейших операции. В этом была вина врачей, вследствие чего мне удалили почку и в качестве компенсации дали вторую группу инвалидности. Для каждой операции я должна была покупать буквально всё, кроме разве что хирургических инструментов: шприцы, капельницы, бинты, перчатки, нитки для наложения швов, все лекарства. Помню, что за день до операции мы стояли на «толчке» в ряду, в котором реализаторами были, в основном, кандидаты наук, и должны были заработать 25 долларов, чтобы уплатить анестезиологу. По принятым правилам оперирующему врачу полагалось платить позже (заранее – плохая примета), а вот анестезиологу – до операции, если, конечно, заинтересован в том, чтобы выйти из наркоза.

Хорошо помню тот момент, когда я окончательно решилась уехать. По местной программе ТВ выступал известный в Одессе искусствовед Борис Владимирский, который перед отъездом на ПМЖ в США рассказывал притчу: «Все спасаются от наводнения, и только один еврей читает Тору и утверждает: того, кто

читает Тору, спасет Б-г. Вода подступает к последним этажам, он сидит на крыше и читает, покачиваясь. Плывет катер, ему кричат, зовут, но он только повторяет: «Еврея, который читает Тору, спасет Б-г». Вода уже затопила крыши, он сидит на трубе и читает Тору. Летит вертолет, с которого ему спускают лестницу. Он отказывается и, оставшись один, тонет. На том свете он обращается к Б-гу за разъяснениями и слышит в ответ: «Я посылал тебе катер, затем вертолет со спущенной лестницей. Нужно же отличать промысел Божий от случайных совпадений!». И вот тогда я поняла, что нам посылают пароход…

Мы отправились в Израиль на пароходе «Дмитрий Шостакович» в декабре 1997 года. Нужно сказать, что Одесса провожала нас довольно сурово – казалось, что она мстит нам предательством за предательство. Наши близкие многолетние знакомые, которым мы продали квартиру, скрылись за несколько дней до отплытия нашего парохода, не уплатив вторую половину денег. На первую половину мы все дружно, как полагалось перед отъездом, протезировали зубы у разных одесских стоматологов. И хотя все зубные врачи были, что называется, отрекомендованы самым лучшим образом и оплачены по высоким расценкам, моему мужу испортили его довольно неплохие зубы и обеспечили зубопротезные проблемы на очень длительный период. Когда за несколько дней до отплытия его новые «мосты» стали выпадать частично, а то и полностью, доктор, который имел привычку совмещать плохо контролируемый процесс опиливания зубов с бурным флиртом с медперсоналом, утешил его чем смог. Он вернул уплаченные ему за «блестящую» работу полторы тысячи долларов со словами:

– У меня таки бывают неудачи. Вы одна из них. Но не расстраивайтесь так. Я своей родной маме сделал еще хуже! Так что ж, убить меня теперь?

Конечно же, убивать его никто не стал, тем более что возвращенные им деньги в связи с бегством наших должников оказались практически той суммой, с которой мы отправились в новую жизнь. У дочери произошла та же история с зубными коронками, только уже в Израиле, и за неудачное протезирование нужно было продолжать платить по очень высоким расценкам.

Справедливости ради нужно сказать, что нам с братом все же повезло в этой зубопротезной лотерее! Кроме всего, возникла проблема с рыжим котом дочери, который был вписан в билет на пароход, но активно сопротивлялся даже ветеринарным прививкам и в конце концов сбежал вовсе. А без него она категорически отказывалась уезжать! Буквально в последние часы его, к счастью, удалось найти и передать на попечение соседке-кошатнице. Я очень переживала, что таможня не пропустит многочисленные лекарства, казавшиеся тогда жизненно необходимыми. Договорилась со знакомой, сын которой работал в портовой таможне инструктором по тренировке собак в поисках наркотиков. И когда мы вошли в каюту, в ней уже стоял пакет с лекарствами и травами – вот какой сервис всего-то за 20 долларов! Итак, глотая слезы, мы стояли на палубе и вглядывались в лица друзей, пришедших нас проводить. В нашем случае «предназначенное расставанье» не гарантировало встреч в будущем…

Пароход «Дмитрий Шостакович» был паромом, который доставил нас в другую жизнь. Настало незабываемое время четырехдневного отдыха и расслабления после напряженного периода сборов и прощания с любимой Одессой. Несколько морей, одно за другим, старались ласково убаюкать наши страхи, горечи и печали, угомонить возбужденные души. Конечно же, мы уже многое знали о той стране, которой решились вручить свою дальнейшую судьбу. Но эти знания были очень противоречивыми. К этому времени множество друзей и знакомых жили в Израиле или побывали там в гостях. Их рассказы и вдохновляли, и смешили, и ужасали! Мы поняли, что только собственный опыт позволит попытаться дойти до истины. На пароходе была группа христиан-добровольцев, которые помогали воплотить библейское пророчество о сборе всех евреев на Земле обетованной. Это были просветленные люди разного возраста и цвета кожи, регулярно съезжающиеся со всех концов света для выполнения своей важнейшей миссии. С некоторыми из них мы познакомились при отправке багажа. В назначенное время позвонили в дверь, вошел негр и, приветливо улыбнувшись, сказал: «Шалом». Багаж был упакован в многочисленных ящиках и коробках – на пароходе можно было отправить все необходимое, включая

книги. Не успели мы ответить на приветствие, как ящики замелькали в руках добровольцев, выстроенных по цепочке. Не прошло и десяти минут, как багаж был погружен в автобус. Так христиане-добровольцы работали по несколько месяцев в году с любовью и радостью. По вечерам они красиво пели и вдохновенно водили хороводы на палубе. В кают-компании были танцы, несмотря на приличную качку. Самый популярный анекдот на пароходе звучал так: «Известный журналист-международник берет интервью у президента США и видит среди множества телефонов один, от которого идет сияние. Президент утверждает, что по этому телефону можно связаться с Б-гом. Когда журналист изъявляет желание пообщаться с Создателем, ему объясняют, что пять минут разговора стоят 25 тысяч долларов! Когда через некоторое время он попадает в аналогичную ситуацию в Израиле, то уже даже не спрашивает, что это за сияющий телефон. На предложение президента поговорить со Всевышним журналист, скромно потупив взор, отвечает, что не располагает такими средствами. На что получает ответ:

– Что вы, это же местная линия!»

Все это казалось символичным для нашей дальнейшей судьбы и вселяло светлые надежды. Мой впечатлительный муж написал свое первое в жизни стихотворение в журнале благодарственных записей ресторана:

Когда навьюченным верблюдом
Еврей взошел на пароход,
Был настоящим божьим чудом
Ваш ресторан и ваш уход.
Еда вкусна, посуда блещет,
Евреи дружно рукоплещут.

Организация приема новых репатриантов в морском порту в Хайфе была на высоте. Нас сфотографировали, сразу же выдали паспорта и деньги, сухой паек на дорожку и отправили на такси по указанным адресам. Дальнейшие шаги по освоению новой жизни мы осуществляли с помощью племянницы мужа Раи, живущей в приморском городке Бат-Яме. Она сняла нам отличную

квартиру в своем подъезде, водила по всем учреждениям, а также в банк и в больничную кассу. Мы все время ловили себя на впечатлениях возврата в тот далекий период развитого социализма, который уже успели изрядно подзабыть за последние пять лет непрерывных попыток выживания в Одессе.

В декабре Израиль встретил нас ласковым солнцем, цветущими деревьями и кустарниками, к которым были подведены трубочки с постоянно поступающим орошением, бесконечными и разнообразными пальмами. Трудно было представить, что совсем недавно здесь была песчаная пустыня, которая открывается сразу же за окраинами любого города. Что касается архитектуры, то необходимо простить ее частичное убожество, понимая, что вариант заселения пустыни и одновременного построения еврейского государства не оставлял других возможностей. Нарядная городская набережная и прекрасные пляжи примиряли с разлукой с любимой Одессой. Средиземное море тихо искрилось и манило. Бат-ямские «моржи» проводили зимние заплывы в 17-градусной воде. Учитывая, что с мая по ноябрь температура морской воды держится на уровне 30 градусов, стало ясно, что «моржевание» в Израиле носит щадящий характер.

С первой же недели мы начали изучать иврит в ульпане. Процесс обучения был очень веселым, но малоэффективным. В основном, преподавали иврит на чистом иврите. Ученики были немолоды, плохо сосредотачивались, слабо запоминали. Помню, как глубоко беременная учительница залезала под стол, потом ложилась огромным животом на стол, чтобы ознакомить умирающий со смеху класс с предлогами «под» и «на». Нам повезло – она отправилась рожать, а нас стала учить болгарка, которая могла объяснять по-русски особенности логического построения иврита. Это было дополнительным подарком судьбы – мы поняли, что все не так безнадежно. Очень помогал освоению языка перевод анекдотов, в нашем классе было много любителей этого жанра. Через полгода учебы мы успешно сдали выпускной экзамен, усвоив, что главное – это научиться улавливать в словах корень из трех букв – остальное приложится! Но все же, когда созрела необходимость пойти к ивритоязычному врачу, я смогла описать свои проблемы, и это была колоссальная победа. По про-

шествии лет ситуация изменилась – практически всегда можно найти русскоязычных специалистов, и даже тот уровень знаний языка, которого удалось достичь тогда, стирается из памяти за ненадобностью. Многие торговцы овладели необходимым запасом русских слов и буквально не оставляют нам шансов даже на минимальный тренинг. Многочисленные телевизионные программы на русском языке также не способствуют прорастанию корней иврита внутрь. Впрочем, молодые репатрианты, работающие в ивритоговорящей среде, осваиваются быстро и успешно. Наш предпенсионный контингент мог рассчитывать только на определенные виды деятельности по уходу за детьми, пожилыми людьми, уборке и т. д.

Постепенно разнообразные впечатления от новой жизни приобретали более устойчивые очертания. В супермаркетах поражали размеры металлических тележек и объем продуктов, которые закупались израильтянами. Вначале у меня складывалось впечатление, что постоянно пополняется запас на случай военной осады. Но потом выяснилось, что это обычный трехдневный семейный паек. Очень трудно было привыкнуть к громкоголосию аборигенов, особенно детей и подростков, гуляющих и орущих под окнами до рассвета. Нам объяснили, что у них особое строение горла, так как их предки жили в пустынях на значительных расстояниях и должны были перекрикиваться между собой. Но казалось, что их особенности не ограничиваются голосовыми связками, так как трудно было им объяснить, почему нужно сначала выпустить спустившихся людей из лифта, а лишь потом заходить в него, почему нельзя ставить ноги в обуви на сиденье в автобусе (не помогали даже соответствующие картинки на стене), почему нужно уступить место пожилому человеку и еще многое. Впрочем, утешало то, что, встретив группу подростков на улице, ты рискуешь только временной глухотой и последующей головной болью от их способа громкого общения между собой. В Одессе в последние годы в такой ситуации риск был гораздо серьезнее, независимо от времени суток. Многое казалось странным: и сидение в белых штанах на земле на автобусных остановках, и лежание классов школьников на полу в музеях

в процессе освоения исторических сведений, и очень распространенные фасоны джинсов с открытым анусом.

Через несколько месяцев внедрения в среду обитания стала понятна главная специфика населения этой страны: евреи, приехавшие сюда из разных стран, продолжают жить здесь практически так же, как жили до репатриации! Бухара остается самой собой, грузинские и армянские кланы группируются и бизнесуют своими колониями, сибирские морозоустойчивые советские евреи организуют свои землячества и предпочитают роскошной местной средиземноморской кухне заветные замороженные пельмени. Наши чернокожие эфиопские братья бродят толпами в белых одеждах и совершенно не ассимилируются среди других семитских колен.

Что особенно поражало в первое время – это всеобщая дичайшая необязательность и приблизительность на всех уровнях. Приход на договоренную встречу в назначенное время – событие нереальное! Обычно встречи можно добиться после нескольких эпизодов бесполезного ожидания. Если проявить упорство и усердно напоминать по мобильному телефону, то часовое ожидание считается вполне в рамках местных приличий. Израильтяне, которые живут здесь несколько десятилетий (так называемые ватики), почти всегда предъявляют новым репатриантам претензии по поводу длительности принятия решения о репатриации. И типичный ответ типа «Лучше позже…» обычно никого не устраивает. Это люди, когда-то испытавшие все трудности эмиграции, знающие иврит, имеющие постоянную работу, собственное жилье, объездившие весь мир. И странно то, что мы действительно ощущали какую-то свою вину перед ними за преступную медлительность. Они учили нас, что главное слово здесь – *савланут*, что означает *терпение*, но вот как раз им-то его очень недоставало! Особенно это касается эмоциональных и темпераментных марокканцев, общение с которыми обычно доставляло мало радости.

Вспоминается эпизод в огромном супермаркете, который оставил неизгладимое впечатление. Народу было очень много, у касс скопились длинные хвосты тележек с продуктами. Мы с Раей с трудом нашли одну кассу, где людей было поменьше, но одна огромная марокканка выкладывала горы товаров сразу с двух тележек.

Что поделаешь, пришлось запастись большой дозой *савланута* и дождаться того счастливого момента, когда ей наконец-то выдали чек на оплату. Покупательница достала из кармана необъятных джинсов какие-то мятые бумажки, небрежно черканула и протянула кассирше. Взглянув на то, что когда-то было чековой книжкой, бедняга чуть не лишилась чувств, так как разобрать содержимое единственного оставшегося листка было трудно. Марокканка темпераментно объяснила ей, что остаток чековой книжки попал в стиральную машину. На кассе работала довольно пожилая женщина – репатриантка из СНГ. Она вынуждена была сдерживать свои эмоции, но перспектива аннулирования оплаты такого огромного количества товаров явно привела ее в шоковое состояние. К тому же бесцеремонная покупательница не вынимала изо рта сигарету, дым от которой попадал в лицо кассирше. Рая переводила мне содержание их эмоциональных переговоров. Пришлось вызывать старшего кассира, который потребовал предъявить документ, удостоверяющий личность владелицы неразборчивого чека. Она, хладнокровно затягиваясь сигаретой, вытащила из того же кармана нечто, отдаленно напоминающее израильский паспорт, и протянула своим мучителям. Взглянув на предложенный вариант документа, они дружно завопили в два голоса, на что покупательница приоткрыла возможности своей богатейшей голосовой палитры. Темп их перепалки позволял Рае переводить лишь краткую суть конфликта – примерно десятую часть. Марокканка никак не могла понять, как можно быть настолько тупыми, чтобы удивляться такому простому факту, как попадание паспорта и чековой книжки, лежавших в кармане тех самых пресловутых джинсов, в стиральную машину. Она требовала немедленно призвать в супермаркет комиссию из кнессета и уволить всех негодных работников, не разбирающихся в настоящих документах и желающих оставить голодными ее многочисленных детей! Громкость и темп подачи уже непереводимых доводов нарастали. Старший кассир принес огромную лупу, в которую они дружно пялились слезящимися от непрерывного сигаретного дыма глазами. И трогательная материнская забота о своих умирающих от голода детях одержала верх – невнятный чек был принят! Победительница с торжествующим видом толкала

две полные тележки к выходу. Наша «бывшая интеллигенция» с ужасом наблюдала подобные сцены, но через некоторое время становилось ясно, что здесь очень уважают людей, умеющих стоять на своем до конца.

Второй раз я убедилась в этом буквально через несколько дней. Наш ульпан организовал долгожданную поездку учащихся в Иерусалим. В автобусе оставалось только одно место для экскурсовода, который должен был присоединиться к нам по дороге. Когда шофер-араб выезжал с городской площади, вдруг послышался громкий крик. Пожилая женщина отчаянно тарабанила в дверь автобуса и вопила на иврите. Шофер остановил автобус и открыл дверь. Женщина с трудом поднялась по ступеням и села на переднее место экскурсовода. Она громко поблагодарила Господа и приготовилась ехать. Дальнейшее было просто невообразимо. Никакие разъяснения шофера о нашей экскурсии, ни просьбы выйти, ни угрозы рава, пришедшего к нам на помощь из рабанута, не возымели ни малейшего действия. Она утверждала, что на этом самом месте в это время всегда останавливается рейсовый автобус, который везет ее к дому. (Кстати сказать, никаких отметок об остановке какого-либо маршрута поблизости не наблюдалось!) И на этом основании она отказывалась сдвинуться с места, пока ее не отвезут домой. Шоферу осталось только выполнить ее требование, так как время уже поджимало. Когда женщина медленно выходила из плененного ею автобуса, мы все – новые репатрианты, не сговариваясь, проводили ее аплодисментами. В нас начинало проклевываться понимание специфики принципов сионизма. И к тому же, нас ждала первая незабываемая встреча со Святым Городом, в котором живет множество жестоковыйных, упрямых и непоколебимых людей.

Но постепенно мы научились принимать этих людей такими, какими их создал Господь. Особенно после того, как мне представился случай оценить их искренность и доброжелательность. Из-за серьезного гипертонического криза я попала в больницу. Врачи не могли в течение недели понизить давление и решили, что состояние угрожающее. Палата была двухместная, соседкой оказалась пожилая арабка – прародительница огромного семейного клана. Все они непрерывно навещали ее, причем приходили

возрастными группами по 7-10 человек. Разговоры не замолкали ни днем, ни ночью. Приносили множество самых разнообразных бесполезных подарков и забрасывали ими почему-то мою постель, на которой очень любили посидеть полулежа. Но вскоре меня перевели в отдельную палату и начали готовить к серьезным испытаниям. Необходимо было сделать так называемый «центур» – проверку сердечных сосудов изнутри. Я была предупреждена о том, что это исследование, кстати, напоминающее прочистку сантехническим шлангом сосудистых трубок, может закончиться операцией на сердце. Но все волнения оказались напрасными. Центур показал, что серьезных причин для опасений за жизнь нет. Я сама видела на большом экране свое сердце и множество сосудистых рек и ручейков. Мне назначили капельницы, снимающие спазмы, антистрессовое лечение и вернули в отделение. И вот там меня встретили с такой неподдельной радостью, как родного и близкого человека! Буквально весь медперсонал сердечно приветствовал мое возвращение, а санитарки-марокканки целовали меня и танцевали вокруг кровати. А ведь они никогда не получали от меня ничего, кроме доброго слова! В моей памяти еще были очень свежи недавние эпизоды «лечения» в одесских больницах, где ненасытность и равнодушие персонала иногда лишали последних надежд и веры в человечность. И когда после выписки я принесла в отделение больницы «Вольфсон» пирожные и конфеты, все были искренне удивлены и обрадованы.

Об израильской медицине можно рассказывать очень многое, и, конечно же, при всех ее неоспоримых достоинствах, имеются и отрицательные стороны. По прошествии лет многие наши знакомые научились совмещать лучшие качества здешней системы лечения и операций с виртуозными способами профилактики болезней, которые спасают неимущих пенсионеров, живущих на нашей исторической родине. Как справедливо отмечает украинская поговорка: «Ласкаве теля двох маток сосе». Многие члены так называемой «Одесской фракции», отправляясь в Одессу, везут израильские лекарства для родных и друзей. Во время пребывания в родном городе охотно посещают своих любимых врачей в поликлиниках, лечатся в одесских санаториях и везут в Израиль валидол, корвалол, но-шпу и т. д. И при этом большинство

евреев продолжает стонать и жаловаться – такая уж специфика нашего народа! Многие, официально числясь в самых необеспеченных слоях населения Израиля, объездили все страны, и не по одному разу – и слава Б-гу, работают, почти круглый год плавают в море, ходят на концерты, спектакли, в клубы. В этой маленькой стране, которую в шутку называют «библейский заповедник», не хватает человеческой жизни, чтобы посетить все удивительные прекрасные места. Особенно активно путешествуют пенсионеры, и не только на традиционные Мертвое и Красное моря, но и в пустыни, и в пещеры, на водопады, по лесам и горам. Когда я вижу многочисленные симпатичные пожилые парочки, прогуливающиеся по набережной, часто вспоминаю своих родителей. Они прожили так мало и почти ничего хорошего не видели. И слезы наворачиваются от обиды за них.

Первые уроки эмиграции, полученные нами, были усвоены по мере возможности каждого. Постепенно шло привыкание к новой жизни, хотя душевная тоска и вдруг возникающее непреодолимое желание немедленного возвращения *домой* долго еще не покидали многих из нас. Нам предстояло усвоение множества последующих уроков и попыток осмысления неразрешимых ближневосточных проблем. Через два года свершилось то, о чем в прежней жизни и мечтать не доводилось, – «увидеть Париж и не умереть»! Помню, что парижские улицы мне действительно напомнили одесский центр города, и слезы капали на чугунные решетки, окружающие такие родные платаны. В Одессу мне довелось приехать только через девять лет. Это было замечательное свидание со старой не забытой любовью – друзьями, соучениками, улицами, бульварами, памятниками, Черным морем. Но из Одессы я с радостью возвращалась домой, в Израиль.

Бат-Ям

Григорий Редько

Просто ранним было утро...

Утро

В царстве тьмы переполох:
Ночь застигнута врасплох.
Сдвинув тучи занавеску,
Солнце встало слишком резко.
Вскоре день устал от спурта:
Просто ранним было утро.

Больше не нужно

Уфология врет поколеньям
О пришельцах с местами для глаз.
Мы такие одни во Вселенной,
Бог жалеет, что выдумал нас.

Зависть

Есть аллергия на запах, пух, кошачий мех…
Зависть сродни аллергии на чей-то успех.

Владимир Трухнин, Ирина Полторак

Из архива «Городка»

Деньги, деньги…

Жена. Ну что, ты с начальником поговорил?

Муж. О чем?

Жена. Здрасьте! О зарплате, о чем.

Муж. Ну, поговорил… Но ты же знаешь, какой у меня шеф.

Жена. Не знаю и знать не хочу. Запомни – так, как в этом году, я больше жить не желаю!

Муж. И напрасно. Шеф подсчитал мои доходы и очень наглядно доказал мне, что в этом году денег у меня намного больше.

Жена. Что?! Это сейчас денег больше? Чем в прошлом году?

Муж (*вздохнув*)**.** Чем в будущем…

О реформах и не только

Муж. Говорят, какую-то пенсионную реформу готовят. Представляю себе, что это будет!

Жена. Ой, что ты там себе можешь представлять! Не бойся, эту самую реформу готовят люди не глупее тебя.

Муж. Так я и не боюсь, что они не глупее меня. Я боюсь, что они не умнее…

Движение – это жизнь

Разговаривают двое мужчин.

1-й. У меня с племянником прямо беда. Такой был когда-то хороший мальчик, приличный. А как повзрослел, никакого сладу с ним нет.

2-й. А что такое?

1-й. Прямо не знаю, как сказать… В общем, имеет всё, что движется!

2-й. Ну, так это специальность такая.

1-й. Какая специальность? По девкам бегать?

2-й. Ой, извините. Вы сказали, он имеет всё, что движется, так я решил, что он работает в ГАИ.

Диеты и секреты

* * *

1-й. Моя жена уже много лет хочет похудеть, ходит по докторам, сидит на диетах, но ничего не получается.

2-й. Тю... А вот по моему методу моя жена за 5 дней похудела на 3 кэгэ.

1-й. Ты смотри… И что, ни разу в холодильник ночью не лезла, как обычно, когда сидят на диете?

2-й. Не. По моему методу она и днем сидела на диете, и ночью. Она ж у меня сидела на диете, привязанная к стулу…

* * *

Два чиновника от культуры.

1-й. Какая же все-таки у нас провинция! Глушь, тишь, о культуре давно забыли и не вспоминают. А вот в столице культура на первом плане – почти в каждом театре такие скандалы, что все только об этом и говорят.

2-й. А мы-то что тут можем сделать?

1-й. Ну, кое-что можем. Надо всех как-то расшевелить. Завтра же издам приказ: «Уволить руководство местного русского драматического театра за то, что он недостаточно русский и чересчур драматический»…

ДТП и т. д. и т. п.

Пресс-центр МВД сообщает, что закончено следствие по факту въезда бронированного лимузина, за рулем которого находился

губернатор нашего края, в зал кинотеатра через образовавшийся при этом пролом в стене. Следствием установлено, что кинотеатр переходил дорогу в неположенном месте.

В банке как в банке

Клиент. Я не смогу вернуть кредит, мой бизнес погиб.

Менеджер. Прискорбно. А каким бизнесом вы занимались?

Клиент. Покупали во Вьетнаме и продавали у нас средство от тараканов. Самое-самое лучшее их средство выбрали… Но пролетели.

Менеджер. Почему?

Клиент. Были сплошные рекламации. Сколько его люди ни сыпали, тараканов становилось все больше и больше.

Менеджер. Так надо было самим писать рекламацию производителю.

Клиент. Мы написали. Спросили у них, можно ли увеличивать дозу этого средства относительно рекомендованной. Они ответили: да, можно. Тогда тараканы будут расти быстрей, но не такие вкусные.

Евгений Голубовский

Книжный развал

Издано в Одессе

Людмила Гипфрих
…Тем, кто не забыл меня
Одесса, Пресс-курьер, 2013

Лет с 18-20-ти Люда Гипфрих писала стихи. И крайне редко их печатала, хоть у нее – ответственного секретаря «Комсомольской искры», затем «Вечерней Одессы», где она была уже заместителем главного редактора, всегда была такая возможность. За 76 лет жизни – 5-6 подборок стихов в журнале и газете. Это и свидетельство строгости к тому, что ты пишешь, и безумная преданность основному делу – газете.

В последние годы в разговорах с Людой мы часто говорили о том, что нужно собрать книгу стихов. Даже, может быть, раньше книгу театральных рецензий и портретов актеров и режиссеров…

Но уже то, что в своем архиве на клочках бумаги она сохраняла свои стихи (все? не все? – кто уже сейчас скажет), убеждает, что мысль о книге стихов ее не оставляла.

В 2013 году «Вечерняя Одесса» 1 июля отмечала свой 40-летний юбилей. И подарком к празднику стала не только история газеты, но этот том стихов – посмертный, первый и единственный сборник стихов Людмилы Гипфрих. В них есть духовная перекличка со стихами ее друзей – Юрия Михайлика, Бориса Нечерды, а главное, та раскрепощенность, которую она не могла позволить себе в газете.

Михаил Гаузнер
Мои одесситы
Одесса, ВМВ, 2012

Инженер Михаил Гаузнер родился в 1936 году в Одессе. Не сразу он взялся за перо, окончил Одесский политехнический институт, более сорока лет проработал конструктором. А в памяти накапливались незаурядные люди, интересные встречи. Одни из них, как Майя Яворовская, журналист и поэт, Татьяна Романовна Фуксина, создательница театральной студии, сценарист Евгений Марголин, известны многим в нашем городе. И тут особая сложность добавить к уже знакомому образу новые черты. Естественно, написал Михаил и о своем отце, и о своей маме, людях, достойных памяти и уважения. Смерть жены стала для него потрясением, и, быть может, остроту боли он преодолел, создав замечательный портрет жены, матери, бабушки, но главное – учителя математики, которая привила любовь к этой точной науке сотням, возможно, тысячам своих учеников.

Когда-то газета «Ор Самеах» объявила конкурс на рассказ о дворе детства, о доме, в котором ты живешь. Рассказ М. Гаузнера

о доме с атлантами на Гоголя, доме «Кинапа», жюри посчитало одним из лучших.

Мы знакомы с Михаилом Гаузнером со студенческих времен. Но, признаюсь, и для меня в этой книге был неожиданный раздел. Гаузнер увлекается переводом зарубежных поэтов. И зазвучали в его книге на русском языке и Байрон, и Гейне, Бернс и Гете…

Александр Дмитренко
Союз художников Одессы
Макет разработан в Одессе
Ольгой Ланник,
отпечатана книга в городе Стрый
Львовской области

Это своеобразная энциклопедия художественной жизни Одессы за полтора века. И по объему (почти 600 страниц), и по формату она не уступает, к примеру, Морской энциклопедии Одессы, но если над той трудился большой коллектив авторов, то «Союз художников Одессы» создал один человек, по сути, подменивший научно-исследовательский институт.

Нет, не с 1934 года, когда Иосиф Сталин решил превратить творческие объединения в своеобразные колхозы со своими председателями, имуществом, парткомами, выставкомами, начал собирать материал Александр Дмитренко. Он проследил творческую жизнь города – выставки, возникавшие и распадавшиеся сообщества – с создания Одесского общества изящных искусств до сегодняшнего дня.

Самыми трудными для Дмитренко, мне кажется, были военные годы. Печатных материалов не было, все нужно было искать в архивах. Но шаг за шагом картина становилась объемной. Не только выставки, но и судьбы людей. И тех, кто погиб от рук

оккупантов, и тех, кто сотрудничал с «завоевателями», и тех, кто старался заниматься своей профессиональной деятельностью – писать этюды, натюрморты, портреты. Лихая всем досталась доля. Разобраться в этом помогает книга.

А как трудно и важно было отследить квартирные выставки в 60-70-е годы, создание вопреки Союзу художников в 80-е годы новых объединений! Да и лично я признателен А. Дмитренко, он не поленился (он вообще человек увлекающийся и трудолюбивый) пролистать подшивки «Комсомольской искры» и выявить даты, когда я проводил выставки О. Соколова, Л. Ястреб, С. Князева, С. Божия, И. Божко и многих других.

Справочник замечательный. Это как бы рукотворный памятник сотням художников, создавшим Одесскую художественную школу.

Шопин из Одессы
Художник XX века
Одесса, ВМВ, 2012

В этой книге нет статьи, а значит, и автора. Есть рубрика «Непризнанные гении Одессы», есть краткая биография художника, пронизанная юмором, черным юмором.

Анатолий Шопин – художник выдающийся. В этом я убежден. Да, непонятый, непризнанный гений, не выставляющий картины, не признающий модных тусовок. Отшельник. Огромное количество картин, сфотографированных его сыном Андреем, и составляют этот альбом. Какое искусное переплетение возрожденческих мотивов, барокко и постмодернизма! Казалось, один неверный

шаг, и художник уплывет в кич. Но в том-то и дело, что он знает меру, его работы всегда высокопрофессиональны и художественны. Признаюсь, я вздрогнул, прочитав дарственную надпись: «Евгению Голубовскому – с того света – Шопин из Одессы». А потом с горечью подумал: есть какая-то общая вина, что безвременно ушли из жизни Юрий Коваленко, Слава Сычев, что живет вне социума Анатолий Шопин, которого по праву можно считать непризнанным гением Одессы.

Эрлен Бейлис
Избранные стихотворения
Джозефа Редьярда Киплинга
Одесса, Симекс-принт, 2013

В нашем городе все больше и больше хороших переводчиков. В прошлом году вышла книга «Три гения Альбиона: Стивенсон, Йейтс и Блейк», переведенная Игорем Лосинским. Сонеты Шекспира на русском и украинском языках в переводе Юрия Пилипенко. В этом году – книга Эрлена Бейлиса.

В балладах, переведенных Э. Бейлисом, сохранена музыка стиха Р. Киплинга, энергия, ирония и, что самое трудное – высокий стиль, столь характерный для викторианской эпохи.

Русские поэты любили Киплинга (Нобелевская премия 1907 года), переводили его, но, читая эту книгу, понимаешь, что у этого процесса постижения нет завершения, Киплинг – неисчерпаем.

Издано в Киеве

Тэффи. В стране воспоминаний
Рассказы и фельетоны 1917-1919 гг.
Киев, LP Media, 2011

Хоть книга издана два года назад, но в Одессу из Киева она добралась только сейчас, на Литфестиваль. В ней собраны фельетоны, которые публиковала Теффи по пути в эмиграцию – сначала в Киеве, затем в Одессе.

Представлять Тэффи нет нужды. Она остроумна, насмешлива, зла. К сожалению, авторы практически три четверти книги посвятили творчеству Тэффи в Киеве. Не значит ли это, что одесским библиофилам есть над чем поработать, ведь в нашем городе писательница жила более чем полгода – и все время писала и печаталась?

Издано в Саратове

Ирина Крайнова
Одесские каникулы
Саратов, Аквариус, 2013

Оказывается, известная саратовская журналистка, лауреат всевозможных премий Ирина Крайнова – одесситка в пятом поколении. И сейчас не теряющая связи с родным городом, достаточно сказать, что на «Зеленой волне» 2012 года она была среди лауреатов.

И вот автор переносит нас в свое одесское детство, на улицу Белинского, в атмосферу одесского двора, в ощущения одесских

летних каникул – с пляжами и рыбешкой, с предметным миром старого дома, с шутками и розыгрышами, которые возможны только в Одессе. Боясь, что в Саратове ее не все поймут, Ирина Крайнова присовокупила к книге одесско-русский словарь, чтобы научить саратовцев одесскому языку.

Для того чтобы саратовцы не очень нервничали, читая вроде бы русские буквы, но получая вроде бы не русские слова, автору пришлось сделать к книге два приложения. Одно – понятное. Ну откуда, скажите, в Саратове знают, что такое Ланжерон, Аркадия, Лузановка и даже Куликово поле? Но это были только цветочки, затем появились ягодки. И Ирина Крайнова на свой страх и риск составила… словарь одесского языка, употребляемого в книге.

Если вы думаете, что это так просто и однозначно, то вы ошибаетесь. Конечно, Молдаван – это юго-западный ветер, это даже ребенок знает. И то, что «синенькие» – это баклажаны, тоже вроде бы всем ясно. Но если вам скажут: «Шоб да, так нет», – вы поперхнетесь то ли от смеха, то ли от слез. И тогда Ирина Крайнова вам скажет: «Слушай сюда», – и все объяснит.

Памяти друзей

Валентин Крапива

Легенды Одессы: Возвращение в Эдем

Одесская жизнь 29.08.2013

Памяти Валентина Крапивы

На моей книжной полке стоят книги, подаренные мне Валентином Крапивой. Он писал для нас статьи в журнал «Одесса», в журнал «Пассаж», в альманах «Дерибасовская – Ришельевская». О чем писал? Чаще всего об Одессе, городе, который он любил, о КВН, игре, ставшей его батутом, подкинувшим в журналистику.

Трагическая весть о смерти Валентина Крапивы побудила нас обратиться к его другу, тоже КВНщику, а ныне журналисту Сергею Осташко с просьбой найти какой-либо еще не опубликованный Валей текст.

Сергей Осташко прислал нам эту статью. Хоть она была уже опубликована в газете, но в ней так много юмора и теплоты, характерных для Валентина Крапивы, что мы в память о нем решили ее перепечатать.

Евгений Голубовский

Воспоминания – единственный рай,
из которого нас нельзя изгнать.
Оскар Уайльд

Одесса – удивительно несерьезный город. Здесь странным образом переплелись ее история и ее действительность, ее литература и ее косноязычие. Причем все они вышли из одесских квартир, прошли школу мужества в одесских дворах и набили руку и шишки на одесских улицах. Эдуард Фукс со своей «Историей нравов», если бы приехал в Одессу, тут же густо покраснел и тотчас вернулся в свой Берлин, чтобы страшно извиниться перед почитателями европейских нравов, ибо тамошние нравы не могли идти ни в какое сравнение с одесскими.

Сколько-то лет назад автор этих строк совместно с редакцией нашей газеты придумал игру, которую мы назвали «Легенды Одессы» и сделали рубрикой. Но читатели «Одесской жизни», будучи типичными одесситами, не вдаваясь в нюансы языка,

периодически задают автору вопрос: «А ты кто такой?». Ладно, вот вам пару слов о себе. Хотя как может одессит отделять себя от своего города?! Однако чувствую, что два надвигающихся праздника – День рождения Одессы и начало школьного года – отредактируют эти воспоминания.

Школа нашего мужества

Я жил и рос в нормальном одесском доме с нейтральным номером 14 по переулку Нечипоренко. Кто такой или такая было это Нечипоренко, конечно, не знал никто, потому что все называли этот переулок Авчинниковским. А вот кто такой купец Авчинников, здесь помнили и через 40 лет после известных октябрьских разборок с авчинниковыми и держали купца за серьезного делового человека.

Я учился в нейтральной школе с нормальным номером 92, стоявшей на углу Александровского проспекта и улицы, слава богу, снова Успенской. Она, дававшая мне положенное среднее

образование, ничем, кроме своих крепких хулиганских нравов, не отличалась. Справиться с моим классом в 52 ученика могла только наша классная руководительница Валентина Степановна. Увы, у нее не было одной ноги, так что она ходила, ловко орудуя почему-то всего одним костылем. Этот костыль и летел во время классного часа над нашими головами и попадал в точно заданную акваторию класса, где сидел очередной виновник вспышки ее гнева. И не дай бог, если через секунду, счастливый от выпавшей прямо на его голову чести, тот не доставлял это вещественное дополнение к системе Макаренко в руки стоявшей в этот момент на одной ноге Валентине. Было-таки что послушать из уст опытного педагога-словесника. В эти минуты мы представляли, как ворочается в гробу Михаил Иглицкий, строивший когда-то это здание как идеальную гимназию для сильно одаренных еврейских детей. В пятидесятые годы XX века на смену сильно одаренным пришли мы, и без ложной скромности скажу: это была большая разница. И все равно наша Валентина была спасением для школы. Потому что учителя-мужчины не были способны подняться в области педагогики до таких высот. Просто не были созданы для этого.

Свой домашний шпион

Черчение в нас вбивал веселый чуть лысеющий и сильно интеллигентный Сергей Алексеевич Габис, подозрительно похожий на мудреца Махатму Ганди, только без усов. По тому, с каким азартом в прокрустовом ложе урока он все геометрические построения сводил к фортификационным изыскам находчивых одесситов в героическую Крымскую кампанию 1854 года, мы быстро высчитали, что Габис – это, скорее всего, и есть тот Сигабин, который написал прелестную очень одесскую книгу «Прапорщик Щёголев». Сергей Алексеевич свое авторство всегда отрицал, но его кокетливые отнекивания ему не помогли. Приговор был суров: это он прославил отважного прапорщика и его батарею, которые не допустили оккупации Одессы англо-французской эскадрой в лихую годину.

Учителем труда у нас был непростительно молодой и столь же непростительно рыжий высокий еврейский парень, которого называть Аркадием Львовичем язык просто не поворачивался. Поэтому в минуты задушевного трепа (а чем еще заниматься на уроке типично одесского труда в типично одесской школе?) мы обращались к нему не предусмотренным школьной этикой обращением – Аркаша. Его это не радовало, но и не трогало. Просто, видимо, наглость нашего панибратства не вписывалась в круг его интересов. Если на уроке выпадала свободная минутка, он уединялся в тени тисков и что-то перекладывал в своих бумагах, которые приносил из дому в толстой папке.

Я, может быть, единственный, кто знал, что в той папке укрывалось. Мы с Аркадием Львовичем жили в одном дворе, и окна моей мансарды, где с утра до ночи мы с пацанами резались в настольный теннис, смотрели прямо в окна его квартиры, где тоже с утра до ночи, особенно по выходным, не гас свет. Я часто видел Аркадия Львовича склонившимся над письменным столом. За его спиной возвышались стеллажи с золотообрезным Брокгаузом и Ефроном. Чем он там занимался, было загадкой для всего дома. И если эта загадка остальных соседей, считавших, что от «своих» что-то скрывать некрасиво, просто интриговала, то одного соседа она накаляла. Это был ветеран 3-го этажа дядя Боря, в свое время уволенный из органов с официальной формулировкой «за неправильное понимание задач организации», что неофициально означало – «за беспросветную глупость».

Но однажды у дяди Бори чуть не случился праздник. Его бывшие коллеги, сотрудники госбезопасности, ловили в нашем дворе взаправдашнего шпиона, и именно в той парадной, где жил Аркадий. Дядя Боря даже достал из шкафа свой поеденный молью китель, чтобы где надо дать правдивые показания о негаснущем допоздна Аркашином окне. Но случился не праздник, а почти инфаркт: утром Аркадий как ни в чем не бывало появился у дворового крана, традиционно почистил об его металлическую ванну туфли, за что тут же выслушал от дворника с загадочным прозвищем Шурум-Бурум традиционную речь в защиту крана и гигиены. Эта речь и сам Аркадий так расстроили дядю Борю, мечтавшего чтобы у нас, в Авчинниковском, 14,

появился свой шпион, что он целый месяц не снимал китель, так что именно в нем дядю Борю увезли в специальную больницу на Слободку. Но жильцы дома рассудили это философски: в конце концов, так ли это принципиально, появился у нас свой шпион или свой сумасшедший?

Блеск и нищета мадам Малой

И вдруг в неимоверно дефицитной в те годы газете «Неделя» появились истории про какой-то удивительный одесский двор, про его форпост, про уполномоченную Осоавиахима товарищ Малую, про дворника Шурум-Бурума, перекочевавшие позднее на страницы великолепного романа «Двор». Тогда наше теннисное братство первым догадалось, что литературная Малая – это и есть та мадам Малая, что живет через две двери от моей квартиры. Кстати, это разъяснило, почему она всегда только ногой открывала дверь в нашу проходную кухню и вечно учила мою бабушку, как жарить «анчаусы», чтоб подсолнечное масло не брызгало, как скаженное, по всему потолку.

– От вашего масла такое амбре, что все думают, что это пожар. Вы дождетесь, что сюда сбежится весь дом вроде полюбоваться пожаром, а на самом деле попробовать вашу рыбу. Попомните мое слово: они не уйдут, пока не съедят всю сковородку, может быть, даже вместе со сковородкой.

И в тот момент газета с рассказом «Уполномоченная Осоавиахима» была главным аргументом в ее руках, которым она размахивала и стучала по столу, чтобы усилить эффект от ее кулинарных уроков.

Вот тогда всем стало ясно, что этот хитрец Аркаша никакой не шпион, а великий русский писатель (как пишет энциклопедия «Википедия») Аркадий Львов, почему-то скрывший от союзного и мирового читателя свою неординарную одесскую фамилию Бинштейн. Но что особенно необъяснимо: после этих публикаций в «Неделе» популярным в нашем доме стал не он, а все-таки мадам Малая. Хотя уже и тогда ее авторитету было тесно в рамках нашего двора.

Держаться и не стать другой!

Да, Одесса – удивительно неординарный город. Здесь приятно жить всем, кроме писателей (может быть, поэтому они и уезжают кто куда, даже в далекую Америку), потому что здесь нельзя ничего придумать – уже все придумала Одесса. Кстати, так поступил и мой бывший сосед Аркадий Львов, подаривший перед отъездом очерк «Одесские катакомбы». Ему тоже было непросто. Какие тайны катакомб он мог открыть, если в нашем дворе их знал каждый ребенок?! Так ведь прямо напротив Аркашиной парадной был вход в подвалы, которые уходили в глубину и вели бог знает куда. А тут еще однажды ночью прямо напротив нашего дома под землю провалился «Москвич», синюю крышу которого лично я, идя утром в школу, видел в глубине провала и слышал оттуда смех двух пьяных баб. Когда днем я возвращался домой после

уроков, яма была уже пуста. А уже известная мадам Малая, хорошо поинформированная в таких делах, по секрету рассказывала моей бабушке, что никакие спасатели еще не приезжали (прошло всего восемь часов – какие спасатели ездят в Одессе так быстро?), но тот синий «Москвич», из которого доносился пьяный женский смех, видели через пару часов в Аркадии. Вот что вдохновило А. Львова на очерк, а ребят нашего двора на дискуссию: значит, это таки катакомбы, и по ним можно добраться прямо в Аркадию, хотя не решенным оставался вопрос: где взять двух пьяных баб, которые покажут туда дорогу в лабиринте катакомб?

Да, такой была Одесса во времена моей юности, и не дай бог ей стать другой!

Искренняя исповедь

Валентина Лыкова-Доброер
Любовь не ищет своего
Одесса, ПЛАСКЕ, 2013

Приступая к чтению этой книги, я опасался, что не открою для себя ничего нового, ибо столько замечательных книг о гармонии семейной жизни и воспитании детей написано именитыми психологами и педагогами прошлого и современности. Однако, погружаясь в искреннюю исповедь автора, я смог по-новому взглянуть на многие, казалось бы, давно известные проблемы, препятствующие достижению гармоничной супружеской и семейной жизни в современном обществе.

В наше стремительное время человек рискует утратить те основные качества, которые, собственно, и делают его человеком: любовь, сострадание, взаимопонимание и умение прощать. Неспешная и искренняя книга-исповедь, лишенная какой-либо риторики и назидательности, предлагает возможный путь к себе и другим, путь, ведущий к возрождению основных жизненных ценностей, которыми мы, к сожалению, часто пренебрегаем в угоду ценностям сиюминутным и ложным: карьере, престижу, накопительству.

Не умаляя роль государства и общества, автор все же подчеркивает, что лишь сам человек, опираясь на каноны христианского учения, может сделать счастливым себя и своих близких, воспитать в себе и передать своим детям правильную, веками проверенную систему ценностей, которая позволит достичь гармонии не только в жизни индивида или в супружеской жизни отдельной пары, но и в жизни человечества в целом.

Михаил Пустовойт,
доктор мед. наук, ректор Киевского института
современной психологии и психотерапии

Одесский альманах

№55

IV / 2013

ДЕРИБАСОВСКАЯ ⚓ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

PLASKE
ПЛАСКЕ